

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IR SCIENTISTS' HERALD

№3, 2022 (21)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, Заведующая кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ)

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Шириняц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Director of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Linguistic University (MSLU)

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник учёных-международников» издаётся Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Л.Н. Сидорова – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

А.С. Исхаков – младший редактор.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых учёных-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.). Изданию присвоен номер ISSN: 2687-0193

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Ph.D. (Economics)

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

L.N. Sidorova – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

A.S. Iskhakov – Junior editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **ELN²FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

ISSN: 2687-0193

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Карпович О.Г., Смагина Л.А.* Фактор религии во внутренней политике Китая 12
- Неймарк М.А.* Гибридные войны: будущее в современной проекции 32
- Сидорова Г.М.* Этнический антагонизм как доминирующая парадигма миграционных процессов в Центральной Африке (на англ. яз.) 38
- Летяев В.А.* СМИ как инструмент реализации «мягкой силы» 50
- Жерлицына Н.А.* Противоречивые тенденции миграционной политики в регионе Ближнего Востока и Северной Африки 64
- Тимакова О.А.* Отношения НАТО и ЕС: проблемы углубления взаимодействия 72
- Филиппова Н.И.* НПО против Израиля. Деятельность движения «Бойкот, изоляция, санкции» 86
- Асанов Ф.В.* Основные тенденции развития современной внешней политики Турции 102
- Гулиев О.Э.* Структурные элементы геополитической модели и роль активной дипломатии современной Турции 113

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

- Борисов А.В.* Гуманитарная помощь и гуманитарные принципы: проблема взаимосвязи 131
- Ходинова О.С.* Миграционные процессы во Франции в предвыборных дискурсах 2017 и 2022 г.: сравнительный анализ 146
- Мурашко М.М.* Реализация ЦУР ООН № 7 в Евразийском экономическом союзе 165
- Карачин И.О.* Унификация пенсионного и фармацевтического законодательства ЕАЭС 186
- Фаустова Н.А., Кавыев В.Н.* Политическая метафора в СМИ: сравнительный анализ британской и английской прессы 206

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Бразил Дейлтон Рибейро, Азеведо Коуто Родриго Альберто* 215
Устойчивые «умные города» Энрике Леффа: экологические и социальные нюансы (на англ. яз.)
- Ястребова А.Ю., Анисимов И.О.* Осуществление права человека на защиту персональных данных: отдельные международно-правовые аспекты, опыт России и СНГ 241

- Акчурин Т.Ф.* Экстерриториальность американского права 267
- Капустина Д.А.* Международно-правовые аспекты спора 294
о суверенитете над Фолклендскими (Мальвинскими) островами
- Нечаева Ю.С.* Актуальные проблемы международно-правовой защиты 321
интеллектуальной собственности

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Азуреев С.А., Шангараев Р.Н.* Россия и Эфиопия: к 125-летию 330
установления дипломатических отношений между двумя странами

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Антропова С.Ю., Иванова Н.В.* «Энергетический гамбит» Европы 340

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- Исхаков А.С.* О ресурсах «мягкой силы» во внешней политике Турции 353
- Балычевский Д.Н.* К вопросу о двойственности многостороннего 361
правового регулирования международных воздушных перевозок
- Верещагин В.В.* Искусственный интеллект как фактор глобального 372
управления
- Слюняева Д.Е., Коршунова Е.А.* Социал-демократия сегодня: кризис 391
или адаптация к современным реалиям?

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

INTERNATIONAL RELATIONS

- Oleg G. Karpovich, Lyubov A. Smagina** The Religion Factor in China's Domestic Politics **12**
- Mark A. Neimark** Hybrid wars: future in current projections **32**
- Galina M. Sidorova** Ethnic antagonism as the dominant paradigm of migration processes in Central Africa **38**
- Valery A Letyaev** Mass media as a tool for the implementation of soft power **50**
- Natalia A. Zherlitsina** Contradictory trends in migration policy in the Middle East and North Africa Region **64**
- Olga A. Timakova** Relations between NATO and the EU: problems of deepening cooperation **72**
- Natalya I. Philippova** NGO against Israel. The «Boycott, Divestment, Sanctions» Movement **86**
- Firdavs V. Asanov** Main trends in the development of modern foreign policy of Turkey **102**
- Orhan E. Guliev** Structural elements of the geopolitical model and the role of active diplomacy in modern Turkey **113**

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

- Alexey V. Borisov** Humanitarian aid and humanitarian principles: the problem of interconnectivity **131**
- Olga S. Khodinova** Migration processes in France in election discourses of 2017 and 2022: comparative analysis **146**
- Marina M. Murashko** The implementation of UN SDG 7 in the Eurasian Economic Union **165**
- Igor O. Karachin** Unification of pension and pharmaceutical legislation of EAEU **186**
- Nina A. Faustova, Vadim N. Kavyev** Political metaphor in the media: comparative analysis of the British and American press **206**

INTERNATIONAL LAW

- Deilton Ribeiro Brasil, Rodrigo Alberto Azevedo Couto* Smart sustainable cities under Enrique Leff's disruptive view: environmental and social nuances 215
- Alla Yu. Yastrebova, Igor O. Anisimov* Implementation of the human right to protection of personal data: particular international legal aspects, the experience of Russia and the CIS 241
- Timur F. Akchurin* Extraterritoriality of the law of the United States 267
- Daria A. Kapustina* International legal aspects of the dispute on sovereignty over the Falkland (Malvinsky) Islands 294
- Yulia S. Nechaeva* Current problems of international legal protection of intellectual property 321

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Stanislav A. Agureev, Ruslan N. Shangaraev* Russia and Ethiopia: on the 125th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries 330

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Svetlana Y. Antropova, Natalia V. Ivanova* Europe's «Energy Gambit» 340

YOUNG SCIENTISTS TRIBUNE

- Askar S. Iskhakov* About soft power resources in foreign policy of Turkey 353
- Dmytrii N. Balychevskii* On the dual nature of multilateral legal regulation of international carriage by air 361
- Vickenty V. Vereshchagin* Artificial Intelligence as a global governance factor 372
- Daria E. Sliuniaeva, Ekaterina A. Korshunova* Social democracy today: crisis or adaptation to modern reality? 391

NOTICE TO THE AUTHORS

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,
проректор по научной работе, директор Института актуальных международных
проблем, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской
Федерации,
e-mail: iskran@yahoo.com

Смагина Любовь Александровна,

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института
актуальных международных проблем, Дипломатическая академия Министерства
и иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: iamp@dipacademy.ru

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor, Vice-Rector, Director of the
Institute for Contemporary International Studies, Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: iskran@yahoo.com

Lyubov A. Smagina,

Ph.D., Senior Researcher of the Institute for Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: iamp@dipacademy.ru

ФАКТОР РЕЛИГИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

CHINESE DOMESTIC DEFENSE FACTOR

Аннотация: Китай – страна, которая поражает весь мир успехами в экономической сфере, при этом сохраняя самобытную культуру. Но взлету экономики предшествовал период кризиса и социально-экономических экспериментов. Культура Китая не осталась в стороне, она также оказалась вовлечена в череду перемен. Особенно серьезной ревизии подверглись традиционные религиозные системы Китайской Народной Республики, которые всегда были важной частью данного общества. Для Китая отказ от религии времен Мао Цзэдуна в конечном итоге привел к духовному кризису 80-х гг. XX в.

Ключевые слова: Китай, культура, социально-экономический фактор, религия, духовный кризис.

Abstract: China is a country that has accepted the whole world of success in the economic sphere, while maintaining its original culture. But the rise of the economy was preceded by a period of crisis and socio-economic experiments. The culture of China did not stand aside, it also ended in a series of changes. The religious systems of the People's Republic of China, which have always been very important for society, have undergone a particularly serious revision. For China, the rejection of the religion of the times of Mao Zedong eventually led to a spiritual crisis in the 1980s. 20th century

Keywords: China, culture, socio-economic factor, religion, spiritual crisis.

Мао Цзэдун и его ближайшее окружение относились к религии негативно. По мнению атеистически настроенных руководителей, религия должна была постепенно замениться верой в прогресс [1]. На III Пленуме ЦК КПК в 1978 г. впервые прозвучала мысль о том, что у граждан КНР есть право на свободу вероисповедания. С этого момента власть фактически признала важное место религии в жизни республики. Реформы Дэн Сяопина, направленные на воплощение в жизнь курса на осуществление четырех модернизаций, привели к определенной либерализации религиозной политики.

Нынешнее руководство страны видит развитие ситуации в восстановлении свободы вероисповедания и возврате к традиционным ценностям. В результате мы видим работающую модель, в рамках которой успешно сосуществуют современные экономические модели и традиционные религиозные учения Китая.

Рассмотрение институционального взаимодействия государства и религиозных организаций в КНР, стране многоконфессиональной, где, согласно Конституции, отсутствует единая официальная религия, но в рамках системы государственно-церковного права решаются сложные проблемы реализации религиозной свободы, изучение механизмов взаимоотношений органов государственной власти и управления с различными конфессиями в данной стране представляют особый интерес. Это сложный и противоречивый процесс,

направленный в целом на демократизацию общественно-политической жизни и в определенной степени на обеспечение прав человека.

Анализ государственно-конфессиональных отношений в Китае можно проводить как в рамках подходов общего китаеведения, так и с точки зрения религиоведения. Как и во многих других исследованиях стран Востока, строгое разделение этих подходов представляется нецелесообразным. Обусловлено это различными причинами, в том числе историей страны, в которой первоначально сложилась специфическая модель взаимоотношений светской власти с синкретическим религиозным комплексом.

В данной работе используется термин «государственно-конфессиональные отношения». В этом словосочетании категория «конфессия» выступает как обозначение институционализированной формы конкретной религии (религиозного направления). В основе государственно-конфессиональных отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и церкви в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов этих отношений [2].

Кроме того, целесообразно уточнить понятия «свобода совести», «свобода вероисповедания» и «религиозная политика».

Как субъективное право свобода совести представляет собой «право каждого человека самостоятельно решать вопрос о том, руководствоваться ли ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или отказываться от них» [3].

Кроме понятия «свобода совести» используются термины «свобода вероисповедания», «религиозная свобода». Очевидно, что свободу вероисповедания возможно отождествить с религиозной свободой, свободой религии. Возможность полного осуществления этих свобод есть полная свобода вероисповедания. Итак, полное содержание свободы совести – это право быть верующим, неверующим или атеистом.

Прочтение этих основополагающих терминов и категорий в КНР имеет ряд особенностей. Специфической чертой является отсутствие четкой детерминации многих положений, в частности термина «нормальная религиозная деятельность»,

что дает возможности для органов исполнительной власти разных уровней самостоятельно трактовать законы и применять их по своему усмотрению. Кроме того, законодательство Китая подразумевает, что в КНР религиозные объединения создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой, выбирают, назначают и заменяют свой персонал согласно собственным установлениям, не выполняют функций государственных органов и органов местного самоуправления, не участвуют в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также в деятельности политических партий и политических движений, не оказывают им материальную и иную помощь. В современном Китае сохранен запрет на исповедание религии для представителей государственной власти любого уровня.

Термин «религиозная политика» характеризует вектор сознательной деятельности государства, его аппарата, с целью достижения желаемых результатов в религиозной сфере, регулирования государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений властными инструментами.

Анализ современной религиозной ситуации в Китае

Ключевым идейно-теоретическим обоснованием новой политики Си Цзиньпина стало признание долгосрочного существования религий в социалистическом обществе. Нормативной стала точка зрения, согласно которой нельзя избавляться от религий искусственным образом с помощью административного давления и массовых политических кампаний.

Китайское руководство признало, что религия носит массовый характер. Это мощная общественная сила, которой следует эффективно управлять и направлять в сторону «сокращения негативных элементов и содействия позитивным элементам» [4]. Адаптация религии к социальным изменениям является всеобщей исторической закономерностью. «Китай – социалистическая страна, религии Китая существуют и действуют в условиях социализма, они обязательно должны приспособиться к условиям социалистического общества» [5].

Политика адаптации была истолкована как совпадение двух векторов: общественного запроса на трансформацию религии в соответствии с изменившимися условиями эпохи и стремления самих религиозных общин к выживанию и развитию в новых условиях. Однако верующие должны быть патриотами, поддерживать социалистический строй и руководство КПК, уважать закон, следовать высшим интересам государства и народа в целом. Верующим следует толковать религиозные догмы в соответствии с требованиями общественного прогресса, а также выступать против использования религии с целью нанесения ущерба государству и народу.

Внешнее воздействие на религиозную жизнь Китая воспринимается как скрытая угроза. Китайский лидер рекомендовал внимательно следить за религиозной проблематикой в интернете, всеми силами пропагандировать там партийную теорию религии и политический курс. Членам же КПК, как и прежде, поставлено в обязанность придерживаться марксистского атеизма, строго соблюдать нормы партийного устава, твердо помнить основные цели партии, им не позволено «искать в религии свои ценности и идеалы». Китаизация вышла на первое место, оставив позади адаптацию.

Китайское руководство активно определяет вектор развития религий, оставляя религиозным деятелям пространство для интеллектуального творчества при поиске содержательного наполнения «китаизации». «Китаизация» религий была провозглашена, чтобы избавить их от маргинализации и помочь им включиться в процесс глубоких трансформаций, через который проходит сегодняшний Китай. В интересах сохранения социальной стабильности и устойчивости политической системы разумно заранее позаботиться о том, чтобы эта мощная сила не оказалась вне основного течения и была интегрирована в процесс общенационального продвижения к построению сильного модернизированного государства.

В настоящее время религиозный ландшафт Китая представлен:
– буддизмом, самой распространенной религией в Китае;

- исламом, который исповедуют проживающие в Китае уйгуры, хуэйцы, узбеки, таджики, киргизы, татары, сала, баоань и дунсян;
- христианством (католичество и протестантизм);
- даосизмом.

Религия	Количество последователей	Процент от общей численности населения
Нерелигиозные и атеисты	759 425 772	52,2 %
Народные верования	318 609 663	21,9 %
Буддизм	264 780 633	18,2 %
Христианство	74 196 771	5,1 %
Ислам	26 187 096	1,8 %
Другие	11 638 709	0,8 %

Таблица 1. Количество последователей основных религий в Китае. Источник: Pew Research Center. The Global Religious Landscape, Countrymeters.info (дата обращения: 16.04.2022).

Вопрос о религиозной свободе в Китае сложен, и оценки отличаются. Власти Китая утверждают, что в стране созданы все условия для свободной религиозной деятельности. В США и Европе заявляют, что религии в КНР находятся под жестким государственным контролем [7]. Несмотря на то что китайские законы провозглашают равные права адептов всех религий, на практике отношения власти с религиозными конфессиями складываются по-разному.

Буддизм, отношение к которому всегда было более лояльным, чем к христианству и исламу, преподносится властью как привнесенная, но ставшая традиционной, религия Китая. Сегодня буддизм широко представлен формами массового искусства, прежде всего кино, книжной продукцией и туристической индустрией в местах паломничества. Во внешней политике буддизм укрепляет отношения КНР с экономическими партнерами. Частью китайской внешней политики является «буддийская дипломатия» в странах буддийской культуры – Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Бирме и Таиланде. Однако Тибет – пример сурового отношения к буддизму там, где под религиозной идентичностью понимается

национальное самоопределение [8]: Правительственная газета КНР «Жэньминь Жибао» обвиняет далай-ламу в подстрекательстве тибетских монахов к самосожжению ради отделения Тибета и распространения тибетского национализма.

Одним из примеров того, как привнесенная религия может «обустроиться» на территории другой страны, по мнению китайских властей, является ислам. Ислам, получивший особо широкое распространение в Синьцзян-Уйгурском и Нинся-Хуэйском автономных районах, в западных провинциях Ганьсу, Цинхай и Юньнань, в XXI в. представляется китайской власти образцом «чужой» религии. Дело в том, что ислам проник в Китай с арабами и персами в начале династии Тан (618–907 гг. н. э.) с северо-запада через Синьцзян и с юго-востока через морские порты, поскольку Китай торговал с Центральной Азией и арабскими государствами. После монгольских завоеваний, при монгольской династии Юань (1271–1368), в Китай переселяются воины, торговцы, священнослужители, знатные мусульманские семьи. Монгольские ханы, правившие Китаем, нередко исповедовали ислам и привлекали мусульман к управлению. Однако, когда династии Юань пришла на смену династия Мин (1368–1644), мусульмане были лишены большинства привилегий. Начиная с династии Юань, мусульмане Китая (уйгуры, арабы, узбеки, татары) стали называться «хуэй». В середине XX в. словом «хуэй» официально назывались только мусульмане, говорившие на китайском языке, и их потомки от смешанных браков.

Многие мусульманские деятели являются членами Китайской исламской ассоциации. Некоторые из них входят в высшие государственные органы, становясь депутатами собраний народных представителей и членами комитетов Народного политического консультативного совета. Имея жизненно важные интересы в нефтяных регионах мусульманского мира, Китай делает все, чтобы создать у мирового сообщества как можно более позитивное представление о положении мусульман в стране, даже несмотря на то, что обучение в школах с 1-го класса ведется на китайском языке, а молодым людям до 18 лет запрещено посещать мечети.

Религией, с которой китайской власти труднее всего выстраивать отношения, без сомнения, является христианство. С одной стороны, уже два столетия христианство ассоциируется с агрессивными притязаниями Запада, опиумными войнами и унижительным статусом полуколониальной державы в XIX в. С другой стороны, христианство – это могущественный западный мир, мнение которого приходится постоянно учитывать. Наиболее либеральная политика проводится в отношении общин, связанных с Московской Патриархией. В то же время численность Китайской автономной православной церкви невелика и не представляет угрозы.

В то время как в стране действует порядка пяти тысяч католических церквей и проживает более четырех миллионов лояльных компартии «католиков-патриотов», напряженными с момента раскола католической церкви являются отношения с 10 миллионами католиков (численность приблизительная), сохраняющими верность папе римскому и собирающимися в домашних церквях. Китайское правительство обвиняет Ватикан во вмешательстве во внутренние дела Китая [9].

Отношения китайской власти с протестантами внутри страны можно характеризовать как сложные, хотя менее напряженные, чем с католиками. С одной стороны, вооруженная атеистической концепцией компартия не может не считаться с огромным числом китайских протестантов. С другой стороны, от протестантов фактически также требуется повсеместное подчинение власти неверующих. По китайской статистике, в КНР проживают от 23 до 40 миллионов протестантов, что составляет 1,7–2% населения. В числе новообращенных протестанты заметно преобладают над католиками. Официальные источники констатируют, что в стране ежегодно совершается около 500 тысяч крещений. В 2012 г. из 139 тысяч религиозных учреждений насчитывалось 56 тысяч христианских церквей, то есть более 40%. К концу 2013 г. издано 65 миллионов экземпляров Библии, причем не только на китайском, но и на языках национальных меньшинств [10].

В целом религиозная политика китайской власти предполагает значительный контроль над религиозной деятельностью. Все религии объединены в лицензированные государством ассоциации, подлежащие регистрации. Официальное признание имеют буддизм, даосизм, ислам, католичество, некоторые протестантские общины, прочие религиозные сообщества находятся вне закона.

От зарегистрированных религиозных организаций требуется безусловная лояльность государству и компартии. Служба безопасности занимается изучением «культов», являющихся угрозой безопасности, в рядах религиозных сект работают осведомители [11]. На протяжении столетий в Китае существует понятие еретической секты, представляющей угрозу государству и человечеству. Религиозные секты, такие как секта «Белый лотос», часто в истории стояли у истоков народных восстаний. Однако отход от ригоризма коммунистической идеологии, роль геополитического и геоэкономического лидера, реальный рост благосостояния предопределяют растущую толерантность и либерализм в религиозной политике Китая XXI в.

Специфика китайского законодательства заключается в том, что оно, несмотря на ряд особенностей, входит в семью стран континентального (романо-германского) права, в то же время Китай не признает примат международного права. Китай, будучи одним из основных мировых политических акторов, признает ряд международных юридических актов и выстраивает свою внутреннюю религиозную политику, учитывая их положения.

Международные нормативно-правовые акты отражаются в основных принципах законодательной базы КНР, в которых закреплены права человека на свободу вероисповедания независимо от различных факторов. Право действовать по религиозным и иным убеждениям означает возможность каждому выбирать образ жизни, в том числе характер работы, поведения в семье, общественных местах и т.д., в соответствии со своими убеждениями при неременном условии, что эти действия не будут нарушать действующего законодательства, установленного правопорядка, сопровождаться посягательством на права и свободы других лиц.

В основу государственного регулирования религиозной сферы современного Китая положены соответствующие статьи Конституции, законы, постановления Госсовета, документы Государственного управления по делам религий, постановления местных исполнительных органов. В Конституции Китайской Народной Республики право граждан на свободу вероисповедания является одним из основных. В статье 36 Основного закона зафиксирована мысль о том, что любой гражданин Китая имеет право на отправление религиозных культов и обрядов.

Такие юридические документы КНР, как «Кодекс самоуправления национальных районов Китая», «Общие принципы гражданского права», «Образовательное право», «Трудовое право», «Право обязательного образования», «Избирательное право Собрания народных представителей», «Организационное право сельских народных комитетов», «Рекламное право» и др., также постановляют: независимо от вероисповедания, граждане в равной степени обладают правом избирать и быть избранными; законная собственность религиозных организаций находится под конституционной защитой; образование и религия разделены, граждане, вне зависимости от вероисповедания, в соответствии с законом имеют равные возможности для получения образования; представители всех национальностей должны проявлять взаимное уважение к языку, письменности, традициям и обычаям, религиозным верованиям друг друга; при трудоустройстве граждане не подвергаются дискриминации на основании несходства в религиозных воззрениях; реклама, торговые марки не должны нести дискриминационного в национальном отношении содержания.

Правительство Китая опубликовало «Правила управления деятельностью религиозных центров» для охраны законных прав и интересов таких центров религиозной деятельности.

Для дружеского общения иностранных граждан и религиозных кругов Китайской Народной Республики, а также деятельности по культурно-образовательному обмену, правительство опубликовало также «Правила регулирования религиозной деятельности иностранных лиц на территории Китая» [12]. В пределах территории КНР иностранные граждане могут участвовать в

религиозной деятельности религиозных центров. Иностранцы граждане обязаны уважать и соблюдать конституцию и законодательство КНР при проведении религиозной деятельности в пределах Китая.

Конституционные гарантии Китая права на свободу вероисповедания в основном совпадают с главным содержанием соответствующих международных документов и пактов в этой области [13]. В таких международных документах, как Устав ООН, Всемирная декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, принятая ООН Декларация о ликвидации всех видов нетерпимости и дискриминации по признаку религии и убеждений, а также Венская декларация и программа действий, свобода религии и убеждений выступает как одно из базовых прав человека, граждане обладают свободой выбора религии и убеждений и не должны использовать их как основание для дискриминации какого-либо другого человека. Это поддерживает и оберегает права лиц, относящихся к меньшинствам в национальном, расовом, лингвистическом отношении и др. Подобные принципы отражены в законодательстве и реально воплощены в жизнь в КНР.

В юридическом плане законы Китая предусматривают четкие положения по наказанию поведения, ущемляющего право граждан на свободу вероисповедания. Например, 251 статья Уголовного кодекса постановляет: «Служащие государственных органов, вопреки закону лишаящие граждан свободы религиозных убеждений или нарушающие обычаи малочисленных народов, при отягчающих обстоятельствах караются каторжными работами или кратковременным тюремным заключением сроком до двух лет».

В административном отношении в органах исполнительной власти КНР всех уровней организованы отделения по делам религий. Они контролируют претворение в жизнь соответствующего законодательства, касающегося религии, проводят политический курс на свободу религиозных убеждений. Правительственные отделения по делам религий, согласно заявлениям китайской

официальной власти, не вмешиваются в деятельность и во внутренние дела религиозных организаций и центров.

В «Кодексе самоуправления национальных районов Китайской Народной Республики» [14] особое внимание уделяется уважительному отношению к религиозным убеждениям национальных меньшинств, охране культурного наследия малочисленных народов. В национальных районах государство выделяет значительные средства на уход и ремонт буддийских храмов и поддержание религиозных ритуалов, обладающих исторической и религиозной ценностью [15].

Правительство Китая, уважая принципы, принятые международным сообществом в религиозной сфере, считает, что их необходимо согласовывать с конкретной ситуацией в каждом конкретном государстве и претворять в жизнь с помощью внутреннего законодательства каждой страны. Китайское правительство выступает против конфликтов в религиозной сфере, против использования религии для вмешательства во внутреннюю политику других стран.

Современное законодательство Китайской Народной Республики в целом отвечает требованиям, предъявляемым международным сообществом к построению правового государства и гражданского общества.

Конечно, законодательство КНР в религиозной сфере имеет свои специфические черты, которые формировались на фоне своеобразного исторического опыта Китая и современной политической реальности. Данные особенности обусловлены объективными потребностями страны в поддержании стабильности политической системы и поступательного развития общества.

Проблема соотношения декларируемых и реализуемых подходов к религиозной политике, государственно-церковным отношениям и свободе совести в современном Китае обусловлена наличием социально-политических, идеологических, демографических, этнонациональных и иных факторов. Отход от коммунистических догм, частичный демонтаж «бамбукового занавеса», влияние международных правозащитных организаций определяют трансформацию массового сознания простых китайцев и чиновников. Намечаются толерантность и демократизация вероисповедной политики в КНР. Можно сделать вывод о том, что

в Китае гражданам в определенной мере обеспечиваются гарантии свободы вероисповедания, отправления религиозных культов, религиозных собраний и мероприятий, а также свободы неисповедования никакой религии и выбора атеистического мировоззрения. Несмотря на интенсивное развитие религиозных организаций и рост числа верующих в последние годы, китайское государство сохраняет светский характер и декларирует приверженность социалистическим идеалам. Последнее направлено на обеспечение незыблемого положения сегодняшней политической элиты страны.

Перспективы сосуществования религиозных конфессий с учетом современных глобальных изменений

На сегодняшний день необходимость совместного разрешения глобальных проблем, стоящих перед мировым сообществом, особо остро требует присутствия морально-нравственного измерения в международных отношениях. Нехватка продовольственных ресурсов, нестабильность на рынках углеводородного сырья, борьба за контроль над водными ресурсами, сохранение социально-политического неравенства и экономические кризисы, борьба с терроризмом усилили интерес к поиску новых путей развития современного мира. В связи с этим особую ценность представляют нравственно-этические ориентиры, лежащие в основе мировых и традиционных национально-этнических религий, которые за последние годы значительно укрепили свои позиции в мире.

Вместе с тем процессы глобализации способствовали политизации религиозного фактора, который рассматривается многими государствами в качестве фактора «мягкой силы» внешней политики в стремительно меняющихся мирополитических процессах. Роль религии в современном обществе меняется под влиянием фундаментальных трансформаций в мировой политике.

Религиозный фактор использован в качестве движущей силы во многих политических процессах, которые происходили в различных регионах мира. За многими происходящими событиями скрываются геополитические, экономические и энергетические интересы отдельных государств и групп влияния, которые умело прикрывают свои истинные мотивы религиозным фактором.

Наибольшее внимание мирового сообщества приковано к влиянию исламского фактора в мировой политике. Набирающей силу тенденцией становится подмена религиозных идеалов, которых придерживаются верующие различных религий, политическими интересами. Это усилило социально-политическую нестабильность в отдельных регионах и странах.

Формирование новых процессов в мировой политике, экономические проблемы, сохранение противоречий между государствами и кризис многих идеологий усиливают интерес к религии, которая будет оказывать все большее влияние на происходящие в мире события. В связи с этим сегодня чрезвычайно важно создание международного диалогового пространства не только в сфере традиционной светской, но и религиозной дипломатии, а также привлечение ученых-религиоведов для исследования актуальных проблем межрелигиозного взаимодействия в условиях глобализации.

Специфика и особенности религиозной политики

В XXI в. либеральная религиозная политика пересматривалась с учетом растущей глобализации и нового места Китая в международном разделении труда. Китай становится мировым лидером в области производства и инвестиций, геополитической и геоэкономической альтернативой США. Компартия, бывшая 30–40 лет назад главным борцом с религиями, заявляет о себе как о защитнике и организаторе религиозной деятельности не только на местном, но и международном уровне. Несмотря на официальное первенство коммунистической доктрины, проповедующей атеизм и лояльность компартии, коммунистические лидеры заявляют о гармоничном сосуществовании различных религий в социалистическом обществе и традиционной религиозной терпимости китайцев.

На практике, однако, религиозная жизнь строится на основе жестких правил, составленных властью. Главное условие религиозной свободы – полная лояльность государству и компартии, что прямо декларируется китайскими руководителями. Китайские законы провозглашают равные права адептов всех религий, но фактически отношения власти с религиозными конфессиями складываются по-разному.

Сегодня вопрос регулирования религиозной сферы обретает все большее значение. Концептуально новым в риторике партии стал акцент на возросшей роли сети Интернет как канала распространения экстремистской и террористической угроз, который на практике перерастает в установление тщательного контроля над китайским сегментом глобальной сети.

На фоне борьбы партии с распространением зарубежного влияния посредством религии особенно явно выступает стремление Китая подчеркнуть значение традиционной культуры Поднебесной. Возрождение китайской традиционной культуры – один из аспектов реализации концепции «Китайской мечты» о великом возрождении китайской нации.

Реабилитация традиционных верований и коренизация буддизма составляют стремление партии создать идеологически и духовно единую нацию [17]. В данный момент мы также наблюдаем за процессом восстановления традиционных ценностей философии конфуцианства, даосизма и буддизма [18]. Власть Китая теперь как никогда благоволит деятельности буддийской сангхи КНР, так как в сравнении с остальными конфессиями буддизм наиболее подходит на роль политического инструмента в руках правительства [19].

Кроме вышеперечисленных характеристик религиозного контроля действующего правительства существует еще один ключевой элемент в современной интерпретации коммунистической партией свободы вероисповедания граждан – в религиозной политике Китая осуществляется практика религиозного «перевоспитания». Несмотря на обязательство уважать свободу религиозных убеждений, власть выделяет значительные ресурсы в целях влияния на содержание религиозных учений, текстов и сознание отдельных верующих. И в отражении идеологических основ религиозной политики партии эти инициативы часто требуют, чтобы верующие отказывались или активно нарушали основные религиозные принципы своих конфессий.

Различные формы «патриотического перевоспитания» являются неотъемлемой частью подготовки религиозных лидеров государством в процессе предоставления разрешений на паломничество или поездки за границу, получения

государственных должностей или финансирования. В некоторых районах Синьцзяна мусульмане, которые хотят получать пособия по социальному обеспечению или сохранить работу на государство, должны подписывать обещания не поститься во время Рамадана. Лидеры католиков вынуждены принимать участие в церемониях, которые возглавляют епископы, не назначенные папой римским. Как считают некоторые эксперты, вмешательство партии в религиозную сферу, вероятно, будет только набирать интенсивность в ближайшие годы, поскольку Си Цзиньпин поставил задачу «китаизации» религии с иностранными корнями, что подразумевает вторжение в религиозную деятельность всех конфессий.

Религиозная политика Коммунистической партии Китая в период правления Си Цзиньпина обрела ряд специфических характеристик, которые вступают в определенное противоречие. На официальном уровне свобода вероисповедания граждан Китая закреплена в Конституции, также подтверждается рядом законодательных актов и партийных документов. Однако в курсе религиозной политики партии все яснее обозначается выдвигание одних конфессий на первый план на фоне притеснения других. Так, буддизм, конфуцианство и даосизм постепенно переносятся в поле культурного наследия Поднебесной и применяются в рамках продвижения «мягкой силы» культуры. В то же время представители мусульманской, христианской общин и сангхи буддистов Тибета подвергаются очевидной дискриминации, выраженной в постоянном контроле партийно-государственных органов за религиозной практикой, навязывании изменений на доктринальном уровне и т.д.

Заключение

Сегодня на улицах китайских городов зачастую не чувствуется какой-либо религиозной атмосферы и создается впечатление, будто в Китае вообще нет религии. На самом деле в Китае исповедуется целый ряд религий, и немало верующих.

Действующая религиозная политика Китая в целом подразумевает следующее. Во-первых, граждане имеют свободу вероисповедания. Несмотря на то что Конституция наделяет граждан свободой вероисповедания, члены КПК не могут быть верующими. Согласно партийному уставу, если ты коммунист, это значит, что ты выбрал атеизм.

Во-вторых, церковь отделена от государства. Церковь не имеет права вмешиваться в административные дела государства, правосудие, образование, брак и т.д. А государство, в свою очередь, берет на себя обязательство не вмешиваться во внутренние церковные дела, не навязывать и не запрещать какую-либо религию.

В-третьих, церковь обязана функционировать в пределах Конституции, законов и государственной политики. Пользуясь правом свободы вероисповедания, граждане не могут под прикрытием религии заниматься противозаконной деятельностью, наносящей вред государству, обществу и отдельной личности. Государство охраняет всю религиозную деятельность, осуществляемую в рамках Конституции, законов и государственной политики. Нормальная религиозная деятельность, осуществляемая как в зарегистрированных местах отправления религиозных культов, так и согласно религиозным обычаям у верующих дома, поддерживается и защищается со стороны государства.

В-четвертых, все религии равны. В Китае, где нет господствующей религии, правительство одинаково относится ко всем существующим. Независимо от числа верующих и оказываемого влияния, у всех религий одинаковый статус, будь то политический или правовой.

Кроме того, религиозные институты вписаны в структуру государственного аппарата КНР (Управление по делам религии), их деятельность опирается на весьма обширную законодательную базу (Конституция КНР, закон «Положение по делам религии» и прочие документы), которая продолжает ежегодно совершенствоваться.

Подход к религиям, за пределы списка которых было выведено конфуцианство, в КНР колебался от умеренно-терпимого, с акцентом на использовании религии в политических целях посредством ее изучения, в том числе со стороны мировоззрения социализма, до открытого неприятия. При этом вопрос о возможности существования религиозного мировоззрения в социалистическом обществе продолжает оставаться открытым для граждан КНР.

Политика в отношении не исконно китайских религий, таких как, например, ислам, во многом была связана с развитием внешнеполитического курса государства. Очевидно, могут быть проведены четкие параллели между динамикой развития связей с арабскими странами, Ираном, Малайзией, Индонезией и прочими государствами и подходами власти к религиозным институтам в государстве.

Таким образом, основной вывод состоит в том, что отношение к религии со стороны государственного аппарата КНР в высшей степени прагматично и полностью отвечает принятому в Китае пониманию того, что религия должна работать на благо государства и общества как на внутривнутриполитическом, так и на внешнеполитическом уровнях. Забота о будущем религий Китая обусловлена здравыми, прагматическими соображениями. КПК неизменно исходит из того, что религии никуда не исчезнут из жизни страны, а ряды их последователей будут оставаться многочисленными. В интересах сохранения социальной стабильности и устойчивости политической системы разумно заранее позаботиться о том, чтобы эта мощная сила не осталась за бортом основного течения и была интегрирована в процесс общенационального продвижения к построению сильного модернизированного государства. Соединение запроса на политическую лояльность в форме «соответствия социалистическому обществу» с культурной адаптацией к устойчивым ценностям китайской традиции побуждает верующих идти в ногу с «новой эпохой».

Список источников и литературы

1. Афонина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религии в период реформ (1978 - 2015 гг.). дисс...к. ист. н: 07.00.03 Институт Дальнего Востока РАН. М., 2016. 218 с.
2. Государственно-церковные отношения в России: курс лекций. В двух частях. 4.1. - М., РАГС, 1995, с. 5.
3. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. академика Б.Н. Топорнина. М., 1997, с. 228.
4. Багаева К. А., Васильева С.В. Динамика государственно-конфессиональных отношений в современном Китае: социокультурная специфика и нормативно-правовые аспекты // Вестник БГУ. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnosheniy-v-sovremennom-kitae-sotsiokulturnaya-spetsifika-i-normativno-pravovye-aspekty>.
5. Ломанов А. В. Адаптация и китаизация: современная религиозная политика руководства КПК // Международная аналитика. 2021. Т. 12, № 4, с. 88–105.
6. Об ограничении религиозной свободы в Китае// Голос Америки. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=GkVie8HwOuA> (дата обращения: 12.05.2022)
7. Кузнецов В.С. Буддийский фактор во внешней политике КНР. М., 2006, с.3.
8. Политическая система Китайской Народной Республики. М., 1996, с. 21–25.
9. Правила регулирования религиозной деятельности иностранных лиц на территории Китая. – Пекин, 1988.
10. Конституция КНР, 1986; Отчет Госсовета КНР «Свобода совести и вероисповедания в КНР». – Пекин, 1997.
11. Отчет Госсовета КНР «Свобода совести и вероисповедания в КНР». – Пекин, 1997.
12. Blanchard B. Xi Jinping Hopes Traditional Faiths Can Fill Moral Void in China: Sources [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/09/29/us-china-politics-vacuum-idUSBRE98S0GS20130929>

13. Jing Wang. High Culture Fever: Politics, Aesthetics, and Ideology in Deng's China. Berkeley: University of California Press, 1996. 376 p., p. 58.

14. Angelskår T. China's Buddhism diplomacy [Электронный ресурс] // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. URL: www.peacebuilding.no P. 5.

Неймарк Марк Афроимович,
доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академии Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark,
Doctor of Science (History), Professor of the Department
Of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the
Ministry of the Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: mark.neimark@mail.ru

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ: БУДУЩЕЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЕКЦИИ

HYBRID WARS: FUTURE IN CURRENT PROJECTIONS

Аннотация: война и мир, мир и война – эти извечные дихотомии в своей неустранимой сопряженности всегда определяли суть и характер межгосударственных отношений и, соответственно, степень напряженности в мировой политике и международных делах. В наши дни мир кардинально изменился. Обострение идеологического, информационного и военно-политического противоборства в мире стало отчетливо выраженной геополитической константой. Вернуться даже в недалекое прошлое уже невозможно. Фундаментальные изменения произошли и в самом содержательном наполнении понятия «война».

Ключевые слова: геополитика, гибридная война, США, новый мировой порядок.

Abstract: war and peace, peace and war – these age-old dichotomies in their irreducible conjugation have always determined the essence and nature of interstate relations and, accordingly, the degree of tension in world politics and international affairs. Today the world has changed dramatically. The aggravation of ideological, informational and military-political confrontation in the world has become a distinctly

expressed geopolitical constant. It is already impossible to return even to the recent past. Fundamental changes have taken place in the very content of the concept of "war".

Keywords: geopolitics, hybrid war, USA, new world order.

Затянувшаяся негативная динамика кризисных отношений США и совокупного Запада с Россией инерционно воспроизводит предпосылки размывания оптимистических перспектив формирования нового мирового порядка на взаимоприемлемых основах конструктивного стратегического взаимодействия. Растущая неопределенность этих перспектив становится долгосрочным фактором мировой политики и международных отношений. Приоритетное геополитическое значение приобретает экзистенциальный по сути вопрос о красных линиях в действиях ведущих акторов глобальной политики.

Эксперты отмечают переход современных конфликтов от классической линейной парадигмы к нелинейным войнам нового типа. Высшей формой современной войны становится война цивилизаций, т.е. война смыслов их существования. Победитель в ней не выигрывает пространство и даже право распоряжаться ресурсами побежденного государства, а завоевывает право определять его будущее [1].

Трансформационные процессы усиливают по нарастающей асимметрию наличных стратегических потенциалов и балансов сил. Борьба за модель общественного развития все чаще приобретает гибридные формы. Специфика момента – противоречивое сочетание желаемых трансформаций и нежелаемых, прежде всего деградации окружающей среды.

В значительной степени возросло практическое значение искусственного интеллекта. Цифровизация стала неотъемлемой частью процесса формирования нового качества различных форматов взаимодействия, соперничества и противоборства в глобальной политике. В области вооружений возникло инновационное понятие «военно-цифровой комплекс». Современное киберпространство представляет собой сгусток острых противоречий, геополитических размежеваний и прямой конфронтации. Новые

кибервозможности беспрецедентно повышают многочисленные, прежде всего ядерные, риски и угрозы. Противодействие им приобретает, без преувеличения, экзистенциальное значение. Кибербезопасность стала ключевой сферой мировой политики. В США даже создана специальная Комиссия по киберпространству.

В свете кризисной остроты нынешней геополитической ситуации интерес представляет коллективный труд ученых и экспертов-международников, объединенных на исследовательской платформе Le Rubicon, созданной по инициативе «Сети стратегического анализа» (Канада) и аналогичных центров стратегических исследований (Франция). Название этой работы, опубликованной в 2022 году, в высшей степени актуально: «Новые формы войны» с уточняющим подзаголовком «Новые технологии, когнитивная война, дезинформация, диверсионные акции...» [3], который заканчивается столь значимым многоточием.

Книга призывает к переосмыслению понятий войны и мира, их видимых и невидимых переплетений и новых геополитических сопряжений, меняющих соотношение «мягкой» и «жесткой» сил в мировой политике и международных отношениях.

Не вызывавшая сомнений столь длительно время и казавшаяся незыблемой формула «*Si vis pacem, para bellum*» (Если хочешь мира, готовься к войне) в современных условиях утрачивает во многом свой очевидный и безоговорочный смысл, по мнению авторов. Вступает в силу другая – «война до войны», «война перед самой войной», когда главной целевой установкой становится достижение победы еще до начала военных действий [3]. Иными словами, война становится реальностью мирного времени. Отсутствие прямого вооруженного вторжения жестко компенсируется «прокси», гибридными формами воздействия на противника.

Ключевой концептуальный посыл четко обозначен: «война непрерывна и у нее множество проявлений». Это увязывается и соотносится не только с кризисным развитием ситуации на Украине, вина за которую возлагается, естественно, на Россию, но и с тем, что «конфликтность достигла немыслимого

ранее уровня даже во многих либеральных режимах» [3]. Отныне войны ведутся и заканчиваются только для мертвых. Соотношение времени и пространства в военных действиях меняется кардинально. Речь идет не столько о завоевании территории, сколько о победах, далеких от поля боя: в общественном мнении, массмедиа, в речах и выступлениях политиков меняются методы и форма действий, многие из которых используются за счет прокси-преимуществ. В геополитической конфигурации США–Европа–Китай и Россия триада «соревновательность – оспаривание – противоборство» размывает традиционные границы между миром и войной. Форма «войны до войны», «войны перед войной» вплетается в самую ткань международных отношений [3]. Отличительной особенностью современной войны становится использование когнитивной сферы, образования, новейших технологий, дезинформации, диверсий, вирусов, эпидемий и пандемий, проблем, связанных с беженцами.

С предельной откровенностью авторы признают, что в стратегическом плане цель гибридных операций в целом и информационной войны в частности – это «замедлить и даже парализовать процесс принятия решений в той или иной стране». И, конечно, на первый план выходит задача сформировать соответствующий социополитический контекст в государствах, против которых ведутся эти операции, культивируя в общественном сознании такие умонастроения в пользу атакующего противника, которые воздействуют на их лидеров [3]. Отсюда – практическая важность обеспечения «когнитивной безопасности».

Прорывной концептуальной идеей формулу «войны до войны» считать нельзя. Ее оригинальность скорее в терминологическом обрамлении кажущегося парадокса. По своей сути она отражает в целом оценочную позицию, уже получившую широкое распространение в НАТО. В «Вестнике НАТО» с большим знанием дела вполне доходчиво разъясняется суть гибридной войны, у которой есть две особенности. Во-первых, разграничительная линия между войной и миром четко не просматривается. В результате трудно распознать порог войны, который становится все менее различимым. Гибридная война ниже порога войны, или прямого открытого насилия, она приносит большие дивиденды, ее проведение

проще, дешевле и сопряжено с меньшими рисками, чем традиционные военные операции. Вторая отличительная черта гибридной войны связана с двусмысленностью и установлением ответственности. В гибридных компаниях, как правило, много неясности: «Гибридные игроки заведомо создают неясность и усиливают ее, с тем чтобы было сложно установить ответственность и принимать ответные меры. Иными словами, страна, которая подвергается удару, либо не способна выявить гибридное нападение, либо не способна установить, на каком государстве лежит ответственность за нанесение или спонсирование этого удара» [4].

Здесь новое видится как отнюдь не забытое старое. Обратимся к предыстории современных гибридных батальей. Приведем малоизвестный факт холодной войны. В середине 1950-х гг. президенту США Д. Эйзенхауэру был представлен совершенно секретный доклад, который заканчивался поразительно откровенным выводом: «Мы должны научиться подрывной деятельности, диверсиям и уничтожению наших противников методами более искусными, более изощренными и более эффективными, чем те, что они применяют против нас. Вероятно, возникнет необходимость ознакомить американский народ с этой по существу глубоко омерзительной философией и заручиться его пониманием и поддержкой» [2].

Не прошло десяти лет после окончания Второй мировой войны, задолго до нынешнего концептуального обоснования гибридной войны и ее компонентов, как Совет национальной безопасности США принял документ СНБ-5412, в котором ставились следующие взаимосвязанные задачи, уже тогда во многом определявшие (разумеется, с учетом специфики эпохи) ее содержательное наполнение и стратегическую направленность:

- создание и использование в своих целях трудноразрешимых проблем для международного коммунизма, дискредитация его идеологии и престижа и уменьшение силы его партий;

- сокращение международного коммунистического контроля над любыми районами мира;

- создание подпольного сопротивления и содействие тайным и партизанским операциям.

Примечательно, что для реализации этих задач предлагался инструментарий, совпадающий или очень близкий к элементной базе современной гибридной войны. Это, в частности, политические акции, экономическая война, подрывная деятельность против государств, планы и операции клеветы.

И главное в свете рецензируемой книги, что в современных условиях кризисной геополитики актуализирует этот давний документ Совета национальной безопасности США, – это подчеркнуто выделенное намерение осуществлять указанные выше цели и задачи так, чтобы «ответственность за них правительства США не была явной», а «в случае обнаружения правительство Соединенных Штатов могло с правдоподобностью отрицать какую-либо ответственность за них» [5].

Таким образом, история и современность органично сомкнулись. Гибридные войны – это и прошлое, и будущее в настоящем.

Список литературы

1. Бартош А.А. Война чужими руками // Независимая газета. 24.03.2022. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-03-24/8_1182_conflict.html (дата обращения: 08.09.2022)
2. Мелтон К., Уоллес Р. Секретная инструкция ЦРУ по технике обманных трюков и введению в заблуждение. М.: Альпина Нон Фикшн, 2011. 280 с.
3. Le Rubicon. Les nouvelles formes de Guerre. Nouvelles technologies, guerre cognitive, désinformation, action clandestine... Equateurs, 2022. 142 p.
4. NATO Review. 30.11.2021.
5. Note from the Executive Secretary of the National Security Council (Lay) to the National Security Council. NSC 5412 // Office of the Historian. 15.03.1954. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950-55Intel/d171> (дата обращения: 08.09.2022)

Сидорова Галина Михайловна,
доктор политических наук,
Институт Африки Российской академии наук,
e-mail: gal_sid@mail.ru

Galina M. Sidorova,
Doctor of Political Sciences (Ph.D., Dr.Habil),
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: gal_sid@mail.ru

**ЭТНИЧЕСКИЙ АНТАГОНИЗМ КАК ДОМИНИРУЮЩАЯ ПАРАДИГМА
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ
ETHNIC ANTAGONISM AS THE DOMINANT PARADIGM OF MIGRATION
PROCESSES IN CENTRAL AFRICA¹**

Аннотация: в статье исследуется влияние этнических конфликтов на миграционные процессы в странах Центральной Африки. Изучаются проблемные ситуации в приграничных районах, где скапливается значительное количество беженцев и возникают новые конфликты. Автор приходит к выводу, что массовые миграции местного населения порождают гуманитарные катастрофы.

Ключевые слова: Африка, беженцы, миграционные процессы, вооруженные конфликты, межэтнические противоречия, ДР Конго, Руанда, район Великих африканских озер.

Abstract: the article researches the influence of ethnical conflicts on migration processes in the countries of Central Africa. The problematic situations in border areas where a significant number of refugees accumulate and new conflicts arise, are studied. The author concludes that large migrations of local populations engender humanitarian disasters.

Keywords: Africa, refugees, migration processes, armed conflicts, ethnical controversies, DR Congo, Rwanda, Great African Lakes region.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Ethnic conflict is one of the oldest types of conflicts in Africa. Independence has not erased traditional differences between ethnic groups but aggravated them in some regions, namely the African Great Lakes region and the DRC-Rwanda-Burundi triangle. According to French academic Eric Bordessoule, ethnic problems have come into focus. Most academics regard ethnic problems as a type of social conflict, while others regard the term “ethnic” as unacceptable because ethnic groups as such pose no threats.

Ethnic conflicts in the classical interpretation are one of the main elements of the conflict potential in Africa. Structurally, they are multifaceted and can be regarded through the lens of ethnopolitical disagreements, ethnonational aspects and more. Participants of ethnic conflicts, who represent the interests of a certain ethnic group, are guided by the goal of “fighting for the interests of the entire nation,” regardless of whether they are authorised to do this or not. In reality, they may be guided by other ideas, primarily struggle for the distribution or monopoly ownership of natural resources and power in a certain territory. Migrants tend to stick together in cities, and in rural areas they tend to assume control of certain types of agricultural products.

Belonging to an ethnic group or clan remains a major factor of life in Africa, including at the level of state governance. Current relations between ethnic groups at the state level are important for judging the complexity of ethnopolitical contradictions in Africa. In some countries, for example the DRC, it is prohibited to create parties based on ethnicity, although this is the tacit principle of all parties there. When they meet a new person, Congolese always ask what province and ethnic group they are from. That is why traditional chiefs play a major role in societies and hold senior positions in the bodies of power. They have specific distinguishing features and are respected in their clans. Many of them are women whose leadership characteristics make them well suited to high state positions. During a reception held by the African diplomatic corps in Moscow, some African guests bowed down to an ambassador. It was clearly a symbolic action, and it turned out later that they were from the same clan.

Ethnic conflicts often escalate to armed confrontation, like in Sudan, Côte d’Ivoire, the DRC and Rwanda. Moreover, there are simmering armed conflicts in nearly

all African countries, which threaten to create local instability and even undermine security throughout the country, especially for civilians.

Clashes between armed groups that are not controlled by the central authorities have grave consequences. They come into conflict with regular units for ethnic or political reasons, which are often vaguely worded, making sudden inroads and assaults on local residents, intimidating and robbing them arbitrarily, taking their animals and food, forcing them into slavery, abusing them sexually, and often burning down entire villages together with their residents. This is happening even now in the eastern part of the DRC: in North and South Kivu and the North Katanga Province. These resource-rich regions are controlled by Congolese and foreign armed groups, like the Democratic Forces for the Liberation of Rwanda (Forces démocratiques de libération du Rwanda, FDLR), manned by former Rwandan military personnel, or the Ugandan Lord's Resistance Army. Local people hid from these attacks and arbitrary violence in the forest, where many of them died, or fled to neighbouring countries. Tens of thousands of refugees are moving within the country or beyond it, creating critical situations that invariably lead to humanitarian disasters.

Membership in a certain ethnic group or clan remains a major factor in various spheres of life in Africa, including the system of government. Migrants form tight communities in cities and tend to assume control of some type of agricultural production or trade in rural areas. Ivan Potekhin, the founder of African studies in the Soviet Union, wrote over 50 years ago that "primitive communal relations still feature prominently in the social structure of African villages. The tribal system is still alive, together with the classical hierarchy of tribal elders, councils of elders, chiefs and grand chiefs. The communal ownership of land still bears the marks of kinship communities" [1, c. 3]. Some of his observations can still be applied to modern Africa.

The protection of national and ethnocultural interests at a higher level of political organisation usually takes the form of various cultural and political associations, including nationalist parties. The mission of traditional culture is to maintain tribal traditions and values. The influence of traditions and ethnicity on the collective consciousness and socio-political life in African countries is connected above all with the social, economic

and political conditions of social development. Such elements as responsibilities, beliefs and views will influence the political culture of African countries for years to come. Russian Africanist Valentina Komar wrote that “traditional stereotypes of the public mentality are to this day closely associated with tribal customs, accepted behaviour and principles, which also influence other environments, including at the state level” [2, c. 177].

Modern African states typically consist of many ethnic groups. For example, there are about 450 ethnic groups in the DRC. But an apparent ethnic balance can be suddenly disrupted, leading to a large-scale ethnic conflict with grave consequences, like in Sudan, Côte d’Ivoire, the DRC and Rwanda. A specific feature of ethnic conflicts is that they can last for years, subsiding and then flaring up from time to time. American researcher Dan Smith noted that “these conflicts rarely produce clear-cut events such as victories, triumphs and disasters; they simply linger on as a slow torture for the participants. (...) When escalation occurs, it often seems to international observers to have come out of a clear blue sky. Such was the initial reaction to the massacres in Rwanda in 1994. Regardless of this, (...) those massacres take place against a historical background of repetitive cycles of mass killings”[3, c. 119].

Ethnic conflicts usually have deep-seated roots. In the DRC, they go back to the Middle Ages and were initially connected to the development of the vast Congolese territories. Conflicts were the result of the forced resettlement of Africans by European nations in the colonial period, and more recently the mass exodus of refugees following the 1994 genocide in Rwanda. The Tutsi and the Hutu, whose roots are in Rwanda and who constitute less than 1 percent of the country’s population, moved into the Congolese regions bordering on Rwanda, Burundi and Uganda in the 15th and 16th centuries. Mulenge is the name of a village in the mountainous Bifulero community, where their forefathers settled before it was conquered and from which they spread to other parts of the country. The term Banyamulenge, which was coined in the 1970s, means a resident of Mulenge.

Apart from the so-called “historical” immigrants in the DRC, there are also forced migrants, who moved to the Congo during the period of “transplantation.” Belgian colonisers conducted that policy in the late 19th century to solve demographic problems in

Rwanda, which had a small territory, and to provide labour for the colonial administration, private companies and the agricultural sector of the Kivu Province [4, c. 145] In the 1920s and 1930s, between 1.5 and 2 million Rwandan “transplantés” were moved from Rwanda to the Congo, to Kivu, where they made up 26-32 percent of population [5, c. 145]. As the result of that policy, immigrants from Rwanda constituted the bulk of population in the Masisi and Rutshuru regions of eastern Congo [6, c. 67].

The Banyarwanda as the Congolese Tutsi and Hutu call them, had to protect their territorial and civil interests in a hostile environment. The colonial authorities tried to stop in-fighting by meeting some of the Banyarwanda’s demands. During a conference held in Brussels in 1920, it was decided to grant the Banyarwanda who had permanently resided in the Congo for 10 years the right to take part in elections. The issue of Banyamulenge’s citizenship has not subsided in the post-colonial period. Article 6 of the Luluabourg Constitution adopted in 1964 says that Congolese citizenship shall be attributed to any person whose ancestor is or was a member of a tribe or part of a tribe living on the territory of the Congo [7]. In 1965, the Banyarwanda were allowed to take part in elections, but the North Kivu authorities denied them the right to nominate a candidate on the grounds that they were foreigners.

In 1971, President of Zaire Mobutu Sese Seku signed a law under which all citizens of Rwandan descent living in Zaire since June 30, 1960, were considered the citizens of Zaire. A year later, a provision was added extending Zairian citizenship to all those who had been living in Zaire since January 1, 1950. This made the Banyarwanda full citizens of Zaire. Nevertheless, the authenticity of their Zairian citizenship was often questioned by the authorities, and the law was ultimately repealed in 1981. The position of Banyarwanda in Zaire deteriorated in the mid-1990s, when thousands of Rwandan Hutu fled to Zaire following the 1994 genocide in Rwanda. With the support of Mai-Mai rebels and the incitement of the Mobutu regime, they launched violent attacks on Banyarwanda. At roughly the same time, in the mid-1990s, Banyamulenge joined the opposition Alliance of Democratic Forces for the Liberation of Congo-Zaire (AFDL) led by Laurent-Desire Kabila, who had been waging a simmering guerrilla war against the Mobutu regime in

the eastern regions of the Congo. The rebels' military victories increased anti-Banyamulenge sentiments in Kinshasa and other parts of the country. The Zairean parliament ultimately decided to expel Banyamulenge from Zaire.

In 1998, Laurent-Desire Kabila, who had proclaimed himself president by that time, attempted to formulate a state nationalities policy to settle ethnic problems. But a draft law on citizenship included provisions that could only aggravate ethnic problems. For example, Article 31 stipulated that those who wanted to receive Congolese citizenship must provide proof of being a member of an "indigenous" ethnic group that lived in the DRC territory before 1885 as an organised, regulated community. That provision flew in the face of historical realities, was discriminatory and could leave millions of people without citizenship, notably all Banyamulenge, including immigrants from Rwanda and Burundi who settled in the country during the colonial period. Having strengthened his powers, Kabila took actions to sever any ties to Banyamulenge, because the Congolese were outraged by his sympathy for Rwandan immigrants. Christian Kaiser wrote in an article on this subject that Kabila played the anti-Tutsi card for personal reasons, to shroud his incompetence and possibly nepotism [8, p. 5]. As the result of his new policy, a persecution campaign was launched against Banyamulenge just as during Mobutu's rule. Banyamulenge held protest rallies and demanded their legitimate rights back. The first clashes between Banyamulenge and government troops took place in South Kivu in February 1998. A new Banyamulenge revolt in South Kivu in August 1998 was supported by Rwanda. The DRC President accused Uganda, Rwanda and Burundi authorities of the intention to create a new state within the boundaries of the sovereign Tutsi Empire with a view to occupying eastern Congo. The Tutsi leaders accused Kabila of ethnic crime, genocide against Rwandans and efforts to remove their compatriots from government and military positions. They created the Congolese Rally for Democracy-Goma (RCD-Goma), a rebel movement based in Goma that consisted mostly of Banyamulenge. RCD-Goma controlled North and South Kivu and part of the Orientale Province. RCD-Goma sent an airborne group to seize Kinshasa, but the attack was rebuffed by Angolan troops that were dispatched to help Kabila.

The Banyamulenge problem persisted under President Joseph Kabila, who assumed office in 2001. The Inter-Congolese Dialogue, which was held in Pretoria, South Africa, to discuss the division of power between the parties of the 1998-2002 conflict in the Congo, signed the Global and Inclusive Agreement on Transition in the Democratic Republic of the Congo in December 2002. Article 14 of the Transitional Constitution signed in 2003 reads that all ethnic groups and nationalities living in the country shall enjoy equal rights and protection under the law as citizens [9, p. 7]. However, this provision is not applied in practice. Local conflicts fuelled by Banyamulenge's political demands sometimes flare up in the eastern DRC provinces.

The Banyamulenge problem is aggravating other ethnic and social conflicts in Zaire. For example, the centuries-long battle waged between the Lendu and the Hema in eastern Zaire for political and governmental leadership and control of natural resources increasingly took the form of armed clashes in the late 20th century. The situation was graphically described by Le Monde correspondent Jean-Philippe Remy: "Under the Mobutu regime, the conflict between the two ethnic groups [Lendu and Hema] reached the ultimate nadir of atrocities and destruction. The number of members of political alliances and differences between them was so large that here was no talk of peace in Ituri [the administrative centre of the Orientale Province]" [10, p. 12].

The Lendu were crop farmers who migrated to the Congo from Sudan in the 16th century. The Hema was a cattle-breeding Ugandan tribe that settled on the Congolese territory in the 17th century, although earlier it lived in Ethiopia. The Lendu are traditionally engaged in farming while the Hema in cattle breeding. At first, the Lendu and the Hema coexisted peacefully despite different traditions and economic structures. Clashes between them began when European started treating the Hema as more intelligent than the Lendu. That created a situation of social inequality, because the Belgians offered the Hema broader access to education and healthcare and used them in local administrations, which provoked the Lendu's wrath. When Belgium left the Congo, the Hema were regarded as their legitimate successors. That historical mistake was not corrected but grew even worse during Mobutu's rule. Like the Belgian colonisers before him, Mobutu cooperated with the Hema, leaving the Lendu in the political cold. The Lendu rose to defend

their rights, while the Hema refused to cede their privileged positions. They increased their lands by taking over the areas owned by the Lendu. Large landowners bribed courts to do this. The rich Hema were supported by Ugandan troops who intimidated the Lendu, who fled to the forest at the smallest sign of conflict with Hema. In 2001, there were 48,000 dislocated Lendu. Many of them failed to harvest their crops and sell them at markets located far away from their villages. "Poorly clad, more half-naked than half-dressed, they could not integrate into the social system that offered medical treatment and education" and had to live by the Work for Food principle [11]. Social inequality led to conflicts. The largest Lendu-Hema conflicts were reported in 1911, 1966, 1979, 1992, 1999 and 2003 [12].

The situation in eastern Congo, especially in the Great Lakes Region, did not improve in later years. It has already been noted that ethnic conflicts in the Great Lakes Region grew in gravity after the Rwandan genocide. Age-old ethnic divisions between the main ethnic and social groups in Rwanda spilled over in yet another bloody conflict. The Tutsi were openly attacked, and the situation came to a head in April-July 1994. Logistical support for the genocide was provided by France, South Africa and Egypt. France feels guilty and embarrassed to this day for contributing to that tragic page in Africa's history, as demonstrated by this passage appearing in the journal *Afrique Asie*: "The ethnic ideology developed in Rwanda during the Belgian colonial period and grew stronger in the post-colonial age. France did not invent ethnic racism in Rwanda, but it did accelerate its development with its military support"[13, p. 44-45]. The scale of the murder of civilians and the methods used were incomprehensible. Innocent people were targeted merely because they were Tutsi. Up to 75 percent of the Tutsi and moderate Hutu were massacred within three months, and the overall number of victims was estimated between 500,000 and 800,000 [14].

Ethnic problems in the Great Lakes Region persisted. In the middle of July 2004, intensive talks were held in Burundi on elections and the division of power after the transition period. President of Burundi Domitien Ndayizeye invited 27 military-political parties and movements to attend the forum held in Bujumbura, the capital of Burundi, on June 25, 2004, to discuss election documents. The Tutsi parties called for amending the

Arusha Accords to ensure that the post of president is held interchangeably by representatives of the Hutu and Tutsi parties. The parties dominated by the Hutu rejected the amendments. Lengthy discussions have not produced consensus, which provoked an escalation in Bujumbura. Its result was the massacre of about 160 refugees from the Congolese Banyamulenge community, who were killed in the August 13, 2004, machete attack on the Gatumba refugee camp of the UN Office of the High Commissioner for Human Rights on the border with the DRC. Many of the victims were burned. The attack targeted Banyamulenge refugees, leaving refugees from other ethnic groups unaffected.

The National Forces of Liberation (Forces nationales de libération, FNL), a Burundian rebel group, claimed responsibility for the massacre. Its leaders said that the attack was an act of revenge on the Banyamulenge for helping the Burundi military repel a FNL attack. It was later proved that the refugee camp massacre was planned and perpetrated jointly with the Congolese Mai-Mai rebels, ex-forces armées rwandaises ex-FAR and Interahamwe, and the FNL [15]. The burial of the Gatumba victims turned into a political event when certain Tutsi factions came out against the policies of President Ndayizeye.

A positive event was the meeting of the presidents of Burundi and the DRC on August 18 in Dar es Salaam, where they agreed to work together to ease tensions in the subregion [16]. Before the third anniversary of the Gatumba massacre, the central Congolese newspaper *Le Potentiel* wrote bitterly that nobody had been brought to justice yet [17]. The joint investigation conducted by UN Operation in Burundi (ONUB), the UN Stabilisation Mission in the Democratic Republic of Congo (MONUSCO), and UN Office of High Commissioner for Refugees (UNHCR) has not produced any results either [18].

Fifteen years later, the conflict remained unsettled. On May 3, 2019, representatives of the Banyamulenge community in South Kivu appealed to UN Secretary-General Antonio Guterres to put an end to the ethnic cleansing of Banyamulenge in Minembwe, which is frequently attacked by the Mai-Mai rebels [19, p. 2].

In late 2009, an ethnic conflict flared up in Dongo, a town 300 kilometre north of Mbandaka, the district centre of the Équateur Province. Ethnic groups Enyele and

Monzaya clashed over the right to catch fish in a nearby lake, which is an important food source for them. People have been killed and wounded. According to the magazine *Jeune Afrique*, 25,000 people fled the area [20].

To conclude, classical ethnic conflicts are one of the main elements of the conflict potential in Africa. The main causes of ethnic conflicts include ethnic-political divisions and the struggle for power and natural resources [21]. Participants in ethnic conflicts often claim to fight for the interests of the nation as a whole, while in fact they are not authorised to make such statements and actually represent the interests of their tribe or its elite. Another frequent cause of clashes is monopolising natural resources or power in a given territory.

References:

1. Потехин И.И. Родовые отношения в системе социальных отношений современной африканской деревни // Доклад советской делегации на V международном конгрессе антропологов и этнографов. - М., 1956. С. 3.
2. Комар В.И. Использование традиций и этнического фактора в государственно-политическом развитии // Племя и государство. Материалы выездной сессии Научного совета, состоявшейся в Ленинграде 5-6 мая 1991 года. - М., 1991. Р. 177.
3. Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации. – М.: Наука, 2007. Р. 119.
4. Субботин В.А. Система колониальной эксплуатации и становление новых социальных сил. 1918-1960 // История Заира в новое и новейшее время. - М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. Р. 145.
5. DC: Etat de Crise et Perspectives Futures. 1 Février 1997. P.6. [Electronic resource]. URL: <http://www.imhcr.org/refwoiid/docid/3ae6a6b710.html> (Retrieved January 23, 2021).
6. Spitael R. Transplantation de Banyarwanda au Kivu. Problèmes d'Afrique Centrale, vol. 6. No. 201/1953/ pp. 111-116; Chambre des Représentants, Royaume de Belgique. Rapport sur l'administration de la Colonie du Congo Beige pendant l'année

1954. - Bruxelles. 1955. P. 67.

7. Moniteur congolais. Numero spécial du 1 aout 1964. Léopoldville. 33 p. [Electronic resource] URL: <http://ddata.over-blog.com/l/35/48/78/RD-Congo/Constitution-1964-RDC-Luluabourg.pdf> (Retrieved January 15, 2022).

8. Tegera A. La guerre en R.D. Congo: Collusion entre pouvoir, ethnie et dictature militaires // Regards Croises: Pôle Institute. - 1998. N 001. P. 5.

9. Constitution de la transition // Journal officiel de la République Démocratique du Congo. 5 fvril 2002. Numéro spécial. P. 7.

10. Maindo A. Des conflits locaux à la guerre regionale de Afrique Centrale. - P.: L'Harmattan, 2007. P. 12.

11. Baerbel N. Situation de la guerre entre les lendu et hema (Ituri, Nord du Congo-RDC) [Electronic resource]. URL: <http://www.grandslacs.net/doc/2207.pdf>

12. Prérrogatives pour une paix durable dans la région des Grands Lacs. ONG des droits humains. Centre d'Etudes pour la paix et la réconciliation. Kinshasa. 08.07.2004. [Electronic resource]. URL: <http://www.societecivile.cd/node/1786>

13. Bidadanur N. Les enjeux symboliques et politiques d'une crise. Afrique Asie. - Paris. 2007. Janvier. P. 44-45.

14. Organisation de l'Unité Africaine. Rapport sur le génocide africaine, mai 2000. P. 123. [Electronic resource]. URL: http://www.africa-union.org/official_documents/reports/OUA-Rapport%20sur%20le%20genocide%20au%20Rwanda.pdf (retrieved: March 12, 2018).

15. Письмо Генерального секретаря от 15 октября 2004 года на имя Председателя Совета Безопасности // Документ СБ ООН №S/2004/821 от 18 октября. 2004 – 2004. 30 p.

16. Первый доклад Генерального секретаря об Операции Организации Объединенных Наций в Бурунди // Документ СБ ООН S/2002/682 от 25 августа 2004. 18 p.

17. Миуауа М. 3 ième anniversaire du massacre à Gatumba. Le Potentiel. - Kinshasa, 2007. 14 août.

18. Ruramira B. Le rapport sur les massacres des banyamulengu a Gatumba,

Burundi. Journal Minembwe. December 11, 2008. [Electronic resource]. URL: <http://journalminembwe.blogspot.com/2008/12/le-rapport-sur-les-massacres-des.html> (Retrieved November 20, 2011).

19. Хроника событий Посольства России в ДРК. Библиотека Института Африки РАН. 3 мая 2020. Р. 2.

20. Conflit inter-ethnique de la région de Dongo a fait au moins 100 morts d'après l'ONU // Jeune Afrique. 19 novembre 2009. [Electronic resource]. URL: <https://www.jeimeafrique.com/> (Retrieved April 15, 2021).

21. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. М.: Дело, 2008. 471 р.

Летяев Валерий Алексеевич,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
Казанского федерального университета,
e-mail: valerii@letiaev.ru

Valery A. Letyaev,
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences,
Professor of Kazan Federal University,
e-mail: valerii@letiaev.ru

СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

MASS MEDIA AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION OF «SOFT POWER»

Аннотация: важнейшим коммуникативным пространством, в котором реализуется концепция «мягкой силы», считаются СМИ. Безусловно, СМИ не являются единственной областью применения политики «мягкой силы», но по количеству признаков речевого воздействия они обходят другие средства информации.

Ключевые слова: СМИ, Россия, США, Запад, «мягкая сила», стратегические коммуникации.

Abstract: one of the most important communicative space in which the concept of «soft power» is implemented is the media. Of course, the media are not the only area of application of the «soft power» policy, but in terms of the number of signs of speech impact, they bypass other media.

Key words: media, Russia, USA, West, «soft power», strategic communications.

Медиасегмент представляет собой средства коммуникации, которые могут быть использованы большей частью нации или мира в одно мгновение. Это любые средства, с помощью которых основная масса людей получает информацию. Различные формы медиасегмента могут достигать тысяч, миллионов, а иногда и миллиардов просмотров на одном дыхании. Основными примерами медиаресурсов служат газеты, радио, телевидение, интернет, в том числе мессенджеры.

Медиа подразделяются на печатные, вещательные и цифровые. К печатным средствам относятся газеты и журналы. Они могут также включать книги и брошюры, которые широко распространены. Вещательные медиа представляют собой радиоканалы. Цифровые медиа составляют современное телевидение, интернет и мобильный телефон.

Существуют определенные отличительные характеристики медиа, которым они должны соответствовать. Рассмотрим их подробнее [1].

1. Медиа представляют собой преимущественно одностороннее общение. Одной из их основных характеристик является то, что трафик идет только в одном направлении, то есть от материального источника к потребителям. Аудитория слушает или читает, но не может дать ответ мгновенно. Это происходит потому, что аудитория находится далеко от источника новостей. Согласно исследованиям А.В. Хмелёва, медиаканал в Лондоне, например, может вещать на весь мир и активно влиять на позицию людей по тому или иному вопросу [2]. В то же время с использованием технологий люди могут реагировать на радио- и телепрограммы через текстовые сообщения, электронные письма, телефон, Facebook или WhatsApp и др., что также оказывает своё влияние.

2. СМИ направлены на широкую аудиторию. Особенность медиа заключается в том, что они могут охватывать одновременно большую аудиторию. Н.П. Пешкова отмечает, что, например, инаугурация 45-го президента Соединенных Штатов Америки транслировалась для зрителей по всему миру [3]. Крупные международные спортивные события часто также доступны одновременно огромному числу людей в прямом эфире. Помимо этого, миллионы людей могут настроиться на выбранную радиопрограмму. Поэтому медиа имеют очень большую аудиторию.

3. СМИ оказывают воздействие на общество. Медиа влияют на людей, которые их смотрят и слушают. Они могут помочь сформировать мнение людей по тому или иному вопросу. М.В. Лысенко приводит следующий пример: во время геноцида в Руанде радио широко использовалось для воздействия на хуту с целью убийства тутси [4]. С другой стороны, аудитория также может воздействовать на медиа. Если аудитория выражает позицию по вопросу, опубликованному или

транслируемому различными источниками, это может повлиять на то, в каком ракурсе будет в дальнейшем рассматриваться этот вопрос.

4. СМИ достигают различных типов людей. Это происходит потому, что люди разных возрастов, религиозных убеждений, политических взглядов и профессий смотрят или слушают определённые каналы. Типы людей, которые слушают радиопрограмму, смотрят телевизионное шоу или читают газетную публикацию, не могут быть заранее определены медиаресурсом.

5. Рассеянная аудитория. Целевая аудитория медиасегмента разбросана по всему миру. Так, слушатель (зритель) в США может настроиться на программу, которая транслируется из России. Аудитория распределена по широкому географическому району.

6. Значительное разнообразие. Телевидение и радио представлены огромным числом каналов, которые удовлетворяют потребности различных категорий людей в зависимости от их возраста, интересов, социального положения.

СМИ – основной инструмент политических манипуляций. Политическая манипуляция – вид психологического воздействия, а именно скрытое управление политическим сознанием людей, навязывание воли, принципов, с целью принудить их к действию или бездействию исключительно в интересах манипуляторов.

Причин интерпретации «мягкой силы» в массмедиа достаточно много, однако основными из них можно считать следующие [5]:

- 1) возможность воздействия на широкую аудиторию;
- 2) возможность использования довода к авторитету, патриотизму;
- 3) поиск умелого инструмента манипуляции сознанием аудитории.

К сожалению, в настоящее время средства массовой информации уже не выполняют свою культурно-образовательную функцию, а на передний план выходит деятельность, которую некоторые исследователи называют рекламно-информационной. Сегодня СМИ охотятся за яркими событиями, так как любая масштабная перепалка уже сенсация.

Все формы «мягкой силы» в СМИ реализуются следующими средствами языка [6]:

1. лексическими (к ним относятся оценочная лексика, просторечия, жаргонизмы, инвективная и стилистически сниженная, ненормированная лексика и др.);
2. грамматическими;
3. текстовыми (или так называемыми дискурсивными). В этом случае применяются приемы языковой демагогии, т.е. непрямого воздействия на адресата, а также ирония, сарказм и др.

Современные средства массовой информации отражают актуальные, характерные для конкретного времени явления, то есть фиксируют определенные символы эпохи. Вербальными средствами выражения таких явлений служат словообразовательные неологизмы.

В современных СМИ словообразовательные неологизмы являются одним из средств политики «мягкой силы». При этом могут быть использованы как общеязыковые, так и авторские (окаzionaliальные) слова. Не только семантические особенности, но и структура новообразований, представленных в СМИ, социально обусловлены. Они отражают изменения в политической, экономической, культурной жизни страны, показывают смену ценностных ориентаций и нравственных убеждений, расслоение общества. Источником появления неологизмов в СМИ, которые несут признаки агрессивности, становятся социально-экономические события, происходящие в нашей стране и во всём мире в определенные промежутки времени. Так, негативно воспринимаемые социальные явления, как правило, обозначаются новообразованиями отвлечённой семантики с помощью суффиксов *-щин* («чубайсовщина», «горбачёвщина») или *-ость* («тупиковость», «гламурность»).

Сравнения и метафоры – мощное средство реализации «мягкой силы» в СМИ. Данные виды тропов являются взаимосвязанными. Сравнение способствует повышению интереса к рассматриваемой проблеме. Оно становится инструментом политики «мягкой силы» в том случае, если отрицаемые явления и предметы подвергаются унижению или оскорблению посредством данного сравнения.

В целом СМИ располагают широкими возможностями для использования политики «мягкой силы», которые с каждым годом возрастают благодаря общественным тенденциям. Следует отметить, что при применении «мягкой силы» современные СМИ во многих случаях распространяют неправду – дезинформацию, ложную информацию и дезинформацию, которая часто невольно распространяется в следующих формах [7]:

1. Дезинформация – ложная и преднамеренно созданная негативная информация, направленная на причинение вреда человеку, социальной группе, организации или стране.

2. Дезинформация – информация, которая является ложной, но не создана с намерением причинить вред.

Следует отметить, что лингвистические способы реализации стратегии «мягкой силы» в данных СМИ усиливают иллюстрации, а также дизайнерские решения.

Современные СМИ, благодаря все расширяющемуся охвату населения в различных медийных каналах, играют ключевую роль в информационном сопровождении политики и воздействии на политическое сознание, в силу чего рассматриваются как неформальная «четвертая власть» [8]. Применение СМИ остаётся действенным и широко используемым инструментом внешнеполитического воздействия, позволяющим целенаправленно продвигать интересы политических субъектов в собственной стране и за рубежом, информируя о внешнеполитическом курсе страны и незамедлительно реагируя на возникающие ложные толкования проводимой политики.

Нередко термины «публичная дипломатия» и «дипломатия массмедиа» взаимозаменяемы. «Дипломатия СМИ... несомненно стала частью публичной дипломатии. В настоящее время дипломаты и правительства имеют в своем распоряжении дополнительный канал связи, позволяющий им осуществлять функции, характерные для дипломатической работы – обмен мнениями, заявления позиции, совершение символических жестов и подача определенных сигналов, подтверждение взятых на себя обязательств» [9].

Средства массовой информации являются эффективным инструментом формирования общественного мнения и, соответственно, могут быть использованы как на стороне «мягкой силы» в качестве элемента публичной дипломатии, так и в качестве орудия информационных войн.

США остаются лидером по влиятельности СМИ за счет аккумуляции ключевых медиа в области мировой политики, экономики, науки и массовой культуры. Журналы Time, Forbes, газеты The New York Times, USA Today, The World Street Journal, всемирная сеть CNN, такие ведущие интернет-ресурсы, как Google, Facebook, YouTube, Twitter (в котором имеют аккаунты многие современные политические деятели), обеспечивают доминирование точки зрения США в мировом медиапространстве. Популярные телеканалы Discovery, Disney и другие выполняют культурно–просветительскую миссию.

В Соединенных Штатах с 1994 по 2016 год действует Совет управляющих вещанием при правительстве США (Broadcasting Board of Governors, BBG) [10]. Это федеральное агентство, руководящее работой ряда новостных источников, целевой аудиторией которых является зарубежная аудитория. Официальная миссия Broadcasting Board of Governors – «информировать, привлекать и объединять людей по всему миру в поддержку свободы и демократии» [11]. Каждую неделю более 200 миллионов слушателей и зрителей по всему миру получают информацию, предоставляемую американскими СМИ. Broadcasting Board of Governors курирует такие радиостанции, как «Голос Америки», «Свободная Европа», «Свобода» и «Свободная Азия», а также ближневосточные СМИ и теле-радио «Марти», вещающее на Кубе.

В Великобритании с 2001 года деятельность СМИ регулируется государственным Управлением по коммуникации Ofcom. Деятельность Ofcom даже внутри страны оценивается противоречиво и критикуется за действия в интересах определенных групп влияния [12]. Визитной карточкой Великобритании является всемирная телевизионная и радиовещательная служба BBC [13], влиятельные периодические издания The Times [14], The Independent [15], The Guardian [16], Financial Times [17]. Во Франции – агентство Франс Пресс [18],

газеты Le Figaro [19], Le Monde [20], Liberation [21], в Германии – это телеканал DW [22] и таблоид Bild [23], наиболее тиражное немецкое издание с высокой цитируемостью в международных новостных лентах. Европейский союз активно использует канал Euronews [24], вещающий на 14 языках, для распространения европейского взгляда в сферах политики, культуры и ценностей. В России русскоязычная версия Euronews транслируется на федеральном канале «Культура», что значительно расширяет возможности продвижения западной точки зрения на политические события, в отличие от возможностей российских СМИ на Западе.

Одной из тенденций современных западных СМИ становится возрастающая роль желтой прессы в формировании информационной повестки, в том числе и в международных делах. Одним из примеров может служить независимое французское издание Charlie Hebdo [25], которое после череды скандальных карикатур стало самостоятельным фигурантом политики и значительно увеличило свои тиражи и влияние в связи с террористическим нападением в январе 2015 года.

Другая тенденция – активное использование официальными западными СМИ средств скрытого языкового воздействия, то есть «мягкого» манипулирования (в противовес «жесткому» навязыванию мнений, откровенной тональности комментариев, преувеличенной сенсационности, дезинформации, которые смещаются в область желтой прессы и социальных медиа), в связи с переходом к парадигме «мягкой силы» в начале XXI века. «Мягкое» манипулирование часто замаскировано под беспристрастное повествование, характеризующееся нейтральностью тона и внешней «объективизацией» информации. В определенной степени такую тенденцию можно считать медийным отражением политики двойных стандартов, когда к разным субъектам информации применяется разная степень манипулирования.

Роль СМИ США и Западной Европы можно рассмотреть со следующих точек зрения:

1. влияние СМИ на общественную повестку дня и интерпретацию текущих политических событий общественным мнением (область, где различие между

«мягкой силой», пропагандой и информационной агрессией имеет наиболее тонкую грань);

2. формирование «медийного имиджа» собственных стран, геополитических союзников и противников, включая имидж первых лиц государств.

В начале 1990-х годов в США было проведено исследование среди американской политической и военной элиты во время войны в Персидском заливе, в котором подавляющим большинством экспертов было признано, что средства массовой информации неоднократно являлись единственным источником информации, на основании которого принимались политические решения. Таким образом, СМИ играли важнейшую роль в разработке внешнеполитического курса государства, обусловили характер информационной среды, превратились в канал первостепенной важности при передаче срочных дипломатических сообщений. Важно отметить, что, благодаря широкому освещению военных действий коалиции в западных СМИ и особенно на телевидении, данные события получили неформальное название «телевизионная война». С 1994 года берет свое начало термин «эффект CNN» [26], основанный на высказывании председателя комитета начальников штабов американской армии, генерала Джона Шаликашвили: «Мы не побеждаем, пока CNN не говорит, что мы побеждаем» [27]. Таким образом, СМИ в сегодняшнем информационном обществе могут оказывать значительное влияние на военные кампании путем подготовки общественного мнения и воздействия на решения власти. СМИ даже способны создать повод для применения военной силы и вторжения в суверенное государство. Например, подготовку к западному вмешательству в косовские события начали осуществлять после кадров, снятых в 1992 году английской компанией ITN. На этих кадрах демонстрировали человека за колючей проволокой. Утверждалось, что это концентрационный лагерь, в котором сербы держат албанцев. Как оказалось, это были постановочные кадры.

Сравнивая освещение западными СМИ двух мировых событий – бомбардировки Сербии силами НАТО в 1999 году и террористический акт в США 11 сентября 2001 г., где в одном случае государство является субъектом, а в другом – объектом агрессии, отмечается следующее. В мировых СМИ первая кампания

была оценена как справедливое действие, направленное на предотвращение катастрофы, а другое – как беспрецедентное преступление международного терроризма.

В большинстве западных СМИ говорилось о геноциде албанцев со стороны сербов и сотнях тысяч убитых, что стало одной из мотиваций к началу военных действий. Однако эксперты ФБР США после окончания войны нашли только 187 тел, тогда как на сайте НАТО присутствует информация о 4 000 тел, что также контрастирует с первоначальной информацией о сотнях тысяч убитых. Таким образом, конфликт оценивался западными СМИ только с позиций одной из его сторон, а также НАТО [28].

Во взглядах западных СМИ прослеживается разный подход к формированию имиджа стран-союзников и стран-оппонентов. Так, замалчивание фактов нарушения прав человека в Саудовской Аравии и других арабских странах – союзниках Запада сосуществует с акцентированием внимания на недемократичности режимов в таких странах, как Иран (при этом особое значение придается угрозам разработки ядерного оружия этой страной), Сирия, в прошлом – Ирак и Ливия.

При освещении внутренней и внешней политики России после прихода к власти В. Путина, с марта 2000 г. по начало 2006 г., в прессе США центральное место занимал процесс сворачивания демократических реформ в контексте проводимой Кремлем политики, иллюстрацией чего выступали такие темы, как операция в Чечне [29], поставки российского оружия странам-изгоям, дело ЮКОСа [30], захват заложников в театральном центре на Дубровке [31], отмена губернаторских выборов [32], «оранжевая революция» на Украине [33] и газовый конфликт с Украиной [34].

Что касается освещения бизнес-ситуации в стране, то, несмотря на показатели, свидетельствующие о положительных тенденциях в российской экономике, пресса США сопровождала эти данные предостережениями о негативных трендах в бизнесе, которые указывают на расхождение с либеральной экономической моделью. В целом новостная видимость российских политических

деятелей (кроме главы государства) и российского бизнеса (за исключением самых крупных игроков) была чрезвычайно низкой, в то время как видимость оппозиционных деятелей – высокой.

В позиции западных СМИ в отношении России прослеживается несколько основных негативных направлений: создание образа недемократической страны, в которой ущемляются права человека, в том числе права оппозиции; создание образа слабой в экономическом плане страны, с высоким уровнем коррупции; создание образа «региональной державы», потерявшей свое могущество после распада Советского Союза; представление России как страны–агрессора (на примере освещения конфликта на Украине и продвижения темы «аннексии» Крыма, «захвата» ДНР и ЛНР, «деструктивной» роли России в защите «антинародного» режима Б. Асада в Сирии).

В целом суть «мягкой силы» в современной политике состоит в умелом непрямом воздействии при достижении политических, экономических, общественных целей в международной политике с учётом ориентирования на длительный результат.

В заключение можно констатировать, что концепция «мягкой силы» Джозефа Ная не является научным феноменом. Стоит сказать, что она представляет собой некое обобщение ранее существовавших идей и методик осуществления политического влияния «мягкой» направленности. «Мягкую силу» Най определяет как способность влиять на других путём убеждения и оказания позитивного, привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов. «Мягкая сила» основана на принципах привлекательности, в то время как «жёсткая» – на принципах принуждения. Концепция неоднократно подвергалась критике со стороны представителей научного сообщества, однако к настоящему моменту термин «мягкая сила» получил широкую распространённость и применяется в сфере международной политики во многих странах мира. В качестве основных технологий применения «мягкой силы» на современном этапе выступают методы публичной и культурной дипломатии, национального брендинга, международные PR-коммуникации и стратегические коммуникации. В

разных странах существуют различия в методах, формах и инструментах реализации «мягкой силы», связанные с историческими традициями и иными факторами. Современные СМИ играют ключевую роль в информационном сопровождении политики и воздействии на политическое сознание населения, служат эффективным инструментом «мягкой силы».

Список источников и литературы:

1. Носовец С. Г. Новые медиа: к определению понятия [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 01.08.2022).
2. Хмелева Г. А. Развитие инновационной деятельности в регионе с позиции процессного подхода: теория, методология, практика: дис. докт. эк. наук / Г. А. Хмелева. — Тамбов, 2012. — С. 225.
3. Пешкова Н. П. Психолингвистика текста: теория смысла [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 01.08.2022).
4. Лысенко М. Абсолютная идея нашего будущего // Молодая гвардия. – № 9. – 1994. – С. 16.
5. Паршин П.Б. Два понимания «Мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dva-ponimaniya-myangkoj-sily-predposylki-korrelyaty-i-sledstviya> (дата обращения: 01.08.2022).
6. Свиридова А.В. Выразительные средства языка в пространстве СМИ в аспекте теории речевого воздействия следствия [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazitelnye-sredstva-yazyka-v-prostranstve-smi-v-aspekte-teorii-rechevogo-vozdeystviya> (дата обращения: 01.08.2022).
7. Борхсениус А.В. Дезинформация как технология информационно-психологических войн. Фейк и антифейк [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26250316> (дата обращения: 01.08.2022).

8. Сафарян А.В. СМИ как «четвертая власть» и институт социализации [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-kak-chetvertaya-vlast-i-institut-sotsializatsii> (дата обращения: 01.08.2022).
9. Колеватова Т.С. Современные средства информации в публичной дипломатии России [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-sredstva-informatsii-v-publichnoy-diplomatii-rossii> (дата обращения: 01.08.2022).
10. Broadcasting Board of Governors [Electronic resource]. – URL: <https://www.federalregister.gov/agencies/broadcasting-board-of-governors> (дата обращения: 01.08.2022).
11. Как американские пропагандисты отчитываются о деньгах, потраченных на работу с дружественными им СМИ в России? [Электронный ресурс]. – URL: https://www.1tv.ru/news/2017-07-16/328923-kak_amerikanskije_propagandisty_otchityvayutsya_o_dengah_potrachennyh_na_rabotu_s_druzhestvennymi_im_smi_v_rossii (дата обращения: 01.08.2022).
12. Управление коммуникаций расследует деятельность Russia Today [Электронный ресурс]. – URL: <https://angliya.com/2018/05/22/upravlenie-kommunikaziy-vzyalo-pod-pritsel-russia-today/> (дата обращения: 01.08.2022).
13. BBC [Electronic resource]. – URL: <https://www.bbc.com> (дата обращения: 01.08.2022).
14. The Times [Electronic resource]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk> (дата обращения: 01.08.2022).
15. The Independent [Electronic resource]. – URL: <https://www.independent.co.uk> (дата обращения: 01.08.2022).
16. The Guardian [Electronic resource]. – URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 01.08.2022).
17. Financial Times [Electronic resource]. – URL: <https://www.ft.com> (дата обращения: 01.08.2022).
18. Франс-Пресс [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Франс-Пресс> (дата обращения: 01.08.2022).

19. Le Figaro [Electronic resource]. – URL: <https://www.lefigaro.fr> (дата обращения: 01.08.2022).
20. Le Monde [Electronic resource]. – URL: <https://www.lemonde.fr> (дата обращения: 01.08.2022).
21. Liberation [Electronic resource]. – URL: <https://www.liberation.fr> (дата обращения: 01.08.2022).
22. DW [Electronic resource]. – URL: <https://www.dw.com/ru/темы-дня/s-9119> (дата обращения: 01.08.2022).
23. Bild [Electronic resource]. – URL: <https://www.bild.de/wa/ll/bild-de/privater-modus-unangemeldet-54578900.bild.html> (дата обращения: 01.08.2022).
24. Euronews [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.euronews.com> (дата обращения: 01.08.2022).
25. Charlie Hebdo [Electronic resource]. – URL: <https://charliehebdo.fr> (дата обращения: 01.08.2022).
26. Быков Д.В. «Эффект cnn» и его влияние на развитие мирового медийного пространства [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-cnn-i-ego-vliyanie-na-razvitie-mirovogo-mediynogo-prostranstva> (дата обращения: 01.08.2022).
27. Информация, пропаганда и война [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.memo.ru/about/bull/b13/18.htm> (дата обращения: 01.08.2022).
28. Вирен Г.В. Современные медиа: Приемы информационных войн / Георгий Вирен. – Москва: Аспект Пресс, 2013. – С. 43.
29. Конфликты между РФ и Чеченской Республикой в 1994-1996/1999-2009 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20110418/365668402.html> (дата обращения: 01.08.2022).
30. Дело ЮКОСа [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/story/555f44609a7947da58d33abe> (дата обращения: 01.08.2022).
31. Террористический акт на Дубровке (Норд-Ост) в октябре 2002 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20191023/1560034070.html> (дата обращения: 01.08.2022).

32. Отмена выборов губернаторов и глав регионов [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/sujet/1274/> (дата обращения: 01.08.2022).

33. Линия раскола [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/articles/2019/11/22/maydan_kak_sudba/ (дата обращения: 01.08.2022).

34. Газовый спор России и Украины [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/story/gazovyj-spor-rossii-i-ukrainy> (дата обращения: 01.08.2022).

Жерлицына Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт Африки Российской академии наук,
e-mail: jerlitsina2008@yandex.ru

Natalia A. Zherlitsina,
Ph.D. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute for
African Studies of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: jerlitsina2008@yandex.ru

**ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕГИОНЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ
CONTRADICTORY TRENDS IN MIGRATION POLICY IN THE
MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA REGION²**

Аннотация: в статье исследуется актуальная тема миграционной политики в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Новизна данного исследования состоит в том, что автором рассмотрены противоречия, осложняющие функционирование миграционной политики в странах региона, и пути их преодоления.

Ключевые слова: регион Ближнего Востока и Северной Африки, миграционная политика, страны-реципиенты, страны-доноры, трудовая миграция, беженцы, манипулирование миграцией, стратегии управления миграцией.

Abstract: the article examines the current topic of migration policy in the Middle East and North Africa region. The novelty of this study is that the author examines the contradictions that complicate the functioning of migration policy in the countries of the region and ways to overcome them.

Keywords: Middle East and North Africa region, migration policy, recipient countries, donor countries, labor migration, refugees, migration manipulation, migration management strategies.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) больше испытывает на себе все последствия современных глобальных миграционных процессов, чем другие части мира. Здесь представлены как страны-реципиенты (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт), так и страны-доноры (Египет, Ливан, Марокко, Йемен). Арабы из стран-доноров формируют большие влиятельные диаспоры-общины по всему миру, прежде всего в Западной Европе. Арабские страны Южного и Восточного Средиземноморья в последние десятилетия стали важными транзитными государствами для потоков мигрантов и беженцев с Ближнего Востока и Африки.

Формирование миграционных систем в регионе БВСА

Формирование миграционных систем в регионе БВСА происходило постепенно, в течение четырех исторических периодов. Османский и колониальный периоды характеризовались довольно свободным передвижением в этом обширном регионе, а также эмиграцией на большие расстояния в Америку, Европу и страны Африки к югу от Сахары. Он также отмечен волнами иммиграции в регион из Европы. Постколониальный период, с конца 1940-х до конца 1960-х гг., совпадает с подъемом арабского национализма, поскольку трансграничная мобильность населения в это время была обусловлена в основном политическими, а не экономическими факторами. Между Северной Африкой и Европой возник значительный миграционный коридор: воспользовавшись процессами экономического восстановления в Западной Европе после Второй мировой войны, тысячи тунисцев, марокканцев и алжирцев поселились на постоянное жительство во Франции, Бельгии и соседних государствах, создав большие диаспоры [1, с. 644].

Наконец, так называемый период деарабизации миграции, с 1980-х гг. по сегодняшний день, характеризуется переориентацией миграционных потоков стран Персидского залива и Ливии с арабских соседей на Азию и Африку по соображениям внутренней безопасности и политической конъюнктуры. Это проявилось в изменении иммиграционной политики в странах Персидского залива, элиты которых опасались политической активности со стороны палестинских,

йеменских и прочих арабских диаспор. Арабские рабочие были заменены на мигрантов из Азии и стран Африки южнее Сахары, а также произошло расширение сотрудничества между арабскими и европейскими государствами. Выходцы из Юго-Восточной Азии постепенно вытеснили арабскую рабочую силу в качестве самой многочисленной группы мигрантов в странах Персидского залива. Это стало результатом как непрерывной большой миграционной волны из Пакистана и Бангладеш, так и политического решения о высылке большого числа арабских рабочих, особенно после войны в Персидском заливе 1990-1991 гг. Полагая, что палестинское и йеменское политическое руководство поддержало иракское вторжение в Кувейт, государства Персидского залива выслали примерно 800 тыс. йеменских рабочих, в то время как подавляющее большинство палестинских мигрантов также были вынуждены покинуть Кувейт, где они искали убежища после войн 1948 и 1967 г. [5, р. 18]. Региональная нестабильность начала 1990-х гг. также привела к возвращению более 700 тыс. египтян и примерно 200 тыс. иорданцев на родину. Период начала 2020-х гг. отмечен значительными внешними потрясениями, такими как воздействие COVID-19 как на трудовую, так и на вынужденную миграцию во всем регионе.

Особенности современных миграционных систем региона БВСА

Сдвиг в иммиграционной политике нефтедобывающих государств в сторону от найма арабских рабочих привел к двум важным результатам в региональной политике миграции. Во-первых, он послужил толчком для нелегальной миграции арабов и выходцев из Африки к югу от Сахары через Средиземное море в Европу. Это явление достигло значительных масштабов после событий «арабской весны» 2011 г. Во-вторых, обострение ситуации с международной миграцией создало необходимость привлечения государств, не относящихся к региону БВСА, к управлению региональной миграцией, а именно ЕС и государств – членов ЕС. В последнее десятилетие ряд государств БВСА воспользовался своим положением в качестве государств, отправляющих мигрантов или транзитные страны для подписания партнерских соглашений по мобильности с ЕС. Так поступили, например, Иордания, Марокко и Тунис [2, р. 873]. Другие страны заключили

специальные соглашения с ЕС. Так, Турция, как важнейшее транзитное государство для миграции в регионе Ближнего Востока, заключила в 2016 году специальное соглашение с Европейским союзом об условиях транзита беженцев из Сирии, Афганистана и Ирака на выгодных для себя условиях [2, p. 872]. Главный акцент в этих соглашениях был сделан на секьюритизации мобильности в регионе, усугубленной рядом внешних потрясений.

Современный период функционирования миграционных систем в регионе БВСА отмечен возрастанием роли государства в управлении миграцией в регионе и попытками использовать это явление в политических интересах. Североафриканские государства создали устоявшиеся институты для мониторинга деятельности своих диаспор в Европе. Между желанием правительств стран-доноров в регионе БВСА разрешить массовую эмиграцию с целью преодоления экономических трудностей и безработицы и стремлением сохранить контроль над политическим инакомыслием существует очевидное противоречие. Социально-экономические выгоды от разрешения выезда граждан контрастируют с политическими рисками, связанными с ростом политической активности и мобилизации диаспор за пределами территориальных границ направляющего государства.

С одной стороны, государства в регионе БВСА хотят поощрять свободный поток рабочей силы иммигрантов в экономических целях; с другой стороны, они стремятся сохранить иммиграционные ограничения по политическим причинам и соображениям безопасности. Современные миграционные государства остаются в ловушке потребности сбалансировать экономические и политические требования. Власти стран региона стремятся контролировать свои границы и ограничивать эмиграцию по внутриполитическим причинам и соображениям безопасности. Право граждан на выезд за границу вступает в противоречие с желанием правительств поддерживать порядок и устранять инакомыслие, в то же время они хотят поощрять эмиграцию с экономическим обоснованием, основанным на свободной трансграничной мобильности, увеличить денежные переводы мигрантов, снизить безработицу и справиться с давлением перенаселения. На

протяжении большей части своей истории власти региона БВСА, как правило, ставили политику выше экономики, секьюритизируя эмиграцию на границе: свобода выезда за границу была скорее привилегией, чем правом для граждан. Хотя правительства региона и сегодня продолжают уделять приоритетное внимание пограничному контролю, массовая миграция стала более распространенной из-за роста экономической взаимозависимости, технического прогресса или в более широком смысле процессов глобализации. Последние тенденции свидетельствуют о том, что власти региона стремятся извлечь материальные выгоды из свободы передвижения, создавая одновременно такие механизмы управления миграцией, которые устраняют политические угрозы, исходящие от групп мигрантов и диаспор.

Противоречия миграционной политики в регионе БВСА и пути их разрешения

Попытки правительств разрешить данные противоречия привели к разработке целого ряда стратегий в отношении сообществ мигрантов и диаспор. Во-первых, власти нашли способы распространять репрессии на своих нелояльных граждан за рубежом. Используются такие методы, как систематическое отслеживание деятельности экспатриантов за рубежом, включая записи уличных демонстраций и других протестов, а также мониторинг мобильных телефонов и Интернета подозрительных граждан за рубежом. Власти стран региона полагаются на свои посольства и консульские сети. Например, в Египте режим использует своих сотрудников за границей для слежки за деятельностью диаспор. Представители посольств и дипломаты могут посещать лекции, мероприятия, научные конференции и выставки, связанные с Египтом, с целью сбора информации о выступающих и гостях [8]. Ливия обвинялась в том, что участвовала в насильственных исчезновениях за рубежом несогласных с режимом, в то время как Турция часто прибегает к принудительному возвращению людей, подозреваемых в причастности к движению оппозиционера Гюлена [7, р. 68]. Страны Персидского залива предпочитают угрожать или наказывать граждан дома. Так, когда Мохаммед аль-Фазари, оманский правозащитник и блогер,

нарушил запрет на поездки и попросил убежища в Великобритании, власти нацелились на его семью. В 2015 году его брат был задержан на три недели без предъявления обвинений, а в 2017 году семье аль-Фарази было запрещено выезжать за границу [4]. Доведенные до крайности, такие репрессии приводят к смертоносному возмездию в отношении мигрантов или членов диаспоры за рубежом, как в случае с убийством саудовского журналиста Джамала Хашогги в 2018 году. Марокканские экспатрианты, которые воздерживались от общественных мероприятий, организованных Федерацией дружбы марокканцев, спонсируемой государством, либо выражали опасения по поводу возвращения домой, либо сталкивались с рядом трудностей со стороны пограничников, когда все-таки решались вернуться. В Объединенных Арабских Эмиратах родственники политических диссидентов могут столкнуться с ограничениями в доступе к возможностям трудоустройства или получения высшего образования [6, p. 45].

Но насилие – не единственная используемая стратегия. Ближневосточные режимы также прибегают к тактике легитимации, целью которой является поощрение патриотического поведения или критики инакомыслия за рубежом. В случае Марокко и Туниса государство способствовало проведению ряда мероприятий в европейских городах с высокой концентрацией экспатриантов, таких как празднования национальных праздников, вечеринки и культурные мероприятия, выступления фольклорных коллективов из родной страны, а также уроки арабского языка. Граждане за рубежом были включены в стратегии легитимации направляющего государства. Например, в течение многих лет египетский режим вознаграждает лояльные группы своей диаспоры в США дополнительными ежегодными поездками на родину, где экспатрианты встречаются с высокопоставленными представителями политической элиты. Также нередко лояльные высококвалифицированные мигранты при возвращении на родину получают престижные должности в египетских университетах [9, p. 387].

Рост трансграничной мобильности в регионе БВСА, помимо влияния на отношения между гражданами и государствами, также оказывает сильное

воздействие на межгосударственные отношения. Увеличение сложных форм взаимозависимости миграции, а именно взаимных политико-экономических эффектов, создаваемых трансграничной мобильностью как в направляющих, так и в принимающих государствах, позволил использовать мигрантов для оказания политического влияния. Так, уязвимость Египта перед миграционной взаимозависимостью была умело использована для манипулирования его политикой в период после революции «арабской весны» 2011 г. Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты – три основных государства, принимающих египетских мигрантов-рабочих и обеспокоенных приходом к власти в Египте организации «Братья-мусульмане», – в 2012 году начали проводить стратегию ограничений против Египта. Это выразилось в отказе предоставлять финансовую помощь, арестах и высылке на родину египетских трудовых мигрантов из-за подозрений в связях с «Братьями-мусульманами» [3, p.1291]. Манипулирование миграционной взаимозависимостью в регионе БВСА способствует конфликтным отношениям, вопреки утверждениям сторонников глобализации, ожидающих, что трансграничная мобильность приведет к межгосударственному сотрудничеству.

Заключение

Таким образом, миграция и миграционная политика стали значимым элементом государственного управления и силовой политики по всему глобальному Югу, в том числе и в регионе БВСА. Ряд арабских государств пытается использовать свое положение в качестве транзитных или принимающих государств, чтобы добиться экономических уступок от западных стран или своих арабских соседей. Растущее нежелание европейских и североамериканских государств принимать беженцев побудило государства БВСА к попыткам манипулировать своим положением в качестве принимающих беженцев государств, чтобы продолжать получать международную помощь. Более пристальный взгляд на миграционную политику на Ближнем Востоке указывает на растущую тенденцию превращения беженцев в товар на глобальном Юге в целом.

Глобализация также приводит к подчеркиванию взаимозависимостей, существующих между миграционными системами.

Список источников и литературы

1. Захаров И.А., Дмитриев Р.В. Проблема регулирования миграционной системы «Европа - Африка - Ближний Восток» в условиях региональных конфликтов // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Воронеж, 2021. С. 641- 646.
2. Adamson F.B., Tsourapas G. The Migration State in the Global South: Nationalizing, Developmental, and Neoliberal Models of Migration Management // *International Migration Review*. 2020. № 54 (3). Pp. 853 – 882.
3. Darwich M. Creating the Enemy, Constructing the Threat: The Diffusion of Repression against the Muslim Brotherhood in the Middle East // *Democratization*. № 7(2). 2017. Pp. 1289– 1306.
4. Human Rights Watch. Oman: Activist’s Family Barred from Traveling Abroad. 2017. www.hrw.org/news/2017/02/14/oman-activists-family-barred-traveling-abroad
5. Natter K. Rethinking Immigration Policy beyond Western Liberal Democracies // *Comparative Migration Studies*. 2018. № 6 (4). Pp. 1– 21.
6. Norman K. *Reluctant Reception: Refugees, Migration, and Governance in the Middle East and North Africa*. New York: Cambridge University Press. 2020. 259 p.
7. Öztürk A. E., Hakkı T. The Repertoire of Extraterritorial Repression: Diasporas and Home States // *Migration Letters*. 2020. № 17 (1). Pp. 59– 69.
8. Sadiq K., Tsourapas G. The Postcolonial Migration State // *European Journal of International Relations*. 2021. April 10.
9. Tsourapas G. Migrants as Political Leverage: Migration Interdependence and Coercion in the Mediterranean // *International Studies Quarterly*. 2018. № 62 (2). Pp. 383– 395.

Тимакова Ольга Александровна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической
философии, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova,
Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political Theory
and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: o.timakova@dipacademy.ru

**ОТНОШЕНИЯ НАТО И ЕС: ПРОБЛЕМЫ УГЛУБЛЕНИЯ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
RELATIONS BETWEEN NATO AND THE EU: PROBLEMS OF DEEPENING
COOPERATION**

Аннотация: НАТО и Европейский союз являются стратегическими партнерами. За ЕС закреплён статус «европейской опоры НАТО». Несмотря на это, отношения между ними развиваются чрезвычайно медленно, а по мнению европейских аналитиков, находятся в состоянии тупика. В целом оборонительный потенциал ЕС остается вспомогательным к потенциалу НАТО. Причина же дисфункциональности отношений ЕС и НАТО во многом лежит в позициях стран – членов этих организаций. Отсутствие гармонизации в отношениях между структурами ЕС и НАТО свидетельствует о недостатке политической воли и стратегического видения развития сотрудничества.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, Турция, Греция, Кипр, Германия, Франция, безопасность, европейская автономия.

Abstract: NATO and the European Union are strategic partners. The EU is assigned the status of "NATO's European pillar". Despite this, relations between them are developing extremely slowly, and according to European analysts, they are in a state of impasse. In general, the defensive potential of the EU remains subsidiary to that of NATO. The reason for the dysfunctional relations between the EU and NATO lies largely in the positions of the member countries of these organizations. The lack of

harmonization in relations between the EU and NATO structures indicates a lack of political will and a strategic vision for the development of cooperation.

Keywords: European Union, NATO, Türkiye, Greece, Cyprus, Germany, France, security, European autonomy.

Введение

Архитектура европейской безопасности характеризуется существованием большого количества международных организаций, обладающих схожими полномочиями и включающих в себя одни и те же страны. НАТО позиционируется как основа европейской системы безопасности. Европейский союз же сконцентрировал усилия на развитии Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) только после подписания Лиссабонского договора. 21 государство из 27 стран – членов ЕС и из 30 стран – членов НАТО одновременно входит в обе организации. Организации именуют себя стратегическими партнерами, где ЕС является «европейской опорой НАТО» [1]. Несмотря на это, отношения между ними развиваются чрезвычайно медленно, а по мнению европейских аналитиков, находятся в состоянии «замороженного конфликта» [33].

В статье будут рассмотрены особенности институционализации отношений НАТО и ЕС, а также проблемы и перспективы их дальнейшего углубления.

Формализация отношений НАТО и ЕС

Отношения ЕС и НАТО были впервые закреплены в совместной декларации 2002 г. [20]. Впоследствии, в дополнение к соглашениям Берлин+, устанавливалась возможность участия стран, не являющихся членами ЕС, в деятельности политики безопасности и обороны Евросоюза. На данный момент к ней присоединились Албания, Канада, Исландия, Черногория, Северная Македония, Норвегия, Турция и ЕС. НАТО, в свою очередь, предоставляет доступ странам – членам ЕС: Австрии, Финляндии, Ирландии, Мальте и Швеции.

Значительных шагов по углублению сотрудничества до 2016 года сделано не было. Основное взаимодействие происходило через неформальные встречи в

офисе главнокомандующего Объединенными силами в Европе [17; 40]. Другим признанным форматом является проведение семинаров между структурами ЕС и НАТО для гармонизации их стратегических культур [19].

В 2016 году, после публикации Глобальной стратегии ЕС и по итогам саммита НАТО в Варшаве, была подписана первая совместная декларация НАТО и ЕС [23]. Хотя она и не устанавливала четких рамок сотрудничества и партнерства и являлась политическим документом, нацеленным на повышение значимости отношений, тем не менее повлекла за собой разработку сначала 42, а в следующем году еще 34 совместных действий [43]. Сами участники подтверждают, что без значительного углубления взаимодействия прогресс таких мероприятий останется ограниченным, что и было определено во второй совместной декларации 2018 г. [24].

Заключительные коммюнике саммитов НАТО – это всегда показательное «шоу солидарности» [42]. Саммит НАТО в Мадриде в 2022 году был особенно важен для альянса: предполагалось переопределение основ существования и целей альянса, а также утверждение новой Стратегической концепции. Ранее, в марте 2022 г., Европейский союз представил «Стратегический компас безопасности и обороны» ЕС в следующем десятилетии, который должен стать дорожной картой развития амбиций Евросоюза, заявленных в Стратегиях ЕС 2003 и 2016 г. «Стратегический компас» предлагает перечень мер по усилению оборонного компонента в политике ЕС. В таких условиях показательное отсутствие совместной, третьей по счету, декларации о сотрудничестве НАТО и ЕС. Это результат отсутствия стратегического видения углубления взаимодействия, путей решения тех проблем, которые существуют в отношениях двух организаций.

Роль государств-членов

Любое государство-член одной или обеих организаций может заблокировать решения по углублению отношений. В наиболее явной степени проблемы в отношениях между НАТО и ЕС связаны с неразрешенным конфликтом между Грецией, Турцией и Кипром. Именно он тормозит, по согласованному мнению западных экспертов, дальнейшее взаимодействие [21]. В 2004 году Турция

наложила вето на сотрудничество двух организаций сразу после принятия Кипра в ЕС [2]. Более того, Турция ограничила участие Кипра в соглашении о разведывательных данных [3]. Выдвигаемые предложения о разрешении данного конфликта с помощью принятия Кипра в НАТО, а Турции в ЕС являются нереализуемыми на данном этапе.

Активная политика Турции в целом вызывает разногласия с европейскими странами – членами НАТО. В частности, возникали даже военные инциденты в Средиземном море [22]. Позиция Р. Эрдогана такова, что политика альянса не может реально осуществляться без Турции, которая готова отстаивать собственные интересы.

Объявление России «наиболее значительной и непосредственной угрозой безопасности союзников» [29] в новой Стратегической концепции выльется в попытки вынудить Турцию отказаться от тесного взаимодействия с РФ. Тем не менее победа Р. Эрдогана в «шантаже» союзников по НАТО в вопросе вступления Швеции и Финляндии [12] в альянс говорит о том, что Турция, скорее всего, сохранит прагматичные отношения с Россией на прежнем уровне. Важным аспектом в данной ситуации является экономическая и геополитическая уязвимость Турции перед Россией.

Однако не только три вышеперечисленные страны пользуются правом вето на углубление отношений. Великобритания вышла из состава Европейского союза в январе 2020 года. На данный момент Лондон и Брюссель находятся в состоянии переходного периода. ЕС предложил Великобритании вместе с новым договором о сотрудничестве подписать дополнительное соглашение о внешней политике, безопасности и обороне. Но правительство Б. Джонсона изначально отказалось от предложения. А обнародование соглашения AUKUS осенью 2021 г. внесло разлад в отношения в треугольнике США–Великобритания–ЕС. Поэтому в «Стратегическом компасе» лишь выражается открытость для установления более тесных отношений в сфере ОВПБ с Соединенным Королевством. Выход Великобритании – крупнейшей военной силы Евросоюза – из состава ЕС привел к еще большей асимметрии в военных потенциалах двух организаций.

Образовавшийся разрыв между ЕС и Великобританией требует от Франции формирования нового блока, продвигающего повестку единой европейской армии [6].

Франция в целом придерживается мнения, что большее сотрудничество между организациями может подорвать «стратегическую автономию» Евросоюза [27; 4; 36]. Хотя в условиях специальной военной операции Франция и готова не блокировать инициативы НАТО в пользу развития оборонного потенциала ЕС, ситуация с AUKUS свидетельствует о серьезных противоречиях в национальных интересах США и Франции [19].

Основу европейской оборонной инициативы составляет проект PESCO, который призван объединить усилия и распределить обязанности и полномочия европейских государств в укреплении безопасности ЕС. Основу критики PESCO составляют опасения, что эта структура будет дублировать деятельность НАТО [9]. Руководство ЕС поспешило подтвердить, что все проекты PESCO являются не конкурирующими, а дополняющими потенциал НАТО [38].

По мнению британских экспертов, специальная военная операция России показала, что «стратегическая автономия» ЕС лишена какого-либо содержания и перспектив [13]. А PESCO не привело к углублению сотрудничества в рамках ЕС, так как реализует проекты, которые были бы запущены и без этой программы [44].

Одним из основных препятствий на пути развития ОВПБ являются несоответствие и расхождение в восприятии угроз между государствами-членами. Асимметрия в восприятии различных угроз и в их приоритетности странами-членами имеет значительные последствия для ЕС – она ограничивает возможности Брюсселя стать актором международной безопасности [46]. Государства – члены ЕС не согласны также с географическим и функциональным уровнем амбиций, которые они должны принять в стремлении к стратегической автономии. Более того, в рамках Договора о Европейском союзе существует статья 42 (7), которая предполагает «обязанность оказания помощи и содействия всеми средствами, находящимися в силах [стран – членов ЕС]», в случае вооруженной агрессии против одного из союзников [11]. В частности, в 2015 году, когда Франция

обратилась к этой статье Договора, проявились значительные разногласия между европейскими государствами о вариантах трактовки положений данной статьи [14].

Противоречия в НАТО и ЕС

Другими значительными препятствиями по углублению взаимодействия НАТО и ЕС являются такие проблемы, как вопросы управления и финансирования [41].

Официальные лица НАТО высказывают обеспокоенность в том, что нет понимания в структуре безопасности и обороны ЕС и к кому обращаться в конкретных обстоятельствах [21]. Процедурные соглашения о коммуникации и командной структуре между двумя организациями отсутствуют [40]. Все это уже приводило к проблемам во взаимодействии при выполнении совместных миссий, например в Косово и Афганистане [5]. Даже при наличии специального соглашения о разведданных существуют проблемы в их стандартизации и классификации, что замедляет передачу другой стороне [37].

Предложения о четком разделении обязанностей были сняты с повестки дня в связи с большими разногласиями, которые вызывал этот вопрос. Его заменила декларация о взаимодополняемости оборонных институтов НАТО и ЕС [39]. На данный момент отношения строятся на следующем негласном разделении: НАТО реализует военную миссию, а ЕС – социально-экономическую [25]. Это связано с различными подходами к восприятию вызовов и угроз, пониманию методов противодействия им и обеспечения безопасности. Традиционно Евросоюз склонен не к силовому, а к гражданскому и социально-экономическому подходу.

Кроме разногласий в приоритетных вызовах и угрозах значительное место занимает вопрос финансирования. Страны – члены и ЕС, и НАТО в разной степени являются «поставщиками» и «потребителями» безопасности [15; 28; 16], в связи с чем часто звучат обвинения в иждивенчестве [32]. В период президентства Д. Трампа это привело к серьезному кризису трансатлантической солидарности [34] и продолжает оставаться в центре повестки дня организаций.

Одной из главных стран, которая ощущает на себе давление НАТО по вопросу увеличения оборонных расходов, становится Германия [30]. Только в 2022 году Германия обязалась создать дополнительный фонд финансирования оборонной сферы в размере 100 млрд евро на следующие три года, что, однако, не позволит достичь общего показателя страны более 2% ВВП [26]. Отдельное неодобрение НАТО вызывает проект «Северный поток–2». Даже в условиях серьезного энергетического кризиса велика вероятность, что Германия не запустит в работу новый газопровод, чему будет способствовать положение новой Стратегической концепции НАТО об интегрированном подходе к снижению риска стратегических уязвимостей и зависимостей [29].

Страны – члены НАТО заявили об увеличении расходов по итогам саммита в Мадриде [8]. Однако конкретных сроков и цифр не указывается. Предполагается, что данный вопрос будет поднят на следующем саммите в 2024 году. Евросоюз в свою очередь отметил, что страны-члены готовы увеличить расходы на оборону суммарно на 200 млрд евро [18]. Кроме того, на саммите альянса было заявлено о реформировании сил быстрого реагирования в союзные силы НАТО количеством в 300 тыс. человек [31]. Эксперты Атлантического совета обращают внимание, что предыдущая программа увеличения сил реагирования «Инициатива боеготовности 4х30» на данный момент не реализована [7]. Для такого кардинального расширения потребуются также значительные затраты на адаптацию инфраструктуры и командования для обеспечения функционирования союзных сил, и сделать это к заявленному 2023 году будет проблематично. Политическая линия США такова, что финансирование такого увеличения будет возложено на европейские страны-члены, в то время как они еще в 2021 году сократили финансирование инфраструктурного проекта с 6,5 млрд евро до 1,7 млрд евро [10].

Заключение

В целом оборонительный потенциал ЕС остается вспомогательным к потенциалу НАТО, который, в свою очередь, является основой коллективной

обороны союзников [45]. После всех инициатив о достижении стратегической автономности и даже разработки собственной стратегии безопасности Европейский союз так и не смог продемонстрировать способность действовать автономно от решений США. Отсутствует и стратегическое видение такой возможности: «никто в здравом уме не поверит, что ЕС способен в обозримом будущем обеспечить свою оборону без участия США, и в равной степени мало кто верит, что США действительно намерены отделиться от Европы» [35].

Причина же дисфункциональности отношений ЕС и НАТО во многом лежит в позициях стран – членов этих организаций. Отсутствие гармонизации в отношениях между структурами ЕС и НАТО свидетельствует о недостатке политической воли и стратегического видения развития сотрудничества. На данный момент национальные интересы Великобритании, Греции, Кипра, Турции и Франции преобладают.

Разделение полномочий и зон ответственности между ЕС и НАТО могло бы привести к углубленному взаимодействию между организациями, но в ближайшей перспективе этого не произойдет, так как каждый из институтов не стремится отказаться от части своих функций.

Список источников и литературы

1. A Strategic Compass for Security and Defence - For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. Working document of the European External Action Service. European External Action Service. 09 November 2021. URL: <https://club.bruxelles2.eu/wp-content/uploads/2021/11/boussolestrategiquecom-off@ue211109.pdf> (дата обращения: 13.09.2022)
2. Acikmese S.A., Triantaphyllou D. The NATO-EU-Turkey trilogy: the impact of the Cyprus conundrum // Southeast European and Black Sea Studies, 2012. № 12(4). P 555–573.

3. Agreement between the European Union and the North Atlantic Treaty Organization on the security of information. EUR-Lex, L80/36. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22003A0327%2801%29> (дата обращения: 13.09.2022)
4. Besch S., Scazzieri L. European strategic autonomy and the transatlantic bargain. Centre for European Reform. 10 December 2020. URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2020/european-strategic-autonomy-and-new-transatlantic-bargain> (дата обращения: 13.09.2022).
5. Bialos J.P. The United States, Europe and the interoperability gap // The International Spectator, 2005. № 40(2). P. 53–62.
6. Billon-Galland A., Raines T., Whitman R.G. The future of the E3: Post-Brexit cooperation between the UK, France and Germany. Chatham House. 28 July 2020. URL: <https://www.chathamhouse.org/2020/07/future-e3> (дата обращения: 13.09.2022)
7. Binnendijk H., Koster T.S. Now for the hard part: a guide to implementing NATO's new Strategic Concept. Atlantic Council. 22 July 2022. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/now-for-the-hard-part-a-guide-to-implementing-natos-new-strategic-concept/> (дата обращения: 13.09.2022)
8. Bis 2030. Nato-Staaten beschließen deutliche Erhöhung der Gemeinschaftsausgaben. WiWo+. 30 June 2022. URL: <https://www.wiwo.de/politik/ausland/bis-2030-nato-staaten-beschliessen-deutliche-erhoehung-der-gemeinschaftsausgaben/28471408.html> (дата обращения: 13.09.2022)
9. Biscop S. European defence: what's in the CARDS for PESCO?. Egmont. 19 October 2017. URL: <https://www.egmontinstitute.be/european-defence-whats-cards-pesco/> (дата обращения: 13.09.2022)
10. Cokelaere H., Posaner J. Europe's roads and railways aren't fit for a fight with Russia. Politico. 08 April 2022. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-military-mobility-budget-slammed-as-almost-nothing-to-tackle-russia-challenge/> (дата обращения: 13.09.2022)

11. Consolidated version of the Treaty on European Union. EUR-Lex. 09 May 2008. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12008M042> (дата обращения: 13.09.2022)

12. Dalay G. Deciphering Turkey's geopolitical balancing and anti-Westernism in its relations with Russia. SWP. German Institute for International and Security Affairs. 20 May 2022. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/deciphering-turkeys-geopolitical-balancing-and-anti-westernism-in-its-relations-with-russia> (дата обращения: 13.09.2022)

13. Dalay G. Turkey gains much from NATO, but a rocky road lies ahead. Chatham House. 12 July 2022. URL: https://www.chathamhouse.org/2022/07/turkey-gains-much-nato-rocky-road-lies-ahead?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=13362687_MENAP%20-%20Newsletter%20-%2002.08.2022&utm_content=CTA&dm_i=1S3M,7YEPR,NUTA1M,WIMWT,1 (дата обращения: 13.09.2022)

14. Deen B., Zandee D., Stoetman A. Uncharted and uncomfortable in European defence. Cllingendael. 27 January 2022. URL: <https://www.clingendael.org/publication/uncharted-and-uncomfortable-european-defence> (дата обращения: 13.09.2022)

15. Defence Data 2018–2019: key findings and analysis. European Defence Agency. 28 January 2021. URL: <https://eda.europa.eu/publications-and-data/brochures/defence-data-2018-2019> (дата обращения: 13.09.2022)

16. Defence Expenditure of NATO Countries (2013–2020). NATO. 21 October 2020. URL: www.nato.int/cps/en/natohq/news_178975.htm (дата обращения: 13.09.2022)

17. Duke S. The future of EU–NATO relations: A case of mutual irrelevance through competition? // Journal of European Integration, 2008. № 30(1). P. 27-43.

18. EU steps up action to strengthen EU defence capabilities, industrial and technological base: towards an EU framework for Joint defence procurement. European Commission. 18 May 2022. URL:

https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_3143 (дата обращения: 13.09.2022)

19. EU-NATO Cooperation and the Strategic Compass. European Union Institute for Security Studies. 14 October 2021. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/SI-EUISS%20-%20EU-NATO%20and%20Compass%20-%20Final%20Report.pdf> (дата обращения: 13.09.2022)

20. EU-NATO Declaration on the European security and defence policy. NATO. 16 December 2002. URL: www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19544.htm (дата обращения: 13.09.2022)

21. Ewers-Peters N.M. Understanding EU-NATO Cooperation: how member-states matter. London: Routledge, 2021. 220 p.

22. Got A. Turkey's crisis with the West: how a new low in relations risks paralysing NATO. War on the Rocks. 19 November 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/11/turkeys-crisis-with-the-west-how-a-new-low-in-relations-risks-paralyzing-nato/> (дата обращения: 13.09.2022)

23. Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organisation. NATO. 2016. URL: www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160708_160708-joint-NATO-EU-declaration.pdf (дата обращения: 13.09.2022)

24. Joint Declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organisation. NATO. 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156626.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.09.2022)

25. Kristi R., Järvenpää P. A new era of EU-NATO cooperation: how to make the best of a marriage of necessity, International Centre for Defence and Security. 12 May 2017. URL: <https://icds.ee/en/a-new-era-of-eu-nato-cooperation-how-to-make-the-best-of-a-marriage-of-necessity-2/> (дата обращения: 13.09.2022)

26. Marksteiner A. Explainer: the proposed hike in German military spending. SIPRI. 25 March 2022. URL: <https://www.sipri.org/commentary/blog/2022/explainer-proposed-hike-german-military-spending> (дата обращения: 13.09.2022)
27. Martill B., Sus M. Post-Brexit EU/UK security cooperation: NATO, CSDP+, or “French connection”? // *The British Journal of Politics and International Relations*, 2018. № 20(4). P. 846–863.
28. Multiannual Financial Framework 2021–2027 and Next Generation EU. Council of the European Union. 2021. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/2021-2027_en (дата обращения: 13.09.2022)
29. NATO 2022 Strategic Concept. NATO. 30 June 2022. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 13.09.2022)
30. NATO at 70: tensions among allies. RFI. 03 April 2019. URL: <https://www.rfi.fr/en/general/20190403-nato-70-tensions-among-allies> (дата обращения: 13.09.2022)
31. New NATO force model. NATO. 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 13.09.2022)
32. Nováky N.I.M. Who wants to pay more? The European Union’s military operations and the dispute over financial burden sharing // *European Security*, 2016. № 25(2). P. 216–236.
33. Odgaard L. (ed.) *Strategy in NATO: preparing for an imperfect world*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 228 p.
34. Olsen M.R. Donald Trump and the battle of the two percent. How will the US election impact on the conflicts over defence spending within NATO? DIIS Policy Brief. 20 October 2020. URL: <https://www.diis.dk/en/research/donald-trump-and-the-battle-of-the-two-percent> (дата обращения: 13.09.2022)
35. Perissich R. Europe’s Strategic Compass: merits and shortcomings. *Instituto Affari Internazionali*. 10 December 2021. URL: <https://www.iai.it/en/publicazioni/europes-strategic-compass-merits-and-shortcomings> (дата обращения: 13.09.2022)

36. Perruche J.-P. From exception to facilitator: what place for France in the EU/NATO partnership in the post-Cold War global world? // *Journal of Transatlantic Studies*, 2014. № 12(4). P. 432–442.

37. Reichard M. *The EU-NATO Relationship: A Legal and Political Perspective*. Abingdon: Routledge, 2006. 428 p.

38. Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the Press Conference Following the Foreign Affairs Council (Defence). Speech held on 6 March 2018. European Union External Action Service. 06 March 2018. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/40897/remarks-hrvp-mogherini-press-conference-following-foreign-affairs-council-defence_en (дата обращения: 13.09.2022)

39. Schleich C. NATO and EU in conflict regulation: interlocking institutions and division of labour // *Journal of Transatlantic Studies*, 2014. № 12(2). P. 182–205.

40. Smith S.J. EU-NATO cooperation: a case of institutional fatigue? // *European Security*, 2011. № 20(2). P. 243–264.

41. Smith S.J., Gebhard C. EU-NATO relations: running on the fumes of informed deconfliction // *European Security*, 2017. № 26(3). P. 303–314.

42. The triumphs and question marks from this week's NATO Summit. Atlantic Council. 30 June 2022. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/content-series/fastthinking/the-triumphs-and-question-marks-from-this-weeks-nato-summit/> (дата обращения: 13.09.2022)

43. Third Progress Report on the implementation of the common set of proposals by EU and NATO Councils on 6 December 2016 and 5 December 2017. NATO. 8 June 2018. URL: www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_06/20180608_180608-3rd-Joint-progress-report-EU-NATO-eng.pdf (дата обращения: 13.09.2022)

44. Twort L. EU 'Strategic Autonomy' and the ambition of PESCO. RUSI. 04 July 2018. URL: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/eu-strategic-autonomy-and-ambition-pesco> (дата обращения: 13.09.2022)

45. Versailles Declaration. European Commission. 11 March 2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/54773/20220311-versailles-declaration-en.pdf> (дата обращения: 13.09.2022)

46. Zięba R. The Euro-Atlantic security system in the 21st century: from cooperation to crisis. New York: Springer. 2018. 291 p.

Филиппова Наталья Ивановна,
лаборант-исследователь, Институт востоковедения Российской академии
наук, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: filipovanathalia@gmail.com

Natalya I. Philippova,
Research assistant, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of
Sciences, Postgraduate student, Saint Petersburg State University,
e-mail: filipovanathalia@gmail.com

**НПО ПРОТИВ ИЗРАИЛЯ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ «БОЙКОТ,
ИЗОЛЯЦИЯ, САНКЦИИ»**
**NGO AGAINST ISRAEL. THE «BOYCOTT, DIVESTMENT, SANCTIONS»
MOVEMENT**

Аннотация: движение «Бойкот, изоляция, санкции» объединяет множество палестинских и других НПО, имеющих штабы по всему миру. Выступая в поддержку применения ненасильственных мер в отношении Израиля, сторонники движения стремятся привлечь еврейское государство к соблюдению норм международного гуманитарного права и способствовать реализации прав палестинского народа. Несмотря на низкую эффективность действий, направленных на реализацию поставленных целей, движение продолжает формировать информационную повестку вокруг защиты прав палестинцев и наносить Израилю репутационный урон.

Ключевые слова: Израиль, Палестина, НПО, BDS, права палестинского народа, права человека.

Abstract: the «Boycott, Divestment, Sanctions» movement brings together many Palestinian and other NGOs with headquarters around the world. Supporting the use of non-violent measures against Israel, movement activists seek to bring the Jewish state into compliance with international humanitarian law and promote the realization of the rights of the Palestinian people. The BDS movement continues to form an international agenda around the protection of the rights of the Palestinians and inflict reputational

damage on Israel, despite the low effectiveness of actions aimed at achieving the set goals.

Keywords: Israel, Palestine, NGO, BDS, rights of the Palestinian people, human rights.

Введение

Спустя семнадцать лет с момента основания движения «Бойкот, изоляция, санкции» (ДБИС) его сторонники продолжают вести деятельность по распространению идеи бойкота как борьбы с израильской оккупацией, а также по привлечению общественного внимания к проблеме палестинского народа. Несмотря на многочисленные заявления об успешных кампаниях, опубликованных на официальном сайте ДБИС, все больше специалистов соглашаются с тем, что в актуальное время движение себя исчерпало, так как результативность его деятельности остается спорной, особенно на фоне наращивания Израилем экономических связей. За последние два года Израиль заключил ряд соглашений с арабскими странами: «Соглашения Авраама» о нормализации отношений с ОАЭ, Бахрейном, Марокко и Суданом, соглашение о торговле бриллиантами с Катаром, а многие транснациональные корпорации (ТНК) не спешат уходить из Израиля. Последнее резонансное событие, связанное с уходом компании Ben and Jerry's с оккупированных территорий, произошло в 2021 году. В июне 2022 г. стало известно, что головная компания Unilever продала израильский филиал Ben and Jerry's Ави Зингеру, учредителю American Quality Products. Такой шаг может означать в дальнейшем, что продажа продукции Ben and Jerry's на оккупированных территориях возобновится. Однако стоит подчеркнуть, что данная компания продолжает свою работу в самом Израиле [28].

Несмотря на то, что деятельность ДБИС не оказала позитивного влияния на процесс урегулирования палестино-израильского конфликта и не нанесла значимый урон экономике Израиля, она, ставя под сомнение, могут ли сочетаться такие понятия, как либеральная демократия и оккупация, способствовала ухудшению имиджа еврейского государства [22, p. 30; 23]. Вместе с тем

деятельность ДБИС имела и негативные последствия, выразившиеся в росте антисемитизма, в том числе и на академических площадках, где активно проводились «Недели израильского апартеида» – серии лекций и митингов, направленных на привлечение внимания к истории палестинцев, их дискриминации и поддержке бойкота, – и другие кампании в поддержку бойкота.

В последнее время вопрос о работе ДБИС приобрел актуальность в связи с объявлением санкций в отношении России (в связи с проведением военной операции на Украине), которые также сопровождались приостановлением сотрудничества с Россией в культурных и академических сферах. Учитывая, что ДБИС является незаконным в Израиле и в некоторых штатах США, сторонники движения выступили с заявлением, что таким образом их действия (призывы к прекращению сотрудничества с Израилем) не могут считаться нарушением каких-либо законодательных норм [17].

Автор предлагает рассмотреть историю создания ДБИС и проанализировать деятельность движения ввиду недостаточной изученности данной темы в отечественной научной литературе, а также важности рассмотрения роли неправительственных организаций в формировании информационной повестки вокруг проблемы нарушения прав палестинского народа.

Терминология

Принимая во внимание сложившуюся практику употребления термина «апартеид» в отношении системы, имевшей место в ЮАР, автор хотел бы подчеркнуть, что ряд неправительственных структур и участники ДБИС используют данный термин по смыслу международно-правовых документов, то есть без определенной географической привязки. Дальнейшее применение термина «апартеид» или сочетания «режим апартеида» в отношении политики Израиля представляет исключительно позицию исследуемых неправительственных организаций.

Истоки движения

В сентябре 2021 г. ГА ООН провела заседание по случаю годовщины принятия Дурбанской декларации и Программы действий. Позже, выступая в рамках 76-й сессии ГА, премьер-министр Израиля Нафтали Бенет поблагодарил 38 стран, отказавшихся от участия в сентябрьском заседании вследствие изначально противоречивого характера конференции.

В 2001 году в Дурбане прошла Конференция по борьбе против расизма, в рамках которой также состоялся форум НПО. Принятие Дурбанской декларации и Программы действий сопровождалось отдельным принятием членами форума декларации, содержащей обвинения властей Израиля в совершении преступления апартеида и призывы к изоляции Израиля путем наложения санкций, прекращения дипломатических, экономических отношений и гуманитарных связей [33]. Открытое осуждение Израиля способствовало тому, что некоторые политические деятели обвинили конференцию в антисемитизме. Вместе с тем данное событие стало одним из катализаторов зарождения ДБИС. Впоследствии факторами, которые способствовали формированию палестинского общества в единое движение, также стали интифада Аль-Аксы, начавшаяся в 2000 году (известна как вторая интифада – вооруженное сопротивление палестинцев израильской оккупации; первая интифада произошла в 1987 году), оккупация израильскими войсками в 2002 году палестинских городов и населенных пунктов, начало строительства Израилем оградительного барьера и вынесение консультативного заключения Международного суда ООН, определяющего данное сооружение нарушением международного права [21, р. 75–83]. В апреле 2002 г. премьер-министр Израиля Ариэль Шарон объявил о начале возведения оградительного барьера. Решение было принято в качестве меры безопасности вследствие увеличения количества терактов со стороны радикальных палестинцев. Часть оградительного барьера пролегает вне границ «зеленой линии», тем самым охватывая территории Западного берега реки Иордан.

Созданию движения предшествовала и серия призывов, направленных на привлечение внимания мировой общественности к палестинской проблеме. В 2002 году группа палестинских интеллектуалов опубликовала письмо-обращение следующего содержания: «После многих лет апартеида, оккупации и этнической

чистки не стоит ждать, пока ситуация достигнет уровня резни в Сабре и Шатиле, имевшей место в 1982 г.³ – действовать необходимо сейчас <...> Мы призываем ликвидировать заговор молчания среди государств, который позволяет Израилю, при поддержке США, безнаказанно нарушать международное гуманитарное право; <...> прекратить военную помощь Израилю и приостановить с ним экономические отношения» [31]. В том же году британские профессора Стивен и Хилари Роуз опубликовали письмо в *The Guardian* [20] с призывом ввести мораторий на финансирование исследований, проводимых совместно с Израилем, до тех пор, пока Израиль не станет выполнять резолюции ООН и не начнет серьезные переговоры с палестинской стороной. Буквально за несколько дней письмо собрало сотни подписей сотрудников университетов, включая университеты в Израиле [16, p. 27].

Результатом последующих призывов от лица палестинских научных деятелей и интеллектуалов стало учреждение в 2004 году Палестинской кампании за культурный и академический бойкот Израиля (РАСВІ). В дальнейшем РАСВІ стала частью ДБИС, сохранив за собой автономию. Члены новой кампании утвердили три основных пункта, исходя из которых политика Израиля расценивалась как «колониальное притеснение» палестинского народа, ведущееся как минимум по трем направлениям. Во-первых, это отрицание Накбы (в некоторых арабских источниках так обозначаются последствия событий первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг.); этнические чистки и лишение собственности – действия, которые привели к возникновению проблемы беженцев среди палестинцев; отказ признать неотъемлемые права беженцев. Во-вторых, это военная оккупация и колонизация Западного берега реки Иордан (включая Восточный Иерусалим) и сектора Газа с 1967 года. И, в-третьих, это укоренившаяся система расовой дискриминации и сегрегации по отношению к

³ Сабра и Шатила – бейрутские лагеря палестинских беженцев. В 1982 году, во время ливано-израильской войны, фалангисты, будучи союзниками Израиля, провели в лагерях «операцию по уничтожению палестинских боевиков», в ходе которой по различным оценкам было убито от 700 до 3000 человек.

палестинским гражданам Израиля, которая имеет признаки системы апартеида, существовавшей в ЮАР [9].

В 2005 году 170 палестинских неправительственных организаций подписали призыв к бойкоту, изоляции и введению санкций в отношении Израиля. Хотя кампании, бойкотирующие еврейское государство, проводились и ранее, данный шаг стал «официальным» началом ДБИС. Так, представители палестинских НПО «закрепили» основную позицию движения следующими положениями: «ненасильственные меры: бойкот, изоляции и санкции должны поддерживаться до тех пор, пока Израиль не признает право палестинского народа на самоопределение и не начнет соблюдать предписания международного права: 1) прекращение оккупации и колонизации всех арабских земель, демонтаж оградительного барьера, 2) признание прав арабо-палестинских граждан Израиля на полное равенство, 3) уважение и защита прав палестинских беженцев на возвращение в свои дома и на возвращение отнятого у них имущества, как это предусмотрено в резолюции 194 ООН от 11 декабря 1948 г.» [26].

Структурное оформление движения завершилось в 2007 году. В Рамалле состоялась первая конференция ДБИС, по результатам которой был создан Палестинский национальный комитет ДБИС (ПНК). На ПНК возлагались следующие задачи: 1) усиливать и распространять бойкот как основную форму противостояния колониализму, апартеиду и оккупации; 2) разрабатывать стратегии и программу действий в соответствии с призывом палестинского гражданского общества, опубликованным в 2005 году; 3) служить национальным ориентиром для кампаний ДБИС в регионе и во всем мире; 4) служить национальным ориентиром для кампаний, направленных против нормализации в Палестине; 5) обеспечивать поддержку различным ДБИС-кампаниям, способствовать их координации, а также поощрять данные кампании [25].

Деятельность ДБИС

Поддерживая бойкот как форму сопротивления израильской оккупации, сторонники ДБИС сосредотачивают свое внимание на трех направлениях: культурный, академический и экономический бойкот.

Содержание культурного бойкота обозначается следующим образом [6]. «Израиль использует культуру в качестве прикрытия серьезных нарушений международного права», – утверждается на сайте ДБИС. Активисты выступают за прекращение культурного сотрудничества с Израилем, призывают творческих деятелей отказываться от выступлений в Израиле, а культурные институты – от израильского финансирования.

Академический бойкот [5] – это приостановка академического сотрудничества с израильскими учреждениями. В рамках ДБИС утверждается, что израильские университеты сыграли и продолжают играть ключевую роль в планировании, осуществлении и оправдании оккупации путем сотрудничества с Министерством обороны Израиля. На сайте ДБИС указана следующая обвинительная информация в отношении израильских университетов: на базе Техниона – расположенного в г.Хайфе израильского технологического института – разрабатываются военные дроны и бульдозеры на дистанционном управлении, чтобы сносить дома палестинцев. Технион также принял участие в проекте строительства оградительного барьера. Тель-Авивский университет несет ответственность за разработку «Доктрины Дахия», в основе которой лежит диспропорциональное использование силы против гражданской инфраструктуры, и которая применяется израильскими военными.

По поводу экономического бойкота [7] активисты движения заявляют, что международные корпорации, которые в некоторых случаях являются подрядчиками Министерства обороны Израиля и работают в Израиле и на оккупированных территориях, способствуют продолжающимся нарушениям международного права. Актуальные кампании по экономическому бойкоту ведутся как против международных корпораций (G4S, HP, Caterpillar, Puma, AXA, SodaStream, Sabra, Pillsbury, Alstom), так и против израильских компаний (Ahava, Mehadrin, Hadiklaim).

Частью экономического бойкота также становится призыв изымать капиталовложения. Одним из своих достижений сторонники ДБИС считают вывод Фондом Билла Гейтса активов из G4S на сумму 170 миллионов долларов.

Спровоцированное изъятие капиталовложений европейскими банками и пенсионными фондами, по мнению ДБИС, сыграло ключевую роль в закрытии филиала Veolia в Израиле.

Результаты деятельности ДБИС

В январе 2022 г. от лица РАСВІ была опубликована статья [27], содержащая благодарность тем, кто поддерживал борьбу против «израильского режима апартеида». Подводя итоги ушедшего года, РАСВІ приводит около пятидесяти примеров успешных результатов своей деятельности в разных странах. Значительная часть «достижений» посвящена актуальной кампании по бойкотированию Рума, а также несогласию с определением Международным альянсом в память о холокосте (IHRA) понятия «антисемитизм», которое включает следующие действия, напрямую касающиеся ДБИС: а) отрицание права еврейского народа на самоопределение, например через трактовку существования государства Израиль в качестве расистского проекта; б) применение двойных стандартов с требованием от него (*Израиля – прим. авт.*) поведения, которого не требуют или не ожидают от любого другого демократического государства [1; 18].

В 2017 году данное определение было одобрено Европейским парламентом. В 2021 году при содействии института Ван Лира в Иерусалиме была опубликована Иерусалимская декларация, которая содержит иное толкование антисемитизма. Сторонники Иерусалимской декларации выступили с тем, что определение IHRA ограничивает свободу самовыражения и критику в отношении правительства Израиля, в то время как бойкот и санкции – это обычные ненасильственные формы протеста, которые не являются антисемитскими.

Важно отметить, что периодические протесты со стороны ДБИС, а также публичные отказы различных организаций от сотрудничества с Израилем несут в конечном счете не столько реальную функцию по оказанию давления на еврейское государство, сколько способствуют поддержанию определенного (пропалестинского) информационного поля вокруг палестинской проблематики. Постоянно создавая негативный фон вокруг действий израильских властей, ДБИС представляет Израиль и организации, имеющие контракты с Израилем,

угнетателями. Израиль и ТНК сталкиваются с преодолимыми репутационными рисками, однако влияние на экономику еврейского государства остается спорным. Так, к своим результатам сторонники движения относят закрытие в Израиле компаний Veolia, Orange, Ben and Jerry's (приостановление работы на оккупированных территориях). Утверждается, что деятельность ДБИС способствовала сокращению иностранного финансирования Израиля в 2014 году на 46%. Последнее следует из отчета Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Однако, трактуя информацию ЮНКТАД односторонне, активисты ДБИС упускают из внимания разъяснения, представленные в отчете, а именно то, что спад инвестирования в 2014 году, наблюдавшийся и в других странах, мог быть вызван всеобщим низким экономическим ростом [34].

Анализируя экономику Израиля, важно подчеркнуть, что поток иностранных инвестиций в Израиль постоянно увеличивается: в 2014 году данная сумма составляла 6,4 млрд долларов и к 2021 году выросла до 112,7 млрд долларов [30]. За период между 2014 и 2020 г. товарооборот между Израилем и ЕС, где функционируют многочисленные штабы ДБИС, вырос на 3 млрд евро [14].

Израильский экспорт представляет уникальные товары высокого качества, которым сложно найти замену, например из сферы высоких технологий, фармацевтики. Запрет израильских товаров неминуемо отразится на потребителях в других странах. Ориентируясь на политику санкций, проводимую в отношении политического режима апартеида в ЮАР, сторонники ДБИС не учитывают, что товары, экспортируемые в то время из Южной Африки, могли быть легко заменены товарами из других стран, а, значит, их запрет не имел глобальных негативных последствий. Вышеперечисленные моменты, по мнению экспертов Брукингского исследовательского института, показывают, что деятельность ДБИС происходит больше на «психологическом поле сражений, нежели на экономическом» [3].

Однако, если ДБИС не имеет большого влияния на экономику Израиля, оно вполне может воздействовать на имидж государства Израиль и на имидж ТНК. Представляется весьма сложным оценить непосредственное воздействие ДБИС на дальнейшие шаги компаний по выходу из израильских проектов, так как сами ТНК

часто заявляют о коммерческих причинах, которые послужили основой для принятия таких решений. Некоторые компании дистанцируются от ДБИС, выступая против политики Израиля, как об этом, например, заявили учредители Ben and Jerry's, закрывшие свой филиал на оккупированных территориях [4; 35].

Для иллюстрации деятельности ДБИС предлагается рассмотреть бойкот двух французских компаний Veolia и Alstom. Данный анализ позволяет отразить противоречивость, присутствующую в определении «успешности», заявленной ДБИС.

Сворачивание проектов Veolia и Alstom в Израиле [12]⁴

Veolia – транснациональная компания, осуществляющая свою деятельность в сферах водоснабжения, утилизации отходов, энергетики и транспорта. Alstom специализируется на производстве энергетического оборудования и железнодорожного транспорта.

В 1980 году Израиль распространил суверенитет на весь Иерусалим и объявил город столицей государства. В 1999 году правительство Израиля одобрило строительство железнодорожного полотна для скоростного трамвая в Иерусалиме. В 2000 году был объявлен международный тендер на строительство и обслуживание первой красной линии трамвая, который впоследствии выиграл созданный в 2002 году CityPass – консорциум из израильских и иностранных компаний. Доля Alstom составила 20%, а Veolia, через дочернюю компанию Connex Israel, – 5%.

Трамвайная линия связывала израильское поселение Писгат Зеэв с центром города и доходила до горы Герцля, пролегая через районы, аннексированные Израилем в 1967 году, что вызвало недовольство со стороны правозащитных и пропалестинских организаций [29]. Строительство началось в 2006 году, однако запуску проекта предшествовало заключение Международного суда, определяющее возведение израильскими властями оградительного барьера нарушением международного права, что существенно отразилось на

⁴ В актуальное время ДБИС призвала к бойкоту испанской компании CAF, которая стала новым участником проекта в 2019 году. См.: <https://bdsmovement.net/boycott-caf> (дата обращения: 10.06.2022)

общественном настроении. Работы по проекту сопровождались регулярными протестами, в ходе которых демонстранты призывали французские компании отказаться от участия в строительстве линий. В период с 2006 по 2012 г. свои финансовые отношения с Veolia и Alstom прекратили голландские банки ASN и Triodos, пенсионный фонд Норвегии, шведский пенсионный фонд AP7 [19, p. 102; 24, p. 104]. Сторонники ДБИС указывают, что за все время кампании бойкота Veolia потеряла 20 млрд долларов [8]. В 2011 году Alstom, в свою очередь, проиграла тендер на строительство железнодорожного полотна между Меккой и Мединой в Саудовской Аравии, что, по мнению ДБИС, также явилось результатом кампании бойкота. Свою основную победу ДБИС отметило, когда Alstom (в 2013 г.), а затем и Veolia (в 2015 г.) вышли из ранее созданного консорциума CityPass.

Анализируя данную ситуацию, важно обратить внимание на ряд аспектов, которые не упоминаются сторонниками ДБИС и в то же время ставят под сомнение успешный результат кампании.

Во-первых, расследование французских журналистов France 24, проведенное в 2018 году, показало, что после выхода из CityPass Alstom продолжила свое участие в строительстве линий для иерусалимского трамвая. Более того, журналисты также указывают на то, что в проекте в дальнейшем участвовали и другие французские компании, такие как Systra, Egys Rail [11].

Во-вторых, в 2014 году представитель компании Veolia Антуан Фреро заявил о закрытии компании в Израиле, но причиной тому, по его словам, стало стратегическое перенаправление компании на другие рынки [32].

В-третьих, в период с 2007 по 2013 г. во Франции прошли судебные заседания по делу участия французских компаний Veolia и Alstom в строительстве линий иерусалимского трамвая. Обвинительная сторона, в лице Организации освобождения Палестины (ООП) и Ассоциации французско-палестинской солидарности (АФПС), выступила с тем, что французские компании должны аннулировать существующий контракт на постройку линий, так как его реализация противоречит нормам международного права.

В 2013 году апелляционный суд Версаля вынес решение в пользу Veolia и Alstom. Заключение было основано на двух формулировках. Во-первых, 43 ст. Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. наделяет страну-оккупанта обязательством обеспечить общественный порядок и общественную жизнь на занимаемой территории, что может подразумевать и строительство коммуникаций. Во-вторых, обвинения в нарушении норм международного права не могут быть удовлетворены, так как международные конвенции регулируют отношения между государствами; коммерческие компании не являются сторонами – участниками международных конвенций [10].

Кроме того, на приостановление и сокращение деятельности также могли повлиять проблемы, возникшие в сфере безопасности. Представители CityPass заметили, что в ходе атак палестинцев, сопровождающихся метанием камней, а также протестов в ультраортодоксальных кварталах, наносился большой урон вагонам трамвая, что могло привести к возможным ранениям пассажиров и персонала [15].

Заключение

Несмотря на то что ДБИС продолжает свою деятельность, в настоящее время результативность действий движения идет на спад, что может быть обосновано в том числе решительными шагами по борьбе с ДБИС со стороны Израиля.

Проведение кампаний бойкота и освещение возможных нарушений норм международного права позволяют ДБИС продолжать негативно влиять на имидж Израиля и ТНК, осуществляющих свою деятельность в Израиле и на оккупированных территориях, что находит отражение в документах межправительственных организаций. Так, в феврале 2020 г. Совет по правам человека ООН опубликовал список из 112 компаний [13], которые функционируют на Западном берегу, с указанием, что их деятельность может вызвать беспокойство относительно нарушений прав человека на оккупированных территориях.

Результативность ДБИС в конечном счете ограничивается лишь некоторыми «достижениями», успешность которых зачастую может быть подвергнута сомнению. Однако пока Израиль преподносит возможные поводы, которые можно

представить общественности в негативном свете как результат продолжающейся оккупации, ДБИС будет существовать и дальше, функционируя в качестве информационного рупора [2, p. 143].

Список источников и литературы

1. Понимание сути преступлений на почве антисемитизма и обеспечение потребностей еврейских общин в сфере безопасности. Практическое руководство // Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ. 2020. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/e/365556.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

2. Amiri S., Sevin E. City Diplomacy: Current Trends and Future Prospects // Springer Nature. 2020. 362 p.

3. Bahar D., Sachs N. How much does BDS threaten Israel's economy? // The Brookings institution. 26.01.2018. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/01/26/how-much-does-bds-threaten-israels-economy> (дата обращения: 18.07.2022).

4. Ben & Jerry's - proud Zionists or BDS supporters? // The Jerusalem Post. 28.08.2021. – URL: <https://www.jpost.com/opinion/ben-and-jerrys-proud-zionists-or-bds-supporters-677968> (дата обращения: 10.06.2022).

5. BDS. Academic Boycott // Official site of The BDS movement. – URL: <https://bdsmovement.net/academic-boycott#tab1> (дата обращения: 13.06.2022).

6. BDS. Cultural Boycott // Official site of The BDS movement. – URL: <https://bdsmovement.net/cultural-boycott> (дата обращения: 10.06.2022).

7. BDS. Economic Boycott // Official site of The BDS movement. – URL: <https://bdsmovement.net/economic-boycott> (дата обращения: 13.06.2022).

8. BDS Marks Another Victory As Veolia Sells Off All Israeli Operations // Official site of The BDS movement. 01.09.2015. – URL: <https://bdsmovement.net/news/bds-marks-another-victory-veolia-sells-all-israeli-operations> (дата обращения: 13.06.2022).

9. Call for an Academic and Cultural Boycott of Israel // Official site of The BDS movement. 06.07.2004. – URL: <https://bdsmovement.net/pacbi/pacbi-call> (дата обращения: 13.06.2022).

10. Cour d'appel de Versailles, décision de 22 mars 2013. Affaire Association France-Palestine Solidarité, Organisation de libération de la Palestine contre Société Alstom transport SA, Société Alstom SA, Veolia Transport SA. – URL: https://www.france-palestine.org/IMG/pdf/decision_de_la_cour_d_appel.pdf (дата обращения: 10.06.2022)

11. Dans les coulisses du tramway de Jérusalem, les petits arrangements des entreprises françaises. // France 24. 2018. – URL: <https://webdoc.france24.com/jerusalem-tramway-entreprises-france-colonies-israel> (дата обращения: 10.06.2022)

12. Derail Veolia and Alstom Campaign // Official site of The BDS movement. 29.06.2009. – URL: <https://bdsmovement.net/news/derail-veolia-and-alstom-campaign> (дата обращения: 10.06.2022).

13. Database of all business enterprises involved in the activities detailed in paragraph 96 of the independent international fact-finding mission to investigate the implications of the Israeli settlements on the civil, political, economic, social and cultural rights of the Palestinian people throughout the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem. 12.02.2020. A/HRC/43/71. – URL: <https://www.ohchr.org/fr/documents/reports/ahrc4371-database-all-business-enterprises-involved-activities-detailed-paragraph> (дата обращения: 13.06.2022)

14. EU trade relations with Israel. Facts, figures and latest developments // Official website of The European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/israel> (дата обращения: 10.06.2022).

15. French company drops tender bid for light rail because it enters East Jerusalem // The Times of Israel. 16.05.2019. – URL: <https://www.timesofisrael.com/french-company-drops-tender-bid-for-light-rail-over-east-jerusalem-lines> (дата обращения: 10.06.2022)

16. Gerstenfeld M. The Academic Boycott Against Israel // Jewish Political Studies Review. Vol. 15, No. 3/4. Anti-Semitism Issues. pp. 9-70.

17. Hypocrisy': Lawmakers fighting Israel boycott now all-in for Russia sanctions // Politico. 03.07.2022. – URL: <https://www.politico.com/news/2022/03/07/bds-lawmakers-boycott-russia-00014813> (дата обращения: 13.07.2022).

18. IHRA Plenary in Budapest 2015 to adopt the following working definition of antisemitism. – URL: https://www.holocaustremembrance.com/sites/default/files/press_release_document_antisemitism.pdf (дата обращения: 29.07.2022).

19. Martin M. Corporate Peace: How Global Business Shapes a Hostile World // Oxford University Press. 2020. 320 p.

20. More pressure for Mid East peace // The Guardian. 06.04.2002. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/apr/06/israel.guardianletters> (дата обращения: 12.06.2022).

21. Morrison S. The Boycott, Divestment, and Sanctions Movement: Activism Across Borders for Palestinian Justice // The London School of Economics and Political Science. 2015. 269 p.

22. Olesker R. Israel's Securitization Dilemma: BDS and the Battle for the Legitimacy of the Jewish State // Routledge. 2022. 164 p.

23. Opinion. BDS Success Stories // Haaretz. 05.09.2018. – URL: <https://www.haaretz.com/opinion/2018-09-05/ty-article-opinion/.premium/bds-success-stories/0000017f-e1ec-d75c-a7ff-fded3bad0000> (дата обращения: 01.08.2022).

24. Ozerdem A., Thiessen Ch., Qassoum M. Conflict Transformation and the Palestinians: The Dynamics of Peace and Justice under Occupation // Routledge. 2016. 314 p.

25. Palestinian BDS National Committee // Official site of The BDS movement. – URL: <https://bdsmovement.net/bnc> (дата обращения: 13.06.2022).

26. Palestinian Civil Society Call for BDS // Official site of The BDS movement. 09.07.2005. – URL: <https://bdsmovement.net/call#Russian> (дата обращения: 13.06.2022).

27. PACBI Year in Review 2021: An Unprecedented Year of Support for Palestinian Rights // Official site of The BDS movement. 11.01.2022. – URL: <https://bdsmovement.net/news/pacbiyearinreview-2021-unprecedented-year-support-for-palestinian-rights> (дата обращения: 13.06.2022).

28. The BDS Movement Has Already Lost // Foreign Policy. 19.05.2022. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/19/bds-movement-boycott-israel-palestine-harvard-crimson> (дата обращения: 15.06.2022).

29. Tracking Annexation: The Jerusalem Light Rail and The Israeli Occupation. Flash Report. Who profits. 2017. – URL: https://www.whoprofits.org/wp-content/uploads/2018/06/old/tracking_annexation_-_the_jerusalem_light_rail_and_the_israeli_occupation.pdf (дата обращения: 12.06.2022)

30. Trading economics. Israel Foreign Direct Investment. – URL: <https://tradingeconomics.com/israel/foreign-direct-investment> (дата обращения: 10.06.2022).

31. Urgent Call to World Civil Society: Break the Conspiracy of Silence, Act Before it is too Late. 30.03.2002. – URL: <http://www.miftah.org/Display.cfm?DocId=686&CategoryId=32> (дата обращения: 13.06.2022).

32. Veolia se retire d'Israël, vise des marchés plus prometteurs // The Times of Israel. 10.07.2014. – URL: <https://fr.timesofisrael.com/veolia-se-retire-disrael-vise-des-marches-plus-prometteurs> (дата обращения: 10.06.2022)

33. World Conference against Racism. NGO Forum Declaration. Durban, South Africa. 03.09.2001. Paras: 162, 424 . – URL: <https://i-p-o.org/racism-ngo-decl.htm> (дата обращения: 13.06.2022).

34. World Investment report 2015: Reforming International Investment Governance. United Nations Conference on Trade and Development. United Nations Publications. 2015. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2015_en.pdf (дата обращения: 19.07.2022).

35. We're Ben and Jerry. Men of Ice Cream, Men of Principle // The New York Times. 28.07.2021. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/07/28/opinion/ben-and-jerry-israel.html> (дата обращения: 11.06.2022)

Асанов Фирдавс Восехжон угли,
стажёр, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: Firdavs_asanov@mail.ru

Firdavs Vosekhzhon ugli Asanov,
Ph.D. Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: Firdavs_asanov@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ
MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN FOREIGN
POLICY OF TURKEY**

Аннотация: на современном этапе наблюдается рост геополитического влияния Турции, которая все больше претендует на укрепление собственной роли в международных отношениях путем внешнеэкономических инструментов и приобретает свойства связующего звена между Востоком и Западом, Севером и Югом. Это происходит за счет активизации внешнеполитического курса, роста взаимодействия со многими державами, внешнеполитических инструментов, в том числе экономических.

Ключевые слова: Россия, Турция, внешняя политика, партнерство, технологии, стратегическое партнерство.

Abstract: at the present stage, there is an increase in the geopolitical influence of Turkey, which increasingly claims to strengthen its own role in international relations through foreign economic instruments and acquires the properties of a link between East and West, North and South. This happens due to the intensification of the foreign policy course, the growth of interaction with many powers, due to foreign policy instruments, including economical ones.

Keywords: Russia, Turkey, foreign policy, partnership, technology, strategic partnership.

Введение

Внешняя политика Турции претерпела значительные изменения за последние два десятилетия при Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Тайипа Эрдогана. В первое десятилетие правления ПСР «логика взаимозависимости» была движущим мотивом внешней политики страны. Анкара проводила активную стратегию региональной интеграции, основанную на экономических и культурных связях, подписала соглашения о свободной торговле и ввела безвизовый режим со странами Ближнего Востока. Правительство ПСР также возобновило активные контакты, направленные на вступление Турции в Европейский союз в 2005 году [1].

Во втором десятилетии правления ПСР представление Турции о своей национальной роли значительно изменилось. В Турции «логика взаимозависимости» и роль «посредника-интегратора» постепенно уступили место настойчивому стремлению к «автономии».

Турция отказалась от своей роли нейтрального игрока на Ближнем Востоке после событий «арабской весны», приняв участие в гражданской войне в Сирии. Отношения Турции с Израилем и Египтом зашли в длительный политический тупик. На 2020 год у Турции не было послов в Египте, Израиле и Сирии – трех ключевых государствах региона, с которыми она наладила прочные связи в начале 2000-х гг. в рамках попыток позиционировать себя как «доброжелательную региональную державу» [1].

В то же время Анкара противостояла своим западным союзникам в нескольких областях, в том числе в освоении энергетических ресурсов в Восточном Средиземноморье, что повлекло за собой лобовое столкновение с ЕС и Грецией. Тем временем институциональные отношения с Соединенными Штатами и другими союзниками по НАТО по вопросам региональной безопасности ухудшились до такой степени, какой ранее не наблюдалось в истории трансатлантического альянса.

Сдвиги во внешней политике и стремление Турции к автономному политическому пространству можно понимать как результат изменений на

глобальном, региональном и национальном уровнях. На глобальном уровне смена власти, связанная с ограничением роли Запада и появлением новых центров силы, оказала глубокое влияние на восприятие правительствами глобального Юга возможностей проактивного подхода. Финансовый кризис 2008 г. стал важным для Турции. Избрание Дональда Трампа президентом США в конце 2016 г. привело к отказу от приверженности либеральному международному порядку на фоне уверенного подъема Китая при Си Цзиньпине. Китай становился все более влиятельным за рубежом. В своей новой глобальной роли Китай формирует структуры стимулов для других государств, предлагая материальные выгоды и альтернативные партнерства.

Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган сыграл решающую роль в формировании внешнеполитических программ своего государства. В последнее десятилетие геополитическая нестабильность была особенно ярко выражена на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В 2011 году, с началом гражданской войны в Сирии, гуманитарный кризис в этой стране унес около 500 000 жизней и вынудил половину населения покинуть свои дома. В сентябре 2019 г. журнал *The Economist* сообщил: «ВВП Сирии составляет одну треть того, что было до войны... [и] реконструкция будет стоить от 250 до 400 миллиардов долларов» [3]. Возникающие проблемы, связанные с несостоятельностью государства, породили вакуум власти, что привело к вызовам безопасности не только для соседних государств, но и для Европы в целом.

Внутренняя политика представляет собой третий слой объяснения изменений во внешней политике Турции. Стратегическая автономия имеет двойное значение в турецком контексте. Во-первых, он представляет собой структуру, в рамках которой турецкие правящие элиты могут объединиться с незападными великими державами и сбалансировать иерархический порядок, возглавляемый США. Во-вторых, что более важно, он служит узаконивающим внешнеполитическим дискурсом, с помощью которого авторитарное правительство может мобилизовать свою базу поддержки внутри страны.

Пять принципов внешней политики Эрдогана

Президент Реджеп Тайип Эрдоган сформировал контуры внешней политики Турции по мере ее развития за последнее десятилетие. Его видение сосредоточено на пяти взаимосвязанных принципах. Во-первых, по мнению турецкого лидера, Турция является важной страной в региональном и глобальном масштабе. Это крупный игрок в мировой политике, который способен менять правила игры в регионе благодаря активным политическим и экономическим инициативам.

Фактически у Турции 19-я по величине экономика в мире и 17-е место по численности населения, а также она занимает 16-е место по военным расходам (2,5% ВВП). Тем не менее, несмотря на то что материальные индикаторы говорят об обратном, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган определяет ее как мирового лидера, который способен действовать как самостоятельно, так и в коалиции с другими крупными государствами для продвижения своего глобального видения. Турецкий лидер заявляет, что «хотя Турция не является военной или экономической сверхдержавой, она стала мировым лидером, став частью решения в Ираке, Сирии и других местах» [2].

Во-вторых, соображения безопасности и защита национальных интересов являются фундаментальной движущей силой внешней политики Турции, и это оправдывает применение «жесткой силы» в условиях повышенных геополитических рисков. Проецирование военной мощи за границу в сочетании с сильной отечественной оборонной промышленностью стало главной задачей. По словам президента Турции Р.Т. Эрдогана, стране удалось снизить зависимость от иностранных технологий в оборонной промышленности с 70% до 30%.

За последние 18 лет количество отечественных турецких фирм, работающих в оборонной промышленности, увеличилось с 56 до 1 500, а объем экспорта в этом секторе вырос с 248 миллионов долларов до более чем 3 миллиардов долларов. Эти инвестиции в местную оборонную промышленность были мотивированы желанием уменьшить зависимость страны от западной гегемонии. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), в период с 2011–2015 по 2016–2020 гг. Турция сократила импорт вооружений на

59%. Только поставки оружия из США снизились на 81%. «[Турция] опустилась с 3-го места по величине получателя экспорта оружия США в 2011–2015 годах на 19-е место в 2016–2020 гг.» [5].

В-третьих, один из ключевых элементов внешнеполитического мировоззрения турецкого президента – идеологическая идентичность с партнерами. Турция является одной из ведущих стран в исламском мире на основании ее мусульманско-суннитской идентичности и считает, что она защищает и продвигает интересы мусульман во всем мире. Эрдоган полагает, что турецкая армия представляет собой «надежду для всех угнетенных, жертв, кровных родственников и мусульманской уммы».

Наряду со странами БРИКС Турция продвигает идею полицентричности международного порядка и отстаивает права наименее развитых стран. По мнению Р.Т. Эрдогана: «Официальная помощь Турции в целях развития, которая в 2002 г. составляла 85 миллионов долларов, увеличилась до 8,6 миллиарда долларов. [С точки зрения помощи развитию] Турция занимает шестое место среди стран по абсолютному объему и первое место, если учитывать национальный доход».

Однако некоторые элементы стратегии Турции противоречат этому гуманитарному дискурсу. Отступив от своей приверженности принципу невмешательства, Турция создала военные базы в Катаре (2015 г.) и Сомали (2017 г.), развернула военные операции/передовые военные базы в Сирии (2016 г.) и Ливии (2019 г.), сохранила свое долгосрочное присутствие в Ираке и на Северном Кипре, а также оказала мощную военную поддержку Азербайджану за счет использования турецких беспилотников в Нагорном Карабахе (2020 г.).

В-четвертых, Россия и Китай воспринимаются как основные партнеры Турции в меняющемся глобальном контексте. В экономической сфере Россия и Китай представляют собой возможности для экономического роста. Со временем такие партнерские отношения могут привести к большей независимости Турции от Запада. Китай и Россия уже входят в тройку крупнейших торговых партнеров Турции наряду с Германией. Значение оси Россия–Китай не ограничивается экономической сферой, эти две страны являются новыми партнерами в

обеспечении безопасности и продвижении более независимой оборонной промышленности. Ось Россия–Китай также имеет решающее значение в новой геополитической ориентации Турции.

В 2018 году Турцию пригласили на конференцию БРИКС в Йоханнесбурге в качестве представителя Организации исламского сотрудничества, и Эрдоган с энтузиазмом воспринял приглашение Турции в качестве «потенциального члена БРИКС». Примечательно, что в группе БРИКС все больше преобладает Китай.

После валютного кризиса 2018 г. в Турции Эрдоган, стремясь любой ценой избежать обращения к МВФ как символу западного господства, посетил Китай в поисках финансовой поддержки в краткосрочной перспективе и расширения экономических связей в долгосрочной перспективе. Отношения с Пекином рассматриваются как путь к укреплению авторитарного президентского режима в Турции. В этом заключается парадокс турецкой политики, проводимой в последнее время, несмотря на то, что Эрдоган и его помощники определяют стратегическую автономию как опору внешней политики, которая поможет сформировать независимость от гегемонии Запада.

В-пятых, несмотря на партнерские отношения с Россией и Китаем, Турция сохраняет двусторонние связи с Западом как в вопросах экономики, так и безопасности. Правительство понимает, что Турция должна поддерживать свои давние институциональные связи через членство в НАТО и кандидатуру в ЕС. Тем не менее трансатлантический альянс считается ориентированным на интересы и транзакционным, а Запад проецируется как «другой» с точки зрения человеческой идентичности и религиозных взглядов. Таким образом, внешнеполитический подход, основанный на сильных антизападных настроениях, является центральным механизмом получения внутренней политической поддержки, а частые «кризисы» с западными державами служат благой цели.

Российско-турецкое взаимодействие

Партнерство между Турцией и Россией в последнее время приобрело качественно иной оборот и теперь представляет собой основной элемент политики турецкого правительства, стремящегося к автономии. Можно отметить, что на

протяжении всей истории отношения России и Турции носили конфликтный, нестабильный характер. Во время холодной войны Советский Союз стал серьезной угрозой безопасности, поскольку Турция была членом НАТО, а сотрудничество между двумя странами, в основном в области энергетики и строительства, было ограниченным.

Тем не менее к середине 1980-х гг. Турция смогла улучшить отношения как с Советским Союзом, так и с западными державами одновременно, впервые с 1930-х гг., а объем двусторонней торговли увеличился с 476 миллионов долларов США до 1,8 миллиарда долларов США.

1990-е годы ознаменовали собой дальнейший прогресс благодаря взаимодополняемости двух экономик: Россия была богата энергетическими ресурсами, а Турция имела сравнительное преимущество в области потребительских товаров и строительных проектов. По инициативе Турции партнерство было институционализировано проектом Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) в 1992 году, в котором участвуют 11 стран этого региона [6].

Следует отметить, что отношения развивались в рамках западного альянса Турции, поскольку ОЧЭС задумывалась не как альтернатива, а как дополнение к проекту ЕС. Партнерство продолжало развиваться как часть «логики взаимозависимости» во внешней политике Турции в эпоху ПСР. Степень экономической взаимозависимости значительно возросла в торговле, инвестициях, энергетике, туризме и человеческом взаимодействии. За первый срок пребывания ПСР в правительстве, незадолго до финансового кризиса 2008 г., двусторонняя торговля выросла в семь раз, а количество российских туристов, посетивших Турцию, увеличилось с менее чем 1 миллиона до 2,8 миллиона человек. Однако отношения оставались преимущественно двусторонними и слабо институционализированными. Например, ЧЭС, как региональная многосторонняя организация сотрудничества, была отодвинута на второй план. Президенты В.В. Путин и Р.Т. Эрдоган задавали темп двусторонним отношениям, и оба избегали острых внутривосточных вопросов, которые могут негативно сказаться на

партнерских отношениях между сторонами. Турция также стала более сдержанной и прагматичной во взаимоотношениях с тюркскими республиками Центральной Азии. Но нормативной и политической точкой отсчета в раннюю эру ПСР продолжал оставаться Запад, поскольку внешняя политика Турции оставалась привязанной к трансатлантическому альянсу.

Отношения Турции с Россией приобрели качественно иной оборот после 2011 г. параллельно со стремлением Анкары к стратегической автономии. Они больше не ограничивались логикой экономической взаимозависимости, а включали вопросы политической идентичности и коллективной безопасности. Внутренние преобразования в турецкой политике, достигшие апогея с формальным переходом к президентской системе в 2018 году, способствовали сближению Турции и России в политическом мировоззрении [4].

Неудавшаяся попытка переворота в июле 2016 г. значительно сблизила две страны, особенно с учетом растущего разочарования турецкого руководства в неспособности Запада признать опасения Турции в области безопасности. В 2017 году Турция потратила 2,5 миллиарда долларов на российские зенитно-ракетные комплексы С-400, несмотря на серьезные возражения со стороны членов НАТО, и две страны активно сотрудничали в сирийском конфликте. Кроме того, углубление экономической и энергетической взаимозависимости повлекло за собой ряд крупных проектов, в том числе строительство первой в Турции атомной электростанции в Аккую и проект национального газопровода «Турецкий поток». Объем торговли между Турцией и Россией превысил 27,6 млрд долларов США в 2020 году по сравнению с 5,06 млрд долларов США в 2002 году, а объем двусторонних инвестиций увеличился до более чем 20 млрд долларов США. В 2019 году число российских туристов, посетивших Турцию, превзошло 7 миллионов, что сделало Россию главной страной-отправителем. Анкара и Москва, кажется, согласовали повестку дня сотрудничества в рамках моноцентричного международного порядка.

За последнее десятилетие Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) приняло 13 связанных с Китаем законов в сферах энергетики, торговли,

инфраструктуры, здравоохранения, логистики, технологий и культуры [7]. Президент Р.Т. Эрдоган выразил большие надежды на будущее китайского проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП) на форуме «Один пояс, один путь» в Пекине в 2017 году, отметив: «Построение гармоничной системы в политической и экономической областях станет началом новой эры в нашем регионе на основе стабильности и процветания». Оборот торговли Турции с Китаем увеличился с 1,64 миллиарда долларов США в 2002 году до 22 миллиардов долларов США в 2020 году. Это расширение сопровождалось масштабными работами по строительству инфраструктуры и железных дорог, заказанными китайскими фирмами в Турции, например высокоскоростной железной дороги Анкара–Стамбул. Кроме того, в 2019 году Турция объявила об инициативе «Новая Азия», призванной использовать новые политические и экономические возможности в незападном мире. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, известный как «ответ Китая Всемирному банку», сообщил, что Турция стала третьим по величине заемщиком в 2019 году и шестым по величине во время пандемии COVID-19 в 2020 году.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Внешнеполитический курс Турецкой республики в рамках современной системы международных отношений. URL: <https://www.dipacademy.ru/documents/2054/%D0%90%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82.pdf> (дата обращения: 13.10.2022)
2. Salim C. Turkey's military operations in Syria and Iraq. URL: https://www.academia.edu/80952377/Turkey_s_Military_Operations_in_Syria_and_Iraq (дата обращения 13.10.2022).
3. The Economist Magazine. Syria will poison the region for years to come. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/09/05/syria-will-poison-the-region-for-years-to-come> (дата обращения 13.10.2022).
4. Ирхин А. А., Москаленко О.А. "Мир больше пяти". Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для

России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-bolshe-pyati-stanovlenie-turtsii-v-kachestve-globalnogo-aktora-mirovoy-politiki-perspektivy-i-vyzovy-dlya-rossii> (дата обращения: 13.10.2022).

5. According to the Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-03/sipri_at_press_release_rus.pdf (дата обращения 13.10.2022).

6. Масумова Н.Р. Внешняя торговля как драйвер развития экономики Турции. Вестник МГИМО-Университета. 2016;(2(47)):111-117.<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-2-47-111-117> (дата обращения 13.10.2022).

7. 'Assad's hollow victory: Syria will poison the region for years to come', The Economist, 5 Sept. On Russia's role in the Middle East, see Dmitri Trenin, What is Russia up to in the Middle East? Cambridge: Polity, 2018.

Гулиев Орхан Эльшадович,
аспирант, Астраханский государственный университет,
e-mail: orhanguliev96@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-9420>

Orhan E. Guliev,
Postgraduate student, Astrakhan State University,
e-mail: orhanguliev96@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1187-9420>

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ И РОЛЬ АКТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

STRUCTURAL ELEMENTS OF THE GEOPOLITICAL MODEL AND THE ROLE OF ACTIVE DIPLOMACY IN MODERN TURKEY

Аннотация: рассмотрена геополитическая модель современной Турции в контексте политических процессов, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Предмет данного исследования – существующая геополитическая модель Турции и достигнутые результаты активной дипломатии. Особое внимание уделяется событиям «арабской весны». Современной геополитической модели Турции свойственны гибкость и многовекторность, частыми явлениями становятся конфронтация и кризисные явления, переходящие затем к нормализации и деэскалации. Зоной особой активности, помимо соседних государств, являются Северная Африка, Средняя Азия, Южный Кавказ и, безусловно, весь Ближний Восток. Активность Турции в данном регионе связана с культурными и историческими факторами.

Ключевые слова: «арабская весна», Ближний Восток, Северная Африка, Турция, концепция, геополитика, Сирия, Ливия, Египет, международные отношения.

Abstract: the article considers the geopolitical model of modern Turkey in the context of political processes taking place in the Middle East and North Africa. The subject of this study is the existing geopolitical model of Turkey and the achieved results of active diplomacy, special attention is paid to the events of the "Arab Spring". The modern geopolitical model of Turkey is characterized by flexibility and multi-vector

nature, confrontation and crisis phenomena become frequent phenomena, which then lead to normalization and de-escalation. The zone of special activity, in addition to neighboring countries, is North Africa, Central Asia, the South Caucasus and, of course, the entire Middle East. The special activity of the Turkish factor in this region is associated with cultural and historical factors.

Keywords: Arab Spring, Middle East, North Africa, Turkey, concept, geopolitics, Syria, Libya, Egypt, international relations.

Введение

С периода «арабской весны» геополитика Турции кардинально отходит от принципа «ноль проблем с соседями», которой придерживался бывший премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу, перешедший в оппозицию правящей партии. В ходе реализации концепции предприняты положительные шаги по улучшению отношений с соседними государствами. С началом протестных движений в регионе начала проводиться более активная и гибкая геополитика. Вместо пояса стабильности, который намеревалось воздвигнуть на границе, Турция получила конфронтацию и дестабилизацию по всему периметру своих рубежей.

На данном этапе формируется новый период внешней политики Партии справедливости и развития (далее – ПСР), который сводится к осуществлению Турцией особой исторической миссии и характеризуется стремлением к возрождению ее имперского величия [3, с. 93]. Одна из составляющих частей данной концепции – формирование образа Турции как державы, опекающей угнетенные народы. Особое внимание государственных органов и СМИ уделяется таким событиям, как ущемление прав палестинцев и уйгуров, этнический кризис в Мьянме, сложная гуманитарная ситуация в Сомали, Афганистане, военные действия в Сирии, Ливии и Азербайджане и т. д.

Директор Института Ближнего Востока Университета Сакарья Кемаль Инат подчеркивает, что после попыток сближения с восточными странами и критики Израиля правящая партия Турции стала обвиняться в исламизме и антизападничестве как внутренними, так и внешними политическими силами [14,

с. 3]. Однако поддержка Палестины и демократических процессов на Ближнем Востоке в период «арабской весны» привела к росту влияния Турции в регионе и популяризации ее образа в арабском мире. Значительный вклад в данный процесс также вносят гуманитарные проекты, реализуемые государством и частными фондами в странах третьего мира.

Часть научного сообщества обращает внимание на ограниченность экономических и военных возможностей Турции по проведению масштабной и активной внешней политики. Турецкий ученый Кемаль Инат, анализируя ресурсы государства (им выделены три аспекта: экономика, военная мощь и дипломатические инструменты), считает их недостаточными для проведения активной геополитики, несмотря на возросшие экономические возможности. Исходя из анализа показателей 1980–2012 гг. двадцати пяти крупнейших экономик мира, турецкая стала третьей по росту, уступив лишь Китаю и Южной Корее. Это позволило Турции войти в двадцатку крупнейших экономик мира: если в 1980 году она была двадцать первой экономикой мира, то в 2012 году стала семнадцатой [14, с. 2–19]. Несмотря на выдающийся рост, сегодня Турция остается экономикой среднего масштаба, значительно уступая глобальным экономическим силам. Достигнутые результаты позволяют проводить более активную внешнюю политику, при этом она должна не выходить за рамки возможностей.

Параметры моделирования

Отсылка к историческому прошлому сформировала представление у зарубежных и отечественных исследователей о проведении политики «неосманизма». Впервые понятие «неосманизм» использует британский ученый Дэвид Берчард в 1985 году, а основа данной идеологии уходит во времена реформ Танзимата. В указанный период социально-политическая жизнь страны модернизировалась, в 1876 году Турция получила первую конституцию. Данная модернизация без существенного изменения существующего строя преподносится консервативными политическими движениями в современной Турции как приемлемая и успешная. Перед Первой мировой войной младотурками, пришедшими к власти, продвигается новая идеологическая концепция –

пантюркизм [9, с. 30–31]. Безусловно, она оказывает влияние на внешнеполитический курс современной Турции.

Следует отметить, что ошибочно связывать пантюркиские устремления Турции в тюркоязычных странах с правящей партией. По мнению автора, данные устремления носят системный характер и отражают позицию значительной части политической элиты и народных масс, нежели правящей партии. К примеру, такой инструмент по продвижению турецкой «мягкой силы» в регионе, как ТИКА, был создан до прихода к власти ПСР – в 1992 году. Другим примером могут послужить современные события на Южном Кавказе. Позицию правящей партии в период Второго Карабахского кризиса поддержали все парламентские партии, за исключением курдской партии. Еще при Сулеймане Демиреле государства Центральной Азии и Азербайджан заняли центральное место во внешней политике Турции [10, с. 73–74].

Идеологической основой пантюркизма выступает стремление к созданию империи Туран, объединяющей тюркские страны в единое государственное образование. Ввиду объективных причин такие геополитические задачи перед современной Турцией не ставятся. Однако для реализации продвижения геополитических интересов Турцией активно используются этнические и конфессиональные факторы.

Проводимую современную внешнюю политику можно охарактеризовать как умеренный неосманизм, но не пантюркизм. Так, османизм – попытка создания полиэтнического сообщества в едином государственном механизме, поэтому в современной Турции мы можем наблюдать некий синтез политического ислама и достижений в области экономики и права для создания государства западного образца и попытки передачи данной модели арабским странам.

Следует также отдельно выделить новый инструмент продвижения геополитических интересов Турции – современную «мягкую силу» Турции, которая значительно возросла и расширила географический охват. Консервативный настрой и отказ от намеченных новых культурных устремлений, продвигаемых Западом, являются одними из важнейших элементов продвижения

турецкого культурного влияния с помощью произведений культуры. На современном этапе удалось достичь успехов и тем самым стать центром регионального культурного притяжения.

Для глубокого понимания геополитической модели современной Турции следует обратить внимание на структуру правящей партии. Идеологическим «отцом» Партии справедливости и развития стало исламское движение – Партия национального порядка. Ее снователем является Неджметтин Эрбакан, возглавлявший движение «Милли гёрюш» («Национальный взгляд»). Партия стремилась возродить национально-ориентированную внутреннюю и внешнюю политику Турции, находясь под прессом государственных органов [5, с. 85].

Следующим этапом для прихода к власти ПСР стала победа на парламентских выборах партии «Рефах» («Благодеяние») в 1995 году, но затем Конституционный суд запретил ее деятельность. Турецкое руководство в тот период видело угрозу имеющейся политической структуре, исходящую от укрепляющегося движения. Близкий соратник главы партии и председатель муниципалитета Стамбула Реджеп Тайип Эрдоган был активным участником политического движения. На базе движения «Рефах» возникают две политические партии: «Саадет» («Счастье») – консервативное крыло и ПСР – умеренное крыло.

В 1997 году под нажимом армии произошла ликвидация партии «Рефах», ее лидер Неджметтин Эрбакан был отстранен от политической деятельности. На основе данного движения его реформаторское крыло, представленное Р.Т. Эрдагоном, Б. Йылдырымом, А. Гюлем, сформировало Партию справедливости и развития. Партия, ставшая в результате выборов правящей, столкнулась с сопротивлением военных чинов. Причиной этого послужило выдвижение в 2007 году на пост президента А. Гюля. Но кризис разрешился досрочными выборами, в результате которых правящая партия укрепила свои позиции [13, с. 103–105].

Рассматривая идеологическую основу ПСР, можно найти структурную связь с политическим исламом и запрещенной в России организацией «Братья мусульмане» (в России признана террористической). Движение «Братья мусульмане» берет свое начало в Египте и связано с именем Хасана аль-Банна.

Организация за короткий период превратилась в одного из главных политических акторов Египта. В 1954 году насеровское руководство Египта запретило деятельность движения, многие члены организации получили тюремные сроки либо эмигрировали из страны. Последнее послужило распространению политической доктрины организации в регионе и образованию местных ячеек за пределами Египта. Катар начал активно принимать представителей движения (как специалистов в исламской науке), что превратило данное государство в центр движения [1, с. 2–4]. Политический ислам зародился как ответ на внедрение норм западной цивилизации, также благодатной почвой для данного процесса стала тотальная отсталость арабского мира от передовых государств. Свою роль сыграла и череда поражений в арабо-израильских войнах. Все вышеперечисленные причины привели к росту влияния идей политического ислама в общественном сознании. Также можно отдельно отметить существующую ностальгию по былому величию исламской цивилизации. Доктор философских наук, профессор Российского университета дружбы народов Ю.М. Почта отмечает: «В XX – в начале XXI в. две концепции определяли идеологическую и политическую жизнь Большого Ближнего Востока – арабский национализм и исламизм. Обе эти концепции возникли как реакция вначале на османское, а затем на западное политическое доминирование и культурное влияние» [8, с. 4].

Роль турецкого фактора в период «арабской весны»

Приход к власти ПСР привел к формированию геополитической оси Турции и Катара, поддерживающих политические филиалы организации в регионе и ее глобальную сеть. Турция и Катар создали взаимодополняющий геополитический альянс: с турецкой стороны – экономический и демографический масштаб, а с катарской – финансовый фактор и арабская идентичность. В результате «арабской весны» в ряде государств движение «Братьев мусульман» превратилось в значимую политическую силу. Но в целом коалиция аравийских монархий, упорно оказывающая сопротивление в геополитической борьбе, смогла нивелировать достижения турецко-катарского союза.

В Тунисе, где в результате падения режима Бен Али зародилась «арабская весна», партия «Братья мусульмане», долгое время находившаяся под запретом, вышла на политическую арену. Партия «Ан-Нахда» («Возрождение»), возглавляемая Рашидом аль-Гануши, в результате парламентских выборов набрала весомую часть голосов и образовала коалиционное правительство [2, с. 4]. В другом североафриканском государстве, Марокко, Партия справедливости и развития (ПСР) одержала победу на парламентских выборах в 2011 году.

Первые демократические выборы привели в Египте Партию свободы и справедливости (ПСС), возглавляемую М. Мурси, к власти. Завершилось правление партии протестами и военным переворотом в 2013 году под руководством Абдул-Фаттаха ас-Сиси. Данное событие обесценило достижения движения ихванистов в Египте, новое руководство страны получило финансовую и политическую помощь Саудовской Аравии, ОАЭ и т. д. Также со времени военного переворота в Египте берет свое начало открытая борьба Турции в союзе с Катаром против монархий Персидского залива на просторах арабского мира.

Борьба перешла в активную фазу в другом североафриканском государстве. После свержения режима М. Каддафи в Ливии образовалась Партия справедливости и строительства (ПСС), связанная с «Братьями мусульманами». На парламентских выборах в 2012 году партия заняла второе место. В результате ослабления центральной власти возникла угроза потери ливийской государственности, сформировались несколько центров политической силы, получающих внешнюю помощь [2, с. 3]. Турции противостоял широкий фронт, особенно следует выделить региональный союз против движения ихванистов: ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет. Геополитические интересы региональных стран и глобальных сил столкнулись в ливийской гражданской войне, где образовались два центра, стремящихся возглавить страну – это Правительство национального согласия (ПНС), признанное как легитимный представитель ливийского народа ООН со столицей в Триполи, и Временное правительство в Тобруке. Турция оказывала многостороннюю поддержку ПНС в ходе гражданской войны. Так, прямая военная помощь Турции защитила ПНС от падения под натиском

наступающих сил Халифа Хафтара. На сторону Тобрука встали геополитические соперники Турции – Франция, Греция, ОАЭ, Саудовская Аравия и Россия. В целом неразрешенный ливийский кризис несет нестабильность для хрупкой безопасности региона. Турция, использовавшая прямое военное вмешательство для защиты своих интересов в регионе, показала возросший потенциал и влияние в стратегически важном регионе.

С начала протестного движения 2011 г. Турция становится активно вовлеченной во внутренние события в арабском мире. Сирийское руководство обвиняет Турцию в поддержке незаконных военных формирований, размещении военной силы и проведении военных операций на территории Сирии без одобрения официальных властей. Турецкая сторона, в свою очередь, характеризует сирийское руководство как диктаторский режим, устроивший геноцид собственного народа. Стоит отметить, что турецкий антагонизм асадовского режима имеет исторические корни: долгие годы Абдулла Оджалан находился на территории САР, турецкие власти обвиняли сирийское руководство в поддержке Рабочей партии Курдистана. Помимо этого, между государствами существовали территориальные противоречия. Так, турецкая провинция Хатай, вошедшая в состав страны в 1939 году, долгие годы осложняла диалог между двумя странами.

Кризисные процессы, происходящие в ряде ближневосточных государств, сделали Иран и Турцию сторонами, противостоящими друг другу, что отразилось в гражданской войне в САР. Кемаль Синкайя обращает внимание на то, что стороны обвиняли друг друга в деструктивной функции, оказывающей негативное влияние на региональные процессы. Также он отмечает противоположную оценку начала военной операции РФ в Сирии: Анкара оценила данный шаг весьма негативно, как вызов региональным интересам, а Тегеран поддержал российскую сторону. Стоит сказать, что Тегеран, долгие годы оказывающий содействие Дамаску, который находился на грани полного коллапса, получил значительную поддержку существующего политического строя в САР со стороны РФ [15, с. 139–140].

Проанализировав высказывания высшего руководства Турции и дипломатические усилия Анкары, можно отметить смену основополагающей геополитической цели Турции в Сирии. Турция, сохраняя претензии по смене политического строя Дамаска из-за потери легитимности, с учетом новых вызовов отказалась от данного требования как главной цели после небывалого усиления курдских вооруженных формирований на территории Сирии. Этот вызов целостности турецкого государства превратился в экзистенциальную угрозу. Устранение угрозы территориальной целостности Турции, исходящей от курдских вооруженных формирований, стало для Анкары главной составляющей внешней политики в сирийском направлении.

Принципы, безоговорочно поддерживаемые сторонами Астанинского формата, – суверенитет и территориальная целостность Сирии. В данном случае они имеют противоположное восприятие участниками данного формата. Например, если Россия и Иран признают легитимность лишь правительства Башара Асада, то Турция не считает Дамаск легитимным представителем народа Сирии и отказывается вести какой-либо диалог с официальным Дамаском.

Второй принцип сохранения Сирией территориальной целостности, несмотря на формирование нескольких независимых друг от друга центров политической власти:

- 1) официальный Дамаск;
- 2) контроль территорий вооруженной оппозицией (в том числе заняты в результате проведения турецкими вооруженными силами операций на территории САР), а также отдельным присутствием радикальных элементов (Турция взяла на себя обязанность размежевания умеренной оппозиции от данных элементов);
- 3) курдские вооруженные формирования, поддерживаемые США.

При этом следует выделить заинтересованность «Астанинской тройки» в сохранении целостности САР. Нахождение консенсуса между данными силами – фактор, от которого зависит безопасность не только локального масштаба, но и глобального.

Особенности смены внешнеполитической парадигмы

Одна из основных целей внешней политики правящего политического объединения Турции – превращение ее в региональную державу, которая должна быть в состоянии проводить независимую политику и защищать как свои интересы, так и союзных ей сил. В рамках новой стратегии турецкое руководство поставило цель войти в десятку крупнейших экономик мира. Турецкий ученый Кемаль Инат обращает внимание на то, что продолжение в регионе политики, полностью ориентированной на позицию Запада, не даст возможности осуществить намеченные цели, так как внешнее вмешательство ограничит поле действий и превратит Турцию в малозначимое региональное государство [14, с. 6].

Проводимая десятилетиями внешняя политика Турции, ориентированная на передовые западные государства, имела как положительные, так и отрицательные стороны. К отрицательным явлениям можно отнести:

- глубокую экономическую и военно-политическую зависимость Турции от западных государств;
- пассивную внешнюю политику;
- неиспользование существующего потенциала для развития кооперации с соседними государствами;
- отказ от существующей столетиями роли центра региональной силы и превращение в периферийное государство.

К положительным можно отнести:

- модернизацию страны и интеграцию в западные институты;
- сосредоточенность на внутренних проблемах страны, отказ от имперского наследия;
- отказ от экспансивной политики, т.е. преобладания позиции нейтралитета, которая связана с основополагающим принципом «Yurtta sulh, cihanda sulh» («В стране [на родине] мир, во (всем) мире мир»), утвержденным Мустафой Кемалем Ататюрком. Если провести исторический анализ и рассмотреть особенности внешней политики после формирования республики, то можно подчеркнуть важ-

нейшую особенность правления Мустафы Кемалья Ататюрка – стремление к построению отношений между государствами на основе равноправия и взаимного уважения. Свидетельством тому могут стать выстраивание дружественных связей с Советским Союзом и попытки реализации военного блока с Ираном и Афганистаном. Но последовавшее затем охлаждение в отношениях с Советским Союзом и вступление Турции в НАТО привели к окончательному подрыву сбалансированных внешнеполитических настроений. На долгие годы формируется пассивная внешняя политика, роль Турции сводится к роли восточного фланга НАТО и одного из главных союзников США в регионе.

В новой турецкой стратегии существует стремление к превращению Турции в региональную державу. Главными факторами для достижения этой цели выступают:

- исламская солидарность;
- тюркская идентичность;
- османское наследие;
- «мягкая сила» (культурная, экономическая и т. д.);
- активная дипломатия (инициатива по реформированию Совета Безопасности ООН, участие в урегулировании сирийского, нагорно-карабахского, российско-украинского кризисов).

Но в этом стремлении Турции препятствуют как региональные и глобальные силы, так и внутренние противоречия. Правящей партии противостоит широкий круг внутренних политических оппонентов и внешние геополитические соперники. Главенствующая оппозиционная партия – Республиканская народная партия (СНР), основателем которой является Мустафа Кемаль Ататюрк. Она занимает принципиально иную позицию, выступает за сохранение и соблюдение принципов кемализма, отказ от вовлечения в региональные конфликты. Формирование двух политических блоков на президентских выборах (Джумур и Миллет) выступает показателем консенсуса оппозиционных движений против турецкого руководства, правящего в союзе с националистической партией.

Если рассматривать политические процессы, происходящие в современной Турции, то следует отметить, что крупнейшие оппозиционные партии стремятся к сотрудничеству на выборах 2023 г. Одним из факторов объединения идеологически противоположных движений стало стремление к возвращению парламентской системы управления. После конституционной реформы 2017 г. Турция превратилась в президентскую республику. Результатом одобренной референдумом политической реформы стало упразднение поста премьер-министра, наделение президента законодательной инициативой, получение права назначения большинства членов Конституционного суда, значительное ослабление позиций парламентского института (президент может распустить парламент) [7, с. 6]. Всенародный референдум показал раскол турецкого общества, лишь с небольшим перевесом удалось ПСР получить поддержку для проведения конституционных реформ. Намеченный раскол разделил общество, усилил стремление к устранению ПСР с политической арены, объединил множество оппозиционных движений для борьбы против правящей коалиции Партии справедливости и развития и Партии националистического движения.

С одной стороны, стоит сказать, что предыдущие совместные попытки оппозиции покончить с правлением ПСР к успеху не привели. С другой стороны, экономический кризис вызвал снижение уровня жизни населения и рост антимиграционных настроений в обществе. Создана благоприятная почва для устранения ПСР из политической жизни Турции и прекращения многолетнего правления партии.

Для понимания современных политических процессов в Турции следует обратить особое внимание на такой важный государственный институт, как вооруженные силы, – защитника светских государственных устоев. Партия справедливости и развития смогла уменьшить влияние военной касты на политическую жизнь страны. Долгие годы армия оказывала ключевое воздействие на политические процессы, дело доходило до прямого вмешательства и устранения правительства. Осознавая опасность, исходящую от вооруженных сил, ПСР нацелилась на исключение армейского института из политической жизни страны.

В рамках данных действий состоялось разбирательство по делу «Эргенекон», организации, состоявшей из армейских чинов, намеренных изменить политический строй в стране. Следует отметить тот факт, что не удалось полностью нивелировать влияние армии на внутривластные процессы, свидетельством тому стала попытка военного переворота в июле 2016 г.

Турецкий ученый Бурханеттин Дуран, сравнивая произошедшие военные перевороты с попыткой захвата власти 15 июля 2016 г., выделяет основную черту, не свойственную произошедшим в истории Турции военным переворотам: данная попытка государственного переворота осуществлялась организацией, внедрившейся в государственную систему и объединенной религиозными и идеологическими узами [12, с. 15]. За прежними вмешательствами армии в государственное управление традиционно стояла каста высшего военного руководства Турции.

Турецкий исследователь Рамазан Эрдаг считает, что западное сообщество не заняло четкую и своевременную позицию в реакции на попытки военного переворота в Турции. Размещение на территории западных государств лиц, считающихся причастными к попытке государственного переворота в Турции, стало ещё одним фактором, сыгравшим негативную роль во взаимоотношениях Турции с ЕС и США [13, с. 107–109].

Тенденция к охлаждению отношений Турции с ЕС и США привела к появлению интереса к развитию взаимодействия с новыми организациями. Турция начала активно участвовать в интеграции тюркских государств и Исламской организации сотрудничества, а также озвучила заинтересованность во вступлении в ШОС. Свидетельством наметившейся тенденции служит высказывание Р.Т. Эрдогана после поездки в Пакистан и Узбекистан в 2016 году о том, что 53 года идут безрезультатные переговоры по вступлению в ЕС и что Турция заинтересована в членстве расширяющейся организации ШОС [11].

Не следует воспринимать ухудшение взаимоотношений Турции с Западом как процесс перехода Турции к построению союзнических отношений с Ираном (ИРИ) и Россией. Борьба Турции с ведущими региональными странами за

геополитическое доминирование имеет исторические корни. Турецкие политические интересы сталкиваются с геополитическими интересами Ирана на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Рост влияния ИРИ и формирование шиитской оси однозначно не в интересах Турции. Ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО А.В. Крылов отмечает сближение позиций США и Турции в ограничении влияния Ирана в регионе [4, с. 56].

Исторически существующие противоречия получают новый импульс и в российско-турецкой борьбе за геополитическое доминирование в Каспийском регионе. А.А. Орлов, директор Института международных исследований МГИМО, подчеркивает исторические корни соперничества России и Турции в регионе Каспийского и Черного морей. Центральное место в сближении позиций двух стран по окончании холодной войны, с точки зрения А.А. Орлова, занимали экономические аспекты [6, с. 7–10].

Современные события, вследствие специальной военной операции на Украине, придали российско-турецким отношениям новое направление. Особого осмысления требуют попытки турецкой дипломатии разрешить кризис вокруг Украины. Можно сказать, что Турция показала себя в роли эффективного посредника. Состоявшийся 18 августа 2022 г. совместный визит на Украину президента Турции Р.Т. Эрдогана и Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, встреча с украинским президентом В.А. Зеленским стали показателем признания мировым сообществом турецкой роли в усилиях по урегулированию кризиса. 9 июля 2022 г. в Тегеране, а затем 5 августа в Сочи турецкий президент встречался с президентом России В.В. Путиным, что также является показателем дипломатической активности Турции в роли посредника. Именно на территории Турции состоялись первые после начала войны переговоры сторон [16]. Пожалуй, самым значимым событием в дипломатических переговорах стало подписание 22 июля 2022 г. в Стамбуле Украиной и Россией при посредничестве ООН и Турции соглашения об экспорте зерна. Помимо данного соглашения, подписан документ между Россией и ООН по экспорту российской сельскохозяйственной продукции. Министр обороны Турции Хулуси Акар, комментируя подписание соглашений,

отметил, что Россия и Украина производят одну треть пшеницы в мире, остановка экспорта станет проблемой безопасности Ближнего Востока и Африки, а официальный представитель президента Турции Ибрагим Калын охарактеризовал подписание соглашений как большую победу турецкой дипломатии и продолжение усилий страны по достижению мира [18].

При этом турецкая сторона максимально использует сложившуюся геополитическую ситуацию в свою пользу, как получая дивиденды от посреднической торговли с Россией, так и используя механизмы НАТО в своих интересах. Долгий переговорный процесс по вступлению в альянс Швеции и Финляндии завершился подписанием трехстороннего меморандума на Мадридском саммите НАТО 28 июня 2022 г. Швеция и Финляндия взяли на себя обязательство по экстрадиции граждан Турции, обвиняемых в терроризме. Стоит отметить, что турецкая сторона обвиняла данные страны в пособничестве терроризму из-за нахождения там лиц, связанных с РПК и движением Фетхуллаха Гюлена.

Заключение

Новая модель турецкой дипломатии отличается от прежней многовекторностью и гибкостью, а также активной дипломатией, оставившей позади многолетнюю пассивную роль восточного фланга НАТО. Первым проявлением геополитических устремлений новой дипломатической роли Турции стал период «арабской весны», когда Турция пыталась поддержать разлом сложившихся авторитарных систем правления и формирование режимов, схожих с ее политической системой (движения, связанные с «Братьями мусульманами»). С точки зрения Хакки Уйгура, к периоду начала «арабской весны» Турция превратилась в модель «консервативной демократии», в которой сосуществовали и исламская традиция, и демократические институты, что положительно оценивалось народными массами и элитой государств исламского региона [17, с. 93]. Турция видела в «арабской весне» процесс перехода региональных государств к схожей политической системе. В целом Ближний Восток, составной частью которого является Турция, превратился на данный момент в арену борьбы

противоборствующих геополитических блоков и альянсов. Данные процессы имеют циклический и неоднородный характер, однозначным является образование особых зон с повышенным кризисным потенциалом. После «арабской весны», с одной стороны, Турция смогла получить роль решающей геополитической силы в регионе, с другой – образовался пояс нестабильности, оказывающий социально-политическое влияние на внутренние процессы в стране.

Главная особенность смены внешнеполитической парадигмы Турции – трансформация цели геополитической роли страны в международной системе. Страна отказалась от стремления стать органической и пассивной частью западного мира, а вместо этого прилагает больше усилий по формированию центра независимой региональной силы. Как независимый геополитический актер, Турция начала действовать на просторах Ближнего Востока, Северной Африки и Южного Кавказа. Издержками данной геополитической модели стала череда кризисных явлений и формирование негласных антитурецких коалиций. Положительным моментом стала возрастающая роль на международной арене, участие в урегулировании локальных конфликтов (сирийская гражданская война, Второй нагорно-карабахский конфликт). Особо следует выделить посредническую роль в урегулировании российско-украинского кризиса и достижении соглашения об экспорте зерна.

Список источников и литературы

1. Васильев А. М. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе (начало) / А. М. Васильев, Т. Р. Хайруллин, А. В. Коротаев // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 10. – С. 2–9.
2. Васильев А. М. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе (окончание) / А. М. Васильев, Т. Р. Хайруллин, А. В. Коротаев // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 11. – С. 2–8.

3. Звягельская И. Д. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (Турецкая, иранская и саудовская модели) / И. Д. Звягельская, Н. А. Кожанов, И. А. Свистунов, Н. Ю. Сурков // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 93–103.
4. Крылов А. В. «Турецкий гамбит» за кулисами «арабской весны» / А. В. Крылов // *Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы : мат-лы круглого стола / под ред. В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко*. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 56–61.
5. Малышева Д. Б. Политическое развитие Турции на современном этапе / Д. Б. Малышева // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2014. – № 9. – С. 84–91.
6. Орлов А. А. Российско-турецкие отношения: трудное движение вперед / А. А. Орлов // *Российско-турецкие отношения: 2002–2012 годы : мат-лы круглого стола / под ред. В. А. Аваткова, С. Б. Дружиловского, А. В. Федорченко*. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 7–10.
7. Современная Турция: тренды развития и значение для России / под ред. Л. С. Вартазаровой, И. Я. Кобринской, С. В. Уткина. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – С. 54.
8. Почта Ю. М. Исламизм и национализм на большом Ближнем Востоке: вражда или симбиоз? / Ю. М. Почта // *Азия и Африка сегодня*. – 2020. – № 3. – С. 4–11.
9. Шпаковская М. А. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции / М. А. Шпаковская, О. В. Баршов // *Азия и Африка сегодня*. – 2018. – № 2. – С. 30–36.
10. Шангараев Р. Н. «Армия Турана» - проект интеграции тюркского мира / Р. Н. Шангараев // *Обозреватель*. – 2021. – № 7. – С. 70–84.
11. Cumhurbaşkanı Erdoğan: "Şanghay 5'lisinde daha rahat oluruz". – URL: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/1326187-cumhurbaskani-erdogan-sanghay-5lisinde-daha-rahat-oluruz> (дата обращения: 12.05.2022).

12. Duran B. 15 Temmuz darbe girişiminin Türkiye'nin iç ve dış politikasına etkisi / B. Duran // Türk dış politikası yilligi 2017. SETA vakfi iktisadi işletmesi. – İstanbul, 2018. – 1 baskı. – S. 13–44.

13. Erdag R. Türkiye'de darbeler ve batı'nın yaklaşımı / R. Erdag // Türk dış politikası yilligi 2016. SETA vakfi iktisadi işletmesi. – İstanbul, 2017. – 1 baskı. – S. 87–116.

14. Kemal İ. Türk Dış Politikasının Kapasitesinin Dönüşümü: AK Parti Dönemi / İ. Kemal // Türkiye Ortadoğu Çalışmaları Dergisi. – 2014. – Sayı 1, Yıl 1. – S. 1–24.

15. Kemal İ. Türkiye'nin İran politikası 2015 / İ. Kemal // Türk dış politikası yilligi 2015. SETA vakfi iktisadi işletmesi. – İstanbul, 2016. – 1 baskı. – S. 129–157.

16. Pirinççi F. Türkiye'nin barış diplomasisi / F. Pirinççi. – URL: <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/perspektif/ferhat-pirincci/2022/08/20/turkiyenin-baris-diplomasisi> (дата обращения: 22.08.2022).

17. Uygur H. Arap bahari sonrası bölgesel gelişmeler ışığında Türkiye-Iran ilişkileri / H. Uygur // Türk dış politikası yilligi 2017. SETA vakfi iktisadi işletmesi. – İstanbul, 2018. – 1 baskı. – S. 89–114.

18. Ukrayna'dan tahil sevkiyatı başladı. – URL: https://www.ntv.com.tr/dunya/ukraynadantahil-sevkiyat-basladi,DvnFnxLAKU_v1TIFNzn-A (дата обращения: 10.08.2022).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Борисов Алексей Владимирович,
кандидат философских наук, Дипломатическая академия Министерства
иностраннных дел Российской Федерации,
e-mail: aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov,
Ph.D. (Philosophy), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation,
e-mail: aborisof@gmail.com

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРИНЦИПЫ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ HUMANITARIAN AID AND HUMANITARIAN PRINCIPLES: THE PROBLEM OF INTERCONNECTIVITY

Аннотация: в статье представлен критический анализ эволюции и институционализации гуманитарной системы. Гуманитарная помощь является не актом благотворительности, а социальным и политическим институтом, основывается на принципах нейтралитета, независимости, гуманности и беспристрастности. Указанные принципы не есть врожденное свойство или признак гуманитарной деятельности, они возникли в определенный момент и с определенными целями, но сегодня именно они конституируют гуманитарную систему ООН. Участники гуманитарной деятельности, оказавшиеся за пределами гуманитарной системы ООН, которая определяет бенефициаров глобального гуманитарного финансирования, устанавливает правила доступа к медийным ресурсам, делегитимирует гуманитарные усилия государств и организаций, ставят под сомнение применимость и действенность этих принципов. К сожалению, голос России не слышен в дискуссии о применимости гуманитарных принципов и будущем гуманитарной системы. Если ситуацию не изменить, мы будем вынуждены играть по правилам, которые установлены без нашего участия.

Ключевые слова: гуманитарная помощь, гуманитарная политика, гуманитарные принципы, гуманитарная система, Международный комитет Красного Креста, Лига обществ Красного Креста, ООН.

Abstract: the article presents a critical analysis of the evolution and

institutionalization of the humanitarian system. Humanitarian aid is not an act of charity, but a social and political institution based on the principles of neutrality, independence, humanity and impartiality. These principles are not an innate property or sign of humanitarian activity, they arose at a certain moment and for certain purposes, but today they constitute the UN humanitarian system. The UN humanitarian system determines the beneficiaries of global humanitarian funding, establishes rules for access to media resources, delegitimizes the humanitarian efforts of states and organizations, and humanitarian actors who find themselves outside this system question the applicability and effectiveness of these principles. Unfortunately, Russia's voice is not heard in the discussion about the applicability of humanitarian principles and the future of the humanitarian system. If the situation is not changed, we will be forced to play by the rules that have been established without our participation.

Keywords: humanitarian aid, humanitarian policy, humanitarian principles, humanitarian system, International Committee of the Red Cross, League of Red Cross Societies, UN.

Гуманитарная помощь, оказываемая Россией, как один из ключевых элементов российской гуманитарной политики [5] нуждается в переосмыслении. Переосмысление и последующая концептуализация помощи необходима в силу ее несогласованности и неопределенной эффективности. Содержащееся в отечественных нормативных документах единственное определение гуманитарной помощи как вида «безвозмездной помощи (содействия), предоставляемой для оказания медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально незащищенным, пострадавшим от стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий группам населения, для ликвидации последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий, расходы на транспортировку, сопровождение и хранение указанной помощи (содействия)» [10] ставит Россию вне сложившейся гуманитарной системы ООН. Это исключает страну из числа бенефициаров глобального гуманитарного финансирования, отрезает ее от доступа к медийным ресурсам, делегитимирует гуманитарные усилия России.

Помощь как таковая не способствует облегчению страданий и снижению уровня бедности, не прекращает конфликты и не ведет к повышению устойчивости государств-реципиентов помощи [11; 14, с.182–195; 32]. Однако с тех пор, как Международный суд определил, что предоставление сугубо гуманитарной помощи лицам или силам в другой стране, независимо от их политической принадлежности или целей, не может считаться незаконным вмешательством или каким-либо иным действием, противоречащим международному праву» [26, с. 115], она рассматривается как эффективный внешнеполитический инструмент. Но любой инструмент, а внешнеполитический тем более, нуждается в концептуализации и ограничении как понимания, так и использования. Именно поэтому гуманитарная помощь определяется не на том основании, что она оказывается безвозмездно и социально незащищенным и малообеспеченным группам населения [10], как указывается в отечественном федеральном законе, а лишь на основе принципов нейтралитета, независимости, гуманности и беспристрастности, установленных резолюциями ООН. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/46/182 содержится указание на принципы гуманности, беспристрастности, нейтральности; в Резолюции A/RES/58/114 — на принцип независимости.

Данные принципы препятствуют случайным геополитическим игрокам использовать гуманитарную помощь во внешнеполитической деятельности [20] и обуславливают существование гуманитарной системы ООН, которая и является основным потребителем гуманитарного финансирования, поглощая около 60% всего объема гуманитарного финансирования [19].

Вместе с тем до 1991 года ООН не предпринимала попыток идентифицировать помощь как гуманитарную, опираясь на вышеуказанные принципы, призывая к оказанию помощи в случае стихийных бедствий или же чрезвычайной помощи. Лишь окончание холодной войны делает возможным обращение к принципам, сформулированным на двадцатой Международной конференции Красного Креста в 1965 году. Эти принципы были сформулированы в определенной ситуации, с определенными целями и ныне используются для конституирования современной гуманитарной системы. Понимание того, почему

эта система существует в том виде, в котором существует, а также способа ее идентификации с помощью принципов краснокрестного движения, невозможно вне анализа исторической эволюции системы, начиная с ее истоков, середины XIX в., до ее институционального оформления после окончания холодной войны.

В 1863 году группа энтузиастов из Женевы инициировала созыв Международной конференции, которая, по общему мнению, является точкой отсчета современной системы гуманитарной деятельности и гуманитарного права. В преамбуле резолюций Женевской конференции 1863 г. указывается цель, к достижению которой они стремились: «Международная конференция, желая прийти на помощь раненым, если военные медицинские службы не смогут сделать этого в достаточной мере...» [8].

Таким образом, целью основателей краснокрестного движения была попытка компенсировать ситуативную несостоятельность государства. Показательно выступление прусского делегата, доктора Леффлера: «...разумный подход к использованию общественных финансов не позволяет постоянно предоставлять медицинским службам в мирное время те же возможности и уделять им то же внимание, какие они вправе требовать и требуют во время военных действий. Вместе с тем история всех больших сражений нашего века показывает, что с начала боевых действий официальные органы власти не в состоянии достаточно быстро восполнить недостаток средств для оказания помощи до уровня, отвечающего требованиям быстро меняющейся военной обстановки» [2].

В ходе конференции не упоминалось о каких-либо принципах, регулирующих деятельность, которую никто не называл гуманитарной. Но именно в резолюции Женевской международной конференции содержались пункты, которые предопределили позицию Международного (Женевского) комитета как нейтральной и беспристрастной организации. Так, в пятой статье резолюции предполагалось, что «Комитеты воюющих государств оказывают помощь вооруженным силам своего государства, насколько позволяют имеющиеся у них средства <...> Они могут обращаться за помощью к комитетам нейтральных стран» [8]. Статья десятая определяет посредническую роль Женевского комитета:

«Обмен сообщениями между Комитетами различных стран будет временно происходить через посредство Женевского комитета» [8].

В принятой годом позже Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях не содержится даже намек на гуманность, беспристрастность и независимость. Более того, в ней не упоминаются ни Международный комитет, ни добровольные общества помощи. В восьмой статье вышеупомянутого документа содержится недвусмысленное указание на приоритет государства и его интересов: «Подобные правила по исполнению настоящей конвенции будут определяемы главнокомандующими воюющих войск по предписаниям их правительств и согласно общим началам, выраженным в сей конвенции» [3; 31].

Это не останавливает энтузиастов. Международный комитет выступает в роли посредника между национальными обществами Красного Креста враждующих сторон в ходе Австро-прусской войны 1866 г. В 1870 году, в первые дни франко-прусской войны, организуется Международное агентство по оказанию помощи раненым воинам. В ходе русско-турецкой войны Международный комитет способствует распространению обращения Османского общества Красного Полумесяца, столкнувшегося с проблемой беженцев, решить которую он был не в состоянии. Международным комитетом организуются миссии, в чьи задачи входит наблюдение за применением Конвенции 1864 г., открываются агентства для сбора информации о раненых и военнопленных, координации доставки и распределения помощи.

Инициативная деятельность Международного комитета в ходе войн второй половины XIX в. приводит в 1906 году к пересмотру Женевской конвенции. Примечательно, что инициативы краснокрестного сообщества приводят не к формулированию принципов гуманитарной деятельности, а лишь к констатации возможности таковой и признанию безусловной пользы посреднической деятельности [4].

Первая мировая война не только поставила Европу на грань гуманитарной катастрофы, но и породила качественные и количественные изменения

гуманитарного ландшафта. Именно в послевоенное время впервые декларируются принципы беспристрастности, политической, экономической и конфессиональной независимости. Эти принципы никоим образом не касались характера или форм гуманитарной деятельности, но лишь самого Международного комитета. Заявляя о себе как о беспристрастной и независимой организации, МККК противопоставляет себя политически ангажированной Лиге обществ Красного Креста, которая объединяет национальные общества пяти великих держав-победителей в некое подобие краснокрестной Антанты [17].

Создание Лиги было вызвано изменениями, произошедшими в годы войны, в финансовом, организационном и политическом положении национальных обществ Красного Креста. Большинство национальных обществ Красного Креста получали значительные средства от своих правительств; к концу военных действий они достигли невиданных масштабов. Например, бюджет американского общества Красного Креста, возглавляемого Генри П. Дейвисоном, в 1918 году составил 50 миллионов долларов, что в десять раз больше, чем было в начале конфликта [12, с. 86].

Лига ставит под сомнение главенствующую роль Международного комитета Красного Креста в посредничестве с национальными обществами и не намеревается в ближайшем будущем сотрудничать со своими вчерашними противниками – обществами Красного Креста центральных держав. Более того, ставится под вопрос состав Международного комитета, который кооптировался из граждан Швейцарии, – национальные общества требуют квот, предполагающих участие граждан других стран (прежде всего представителей обществ – участников Лиги – *А.Б.*) в деятельности МККК.

Лига становится основным конкурентом МККК в борьбе за влияние на международное сообщество и ресурсы благотворителей. Международному комитету с трудом удается созвать Международную конференцию Красного Креста: она дважды откладывается, чтобы состояться, наконец, только в апреле 1921 г. в Женеве. На конференции принимается Устав Международного комитета Красного Креста, где впервые содержится указание на основополагающие

принципы, лежащие в основе института Красного Креста, – беспристрастность, политическая, конфессиональная и экономическая независимость, универсальность Красного Креста и равноправие его членов [2, с. 484]. Очевидно, что подобное заявление должно было подчеркнуть уникальность Международного комитета как посредника между национальными обществами Красного Креста и иными субъектами международной гуманитарной деятельности, появившимися в послевоенный период.

Эта формулировка с некоторыми дополнениями появляется в Уставе Международного движения Красного Креста, созданного в октябре 1928 г. для разграничения полномочий Лиги и Международного комитета и последующей координации их деятельности, на XIII Международной конференции Красного Креста в Гааге. В последующем предпринимались неоднократные попытки по уточнению перечня основополагающих норм и определению их содержания, которые завершились одобрением в 1965 году Декларации основополагающих принципов Красного Креста [21, с. 569]. К этим принципам относятся гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство, универсальность. Принципы были сформулированы для того, чтобы «кратко и систематически заявить о доктрине, регулирующей движение Красного Креста» [22, с. 418].

Обратим внимание на то, что принципы имеют отношение лишь к организации и движению и не касаются характера деятельности Красного Креста. В основе декларируемых принципов лежат вполне прагматические причины: в 1921 году Международный комитет, декларируя свою беспристрастность и независимость, заявляя о равноправии обществ Красного Креста, лишь демонстрировал свои преимущества в качестве посредника и обосновывал претензии на руководящую роль гуманитарного сообщества.

Похожая ситуация складывается в 60-х годах. Деколонизация привела к возникновению новых государств, чья неспособность удовлетворить базовые потребности своих граждан, вопиющая неэффективность системы государственного управления, раздирающие их этнические и конфессиональные

противоречия, породили гуманитарные катастрофы. Как следствие, растет запрос на гуманитарную помощь. Гуманитарный сектор компенсирует ограниченность официальной международной политики вследствие соперничества двух сверхдержав. Возникает благоприятный период для гуманитарных действий со стороны неправительственных организаций (НПО – *А.Б.*): к концу 60-х годов было создано 289 крупных НПО. Стремительно растут бюджеты гуманитарных организаций. Так, в 1960 году ежегодный бюджет Oxfam впервые превысил отметку в 1 млн фунтов стерлингов [24, с. 46]. Однако вновь возникшие НПО были тесно связаны с политикой государств своих стран, а их деятельность отражала приоритеты, навязанные холодной войной [27, с. 45-48]. Но, главное, эти НПО зачастую могли более успешно действовать в зонах гуманитарного реагирования, чем ООН и МККК [16; 21]. Более того, гуманитарные НПО достаточно активно взаимодействовали с ведущими государствами Запада. Так, во Вьетнаме американские НПО, такие как Католическая служба помощи (CRS) и CARE, неприкрыто содействовали политическим и военным усилиям правительства США. CRS, в частности, была тесно связана с проамериканским режимом Южного Вьетнама и направляла продовольственную помощь поддерживаемой США группе ополченцев [23]. Таким же образом в 80-х гг. XX века помощь будет направляться группам моджахедов, которые размещались в лагерях беженцев в Пакистане, — отрезвляющее напоминание о том, что манипулирование помощью и ее использование для достижения политических целей в странах, представляющих стратегический интерес, имеет долгую историю [6, с. 483–490].

Шестидесятые годы привели к осознанию эффективности гуманитарной помощи и содействия как элемента внешней политики, а гуманитарных организаций как ее эффективных инструментов [25]. Более того, в этот же период приходит понимание неоднозначности последствий предоставления гуманитарной помощи. Так, характеризуя гуманитарную помощь Биафре, Ян Смайлли называет усилия по оказанию помощи «актом несчастной и вопиющей глупости», который продлевал войну и способствовал гибели тысяч людей [30].

Но именно в 60-е годы возникает потребность в разграничении собственно гуманитарной помощи и использовании ее в качестве предлога для реализации национальных (иногда корпоративных) интересов, а также в нейтральной организации, которая может выступать как посредник, осуществлять мониторинг гуманитарных усилий мирового сообщества, навязывать хотя бы минимальные стандарты гуманитарной деятельности. Красный Крест, декларируя основополагающие принципы, регулирующие его деятельность, как раз и заявляет о своем особом статусе, выделяя себя из стремительно разрастающегося сообщества гуманитарных организаций, предлагая услуги в качестве посредника, лидера и/или некоего нормативного эталона.

Распространение краснокрестных принципов на гуманитарную деятельность происходит в 90-е гг. XX в. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций» от 19 декабря 1991 г. содержится указание на то, что «гуманитарная помощь должна оказываться в соответствии с принципами гуманности, беспристрастности, нейтральности» [7]. Двенадцатый пункт Приложения к данной резолюции позволяет предположить, почему возникает это требование: «Организация Объединенных Наций призвана играть главную и уникальную роль в обеспечении руководства усилиями международного сообщества по поддержке пострадавших стран и координации этих усилий... Следует предоставить в ее распоряжение ресурсы, соответствующие будущим потребностям» [7].

Претензии ООН на ключевые позиции в управлении гуманитарной деятельностью отражают иллюзии ее руководства относительно возможности создания системы глобального управления, при том что Организация будет являться ключевым элементом этой системы [1]. Тем более что ресурсы, которые ООН требовала предоставить в ее распоряжение, были достаточно велики и стремительно увеличивались. Так, гуманитарные бюджеты учреждений ООН составляли 800 млн долл. в 1989 году, почти 4,5 млрд долл. в 1999 году, а в 2004 году бюджет, выделяемый на гуманитарное реагирование, составил 10 млрд долл.

[20]. Ситуация изменяется лишь в сторону увеличения бюджета. В 2021 году гуманитарный бюджет ООН увеличился в сравнении с 1989 г. в более чем 25 раз и составил 20,22 млрд долл. [18].

Гуманитарные принципы не делают помощь более эффективной, они лишь ограничивают гуманитарное сообщество, способствуя профессионализации гуманитарной деятельности и ее ограничению, навязывая единственно возможную модель реагирования на гуманитарные кризисы и комплексные гуманитарные чрезвычайные ситуации, провозглашая правила, по которым оказывается помощь, более значимыми, чем ее результат. Определение гуманитарной системы, как «... сети международных гуманитарных структур, функционально связанных рамочной системой координации, которая создана Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 46/182 и ее последующих резолюциях и включающую Координатора чрезвычайной помощи, Межучережденческий постоянный комитет и механизмы планирования и финансирования, и руководствующихся приверженностью руководящим принципам, принципам гуманности и нормам международного права» [9] – лишь попытка ООН координировать разнородное гуманитарное сообщество. Принципы, провозглашенные в 1965 году с целью подчеркнуть особую роль Международного комитета Красного Креста и наделить его полномочиями посредника и гуманитарного регулятора, были использованы в 1991 году ООН для того, чтобы сформировать систему глобального управления гуманитарной деятельностью.

Недовольство сложившейся системой нарастает. В том числе все чаще ставятся под сомнение принципы, которые выступают в качестве ключевого признака гуманитаризма. Все чаще подчеркивается, что гуманитарные принципы лишь консервируют единственный вариант гуманитаризма – западный, что оставляет вне системы, а значит, и вне защиты и ресурсного обеспечения, логистической и информационной поддержки. Современный гуманитаризм не только и не столько гуманитарная идеология, а комплексный характер современных гуманитарных кризисов, признаваемая практически всеми исследователями политизация гуманитарной деятельности [13], ставят под вопрос

безусловную применимость гуманитарных принципов [15; 28; 29; 31]. Признаками радикального изменения подходов к определению гуманитарной деятельности и порядка ее координации служит уже то, что в отчет «О состоянии гуманитарной системы», который публикует аффилированная с ООН организация ALNAP, включен раздел, посвященный вопросам финансирования, методам работы и механизмам координации организаций и структур, ведущих гуманитарную деятельность и не являющихся частью гуманитарной системы ООН [33].

В уже цитируемой Концепции гуманитарной политики России за рубежом заявляется: «Наша страна поддерживает создание эффективных форматов взаимодействия в указанной области под эгидой ООН и других международных универсальных и региональных организаций, а также обмен передовым опытом по этим вопросам» [5]. Однако Россия в лице дипломатического, экспертного и академического сообществ не участвует в дискуссиях о настоящем и будущем гуманитаризма. Значит ли это, что мы будем готовы принять правила игры, которые будут определять порядок и способы оказания гуманитарной помощи, даже если они будут идти вразрез с национальными интересами страны? Ответ очевиден. Но тогда необходимо приступить к формированию структур и механизмов экспертной и аналитической поддержки отечественной практики гуманитарной помощи, приложить максимальные усилия к тому, чтобы голос России и ее позиция были не только слышны в дискуссиях о состоятельности гуманитарной системы ООН и применимости гуманитарных принципов, но и определяли эти дискуссии.

Список источников и литературы

1. Бевир М. Управление: очень краткое введение. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 160 с.
2. Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны (перевод с французского). МККК, 2005. 1549 с.
3. Конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях от 22 августа 1864 года// Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны (перевод с французского). МККК, 2005.
4. Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях. Женева, 06 июля 1906г. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=48194> (дата обращения: 02.09.2022).
5. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022г. № 611.
6. Нунан Т. Гуманитарное вторжение: глобальное развитие в Афганистане времен холодной войны. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 568 с.
7. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/46/182.
8. Резолюции Женевской Международной конференции//Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны (перевод с французского). МККК, 2005.
9. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря. A/68/84–E/2013/77.
10. Федеральный закон «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» от 04.05.1999 N 95-ФЗ (в редакции от 24.11.2008).

11. Anderson M. B. Do No Harm: How Aid Can Support Peace – Or War. Lynne Rienner, London, 1999. 160 p.
12. Buckingham C.E. For Humanity's Sake: The Story of the Early Development of the League of Red Cross Societies. Washington, D.C., Public Affairs Press, 1964. 206 p.
13. Broussard G., Rubenstein L.S., Robinson C. et al. Challenges to ethical obligations and humanitarian principles in conflict settings: a systematic review. *Int J Humanitarian Action* 4, 15 (2019). URL: <https://doi.org/10.1186/s41018-019-0063-x> (accessed: 04.09.2022)
14. Bueno de Mesquita B., Smith A. The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics. New York: Public Affairs, 2012. 352 p.
15. Curtis D. Politics and Humanitarian Aid: Debates, dilemmas and dissensions. HPG Report 10. Overseas Development Institute, London, 2001 URL: <https://cdn.odi.org/media/documents/295.pdf> (accessed: 09.09.2022)
16. Davey E., Borton J., Foley M. A history of the humanitarian system. Western origins and foundations. HPG Working Paper. London, Overseas Development Institute, 2013. 41 p.
17. Durand R. La conference médicale de Cannes, 1er – 11 avril 1919. Societe Henry Dunant, Geneve, 1994. 78 p.
18. Global Humanitarian Overview 2022. URL: <https://hum-insight.info/> (accessed: 07.00.2022)
19. Global Humanitarian Assistance Report 2021. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2021/chapter-two-humanitarian-and-wider-crisis-financing/> (accessed: 04.09.2022)
20. Hubert D., Brassard-Boudreau C. Shrinking Humanitarian Space? Trends and Prospects on Security and Access// *Journal of Humanitarian Assistance*, November 2010. URL: <https://www.jha.ac/shrinking-humanitarian-space-trends-and-prospects-on-security-and-access/>(accessed: 04.09.2022)
21. *International Review*, November 1965, № 56. // URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/RC_Nov-1965.pdf (accessed: 05.09.2022).

22. International Review, November 1961, № 8. // URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/RC_Nov-1961.pdf (accessed: 05.09.2022).
23. Jackson A., Davey, E. From the Spanish Civil War to Afghanistan: Historical and Contemporary Reflections on Humanitarian Engagement with Non-state Armed Groups, HPG Working Paper. London, Overseas Development Institute, 2014. 39 p.
24. Kent R.C. Anatomy of Disaster Relief: The International Network in Action. London: Pinter Publishers, 1987. 201 p.
25. Maillard D. 1968–2008: le Biafra ou le sens de l’humanitaire// Humanitaire, 2008, vol. 18. URL: <https://journals.openedition.org/humanitaire/182> (accessed: 08.09.2022)
26. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports. 1986.
27. Minear L. Humanitarian Action and Politicization: A Review of Experience Since World War II// The Golden Fleece: Manipulation and Independence in Humanitarian Action. (ed. by A. Donini). Sterling: Kumarian Press, 2012. 318 p.
28. Monteiro L. Are The Existing Humanitarian Principles Fit For Purpose? // The Centre for Humanitarian Action 11.05.2022. URL: <https://www.chaberlin.org/en/blog/are-the-existing-humanitarian-principles-fit-for-purpose/>(accessed: 09.09.2022)
29. Slim H. You don’t have to be neutral to be a good humanitarian // The New Humanitarian 27.08.2020 URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/opinion/2020/08/27/humanitarian-principles-neutrality> (accessed: 09.09.2022)
30. Smillie I. The Alms Bazaar: Altruism Under Fire: Non-Profit Organizations and International Development. London: Intermediate Technology Publications, 1995. 286 p.
31. Poffley R. The dilemma of neutrality: to what extent can humanitarian assistance be combined with efforts to promote development? // Medicine, Conflict and Survival. 2012, 28:2, 113-123, DOI: 10.1080/13623699.2012.678059 (accessed: 09.09.2022).

32. Terry F. *Condemned to Repeat? The Paradox of Humanitarian Action*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2002. 300 p.

33. *The State of the Humanitarian System*. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/help-library/2022-the-state-of-the-humanitarian-> (accessed: 05.09.2022).

Ходина Ольга Сергеевна,
приглашенный профессор Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
продюсер телевизионных программ, МИЦ «Известия»,
e-mail: olga.khodinova@gmail.com

Olga S. Khodinova,
Visiting Professor of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
TV-news producer, IMC “Izvestia”,
e-mail: olga.khodinova@gmail.com

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ВО ФРАНЦИИ
В ПРЕДВЫБОРНЫХ ДИСКУРСАХ 2017 И 2022 Г.:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

**MIGRATION PROCESSES IN FRANCE IN THE ELECTION
DISCOURSES OF 2017 AND 2022:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Аннотация: статья посвящена сравнению дискурсов, сфокусированных на проблематике миграции и национальной идентичности французов во время президентских кампаний во Франции 2017 и 2022 г. Исследуются программы наиболее рейтинговых кандидатов в президенты, анализ которых позволяет автору подтвердить тезис о том, что наиболее вероятный сценарий развития миграционной политики Франции – ужесточение правил въезда и пребывания иммигрантов в стране, а также упрощение высылки нелегалов, что подкрепляется общественным одобрением на волне правого популизма.

Ключевые слова: Франция, миграционная политика, идентичность, президентские выборы, предвыборная кампания, иммигранты.

Abstract: the article is devoted to a comparison of discourses of the most rated presidential candidates during campaigns in France in 2017 and 2022. The author analyses their programs focused on the issue of migration and the national identity of the French. The outcomes of the analysis allow the author to confirm the thesis that the most

likely scenario the development of France's migration policy is tightening the rules for the entry and stay of immigrants in the country, as well as simplifying the expulsion of illegal immigrants, and that policy is supported by public approval in the wake of right-wing populism.

Key words: France, migration policy, identity, presidential elections, election campaign, immigrants.

Пандемия коронавируса Covid-19 внесла хаос в привычный ход вещей во всем мире, нарушив большинство внутривнутриполитических процессов, а также установив очевидные барьеры во внешнеполитической деятельности государств. Вместе с тем строгие карантинные меры, выработанные для пресечения трансграничного распространения смертельно опасной инфекции, притормозили развитие миграционных процессов на европейском континенте. Однако попытки властей Евросоюза после миграционного кризиса 2015 г. выработать единую стратегию, даже воспользовавшись вынужденной паузой в трансграничной миграции, не привели к столь желанному прозрачному и всех устраивающему единому алгоритму приема и адаптации в ЕС мигрантов и беженцев. На наш взгляд, представляется интересным и ценным с научной точки зрения провести сравнительный анализ двух президентских кампаний во Франции, чтобы проследить эволюцию дискурса и выявить тенденции, характерные для французской миграционной политики последних лет.

Предпосылки обострения миграционного кризиса во Франции

Франция стала страной иммиграции ещё в начале XX в. Основными «поставщиками» мигрантов были Революция 1917 г. и Гражданская война в России, переворот в Италии, поражение республиканской Испании, Первая и Вторая мировые войны, война за независимость Алжира и волна деколонизации. Новейшие волны миграции во Францию – результат войны в Сирии, породившей крупнейший со времен Второй мировой войны миграционный кризис, а также конфликта в Йемене, где на грани выживания оказались более 5 млн чел. Новелла 2022 г. – украинский кризис, в результате которого беженцами стали, по оценкам

ООН, по меньшей мере также 5 млн чел. Таким образом, проблема миграции не уходит из социально-политической повестки Пятой республики уже более столетия.

Началом оформления миграционной политики Франции можно назвать закон 1945 г. об условиях въезда и проживания иностранцев. В 1952 году в рамках МИД было создано Управление по защите беженцев и апатридов. Также в 1952 году страна подписала Женевскую конвенцию 1951 г., регламентирующую предоставление политического убежища: человек, признанный беженцем, мог рассчитывать во Франции на 10-летний вид на жительство.

С тех пор Французская Республика последовательно пережила несколько стадий-стратегий приема мигрантов: ассимиляцию (1950-е – конец 1960-х гг.), адаптацию (рубеж 1960-х-1970-х – 1990-е гг.), интеграцию (начало 1990-х – начало 2000-х гг.), а также попытки новой интеграции с элементами мультикультурализма в настоящее время [подробнее см. 2; 5]. Кроме того, наши исследования показали наличие в современной миграционной модели Франции признаков интеркультурализма, основы которого были заложены документами Совета Европы ещё в 2009 году.⁵

Концептуальные основы современной миграционной политики Франции

Можно со всей определенностью сказать, что современная миграционная политика Пятой республики существует в рамках, заданных ещё при Н. Саркози, сначала главе МВД, а затем и президенте. Именно при нем в 2006 и 2007 г. заработали такие институты, как «контракт приема и интеграции» (CAI) и «карта компетенции и талантов». Подписывая CAI, впервые прибывающий в страну иммигрант берёт на себя обязательство уважать ценности Пятой республики, предварительно пройдя курс обучения французскому языку и основам

⁵ Подробнее см.: Ходинова О.С. Европейский интеркультурализм на практике: современная городская политика Франции // Власть, 2019. №2. С. 256-261; Ходинова О.С. Интеркультурализм как новая стратегия включения мигрантов в европейскую нацию (на примере Франции) // Власть, 2019. №1. С. 170-176; Ходинова О.С. Роль межкультурного диалога в решении миграционных проблем ЕС // Политика и культура: пространство игры. Сборник научных статей. Будапешт-Киров, 2020. С. 92-97; Ходинова О.С. Франция: попытки интеркультурализма // Международная жизнь, 2019. №6. С. 44-57.

французской конституции. Со своей стороны, государство обязуется содействовать трудоустройству и размещению лиц, прибывающих на ПМЖ во Францию. «Карта компетенций и талантов» введена для иностранцев, которые, благодаря своим навыкам и умениям, могут способствовать экономическому, культурному, научному, гуманитарному развитию Франции и страны своей гражданской принадлежности.

Миграционную политику на современном этапе определяет закон от 10 сентября 2018 г. «О контролируемой иммиграции, эффективном праве на убежище и успешной интеграции» [20], разработанный уже при действующем президенте страны Э. Макроне. Согласно этому закону по истечении года легального проживания на территории Франции иностранец получает карту пребывания сроком от 2 до 4 лет. Срок действия «карты компетенции и талантов» продлевается на год, до 4 лет. Для студентов, прошедших обучение во Франции, облегчается поиск работы или создание бизнеса. В отношении нелегальных мигрантов закон четче определяет процедуры задержания и вместе с тем расширяет полномочия административных органов. Использование поддельных документов карается тюремным заключением и штрафом, ответственность распространяется не только на лицо, использующее документ, но и на его владельца.

В 2019 году власти попытались совершить новый поворот в национальной иммиграционной стратегии, объявив о введении экономических квот по примеру Канады. Однако кардинально на современную миграционную ситуацию в Пятой республике это не повлияло. В 2021 году правительство лишь продолжило курс на ужесточение в отношении мигрантов. Только за январь было выдано на 30% больше отказов в предоставлении убежища, чем в прошлом году [3]. Таким образом, миграционная политика Франции на современном этапе сочетает в себе две тенденции: привлечение высококвалифицированных кадров и более строгий контроль со стороны правоохранительных органов.

Более того, миграционная проблема, трансформирующаяся в проблему внутренней безопасности, – рост числа правонарушений в мигрантских пригородах, нападение молодежных банд на полицейских и сотрудников

экстренных служб, периодические исламистские теракты – продолжает оставаться одной из главных в социально-политической жизни Франции. Естественным образом это сказывается на характере протекания предвыборной борьбы и позициях партийно-политических сил, участвующих в избирательной кампании. Оговоримся, что предвыборную риторику кандидатов в оценке сугубо миграционных проблем необходимо рассматривать в широком общественно-политическом контексте и, конечно, миграционный дискурс никак нельзя назвать преобладающим или тем более определяющим выбор граждан во время предвыборной кампании. Однако, на наш взгляд, именно для французской нации темы иммиграции, национальной идентичности, дискриминации и какого-либо неравенства являются крайне чувствительными и даже во многом определяющими в контексте публичных дискуссий о «державности» Франции.

Миграционный вопрос в партийно-политической борьбе в 2017 году

В 2017 году миграция стала одной из центральных тем предвыборных баталий преимущественно в результате вызовов идентичности, которые представляли собой наплыв беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки, а также теракты 2015 г., шокировавшие не только Францию, но и весь мир (12 погибших при нападении на редакцию Charlie Hebdo в январе и 130 погибших в ходе атаки на Париж в ноябре).

Таблица 1 наглядно демонстрирует, какие политические силы наиболее активно разыгрывали карту идентичности в своей президентской кампании.

Партия	Термины	«Национальная идентичность»	«Республика»
	«Республиканцы»	38%	30%
	«Национальный фронт»	48%	10%
	Социалистическая партия	21%	43%
	«Левый фронт»	15%	29%

Таблица 1. Использование дискурса идентичности в ходе выборов 2017 г. Составлено автором.

Теракты 2015 г. в сочетании с наплывом мигрантов-мусульман, с одной стороны, сыграли на сплочение нации, а с другой – потребовали со стороны властей адекватного ответа. Так, за прекращение 40-летней практики

воссоединения семей весной 2016 г. высказались 59% французов, из них – 73% сторонников правоцентристской партии «Республиканцы» и 92% симпатизирующих ультраправому «Национальному фронту» (НФ) [30]. В августе 2016 г. опрос Ipsos показал, что большинство французов (57%), считали, что в стране «слишком много» иммигрантов, и только 11% сочли, что иммиграция имеет «положительное» значение [12]. Другой опрос, проведенный в августе–сентябре 2016 г., показал, что 75% французов «не трогают понятия «Республика» и «республиканские ценности», так как они утратили свою силу и значение в силу слишком частого употребления политиками» [19].

Вместе с тем иммиграционный вопрос позволяет наглядно маркировать разных представителей французского политического спектра: социалисты подчеркнуто избегают уделять значительное внимание миграционным проблемам, тогда как правые активно эксплуатируют актуальность этих вызовов, играя на острых противоречиях в обществе.

Так, в 2017 году Марин Ле Пен выступала за содействие продвижению «республиканской модели» миграционной политики – ассимиляции, так как она «более требовательна, чем принцип интеграции»; за секуляризм, защиту французского языка и национальной идентичности; за борьбу против коммунитаризма; против позитивной дискриминации и политики «национального покаяния» [7, с. 91–99]. Кроме того, она намеревалась внести в конституцию статью о защите и продвижении исторического и культурного наследия Франции.

В официальной предвыборной программе Эммануэля Макрона [10] не было ни слова о миграционной политике, однако его позицию можно было вычленить по отдельным интервью и заявлениям. Он, в частности, заявил, что «для Франции иммиграция – это возможность с экономической, культурной и социальной точки зрения» [21], поэтому сам по себе наплыв мигрантов не должен слишком сильно волновать французов. Весь вопрос состоит в дальнейшей их интеграции, с которой, как признает Макрон, у Франции проблемы. Он выступал против квотирования, но за позитивную дискриминацию, а также за совместную с другими странами Европы координацию процесса депортации.

Кандидат от партии «Республиканцы» Франсуа Фийон критиковал своего противника на внутрипартийных праймериз Николя Саркози за приоритетное внимание к проблемам идентичности и безопасности [22], в то время как сам настаивал на важности решения в первую очередь экономических задач. Он высказывался в поддержку закона против ношения на французских курортах буркини (женского мусульманского купального костюма, закрывающего все тело), чтобы вывести этот вопрос из-под юрисдикции муниципалитетов; выступал за ужесточение правил воссоединения семей, за поправку к конституции о том, что иммиграция во Францию допустима только в размерах, соответствующих возможностям приема и интеграции [17]. Условием приобретения французского гражданства, по Фийону, должна была быть полная ассимиляция иммигранта. Также кандидат от «Республиканцев» предлагал вынести на референдум вопрос о ежегодном введении квот на прием иммигрантов.

Социалист Бенуа Амон в своей предвыборной программе не уделял сколько-нибудь значимого внимания вопросам иммиграции, хотя в отдельных интервью заявлял, что неверно отрицать совместимость ислама с Республикой. По его мнению, «противоречащим ценностям Республики можно назвать лишь политический и революционный ислам» [28]. Амон предлагал создать «гуманитарную визу», «чтобы открыть легальный и безопасный доступ на территорию Франции людям, оказавшимся в беде, для приема и временной защиты», и выделять на эти нужды не менее 0,7% ВВП страны. Он выступал против всех видов дискриминации и за равенство шансов всех французов [8].

Лидер леворадикалов Жан-Люк Меланшон в своей программе также не уделил внимания вопросам иммиграции и идентичности. Однако в своем обращении к избирателям он объявил о приверженности светскости и толерантности, а также отрицанию религиозного фанатизма, коммуитаризма и дискриминации по какому-либо принципу [16].

Таким образом, с точки зрения миграционных вопросов французы в 2017 году выбирали между более мягким национализмом в исполнении кандидата от «Республиканцев» Ф. Фийона и европейским прагматичным проектом Э. Макрона

– бывшего министра экономики при Ф. Олланде. Острые общественные дискуссии по этим давно «больным» для французской нации вопросам, а также неспособность властей адекватно реагировать на новые вызовы времени породили недовольство и разочарование избирателей, которые в итоге сместили стремительно теряющего доверие граждан Ф. Олланда с поста президента. В результате тот уступил место молодому кризис-менеджеру Э. Макрону, который во время кампании умело балансировал в риторике между правыми и левыми, задав новый центристский тон французской политике.

Расстановка сил в 2022 году

На новый электоральный виток Франция вышла, отягощенная кризисом в области здравоохранения и экономики в целом, а также растущей социальной напряженностью. Таковы были последствия пандемии коронавируса и связанного с ней почти двухлетнего локдауна. На смену этой проблеме для европейских политиков в конце февраля пришла специальная военная операция России на Украине. Под предлогом немедленного реагирования на сиюминутно меняющуюся геополитическую обстановку, а также ситуацию на месте боевых действий Э. Макрон до последнего оттягивал выдвижение своей кандидатуры на переизбрание в качестве главы Пятой республики.

В апреле 2022 г. одной из главных тем предвыборной кампании, помимо очевидных социальных и экономических проблем, обострившихся в пандемию, а также опасений полномасштабного вооруженного конфликта в Европе, по-прежнему остался миграционный вопрос. В отличие от предыдущей кампании 2017 г., по этому вопросу высказывались все без исключения кандидаты. Проанализируем ключевые положения их предвыборных программ – от ультраправого до ультралевого фланга.

За последние 5 лет на «правом» фланге французского политического спектра добавилось несколько ярких игроков. Интриги в предвыборную кампанию-2022 добавил националистический публицист Эрик Земмур, основавший партию «Реконкиста» и поклявшийся сделать тему иммиграции единственной в предвыборном дискурсе [32]. В своей предвыборной программе Э. Земмур,

создавая алармистские настроения, активно эксплуатировал официальные статистические данные по иммиграции, визуализируя текущую ситуацию в данной сфере [14]. Предложения по миграции носили откровенно популистский характер и были, очевидно, рассчитаны на то, чтобы шокировать избирателей. Призывы выстроить «стену вокруг ЕС», разнообразные теории заговора, такие термины, как «великое переселение», «ремиграция», – вот лишь некоторые из его нарративов [27]. Среди его предложений: отмена права на воссоединение семей; прием прошений о предоставлении убежища исключительно в консульских службах за пределами национальной территории, чтобы избежать проблем с выдворением тех, кому было отказано; ограничение доступа мигрантов к социальной помощи. Также программа партии «Реконкиста» предусматривала отмену *jus soli*, ужесточение условий натурализации путем увеличения срока проживания до 10 лет и требований от кандидатов на получение французского гражданства, а именно «совершенного владения языком, настоящей ассимиляции и полной юридической чистоты» [27]. Помимо этого, предлагалось ввести обязательный залог в размере 10 000 евро за получение визы для граждан стран – основных поставщиков мигрантов, а также обусловить доступ иностранных студентов к обучению во французских университетах только «наиболее перспективным» специальностям.

Как и ее соперник из партии «Реконкиста», Марин Ле Пен уделила в своей предвыборной кампании традиционно большое внимание миграционной проблематике. По ее мнению, необходимо срочно восстановить контроль над иммиграцией. Этот вопрос, как она считает, представляет собой «большую проблему XXI века». Поэтому в программе «Национального объединения» (RN) были определены две основные цели работы: контроль за иммиграцией и защита национальности и гражданства [25]. Ле Пен не отступила от своей идеи о референдуме о правах и обязанностях иностранцев [15]. В законопроекте предлагается высылка тех, кто осужден за тяжкие преступления или правонарушения, а также тех, кто представляет угрозу общественному порядку. По аналогии с Э. Земмуром М. Ле Пен предлагала ужесточить критерии воссоединения семей. Лидер «Национального объединения» давно и

последовательно выступает за позитивную дискриминацию в пользу французов, называя это созданием «национального приоритета», который позволил бы гражданам страны получать преимущество в доступе к занятости и социальному жилью. В соответствии с этим принципом предлагалось провести реформу социальных пособий, по которой иностранцы смогли бы воспользоваться льготами только после 5 лет работы во Франции. Реформа также коснулась бы процедуры предоставления права на убежище, которую Ле Пен считает непрозрачной и называет одним из основных путей нелегальной иммиграции [25]: регулирование необходимо ужесточить, сохранив при этом право на убежище «за людьми, чья жизнь и свобода действительно находятся под угрозой». Ещё одна из реформ, предложенных Ле Пен, касается получения французского гражданства: отмена *jus soli*, гражданство будет доступно только тем, у кого один из родителей француз.

Евроскептик Николя Дюпон-Эньян из *Debout la République*, призывавший голосовать за Марин Ле Пен во втором туре выборов в 2017 году, в своей предвыборной программе представил 16 решений для «восстановления национального единства», чтобы «заблокировать иммиграцию» [18]. В первые сто дней своего президентства он был готов инициировать референдум по отмене *jus soli* и приостановке действия программы воссоединения семей. Дюпон-Эньян пошел даже дальше многих своих коллег по правому флангу французской политики. В его программе закреплялось превосходство национальных законов в области иммиграции над европейскими директивами, а также предлагалось упразднить шенгенскую систему. Среди прочих инициатив выделяются призыв 10 000 чел. для воздушной и пограничной полиции, ежегодное голосование в парламенте по квотам на въезд иммигрантов (на соответствие их возможностям для их приема), создание еще одного типа квот для иностранных студентов, автоматическая депортация отбывшего заключение иностранца в страну его происхождения, оказание социальной поддержки иностранцам только после пятилетнего пребывания во Франции.

Надежда «Республиканцев» на выборах-2022 – Валери Пекресс, председатель совета ключевого для страны столичного региона Иль-де-Франс, –

позиционировала себя как кандидат, способный «перевернуть страницу десятилетней миграционной вялости» [27] и покончить с нелегальной иммиграцией [9]. Основное положение ее предвыборной программы – избирательная иммиграция, реализуемая через механизм квотирования, а также отмена автоматизма *jus soli* («Все дети, рожденные во Франции от родителей-иностранцев, должны будут сделать реальный выбор в возрасте 18 лет и выполнить условия ассимиляции») [26]. С популистом Э. Земмуром ее роднит предложение вынести решение проблем с предоставлением убежища на или за границы Пятой республики, чтобы заявители ожидали решения, находясь на территории своего родного государства. При этом Пекресс была намерена договориться с ЕС об ужесточении контроля над выдворением нелегалов или тех, кто получил отказ в предоставлении убежища, с более активной ролью европейского пограничного агентства Frontex, которое обеспечивало бы финансирование и сопровождение всех процедур. В духе идей Дюпон-Эньяна Пекресс предлагает укрепить двусторонние соглашения об экстрадиции, чтобы иностранные правонарушители отбывали наказание в своей стране. В случае своего избрания Пекресс обещала пересмотреть систему социальной помощи иммигрантам и ограничить медицинскую помощь лишь неотложными случаями.

Мэр Парижа – социалистка Анн Идальго, дочь иммигрантов из Испании – обещала обеспечить «при любых обстоятельствах достойный прием просителей убежища путем сбалансированного распределения по территории» [26]. По мнению А. Идальго, «иммиграция заслуживает вдумчивой и мирной политики, а не эксцессов и фантазий, объектом которых она является слишком часто» [26]. Ее ключевые предложения заключаются в следующем: узаконить людей без документов, давно обосновавшихся во Франции; на внешнем контуре – реформировать Дублинскую систему с акцентом на солидарность между государствами; усилить борьбу с нелегальной иммиграцией и контрабандистами; «перезапустить» модель интеграции, предоставив доступ к работе просителям убежища по запросу; организовать бесплатные уроки французского языка для

«новичков» и иммигрантов, которые хотели бы усовершенствовать свое владение языком.

Крайне левый кандидат от «Непокоренной Франции» Жан-Люк Меланшон предложил избирателям «гуманистическую и реалистичную» миграционную политику [27]. Его проект был направлен прежде всего на укрепление связей между Европой и странами Юга (Магриб, страны Африки к югу от Сахары и Ближний Восток), пересмотр концепции «Европы-крепости» и Шенгенского соглашения для развития европейско-средиземноморского сотрудничества, а также приостановку действия Дублинского регламента, пересмотр общей политики ЕС в области пограничного контроля и соглашений Ле-Туке между Францией и Великобританией. Помимо этого, Ж.-Л. Меланшон предложил создание франко-британского офиса для управления запросами мигрантов, находящихся в Кале, а также нового европейского агентства, отвечающего за спасение мигрантов в Средиземном море. На национальном уровне Меланшон агитировал за укрепление системы приема иммигрантов, в частности посредством включения в закон принципа ответственности органов госвласти за «достойный прием» иностранцев, а также за присоединение Управления по защите беженцев и лиц без гражданства (OFPRA) к министерству иностранных дел.

Эммануэль Макрон, объявляя свою программу для переизбрания буквально в последний день, предусмотренный для этого конституцией [23], подтвердил свою твердую позицию по вопросам миграции и следование курсу на ужесточение контроля как за входящими миграционными потоками, так и за высылкой нелегалов. При этом действующий президент, очевидно, пользуясь своим положением и тем, что он последним объявил о начале кампании, будто бы собрал в своей миграционной стратегии все ключевые пункты своих соперников. Он вновь заявил о необходимости кардинально реформировать систему предоставления права на убежище, предложил обусловить получение вида на жительство на 4 года более высоким результатом экзамена на знание французского языка и вовлеченностью в процесс профессиональной интеграции. Он выступил за облегчение процедуры высылки иностранцев, нарушающих общественный

порядок, и тех, кому было отказано в убежище, а также сокращение количества въездных виз. Также он подчеркнул, что хотел бы продолжить реформу Шенгенской зоны и «укрепить национальные границы» [24]. Коснулся Э. Макрон и своих размышлений вокруг интеграционной модели, не уточнив, впрочем, хотя бы её контуров. Необходимо отметить, что Э. Макрон демонстрирует последовательность своей позиции относительно миграционных проблем и преемственность курса в регулировании неослабевающего потока иммигрантов и беженцев.

Во многом именно благодаря этой последовательности в остальных вопросах, Макрону впервые за 20 лет, с 2002 года и результата Жака Ширака, удалось переизбраться на второй срок. Более того, переизбраться с большинством своей партии в Национальной ассамблее – это достижение и вовсе держалось с 1958 г., года основания Пятой республики Шарлем де Голлем. Голоса в пользу Э. Макрона снова были сосредоточены в городских районах. Он одержал убедительную победу в таких городах, как Лион, Париж и Тулуза, а также преуспел в северо-западных регионах страны. Он также заручился поддержкой «левых» городов, даже тех, что на юго-западе, которые поддержали леворадикального Жана-Люка Меланшона в первом туре. Марин Ле Пен показала хорошие результаты в более бедных, сельских районах и в регионах промышленного спада на севере и востоке, а также в традиционном оплоте ее партии на юго-востоке, где сильны опасения по поводу иммиграции и большое количество пенсионеров, как правило, голосуют за «правых» [11].

Однако и результат Марин Ле Пен на этих выборах в 41,4% является сенсационным, т.к. это самый высокий показатель французских правых популистов с момента возникновения партии. Рост относительно ее кампании-2017 (33,9%) составляет 7 процентных пунктов. Эти цифры позволили Ле Пен, несмотря на поражение, заявить о «блистательной победе»: «Те идеи, которые мы представляем, достигли пика своего влияния» [31]. Необходимо отметить также, что положение второй яркой политической силы после правящего движения выгодно для партии Ле Пен: оно позволяет динамично радикализировать свою

программу, повинуюсь общественному запросу и, благодаря своему популизму, оставаться в мейнстримовой повестке. В российских научных кругах принято считать, что именно такая стратегия и «правильно выбранные лозунги» помогли малоизвестному тогда широкой общественности Э. Макрону выиграть его первые президентские выборы в 2017 году [6; 69].

Резюмируя, выделим главные тенденции во внутривыборном процессе в Пятой республике, касающемся миграционной составляющей:

1. Кандидатов, которые затрагивали бы миграционные вопросы в своих кампаниях, стало больше.

2. В число тех, кто заявил о необходимости более жесткого подхода к решению миграционных проблем, пожалуй, впервые вошли даже социалисты.

3. Спектр предлагаемых действий по урегулированию миграционных вопросов как на правом, так и на левом политическом фланге значительно расширился. Звучали громкие предложения не только о внутривыборных мерах, но и о внешнеполитических шагах по урегулированию миграционных проблем.

4. Практически все политические силы заявили о необходимости пересмотра правила *jus soli*, то есть предоставления гражданства по «праву почвы» (факту рождения на территории Пятой республики). Это свидетельствует о серьезном сдвиге в общественно-политическом сознании во Франции и позволяет сделать вывод, что в среднесрочной перспективе в Пятой республике может быть достигнут консенсус в этом вопросе, который является одним из краеугольных камней конституции и миграционной политики.

5. Лозунги, которые выдвигали кандидаты, можно расценивать как дань популистским настроениям в обществе и своего рода соревнование в медийном пространстве, попытки составить конкуренцию М. Ле Пен, занявшей прочные позиции наиболее явного антагониста правящей партии.

Иллюстрацией в подтверждение последнего тезиса служат данные новейших опросов общественного мнения. Они наглядно демонстрируют, что на теме иммиграции любая политическая сила во Франции может заработать себе дополнительные очки. Так, согласно эксклюзивному опросу, проведенному

институтом CSA для CNEWS и обнародованному 27 июля 2022 г., более 7 из 10 французов (71%) хотят «значительного» сокращения иммиграционного потока на национальную территорию. В частности, 37% респондентов ответили «да, безусловно» и 34% «скорее да» на вопрос: «На ваш взгляд, следует ли значительно сократить поток иммиграции во Францию?» [17]. Заказ на этот опрос издание CNEWS сделало после очередного плана по ужесточению миграционного режима, когда министр внутренних дел Жеральд Дарманен заявил о намерении сделать возможной высылку иностранцев, «совершивших серьезные деяния», в частности, отменив условие о возрасте прибытия во Францию [13]. В свою очередь, эти намерения подтверждают тезис о том, что Пятая республика и далее будет двигаться к ужесточению миграционного законодательства, подчиняясь общественно-политическим веяниям правого толка.

Список источников и литературы

1. Зотова О.М. Идея европейского единства и национальная идентичность / О. М. Зотова // Вестник МУ. Серия социологии и политологии. 1999. №3. С. 154-162.
2. Куропятник А.И. Иммиграция и национальное общество: Франция // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VIII. 2005. №4. С. 136-165.
3. Миграционная политика Родины революций – Франции / Александра Энелане // Миграционный эксперт. Опубликовано: 12.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://all-migration.com/journal/zarubezhnye-zakony-a-kak-u-nikh/migratsionnaya-politika-rodiny-revolyuitsiy-frantsii/> (дата обращения: 12.08.2022)
4. Стрельцова Я. Тема иммиграции во Франции накануне президентских выборов 2012 года [Электронный ресурс]: Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 9. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/analit03.php> (дата обращения: 19.04.2022)
5. Фёдоров С.М. Франция. Трудные поиски обновления «республиканской модели» интеграции иммигрантов // Миграционные проблемы в Европе и

пути их решения = Migration in Europe: problems and remedies / [под ред. Н. Б. Кондратьевой (отв. ред.), О. Ю. Потёмкиной]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2015. – С. 54–67.

6. Чернега В. Франция перед президентскими выборами 2022 года // Международная жизнь, март-2022. С. 69-81.

7. 144 engagements du Projet présidentiel de Marine Le Pen [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marine2017.fr/programme/> (дата обращения: 19.04.2022)

8. Benoît Hamon. Pour une République bienveillante et humaniste [Электронный ресурс]. URL: <https://www.benoithamon2017.fr/thematique/pour-une-republique-bienveillante-et-humaniste/> (дата обращения: 19.04.2022)

9. Education, retraite, immigration... les réformes que Valérie Pécresse souhaiterait faire adopter d'ici novembre. 31 MAR 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.publicsenat.fr/article/politique/education-retraite-immigration-les-reformes-que-valerie-pecresse-souhaiterait> (дата обращения: 12.08.2022)

10. Emmanuel Macron président [Электронный ресурс]. URL: <https://storage.googleapis.com/en-marche-fr/COMMUNICATION/Programme-Emmanuel-Macron.pdf> (дата обращения: 19.04.2022)

11. France's presidential election: The second round in detail. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/interactive/france-2022/results-round-two> (дата обращения: 12.08.2022)

12. Immigration et réfugiés : France, pays d'accueil ou pays en repli ? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2016-08-22-immigration-et-refugies-france-pays-d-accueil-ou-pays-en-repli> (дата обращения: 19.04.2022)

13. Immigration : le gouvernement veut expulser tous les étrangers ayant commis des actes graves. Publié le 10/07/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnews.fr/france/2022-07-10/immigration-le-gouvernement-veut-expulser-tous-les-etrangers-ayant-commis-des> (дата обращения: 12.08.2022)

14. Immigration : Le programme d'Éric Zemmour. [Электронный ресурс]. URL: <https://programme.ericzemmour.fr/immigration> (дата обращения: 12.08.2022)

15. Immigration : le référendum voulu par Marine Le Pen est-il constitutionnel ? 29 SEP 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.publicsenat.fr/article/politique/immigration-le-referendum-voulu-par-marine-le-pen-est-il-constitutionnel-190598> (дата обращения: 12.08.2022)
16. La démarche [Электронный ресурс]. URL: http://f-i.jlm2017.fr/la_demarche (дата обращения: 19.04.2022)
17. Le programme de François Fillon [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lemonde.fr/personnalite/francois-fillon/programme/> (дата обращения: 19.04.2022)
18. Le programme de Nicolas Dupont-Aignan à la présidentielle 2022. Publié le 14 février 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2022/02/14/le-programme-de-nicolas-dupont-aignan-a-la-presidentielle-2022_6113606_823448.html (дата обращения: 12.08.2022)
19. Les Français et la thématique républicaine dans le discours politique [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifop.fr/media/poll/3466-1-study_file.pdf (дата обращения: 19.04.2022)
20. Loi № 2018-778 du 10 septembre 2018 pour une immigration maîtrisée, un droit d'asile effectif et une intégration réussie (1). [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000037381808__ (дата обращения: 19.04.2022)
21. Migrants, politique migratoire et intégration : le constat d'Emmanuel Macron / Réforme [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reforme.net/actualite/politique/migrants-politiques-migratoires-et-integration-le-constat-demmanuel-macron/> (дата обращения: 19.04.2022)
22. Pour François Fillon, la présidentielle « n'est pas le choix d'un super-ministre de l'intérieur » [Электронный ресурс]. URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2016/08/27/francois-fillon-l-election-presidentielle-ce-n-est-pas-le-choix-d-un-super-ministre-de-l-interieur_4988722_4854003.html (дата обращения: 19.04.2022)

23. Présidentielle 2022: ce qu'il faut retenir du programme d'Emmanuel Macron. Publié le 17/03/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/elections/presidentielles/en-direct-presidentielle-2022-macron-presente-les-grands-axes-de-son-programme-20220317> (дата обращения: 12.08.2022)
24. Présidentielle 2022: Emmanuel Macron a présenté les grandes lignes de son programme. Publié le 17/03/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/en-direct-presidentielle-2022-emmanuel-macron-programme-7900135144> (дата обращения: 12.08.2022)
25. Présidentielle 2022: le programme de Marine Le Pen décrypté. Publié le 29 mars 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lesechos.fr/elections/candidats/presidentielle-2022-le-programme-de-marine-le-pen-decrypte-1396786> (дата обращения: 12.08.2022)
26. Présidentielle 2022: quelle politique migratoire proposent les différents candidats ? 03 AVR 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://information.tv5monde.com/info/presidentielle-2022-quelle-politique-migratoire-proposent-les-differents-candidats-449640> (дата обращения: 12.08.2022)
27. Présidentielle : que proposent les candidats sur l'immigration ? 01 AVR 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.publicsenat.fr/article/politique/presidentielle-que-proposent-les-candidats-sur-l-immigration-201088__ (дата обращения: 12.08.2022)
28. Programme de Benoît Hamon 2017 : le revenu universel et plein d'autres promesses [Электронный ресурс]. URL: <http://www.linternaute.com/actualite/politique/1354980-programme-de-benoit-hamon-ses-propositions-ce-qu-en-pensent-melenchon-et-jadot/> (дата обращения: 19.04.2022)
29. Sondage : 71% des français favorables à une forte réduction du flux d'immigration sur le territoire. Publié le 27/07/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnews.fr/france/2022-07-27/sondage-71-des-francais-favorables-une-forte-reduction-du-flux-dimmigration-sur-le-territoire> (дата обращения: 12.08.2022)

30. Sondage exclusif. Regroupement familial : les Français disent “stop” ! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.valeursactuelles.com/societe/sondage-exclusif-regroupement-familiale-les-francais-disent-stop-61126> (дата обращения: 19.04.2022)

31. VIDÉO. Présidentielle : le discours de Marine Le Pen, arrivée deuxième lors du second tour de l'élection. Publié le 24/04/2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ouest-france.fr/elections/presidentielle/video-presidentielle-le-discours-de-marine-le-pen-arrivee-deuxieme-lors-du-second-tour-de-lelection-2765aaad-58fc-4fd5-89be-c2645da65876> (дата обращения: 12.08.2022)

32. Y aura-t-il vraiment 2 millions d'immigrés en plus à l'issue du quinquennat, comme l'affirme Eric Zemmour ? Le 24 septembre 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leparisien.fr/societe/y-aura-t-il-vraiment-2-millions-dimmigres-en-plus-a-lissue-du-quinquennat-comme-laffirme-eric-zemmour-24-09-2021-45MV57NCSJAIHD4IIF5ERXWNWY.php> (дата обращения: 12.08.2022)

Мурашко Марина Михайловна,
аспирант, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: marina_murashko@hotmail.com

Marina M. Murashko,
Postgraduate student, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: marina_murashko@hotmail.com

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЦУР ООН №7 В
ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ
THE IMPLEMENTATION OF UN SDG 7 IN THE EURASIAN ECONOMIC
UNION**

Аннотация: в статье проанализирован процесс достижения Цели в области устойчивого развития ООН №7 в Евразийском экономическом союзе. Отмечено, что ЕАЭС является первым среди региональных интеграционных объединений, кто подготовил добровольный доклад о взаимовлиянии интеграции и достижения ЦУР. Описаны особенности проведения первого мониторинга на союзном и национальных уровнях. Особое внимание уделено взаимосвязи реализации ЦУР и перспективе энергетической интеграции ЕАЭС. Рассмотрены статусы выполнения задач ЦУР №7 в государства-членах. Выявлены специфика и факторы влияния на достижение Цели. Сделан вывод о незначительном прогрессе, а также необходимости совершенствования методологии проведения анализа в условиях текущей геополитической напряженности и неопределенности развития международных отношений, включая сферу энергетики.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Цели устойчивого развития ООН, чистая и доступная энергия, энергоэффективность, ВИЭ.

Abstract: the article deals with the process of achieving the UN Sustainable Development Goal 7 in the Eurasian Economic Union. It is noted that the EAEU is the first among regional integration economic associations, which has prepared a voluntary report on the interconnection of integration and the achievement of the SDGs. The

peculiarities of the first monitoring at the Union and national levels are described. Particular attention is paid to the implementation of the SDGs, and the perspective of EAEU energy integration. The status of the implementation of SDG 7 in the member states is identified. The conclusion is made about the insignificant progress, as well as the need to improve the methodology of analysis due to geopolitical tension and uncertainty of international relations, including the energy sector.

Keywords: Eurasian Economic Union, UN Sustainable Development Goals, clean and affordable energy, energy efficiency, renewables.

Введение

Для противодействия необратимым изменениям глобальных экосистем, борьбы с неравенством и иными диспропорциями социально-экономического развития международное сообщество в 2015 году утвердило Резолюцию ГА ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Резолюция предусматривает принятие всеми странами мира Целей в области устойчивого развития. Содержание документа стало итогом длительных межправительственных переговоров при содействии специально созданной Рабочей группы открытого состава ООН по Целям в области устойчивого развития. Резолюция включает 17 Целей и 169 задач комплексного характера для обеспечения сбалансированной интеграции трех измерений устойчивого развития – экономического, экологического и социального [1].

В 2017 году для мониторинга реализации ЦУР ООН была запущена Система глобальных показателей достижения Целей развития. Она классифицировала индикаторы ЦУР [2]. В качестве органа, ответственного за мониторинг исполнения Целей и задач, был назначен Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС ООН). В 2015 году на его площадке состоялся первый Политический форум высокого уровня по устойчивому развитию (ПФВУ). Впоследствии он стал ключевым ежегодным мероприятием для публичного обсуждения достигнутых ЦУР, сопутствующих этому достижению проблем и методологии проведения мониторинга [3].

Важной частью проведения ПФВУ является презентация докладов о прогрессе стран. Однако в связи с тем, что отчет носит глобальный характер, он дает только общие сведения о статусе ЦУР в отдельных странах и регионах мира. С целью получения более точной информации на местах, а также дальнейшего развития системы мониторинга в работу активно вовлечены региональные комиссии ООН.

Региональный аспект устойчивого развития признан ООН неотъемлемой опорой объединенного глобального партнерства в интересах достижения ЦУР. Согласно Аддис-Абебской программе действий [4] он способствует инклюзивному экономическому росту и устойчивому развитию, служит катализатором снижения торговых барьеров, проведения экономических реформ и позволяет малым и средним предприятиям интегрироваться в региональные процессы. В этой связи изучение подходов и опыта в достижении ЦУР отдельными регионами представляется важной и востребованной задачей.

Реализация ЦУР ООН в ЕАЭС как драйвер региональной интеграции

Евразийский экономический союз является одним из наиболее динамично развивающихся интеграционных объединений современного мира. Согласно его основополагающему документу, Договору о Евразийском экономическом союзе от 24 мая 2014 г, ЕАЭС – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью [5]. В состав ЕАЭС входят пять государств: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия.

Достижение Целей и задач в области устойчивого развития зафиксировано в официальных документах и важнейших стратегических программах развития и сотрудничества как союзного уровня, так и в государствах-членах. Однако наибольшее подтверждение приверженности ЕАЭС глобальной повестке – это подготовка экспертной группой Союза первого доклада о взаимосвязи прогресса в достижении ЦУР ООН и глубиной региональной интеграции.

Для подготовки уникального отчета был проделан значительный объем работы. Во-первых, была разработана собственная методология для сбора, обработки и анализа имеющихся данных. Во-вторых, по итогам создания

методологии удалось проанализировать ряд показателей в странах ЕАЭС, что нашло свое отражение в Докладе о достижении Целей устойчивого развития в странах ЕАЭС [8]. Доклад «Показатели достижения Целей устойчивого развития ООН в регионе ЕАЭС» [9] был представлен на площадке ПФВУ в 2017 году. Документ содержал анализ соответствия приоритетов интеграции и деятельности стран ЕАЭС задачам в области устойчивого развития ЦУР. Статистическая информация обрабатывалась согласно основным этапам евразийской интеграции, пройденным к тому периоду: 1) 2005–2010 гг. – старт интеграционных процессов; 2) 2010–2015 гг. – запуск Таможенного союза; 3) 2010–2015 гг. – начало функционирования Евразийского экономического союза. При подготовке первого доклада использовалась официальная статистика, направленная в ЕЭК национальными статистическими службами стран – участниц Союза. Однако из-за отсутствия некоторых официальных сведений в странах ЕАЭС не удалось проанализировать статус достижения всех Целей. Тем не менее работа, проделанная Евразийской экономической комиссией, позволила выработать и апробировать методологию проведения подобных мероприятий в будущем с учетом специфики Евразийского региона.

Деятельность по совершенствованию методологии продолжала развиваться, и в конце 2019 г. Департамент статистики ЕЭК выпустил статистический сборник «Достижение Целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза» [10], который обеспечил более полную картину актуальной на тот период ситуации в странах. Для его содержания база источников была расширена. Помимо официальных статистических данных национальных служб, таможенных служб, министерств финансов и национальных банков государств – членов ЕАЭС, широко использовались данные статистических служб международных организаций. Важный вклад в совершенствование методологии сделала конференция «Оценка достижения ЦУР в ЕАЭС с учетом влияния интеграции: основные аспекты методологии», состоявшаяся в октябре 2019 г. в Москве на площадке Аналитического центра при Правительстве РФ. По сути мероприятие заложило традицию проведения научных встреч ведущих российских

и зарубежных теоретиков и практиков, представителей академических кругов, неправительственных организаций и независимых экспертов из стран ЕАЭС, заинтересованных в проблематике устойчивого развития.

Публикация первого мониторинга, а также череда проводимых тематических общественно-политических и научно-экспертных встреч на площадке Союза способствовали развитию институциональной и методологической базы для сбора и обработки показателей ЦУР на национальных уровнях. В 2017 году Беларусь первой среди стран ЕАЭС опубликовала свой добровольный отчет о реализации ЦУР [11], в 2018 году первый доклад сделала Армения [12], в 2019 году – Казахстан [13], а в 2020 году свои первые отчеты подготовили Киргизия [14] и Россия [15].

Стоит отметить, что подобные эффекты предлагают значительно больше, нежели совершенствование методики проведения исследований. Новые вызовы требуют разработки иных стратегий сотрудничества. Они стимулируют переход к инновационной модели развития и цифровизации, повышают качество взаимодействия между государствами и населением стран ЕАЭС, т.е. делают процесс интеграции более устойчивым. Но и сама интеграция положительно влияет на рост показателей ЦУР ООН, о чем сказано в первом докладе о реализации Целей в ЕАЭС. При этом, как следует из доклада, их достижение странами ЕАЭС проходит эффективнее в тех сферах экономики, которые находятся в поле действия наднациональных мер регулирования [9]. Данный вывод задает вектор дальнейшего институционального развития ЕАЭС.

По состоянию на первую половину 2022 г. Евразийская экономическая комиссия завершает работу над Докладом о взаимовлиянии интеграции на достижение ЦУР ООН в регионе ЕАЭС, а также обсуждается проект обновленного регионального перечня показателей достижения ЦУР ООН в государствах-членах [16].

Цель устойчивого развития ООН №7

В «Повестке 2030» мерам по устранению негативных последствий глобального изменения климата отдельно посвящена ЦУР №13 «Принятие

срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями». Справедливо согласиться, что из-за масштаба проблемы и глубины концепции устойчивой стратегии ООН эффективное решение глобальных вызовов во многом зависит от комплексного подхода, который основан на синхронной и сбалансированной реализации всех Целей повестки. В этой связи, ссылаясь на установленную, но не бесспорную в научном сообществе взаимосвязь между повышением средней температуры планеты и потреблением природного топлива, ЦУР ООН №7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» обнаруживает одну из наиболее тесных связей с ЦУР №13.

В общем смысле формулировка «доступная энергия» подразумевает обеспечение технической возможности безопасного доступа к современным энергоносителям, а также их экономическую доступность, т.е. определенный объем финансовых расходов на энергию, а *устойчивая энергия* возможна за счет установления низких показателей загрязнения воздуха в помещениях, атмосферного воздуха, почв и негативного воздействия на биоразнообразие планеты, сокращения объемов парниковых эмиссий, развития и внедрения технологий возобновляемой энергетики и повышения уровня энергетической эффективности.

Значимость ЦУР №7 обусловлена актуальными тенденциями глобального развития. По оценкам ООН, наиболее тревожными среди них определены следующие:

- отсутствие доступа к электроэнергии для каждого пятого человека в мире;
- зависимость 3 млрд человек от традиционной биомассы (древесина, растительные остатки), используемой для приготовления пищи и отопления;
- негативное влияние энергетики на климат (60% от общего объема глобальных выбросов парниковых газов);
- гибель 4,3 млн человек (2014 г.) из-за загрязнения воздуха в результате приготовления пищи и отопления с использованием горючего топлива [17].

	Задача	Индикатор
1	7.1 К 2030 г. обеспечить всеобщий доступ к недорогому, надежному и современному энергоснабжению.	7.1.1: Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии; 7.1.2: Доля населения, в основном использующего чистые виды топлива и технологии;
2	7.2 К 2030 г. значительно увеличить долю энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе.	7.2.1: Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного потребления энергии;
3	7.3 К 2030 г. удвоить глобальный показатель повышения энергоэффективности.	7.3.1: Энергоемкость, измеренная в пересчете на первичную энергию и ВВП;
3 а	7.а К 2030 г. активизировать международное сотрудничество в целях облегчения доступа к исследованиям и технологиям в области экологически чистой энергетики, включая возобновляемую энергетику, повышение энергоэффективности, передовые и более чистые технологии использования ископаемого топлива, и поощрять инвестиции в энергетическую инфраструктуру и технологии экологически чистой энергетики.	7.а.1: Международные финансовые потоки в развивающиеся страны в поддержку исследований и разработок в области чистой энергии и производства возобновляемой энергии, в том числе в гибридных системах;
3 б	7.б К 2030 г. расширить инфраструктуру и модернизировать технологии для современного и устойчивого энергоснабжения всех в развивающихся странах, в частности в наименее развитых странах, малых островных развивающихся государствах и развивающихся странах, не имеющих выхода к морю, с учетом их соответствующих программ поддержки.	7.б.1: Установленные мощности по выработке возобновляемой энергии в развивающихся странах (в ваттах на душу населения).

Таблица 1. Задачи и индикаторы ЦУР 7. Источник: Sustainable Development Goals. SDG Indicators. Metadata repository [18].

Актуальная оценка усилий стран в достижении всех Целей сделана в Докладе ГА ООН о ходе достижения ЦУР, опубликованном в апреле 2021 г. В отношении ЦУР №7 авторы доклада констатируют, что «мир все еще не может обеспечить доступ к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. Чистой и устойчивой энергетике должна отводиться главная роль в мерах реагирования на пандемию COVID-19 и усилиях по борьбе с изменением климата» [19].

Согласно докладу показатель глобального доступа к электроэнергии увеличился с 83% в 2010 году до 90 % в 2019 году. Доля мирового населения, не имеющего доступа к электроэнергии, снизилась с 1,22 млрд человек в 2010 году до 759 млн человек в 2019 году. Несмотря на предпринятые усилия, в 2030 году до 660 млн человек в мире могут все еще не иметь доступа к Интернету.

В 2019 году только 66% мирового населения имело доступ к чистым видам топлива и технологиям приготовления пищи. В период 2010–2019 гг. доступ к ним в основном расширился в наиболее густонаселенных странах и территориях с низким и средним уровнем дохода – Бразилии, Китае, Индии, Индонезии и Пакистане.

Доля энергии, получаемой из ВИЭ, в совокупном объеме мирового конечного энергопотребления увеличивалась медленно – с 16,4% в 2010 году до 17,1% в 2018 году. Неоднозначное влияние на генерацию энергии из возобновляемых источников в секторах конечного потребления оказала пандемия. Так, мировой спрос на электроэнергию в 2020 году снизился на 2% по сравнению с 2019 годом, однако доля энергии, производимой из возобновляемых источников, увеличилась почти на 7% по сравнению с предыдущим годом.

Глобальный показатель интенсивности использования первичных энергоресурсов вырос с 5,6 мегаджоуля на доллар ВВП в 2010 году до 4,8 мегаджоуля в 2018 году, то есть среднегодовые темпы роста составили 2%. Несмотря на то что оценки за 2019 год также указывают на увеличение

показателя на 2%, прогноз на 2020 год из-за пандемии предполагал рост всего на 0,8%.

Для достижения задачи 7.3 необходимо, чтобы ежегодные темпы роста до 2030 года составляли в среднем 3%. В докладе сказано, что в 2018 году объемы международного финансирования для развивающихся стран с целью поддержки внедрения экологичных и возобновляемых источников энергии составил 14 млрд долл. США, что на 35% меньше по сравнению с 2017 годом и только на 32% больше по сравнению с 2010 годом.

По состоянию на 2019 год в развивающихся странах мощность генерации электроэнергии за счет ВИЭ достигла 219 Вт на душу населения, что на 7% выше показателя за 2018 год, однако меньше, чем увеличение мощностей на душу населения на 8,8% в 2018 году [19].

Таким образом, на глобальном уровне реализация ЦУР ООН №7 происходит медленными темпами. Но нельзя отрицать и тот факт, что энергия становится более доступной. Важно подчеркнуть осуществление мер для более бедных стран. Вместе с тем по-прежнему необходимо уделять больше внимания созданию условий для доступа к чистым видам топлива и технологиям, расширению использования возобновляемых источников энергии за пределами сектора электроэнергетики и повышению уровня электрификации.

Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для ЕАЭС

Энергетика является основой экономического развития и связующим звеном интеграционных процессов в ЕАЭС [20]. Уязвимость энергетического сектора стран пятерки определена в первом докладе о статусе реализации ЦУР. Авторы отчета отмечают, что «наиболее актуальным становится ряд вызовов, в первую очередь, в сфере эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов для стран-импортеров» [9].

Как было сказано выше, отсутствие некоторых официальных данных в странах ЕАЭС в 2017 году не позволило проанализировать все Цели ООН в рамках первого мониторинга (2017 г.). Исключением не стала и ЦУР №7. Ряд ее индикаторов был рассмотрен в статистическом сборнике (2019 г.), на основании которых можно сделать вывод, что за последнее десятилетие в странах ЕАЭС выполнение задач Цели №7 происходит разными темпами и не демонстрирует устойчивой положительной динамики.

Неблагоприятный контекст, однако, не повествует о том, что реализации ЦУР №7 не уделяют должного внимания. На сегодняшний день в ЕАЭС происходит формирование общего энергетического рынка, который должен быть запущен к 2025 году. После этого он должен стать одним из крупнейших в мире и будет охватывать 14,6% мирового производства нефти и 17,3% природного газа [20]. Принимая во внимание масштаб и значимость данного процесса для экономик стран Союза, представляется, что учет сведений, позволяющий делать прогнозы в отношении развития энергетического сектора в соответствии с экологическим фактором, – вопрос ближайшего будущего.

Энергетическая интеграция создает условия для повышения региональной энергетической безопасности стран – участниц ЕАЭС, что стимулирует реализацию ЦУР №7. В частности, ожидается усиление защиты стран евразийской пятерки от дефицита энергии при использовании энергопотоков, перераспределения энергии, обеспечение баланса энергетических мощностей, а также конкурентоспособности ЕАЭС в долгосрочной перспективе [21].

Учитывая общую историю, республики Союза обладают значительным опытом в сфере генерации и распределения энергии на коллективных началах. Имеются инфраструктура, которая требует скорейшей модернизации, производственные мощности, огромная ресурсная база. Для ее управления существуют и продолжают совершенствоваться нормативно-правовые акты Союза.

При рассмотрении реализации ЦУР ООН в ЕАЭС важно указать, что в Договоре о ЕАЭС отсутствуют положения, которые посвящены «зеленым» аспектам развития ЕАЭС. Раздел XX «Энергетика» разъясняет, что участники договора развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику и осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергоресурсов в трех секторах: электроэнергетика, газ, а также нефть и нефтепродукты (ст. 79) [5]. Вопросы повышения энергоэффективности или развития возобновляемой и альтернативной энергетики в разделе не рассматриваются. В общих формулировках энергоэффективность затрагивается в статье Договора о ЕАЭС об общих технических регламентах и стандартах Союза, которые должны быть разработаны для повышения энергоэффективности и энергосбережения. Но важно сказать, что вопрос о внесении изменений в раздел «Энергетика», в частности поправки о повышении энергоэффективности, в ЕАЭС рассматривался. Так, в 2017 году в Союзе была внесена инициатива расширить сферу действия Договора путем внесения в него статьи 79.1 «Скоординированная энергетическая политика в рамках Союза». Предполагалось, что статья будет фиксировать принципы скоординированной энергетической политики в сфере сотрудничества по вопросам энергосбережения, энергоэффективности, возобновляемых источников энергии, улучшения экологической ситуации и использования атомной энергии в мирных целях [22].

Подкреплялось данное предложение специальным приложением к Договору к ЕАЭС, в котором было предусмотрено «Сотрудничество государств – членов ЕАЭС в сфере энергетики, проведение скоординированной энергетической политики с учетом обеспечения энергетической безопасности». По предварительным оценкам, новая политика в области сотрудничества в данной сфере с целью снижения энергоемкости продукции Союза позволила бы сэкономить до 30 млрд долл. США. В 2018 году было запланировано всестороннее обсуждение сделанной инициативы,

однако она не была поддержана Казахстаном [23]. На сегодняшний день судьба поправки в Договор остается нерешенной, а мероприятия, направленные на достижение ЦУР №7, осуществляются в рамках отдельных союзных решений и программ, межгосударственных соглашений, а также в соответствии с национальными энергетическими стратегиями.

В каждом государстве – члене ЕАЭС имеются и совершенствуются законодательства, регулирующие внедрение ресурсосберегающих технологий, повышение энергоэффективности и развитие возобновляемых источников энергии. Тем не менее, несмотря на усилия, предпринимаемые в течение последних лет, значительная часть показателей ЕАЭС в области зеленой энергетики отстает от мирового уровня. В этой связи отечественные исследователи отмечают, что каждая страна ЕАЭС рассчитывает на повышение своих позиций в глобальных рейтингах устойчивости за счет интеграционных процессов в ЕАЭС [24].

Анализ прогресса в достижении ЦУР №7 в рейтинге Сети по выработке решений в сфере устойчивого развития (Sustainable Development Solutions Network, SDSN) выявляет, что в 2021 году только Армения среди всех стран ЕАЭС полностью достигла Цель №7 [25]. Согласно рейтингу определенный успех был достигнут также Киргизией. Для других стран ЕАЭС констатируется общая преграда на пути достижения цели – значительный уровень выбросов CO₂ [25].

	Индикаторы ЦУР ООН №7	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
7.1	Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии, %	100	100	100	100	100
7.2	Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного потребления энергии, %	11,1	7,2	1,9	23,2	3,2
7.3	Энергоемкость, измеренная в пересчете на первичную энергию и ВВП	3,6	6,2	6,8	6	8

Таблица 2. Реализация ЦУР ООН №7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии» странами ЕАЭС. Источник: Составлено автором на основе данных International Renewable Energy Agency [26], The World Bank [27], 2018.

При всей условности оценок и прогнозов, сделанных как международными, так и национальными институтами на тему достижения ЦУР ООН странами ЕАЭС, общая картина повествует о следующем:

- Задача 7.1 «К 2030 г. обеспечить всеобщий доступ к недорогому, надежному и современному энергоснабжению» на пространстве ЕАЭС реализована в полном объеме. За последнее десятилетие государствам – членам ЕАЭС удалось обеспечить 100% доступ к электроэнергии для населения.

- Задача 7.2 «К 2030 г. значительно увеличить долю энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе» стоит на повестке дня всех стран ЕАЭС, однако по ряду причин имеет разную степень приоритизации, а потому и уровень прогресса также различается. Традиционно лидирующие позиции в данном направлении принадлежат Армении. По состоянию на 2021 год, в общем энергобалансе республики доля

возобновляемых источников энергии составляет 32%. В остальных странах ЕАЭС доля ВИЭ крайне мала: 0,2% – в России (19% с учетом крупных гидроэлектростанций), 6% – в Беларуси, 1,3% – в Казахстане, 0,1% – в Кыргызстане [28].

- Задача 7.3. «К 2030 г. удвоить глобальный показатель повышения энергоэффективности» реализуется в странах ЕАЭС также разными темпами. В рамках исследования [29], в задачах которого был анализ взаимосвязи энергопотребления и экономической деятельности в странах ЕАЭС, а также влияния данных параметров на энергоемкость, экспертам удалось выявить, что за последнее десятилетие отрицательную энергоемкость и положительные тенденции экономической активности были отмечены в Армении и Беларуси. Однако следует учитывать, что данные страны бедны первичными энергоресурсами и их рациональное использование имеет жизненно важное значение для обеспечения жизнедеятельности государства и его безопасности в самом широком смысле. Соответственно, энергетическая политика будет более сосредоточена на поиске и развитии альтернативных источников энергии. Кыргызстан также не богат первичными энергоресурсами, но для него характерна другая ситуация – рост экономической активности и с ней же энергоемкости. Россия и Казахстан, располагая богатой ресурсной базой и будучи крупными поставщиками энергетических ресурсов, имеют положительную динамику экономической активности и рост энергоемкости, которая в значительной степени превосходит показатели других стран [30].

Во всех странах Евразийского экономического союза действуют нормативно-правовые акты, запущены и развиваются стратегические программы, нацеленные на повышение энергоэффективности. По данным ЕЭК, основополагающими федеральными законами среди них служат: в Армении – «Об энергосбережении и возобновляемой энергетике» (2004 г.); в Беларуси – «Об энергосбережении» (2015 г.); в Казахстане – «Об энергосбережении и повышении энергоэффективности» (2012 г.); в Киргизии

– «Об энергосбережении» (1998 г.); в России – «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности» (2009 г.) [31].

Однако ни проект доклада ЕАЭС, ни международные, национальные сведения и рейтинги не выявляют значимого успеха в данном направлении.

При рассмотрении прогресса в проведении дополнительных мероприятий в рамках третьей задачи об усилении международного сотрудничества следует вынести на первый план процесс создания общих энергетических рынков ЕАЭС, что, безусловно, можно рассматривать как масштабное межгосударственное сотрудничество с целью улучшения доступа к чистой и безопасной энергии. Кроме того, внутри ЕАЭС для достижения ЦУР ООН №7 делают вклад созданные в 2017 году технологические платформы (ТП). В контексте рассматриваемого вопроса особое значение имеют ТП «Технологии добычи и переработки твердых минеральных ресурсов» и «Технологии экологического развития». Взаимодействие союзных организаций на площадках ТП стимулирует исследовательский потенциал стран – членов ЕАЭС в области энергетики и экологии [29].

Примерами международного сотрудничества ЕАЭС с третьей стороной служат установленные сотрудничества с региональными и международными финансовыми институтами и организациями экономического развития [32], при содействии которых ЕАЭС и его отдельные члены осуществляют поддержку наиболее уязвимых стран для достижения ЦУР ООН №7.

Заключение

Являясь одним из крупнейших энергетических пространств в мире, Евразийский экономический союз не может игнорировать глобальные тренды развития и связанные с ними вызовы. В ЕАЭС уделяют особое внимание реализации Целей в области устойчивого развития ООН, что подтверждает его инициатива проведения первого регионального мониторинга о взаимосвязи интеграции и прогресса достижения ЦУР.

Вместе с тем стоит признать, что на практике уровень достижения ЦУР ООН №7 в странах различается. При всей условности имеющихся данных

наилучшим статусом в достижении ЦУР ООН №7 среди стран ЕАЭС располагает Армения. Но республика крайне бедна энергоресурсами и по объективным причинам вынуждена делать ставку на альтернативные возможности энергообеспечения.

Конечно, для каждой страны Евразийского экономического союза характерна своя специфика реализации энергетической политики, но важно, что тема устойчивого развития отражена во всех стратегически значимых документах стран ЕАЭС. Более того, она стоит на повестке дня и на союзном уровне. Представляется, что взаимодействие стран с целью формирования общих энергетических рынков должно оказать положительный эффект на реализацию ЦУР ООН №7.

Основными вызовами на этом пути являются внедрение технологий в соответствии с глобальными экологическими и климатическими ориентирами, снижение энергоемкости ВВП, повышение энергоэффективности, строительство и модернизация инфраструктуры, замена выбывающих генерирующих мощностей, переход к экономически эффективному использованию возобновляемой энергии.

Внедрению наилучших энергетических систем и практик управления инновационными системами будет способствовать развитие контактов с международными специализированными исследовательскими институтами. Кроме этого, ЕАЭС должен поддерживать взаимодействие с международными и национальными общественными ассоциациями, которые продвигают повестку ЦУР ООН №7 среди населения и популяризируют таким образом значимость бережливого отношения к окружающей среде и проблематику устойчивого развития в целом.

Достигнутые индикаторы Армении не бессрочны, особенно в условиях текущей геополитической напряженности и трансформации глобальной энергетической системы. В этой связи для своевременного выявления угроз как для национальной энергетической безопасности, так и устойчивого развития ЕАЭС в целом, важной задачей в контексте достижения ЦУР ООН

№7 являются разработка методологии, включение в нее новых мероприятий и индикаторов, специфичных для стран ЕАЭС. Не менее значимым остается вопрос о внесении изменений в основополагающий документ, Договор о ЕАЭС, в его энергетический блок. Учитывая роль атомной энергетики и потенциал России в ядерной отрасли, политический консенсус между странами ЕАЭС о роли мирного атома, данное направление имеет основания стать дополнительным драйвером евразийской интеграции.

Подводя итог, следует признать, что в условиях, когда череда беспрецедентных событий, которые фактически отбрасывают страны мира на несколько шагов назад, Евразийский экономический союз будет испытывать дополнительные трудности, препятствующие реализации Повестки ООН. Вместе с тем новые вызовы создают новые возможности и направления сотрудничества, которые способны вывести ЕАЭС на качественно новый инновационный уровень развития.

Список источников и литературы

1. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-ustoychivogo-razvitiya-dlya-buduschego-rossii> (дата обращения: 12.05.2023).
2. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework_A.RES.71.313%20Annex.Russian.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
3. Sustainable Development Goals. Knowledge Platform. High-Level Political Forum on Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf> (дата обращения: 12.05.2022).

4. Аддис-Абебская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития (Аддис-Абебская программа действий). Генеральная Ассамблея ООН. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares69d313_ru.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
5. Договор о Евразийском экономическом союзе. Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/1d1e47868b48435f3a896000e73a8604eba0539a/ (дата обращения: 12.05.2022).
6. Сопилко Н.Ю., Кулаков А.В. Перспективы развития интеграционных процессов государств Евразийского экономического союза // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. №4. С. 105-115. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000014200> (дата обращения: 12.05.2022).
7. Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года. Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 12.05.2022).
8. В ООН представлен первый доклад о достижении Целей устойчивого развития в регионе ЕАЭС. Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-07-2017.aspx> (дата обращения: 12.05.2022).
9. Показатели достижения целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза. Доклад Евразийской экономической комиссии 2017 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/Documents/OON_Rus.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
10. Достижение Целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза. Статистический сборник. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/SDG_abstract2019+cover.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

11. Национальный доклад Республики Беларусь об осуществлении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16357Belarus.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).
12. SDG Implication. Voluntary National Review (VNR). Armenia. Yerevan 2018. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/19586Armenia_VNR_2018.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
13. Казахстан. Добровольный национальный обзор о реализации Повестки дня до 2030 года в области устойчивого развития. 2019. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23453KAZAKHSTAN_VNR_Kazakhstan_web_site_2019.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
14. Национальный добровольный обзор достижения Целей устойчивого развития в Кыргызской Республике. 2020. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26372VNR_2020_Kyrgyzstan_Report_Russian.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
15. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Российская Федерация. 2020. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26420VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
16. В ЕАЭС согласовали региональный перечень показателей достижения Целей устойчивого развития. Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-soglasovali-regionalnyu-perechen-pokazateley-dostizheniya-tseley-ustoychivogo-razvitiya/>
17. Цели в области устойчивого развития ООН. Цель 7: Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/energy/>
18. Sustainable Development Goals. SDG Indicators. Metadata repository. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/> (дата обращения: 12.05.2022).

19. Ход достижения целей в области устойчивого развития. Доклад Генерального секретаря. Экономический и Социальный Совет ООН. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2021/secretary-general-sdg-report-2021--RU.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).
20. Zemskova K. The Common Energy Market of the Eurasian Economic Union. Implication for the European Union and the role of the Energy Charter Treaty. Energy Charter Secretariat. 2018. URL: https://www.energycharter.org/file-admin/DocumentsMedia/Occasional/1The_common_energy_market_of_the_EAEU-implications_for_the_EU_and_the_role_of_the_ECT.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
21. Sadovnikova N. A., Abramov V. L., Ogryzov A. A., Makhova O. A. Clean Energy in the EAEU in the Context of Sustainable Development: Compliance and Prospects // International Journal of Energy Economics and Policy. 2020. 10(5). URL: <https://econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/9512> (дата обращения: 12.05.2022).
22. Энергоэффективность и энергосбережение станут новыми важными приоритетами в деятельности ЕЭК. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/8-09-2017.aspx>
23. Скляр М.Г. Основные направления развития сотрудничества государств-членов ЕАЭС в области энергоэффективности, энергосбережения с учетом задач по внедрению ВИЭ. 2018. URL: <https://www.logika-consortium.ru/files/rmef2018/3-7.pdf>
24. Sopilko N.Yu, Eremina I.Yu, Tumin V.M. On the Implementation of the Goals of Sustainable Development of the Region in the Field of Energy (on the Example of the Member Countries of the Eurasian Economic Union) // BENEFICIUM. 2021. Vol. 2(39). URL: <https://beneficium.pro/index.php/beneficium/article/view/BENEFICIUM.2021.2%2839%29.90-96> (дата обращения: 12.05.2022).
25. UN Sustainable Development Report. 2021. The Decade of Action for the Sustainable Development Goals. Includes the SDG Index and Dashboards. URL:

<https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2021/2021-sustainable-development-report.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).

26. International Renewable Energy Agency. Data and Statistics. IRENA. URL: <https://www.irena.org/Statistics> (дата обращения: 12.05.2022).

27. World Bank Open Data. The World Bank. <https://data.worldbank.org/>

28. International Energy Agency. Countries and Regions. IEA. URL: <https://www.iea.org/countries> (дата обращения: 12.05.2022).

29. Bianco V., Proskuryakova L., Starodubtseva A., Energy inequality in the Eurasian Economic Union // Renewable and Sustainable Energy Reviews. Volume 146. August 2021. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1364032121004445> (дата обращения: 12.05.2022).

30. Евразийские технологические платформы. Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Pages/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%82%D0%BF.aspx (дата обращения: 12.05.2022).

31. Шенец Л.В. Создание общих энергетических рынков, повышение энергоэффективности и роль ВИЭ как фактор энергетической безопасности на евразийском пространстве // Круглый стол «Нерушимый союз: электроэнергетический рынок ЕАЭС». Электроэнергетический совет СНГ. 2018. URL: <http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Kruglie%20stoly/20191024Eskato/Presentations/1.%20%D0%A8%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%86%20%D0%9B.%D0%92..pdf> (дата обращения: 12.05.2022).

32. Международное сотрудничество. Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/caa/cpol/international_cooperation/Pages/default.aspx (дата обращения: 12.05.2022).

Карачин Игорь Олегович,
руководитель аппарата – директор по коммуникациям АНО «Агентство
стратегических инициатив по продвижению новых проектов»,
соискатель Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: io.karachin@asi.ru

Igor O. Karachin,
Head of Staff - Communications Director, Agency for Strategic Initiatives
Ph.D. Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: io.karachin@asi.ru

**УНИФИКАЦИЯ ПЕНСИОННОГО И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЕАЭС
UNIFICATION OF PENSION AND PHARMACEUTICAL
LEGISLATION OF EAEU**

Аннотация: в настоящее время в ЕАЭС существуют важные нерешенные вопросы, касающиеся унификации пенсионного и фармацевтического законодательств. Значимым для унификации этих процессов является создание единой политики, регулирующей как пенсионное, так и фармацевтическое законодательства во всех странах Союза. На данный момент каждое государство-член имеет свое законодательство в отношении формирования пенсионных прав и регулирования фармацевтических препаратов, что влечет за собой явные проблемы для достижения единого унифицированного законодательства Союза. В данной статье рассмотрены текущее состояние и перспективы ЕАЭС в унификации пенсионного и фармацевтического законодательств, основные проблемы, препятствующие достижению унифицированного законодательства ЕАЭС.

Ключевые слова: пенсия, ЕАЭС, государство-член, работник, медицинское страхование, лекарственные препараты, унификация.

Abstract: currently, there are important unresolved issues in the EAEU concerning the unification of pension and pharmaceutical legislation. Important for the unification of these processes is the creation of a single legislation regulating both pension and pharmaceutical legislation in all countries of the Union. At the moment, each member State has its own legislation regarding the formation of pension rights and the regulation of pharmaceuticals, which entails obvious problems for achieving a single unified legislation of the union. This article examines the current state and prospects of the EAEU in the unification of pension and pharmaceutical legislation, and also considers the main problems hindering the achievement of unified legislation of the EAEU.

Keywords: pension, EAEU, member state, employee, medical insurance, medicines, unification.

Унификация пенсионного законодательства в ЕАЭС

Нерешенность вопроса об уплате пенсионных взносов и вывоза пенсий была одним из основных препятствий для свободного движения рабочей силы на пространстве ЕАЭС. В настоящее время каждое государство-член имеет свое законодательство в отношении формирования пенсионных прав, что влечет за собой отчисления в пенсионную систему государства трудоустройства. Однако для получения пенсии в большинстве случаев необходимо иметь постоянное место жительства или гражданство в государстве по найму, проработать на территории страны определенное количество лет, достичь определенного возраста и соответствовать ряду других требований. При этом в случаях отсутствия договора между странами стаж работы, накопленный в других странах, не засчитывается. Формирование пенсионных прав для работников, прибывающих из других государств-членов, в Казахстане и Кыргызстане не предусмотрено. В случае Армении формирование пенсионных прав находится на рассмотрении, однако экспорт пенсий практически невозможен. В России в настоящее время отчисления в Пенсионный фонд делают трудовые мигранты из ЕАЭС, но они не имеют

права на пенсию после наступления пенсионного возраста. Пенсионные отчисления также существенно различаются между государствами – членами ЕАЭС. Работники в России вносят 22% своей заработной платы, тогда как их коллеги в Беларуси и Казахстане — 29% и 10% соответственно. Евразийский экономический союз реализует соглашение о расширении пенсионного обеспечения. С 1 января новое международное пенсионное соглашение требует от всех государств – членов Евразийского экономического союза распространить обязательное пенсионное обеспечение (пенсии по старости, инвалидности и потере кормильца) на работников, являющихся гражданами других государств – членов ЕАЭС. Новые требования распространяются на накопительные пенсионные программы государств-членов, включая социальное страхование, условные установленные взносы (НДЦ) и обязательные программы индивидуальной учетной записи. По данным ЕАЭС, цель нового соглашения — способствовать равному обращению с работниками в рамках Экономического союза независимо от гражданства. Данные ООН за 2020 год показывают, что около 7,9 млн граждан ЕАЭС (или около 4,3% населения Экономического союза) проживают в государстве – члене ЕАЭС, не являющемся государством их гражданства. Среди этих мигрантов из ЕАЭС 56,1% проживают в России, 32,4% – в Казахстане, 9,5% – в Беларуси, 1,7% – в Кыргызстане и 0,3% – в Армении. Для получения пенсии по старости работники должны иметь не менее 12 полных месяцев работы в государстве – члене ЕАЭС и соответствовать другим квалификационным условиям в этом государстве-члене. Однако требование о стаже работы не распространяется на пенсии по старости с индивидуальных счетов, пенсии по инвалидности или в связи с потерей кормильца. Работники, проработавшие не менее 12 месяцев в нескольких государствах – членах ЕАЭС, могут иметь право на получение многократной пенсии. Если у работника недостаточно стажа для получения пенсии в стране его проживания, при определении права на пенсию учитываются прошлые годы стажа в других государствах – членах ЕАЭС. Размер пенсии рассчитывается на основании законодательства страны

трудоустройства. Однако некоторые пособия, такие как базовая фиксированная часть пенсий по старости в Армении и Кыргызстане, выплачиваются только в том случае, если работник все еще проживает в этом государстве-члене. В обеих странах пенсии по старости состоят из базового фиксированного компонента и переменного компонента, основанного на карьерном заработке работника. Пенсионные системы сильно различаются между государствами – членами ЕАЭС. В то время как все государства-члены имеют программу социального страхования, четыре страны (Армения, Казахстан, Кыргызстан и Россия) дополняют эту программу обязательными индивидуальными счетами, а одна страна (Кыргызстан) также имеет компонент NDC. Конкретные положения этих программ также различаются, например общие ставки взносов работодателей/работников.

По итогам саммита Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в Нурсултане в мае 2019 года президент России Владимир Путин объявил о заключении соглашения об обеспечении равных пенсионных прав трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, в который входят Россия, Беларусь, Армения, Кыргызстан и Казахстан. Это соглашение направлено на устранение важного препятствия и решение проблемы как высококвалифицированных, так и низкоквалифицированных трудовых мигрантов.

Новое соглашение предусматривает, что пенсии будут выплачиваться независимо от того, в какой стране ЕАЭС проживает пенсионер. Иными словами, пенсии будут выплачиваться независимо от того, проживает ли пенсионер в стране своего постоянного проживания или в стране, давшей ему право на получение пенсии. Опыт работы, приобретенный в других странах ЕАЭС, будет учитываться по новому соглашению. Таким образом, российский пенсионер, переехавший после выхода на пенсию в другую страну ЕАЭС, продолжит получать пенсию из России. Точно так же трудовой мигрант из Кыргызстана, работавший в России и отчислявший взносы в Пенсионный фонд, будет иметь право на выплаты в будущем (даже после возвращения в Кыргызстан). Важным предостережением является то, что пенсионные права

будут иметь только легальные трудовые мигранты, устроившиеся на работу по трудовому или гражданско-правовому договору. В настоящее время, как отмечалось выше, трудовые мигранты в России делают отчисления в Пенсионный фонд, но неясно, как эти деньги расходуются. Трудовые мигранты смогут рассчитывать только на те взносы, которые будут внесены после официального вступления соглашения в силу.

Другой вопрос, кто будет обеспечивать защиту пенсионных прав трудовых мигрантов. Институты ЕАЭС не такие сильные и независимые, как институты Евросоюза, по образцу которых они созданы. В отличие от Еврокомиссии, Комиссия ЕАЭС не может подать на страну, не соблюдающую договоренностей, в суд Евразийского экономического союза в Минске. Слабость Комиссии проявилась во время торговых войн между государствами-членами, когда Беларусь восстановила внутренний таможенный пограничный контроль. Президент Кыргызстана в то время Алмазбек Атамбаев подверг резкой критике Евразийскую комиссию за неспособность принять меры против Казахстана, когда бывший президент Нурсултан Назарбаев ограничил свободный поток товаров, введя пограничный контроль и запретив некоторые кыргызские товары в 2017 году. Принимая во внимание неспособность Комиссии в ряде случаев обеспечить соблюдение государствами-членами нормативных актов ЕАЭС, вызывает сомнения его способность разрешать споры в такой сфере, как выплата пенсий.

Соглашение о пенсионном обеспечении работников в государствах – членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) вступило в силу 1 января 2021 г. Его основной целью является содействие справедливому перемещению рабочей силы внутри ЕАЭС с правом на пенсионное начисление работникам, являющимся гражданами государств – членов ЕАЭС, на тех же основаниях, что и гражданам государства трудоустройства.

В соответствии с соглашением с 1 января 2021 г. гражданин государства – члена ЕАЭС, работающий по найму в другом государстве – члене ЕАЭС,

обязан участвовать в пенсионной системе социального обеспечения страны пребывания. Такие работники будут получать государственные пенсионные выплаты исходя из их будущей службы в пределах ЕАЭС. Условия назначения пенсии, а также ее исчисление будут определяться законодательством государства – члена трудоустройства, а пенсии будут выплачиваться государством-членом, в котором работник осуществлял свою трудовую деятельность. Соглашение предусматривает механизм перевода пенсионных накоплений между государствами – членами ЕАЭС и дает работникам право на получение пенсии по инвалидности или по случаю потери кормильца при стаже работы на условиях полной занятости не менее 12 месяцев.

Воздействие на затраты работодателей на рабочую силу будет варьироваться в зависимости от государств-членов, состава рабочей силы и применяемой государственной пенсионной системы. Ставки государственных пенсионных отчислений и правила участия существенно различаются между членами ЕАЭС. Например, в Казахстане работодатели иностранных работников, являющихся гражданами ЕАЭС, теперь обязаны уплачивать стандартный пенсионный взнос на социальное обеспечение в размере 10% от заработной платы (до предельного годового заработка в размере 2 125 000 тенге, или 5 040 долларов США) на индивидуальные пенсионные счета в Государственный Единый накопительный пенсионный фонд Казахстана. Работники не вносят вклад в казахстанскую пенсионную систему. Ранее иностранные работники участвовали в казахстанской пенсионной программе социального обеспечения только при наличии вида на жительство. С 1 января 2023 г. казахстанские работодатели будут обязаны перечислять 5% заработной платы (10% для лиц, работающих во вредных или опасных условиях) на счета НДЦ. В государственную пенсионную систему России уже включены иностранные работники, а граждане ЕАЭС, работающие в России, обязаны участвовать в российской системе социального обеспечения с 2015 года, когда был основан ЕАЭС. Компаниям, ведущим деятельность в ЕАЭС, следует пересмотреть новые требования и их влияние на затраты на оплату труда и

планы вознаграждений. В соответствии с договором о ЕАЭС мигранты и члены их семей освобождаются от требования о регистрации в течение 30 дней после въезда на территорию другого государства-члена, как и большинство новоприбывших. Граждане государств-членов также имеют право владеть собственностью, пользоваться защитой труда, например при вступлении в профсоюз, и получать доступ к различным льготам при трудоустройстве. Чтобы усилить интеграцию на рынке труда, государства-члены должны признавать дипломы высших учебных заведений в каждой соответствующей стране и гарантировать образование для детей мигрантов. Кроме того, профсоюз предоставляет мигрантам доступ к пособиям по социальному обеспечению, помимо пенсий или пенсионных программ, и позволяет им обращаться за медицинской помощью согласно внутренним правовым нормам принимающего государства.

Политика, направленная на гармонизацию и унификацию трудового законодательства ЕАЭС, рано или поздно поставит перед государствами вопрос о развитии пенсионного законодательства. Развитие экономической интеграции невозможно без интеграции в социальной сфере. Существует необходимость гармонизации расчета пенсионных выплат в государствах-членах и учета опыта работы, приобретенного в другом государстве-члене. Интегрированная пенсионная система ЕАЭС представляется целесообразной, поскольку она установила бы общие правила, касающиеся необходимой документации (например, общий шаблон для подтверждения пенсионных взносов по всему ЕАЭС, общие процедуры признания). Внедрение стандартизированного документа, отражающего индивидуальные трудовые книжки, может еще больше усилить механизмы контроля в этой области. Однако это снова потребовало бы создания надлежащей системы мониторинга, которая обязала бы частный сектор подавать все трудовые книжки.

В частности, в специальной научной литературе высказывается идея о необходимости создания единого «пенсионного пространства» по аналогии с

единым экономическим пространством. Заместитель директора Департамента трудовой миграции ЕЭК С.Б. Алиев указывает на важность подписания соглашения о пенсионном обеспечении иностранных работников из государств – членов ЕАЭС. Однако между государствами по этому вопросу существуют разногласия, основанные на социально-экономической политике каждого государства. Во-первых, это ожидаемая продолжительность жизни и численность населения. Государства – члены ЕАЭС делятся на две группы: отрицательная динамика – в России, Беларуси и Армении, положительная динамика – в Казахстане и Кыргызстане. Ожидаемая продолжительность жизни влияет на пенсионный возраст, установленный государством. Во-вторых, это разная инфляция, которая, в свою очередь, влияет на индексацию пенсий. В-третьих, это уровень пенсионной нагрузки. По тяжести пенсионного бремени государства ЕАЭС также делятся на две группы. Первая – это страны с низким числом пенсионеров: Армения, Казахстан, Кыргызстан (12-15%). Вторая – страны с большим числом пенсионеров: Россия, Беларусь (25-30%). Соответственно, Россия и Беларусь имеют высокую пенсионную нагрузку на бюджет. В-четвертых, разный уровень ВВП на душу населения и темпы его роста влияют на размер выплат и схему их формирования. Пенсионное обеспечение иностранных работников должно основываться на тех же принципах, что и пенсионное обеспечение граждан страны трудоустройства. Это касается ряда вопросов: приобретение и сохранение пенсионных прав, уплата страховых взносов, начисление пенсионного стажа, пенсионных баллов и т.д.

По текущей оценке, Пенсионный фонд России должен будет выплатить гражданам Казахстана, Киргизии, Беларуси и Армении 75 млн рублей в 2020–2021 гг., а также 91 млн руб. гражданам России в государствах – членах ЕАЭС. Однако будет ли Пенсионный фонд на самом деле производить эти выплаты — вопрос справедливый. Пенсионный фонд уже много лет испытывает дефицит. В течение последнего десятилетия федеральный бюджет покрывал не менее одной трети расходов Пенсионного фонда, которые составляли от 28

до 59 миллиардов долларов в год. Сохраняющийся дефицит Пенсионного фонда, на который уходила пятая часть федерального бюджета, был одной из главных причин крайне непопулярных в России пенсионных реформ в прошлом году. Пенсионные отчисления по новому соглашению добавят еще один пункт расходов, с которыми придется справляться Пенсионному фонду России.

Унификация фармацевтического законодательства ЕАЭС

В последние годы в рамках ЕАЭС предприняты шаги по унификации фармацевтического рынка. Это включает создание общих процедур регистрации лекарств, а в будущем, возможно, и образование единого фармацевтического регулятора, аналогичного Европейскому агентству лекарственных средств. Функционирование общего рынка лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза осуществляется в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., Договором о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 г., а также актами Евразийской экономической комиссии в сфере обращения лекарственных средств.

Основным законодательным актом, регулирующим регистрацию лекарственных средств на территории государств – членов ЕАЭС, является Решение Евразийской экономической комиссии от 03 ноября 2016 г. №78 «О правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для применения людьми».

Регистрация лекарственных средств по единым правилам Союза стала обязательной с января 2021 г. В то же время все лекарственные средства, зарегистрированные по национальным процедурам, должны быть приведены в соответствие с правилами ЕАЭС до конца 2025 г. Как и на других фармацевтических рынках, в ЕАЭС регистрацию лекарственного средства осуществляет держатель регистрационного удостоверения, которым может быть лицо или компания, не проживающая в государстве – члене ЕАЭС.

В ЕАЭС запросить разрешение на работу на фармацевтическом рынке можно двумя способами:

1. Процедура взаимного признания для регистрации лекарственных средств в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

В этом случае подается заявка на разрешение (МАО) в выбранном государстве-члене, а после одобрения – на признание решения об одобрении в других государствах.

2. Децентрализованная процедура регистрации лекарственных средств в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

В данном случае заявка подается во все (или несколько) государства ЕАЭС одновременно и выбирается одно государство-член в качестве референтного для прохождения большинства административных процедур.

Несмотря на схожую терминологию, процедуры регистрации в ЕАЭС значительно отличаются от процедур в Европейском союзе. Независимо от выбранной процедуры, компетентный орган государства-члена участвует в оценке лекарственного препарата для регистрации в конкретной стране. Компетентный орган оценивает регистрационные материалы, загруженные в общую электронную базу данных, и в процессе регистрации имеет право задавать вопросы (давать комментарии), а также отказать в регистрации лекарственного средства в стране-члене.

Процедура приведения регистрационного досье в соответствие с требованиями ЕАЭС позволяет получить регистрационное удостоверение, согласно требованиям ЕАЭС, на основании предыдущей национальной регистрации в одном или нескольких государствах – членах Союза. Эта процедура используется для перехода от разрозненных национальных регистраций к единому свидетельству по новым правилам. Согласно данной процедуре регистрационные досье лекарственных средств, зарегистрированных до 31 декабря 2020 г., должны быть приведены в соответствие с требованиями Евразийского экономического союза до 31 декабря 2025 г.

Суть процедуры заключается в том, что заявитель (держатель регистрационного удостоверения) существующей регистрации должен представить досье, соответствующее формату Союза. Досье проходит экспертизу, после чего выдается регистрационное удостоверение ЕАЭС. Базовой страной для подачи заявки выбирается та, в которой лекарственный препарат уже зарегистрирован.

При приведении регистрационного досье в соответствие с требованиями ЕАЭС заявитель может выбрать для подачи заявки на регистрацию только те страны, в которых препарат уже зарегистрирован. В будущем список стран может быть расширен за счет процедуры взаимного признания.

Важным моментом является то, что до начала процедуры приведения регистрационного досье к требованиям ЕАЭС необходимо подать заявления на все необходимые вариации (изменения). Регистрационное досье, соответствующее формату Союза, не должно содержать никаких дополнительных (новых) данных, не включенных ранее. Изменения могут быть внесены только по запросу (замечанию, недочету) регулирующего органа.

Продолжительность процедуры не должна превышать 100 календарных дней, не считая остановки часов, необходимых для ответа на замечания (недостатки). Также по решению Комиссии в ходе процедуры может быть проведена внеплановая проверка, согласно Решению Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. №83 «Об утверждении Правил проведения фармацевтических проверок».

По результатам данной процедуры выдается регистрационное удостоверение (в общем случае на 5 лет или без срока действия, если препарат был зарегистрирован в 3 и более государствах – членах ЕАЭС и находился в обращении не менее 5 лет).

Регистрация по процедуре взаимного признания (последовательная процедура) подразумевает последовательную регистрацию: в начале (первый этап) лекарственный препарат подается на регистрацию и получает

сертификат в первой стране (референтное государство). Затем, на втором этапе, регистрация препарата может быть признана в других странах – членах ЕАЭС.

На первом этапе лекарственный препарат регистрируется в референтной стране. Заявитель самостоятельно выбирает государство – член ЕАЭС для регистрации в соответствии с порядком, утвержденным Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г №78 «О правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения».

Для регистрации подается полное регистрационное досье в соответствии с типом заявки и особенностями лекарственного препарата в формате Единого технического документа, состоящего из 5 модулей. В процессе регистрации может быть назначена инспекция. Продолжительность процедуры не должна превышать 210 календарных дней, не включая остановки часов, необходимых для ответа на комментарии.

Затем запускается регистрация через процедуру взаимного признания в других странах. Заявитель выбирает одну или несколько стран для признания. Для взаимного признания необходимо представить Модуль 1, а также краткое описание характеристик продукта, инструкции и маркировку на языке признающих стран-участниц. Продолжительность процедуры не должна превышать 90 календарных дней, не считая остановки часов для ответа на комментарии. Последовательная процедура регистрации позволяет заявителю сосредоточиться на создании регистрации в референтной стране, а затем расширить список стран с помощью ускоренной процедуры признания. Регистрация по децентрализованной процедуре позволяет подать лекарственный препарат на регистрацию одновременно в нескольких государствах – членах ЕАЭС по выбору заявителя. Страна, в которую подается заявление и полное регистрационное досье, далее именуется «референтной». Регулирующий орган этой страны несет основную ответственность за рассмотрение регистрационного досье, принимая решение об одобрении или

отказе в регистрации. Другие страны, также выбранные заявителем, называются «странами признания». Регистрационное досье подается в референтную страну в полном объеме с учетом типа лекарственного средства и типа заявки. Для каждой выбранной страны признания заявитель дополнительно подает Модуль 1 с национальной документацией (инструкции, макеты, краткое описание свойств продукта) в соответствии с языковыми требованиями. При регистрации лекарственных средств по «общим» правилам ЕАЭС применяется единый формат регистрационного досье – Единый технический документ. Структура и требования утверждены Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. №78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения».

Регистрационное досье в формате CTD состоит из 5 модулей:

- Модуль 1: Административная информация;
- Модуль 2: Резюме общего технического документа;
- Модуль 3: Качество;
- Модуль 4: Отчеты о доклинических (неклинических) исследованиях;
- Модуль 5: Отчеты о клинических исследованиях.

Требования к формату и структуре (расположению документов) описаны в Приложении 4 к Решению №78, там же приведена матрица требований к различным типам заявок: оригинальные, воспроизведенные (генерические), гибридные, биоаналогические, вакцины (сыворотки), гомеопатические, травяные. Регистрационное досье подается в регуляторный орган через «Единое окно» в электронной форме.

Заявитель вместе с досье также подает национальные формы: НД (нормативный документ) – резюме о качестве готового лекарственного препарата), заполненный в соответствии с требованиями к Решению № 78; предлагаемая маркировка, включающая полноцветное художественное оформление первичной и вторичной упаковки, оформленная в соответствии с

требованиями Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. №76 «Об утверждении требований к маркировке лекарственных препаратов для применения в ветеринарии и людьми»; предлагаемая инструкция по применению, составленная в соответствии с требованиями Решения Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. №88 «Об утверждении требований к инструкции по медицинскому применению лекарственных препаратов и общей характеристики лекарственных препаратов для медицинского применения». Срок действия регистрационного удостоверения для впервые зарегистрированного лекарственного препарата в референтном государстве составляет 5 лет. После продления регистрационное удостоверение выдается без истечения срока действия. Регистрационное удостоверение состоит из самого свидетельства, нормативного документа (НД), краткого описания характеристик продукта (SmPC), инструкции по применению/вкладыша в упаковку/памятки и маркировки упаковки.

Владелец разрешения на маркетинг несет ответственность за поддержание регистрационного удостоверения и регистрационного досье согласно зарегистрированному лекарственному средству. Заявление и соответствующий комплект документов должны быть представлены в компетентный орган для экспертной оценки и утверждения. Описание и классификация изменений, требования к документации и другие аспекты утверждены Приложением 19 к Решению Евразийской экономической комиссии №78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения». Существуют следующие типы изменений:

- тип IA: изменение, оказывающее минимальное или нулевое влияние на качество, безопасность и эффективность зарегистрированного лекарственного препарата;
- тип IB: изменение, которое не подпадает под определения изменений IA, типа II и продления регистрации;

- срочное ограничение безопасности: срочное изменение в связи с появлением новой информации, касающейся безопасности лекарственного препарата;
- тип II: изменение, которое может существенно повлиять на качество, безопасность или эффективность зарегистрированного лекарственного средства;
- изменение, требующее новой регистрации/продления регистрации.

Если необходимо подать несколько изменений одновременно, подается отдельное заявление (уведомление) и отдельные файлы. Существует несколько исключений, например незначительные идентичные изменения нескольких лекарственных средств типа IA, связанные изменения типа IB или типа II, которые допускается подавать в одном файле заявки. Продление регистрации необходимо для продления срока действия регистрационного удостоверения. Держатель разрешения на маркетинг подает заявки во все государства – члены ЕС, в которых зарегистрирован продукт. Заявление на продление регистрации должно быть подано не ранее чем за 210 календарных дней до истечения срока действия и не позднее истечения срока действия регистрационного удостоверения. Пока продукт находится в процедуре регистрации, его можно импортировать и продавать, если он соответствует ранее утвержденным регистрационным материалам. Заявитель подает заявки на продление регистрации во всех государствах ЕАЭС, где зарегистрирован лекарственный препарат. Если заявление не было подано ни в одну страну, такое регистрационное удостоверение аннулируется. Для продления регистрации необходимо представить заявление на бумажном и/или электронном носителе по форме согласно Приложению 2 к Решению Евразийской экономической комиссии №78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения», Модули 1 и 2 регистрационного досье в формате ЕАЭС STD. Подтверждение регистрации (продление регистрации) осуществляется на основании

переоценки соотношения польза-риск, проводимой компетентным органом референтного государства. Срок продления регистрации не должен превышать 120 календарных дней с даты подачи заявки, не считая остановки часов для ответа на комментарии (до 90 дней).

После перерегистрации (подтверждения регистрации) выдается регистрационное свидетельство без срока действия. Функционирование общего рынка медицинских изделий в рамках ЕАЭС осуществляется в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., Соглашением о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 г., а также актами Евразийской экономической комиссии в сфере обращения медицинских изделий. Регистрация медицинских изделий по единым правилам Союза становится обязательной с 1 января 2022 г. В переходный период до 31 декабря 2021 г. регистрация медицинских изделий по решению производителя медицинских изделий может осуществляться по национальной процедуре или единым правилам ЕАЭС. При этом все медицинские изделия, зарегистрированные по национальным процедурам, должны быть приведены в соответствие с правилами ЕАЭС до конца 2021 г. Однако в настоящее время активно обсуждается вопрос о продлении этого срока на 5 лет и более. Перед выпуском медицинского изделия в обращение производитель или его уполномоченный представитель должен нанести специальный знак для обращения медицинских изделий. Знак наносится на каждое отдельное медицинское изделие. Это свидетельствует о том, что оно прошло установленную процедуру регистрации и подтверждения соответствия требованиям безопасности и эффективности. Производитель-нерезидент должен назначить уполномоченного представителя на территории ЕАЭС. Уполномоченным представителем может быть юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, являющийся резидентом ЕАЭС и уполномоченный доверенностью представлять интересы производителя,

нести ответственность за качество, безопасность и эффективность медицинского изделия при его использовании на территории ЕАЭС. Производитель и его уполномоченный представитель несут ответственность за соответствие медицинского изделия требованиям безопасности и эффективности, требованиям к маркировке и эксплуатационной документации.

Уполномоченный представитель выступает в качестве связующего звена между общим рынком ЕАЭС и производителем-нерезидентом. Имя и адрес уполномоченного представителя должны быть указаны на маркировке медицинского изделия и/или в инструкции по применению. Уполномоченный представитель должен принимать претензии и запросы от потребителей, компетентных органов и проводить постмаркетинговое сопровождение.

Процедура регистрации, классификация медицинских изделий, требования к регистрационному досье и многие другие аспекты могут показаться схожими с требованиями директив ЕС, но на самом деле они существенно отличаются. Общие требования к безопасности и эффективности медицинских изделий изложены в Решении Совета Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2016 года №27 «Об утверждении Общих требований к безопасности и эффективности медицинских изделий, требований к маркировке и эксплуатационной документации на них». Данный документ аналогичен Приложению I к Директивам ЕС 93/42/ЕЕС и 98/79/ЕС (перечень основных требований), но отличается по форме и объединяет требования к медицинским изделиям, медицинским изделиям для диагностики *in-vitro* и активным имплантируемым медицинским изделиям. Законодательство утверждает следующую классификацию медицинских изделий: I, IIa, IIb, III и медицинские изделия для *in-vitro* диагностики, которые также делятся на 4 класса. Все классы медицинских изделий проходят одинаковую процедуру регистрации, но перечень необходимых документов (объем доказательств) отличается в зависимости от класса. Процедура регистрации начинается не с подачи заявления и регистрационного досье, а с

формирования доказательной базы безопасности и эффективности медицинского изделия. Для этого необходимо провести предварительные технические и при необходимости метрологические, клинические испытания на территории и в соответствии с правилами ЕАЭС.

Испытания проводятся только в уполномоченных организациях, внесенных в единый реестр уполномоченных организаций Евразийского экономического союза. Результаты испытаний являются частью технической документации (регистрационного досье), на основании которой будет проводиться экспертиза и регистрация медицинского изделия. Процедура допускает регистрацию в одном или нескольких государствах – членах ЕАЭС. Компетентный орган этой страны несет основную ответственность за рассмотрение регистрационного досье и принимает решение об одобрении или отказе в регистрации. Другие страны, также выбранные заявителем, называются «странами признания». Страны признания участвуют в процессе экспертизы и могут делать замечания и/или отказы, которые будут распространяться только на территорию этой страны.

Заключение

Таким образом, унификация пенсионного и фармацевтического законодательств в ЕАЭС остается на текущий день одной из важных задач Союза. С учетом того, что на сегодняшний день функционируют национальные требования, предъявляемые к процедуре регистрации лекарств и другим указанным процессам обращения лекарственных средств, рынку необходимо время для подготовки к соблюдению новых требований и правил, унифицированных для выполнения всеми государствами – членами Союза. Для этих целей, в соответствии со ст. 20 Соглашения, установлен переходный период, согласно которому лекарственные средства, зарегистрированные в государствах-членах до вступления в силу Соглашения, должны быть приведены в соответствие с требованиями и правилами Союза до 31 декабря 2025 г.

В статье обоснована необходимость координации действий по реформированию пенсионных систем на пути гармонизации пенсионных законодательств, а также создания механизмов, обеспечивающих сохранение и перевод пенсионных прав граждан Союза. В основе союзного договора по пенсионному обеспечению должны лежать гарантии по обеспечению равных пенсионных прав трудовых мигрантов и членов их семей на территории всего Экономического союза. Важным для унификации этих процессов является создание единого законодательства, регулирующего как пенсионное, так и фармацевтическое законодательства во всех странах Союза. В данной статье рассмотрены текущее состояние и перспективы ЕАЭС в унификации пенсионного и фармацевтического законодательств в ЕАЭС, а также основные проблемы, препятствующие достижению унифицированного законодательства ЕАЭС.

Список источников и литературы

1. Актуальные вопросы спортивного права стран Евразийского экономического союза: моногр. . - М.: Проспект, 2017. - 287 с.
2. Андреева Л.В. Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе: Монография / Л.В. Андреева. - М.: Норма, 2016. - 508 с.
3. Зайончковская Ж. Иммиграция – замковый камень будущего развития России // Миграционные процессы в современной Европе: эволюция миграционных взаимодействий ЕС и государств Центральной и Восточной Европы: мат-лы междунар. науч. конф. (Одесса, 24-25 сентября 2010 г.). Одесса: Симекс-принт, 2011.С. 133-141.
4. Атлас Союза Советских Социалистических Республик применительно к районам экономического районирования ГОСПЛАНА СССР. - М.: Государственное издательство, 1985. - 471 с.

5. Бекашев, К.А. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза. Монография / К.А. Бекашев. - М.: Проспект, 2015. - 126 с.
6. Бондарев, И. Евразийский экономический союз: сегодня и завтра / И. Бондарев. - М.: Горная книга, 2012. - 328 с.
7. Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе. Монография. - Москва: СИНТЕГ, 2016. - 719 с.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе: моногр. . - М.: Дело и сервис (ДиС), 2014. - 187 с.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе: моногр. . - М.: РГ-Пресс, 2015. - 106 с.
10. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза.- М.:Проспект,2016.. - М.: Проспект, 2016. - 848 с.
11. Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза: моногр. . - М.: Проспект, 2016. - 723 с.

Фаустова Нина Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и других славянских языков,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: nina.faustova@mail.ru

Кавыев Вадим Наилевич,
магистр,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: vadimkavyev@mail.ru

Nina A. Faustova,
PhD (Philology), Associate Professor of the Department
of Russian and other Slavic languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
e-mail: nina.faustova@mail.ru

Vadim N. Kavyev,
Master's Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
e-mail: vadimkavyev@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В СМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРИТАНСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ

POLITICAL METAPHOR IN THE MEDIA: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE BRITISH AND AMERICAN PRESS

Аннотация: в статье представлен сравнительный анализ политической метафоры с целью выявления особенностей её проявления в британских и американских СМИ. Политическая метафора является наиболее продуктивным средством выразительности, а также манипуляции сознанием реципиента, чем и вызван интерес к исследованию ее функционирования в

средствах массовой информации путем сопоставления британских и американских газет.

Ключевые слова: метафора, политика, манипуляция, СМИ, политический дискурс.

Abstract: the article presents a comparative analysis of the political metaphor in order to identify the features of its manifestation in the British and American media. The political metaphor is the most productive means of expression, as well as the manipulation of the recipient's consciousness, which is the reason for the interest in studying its functioning in the media by comparing British and American newspapers.

Keywords: metaphor, politics, manipulation, media, political discours.

В современном мире средства массовой информации способны изменить общественное мнение. Различные виды СМИ являются фактором, формирующим у аудитории представление о реальности, и играют большую роль в информационной картине мира благодаря широкому распространению. Средства массовой коммуникации способны формировать общественное мнение, используя различные приемы, в том числе лингвистические.

Метафора широко используется во многих типах текстов: научном, публицистическом, политическом. В политическом дискурсе метафора – один из основных приемов познания объектов действительности, эффективное средство воздействия. Метафоры, используемые в СМИ, отражают политические процессы и личностные качества их участников, влияют на отношение читателей к происходящим ежедневным событиям, особенно если это доступные и массовые издания.

Цель настоящей статьи – исследование моделей политической метафоры в британской и американской прессе.

Материалом исследования послужили американские газеты The Washington Post, The New York Times и британская – Sky News.

Изучение политической метафоры – одно из важных направлений в когнитивной лингвистике. Ученые практически полностью отказались от традиционного и устаревшего взгляда на метафору как «украшение» по теории Аристотеля. В современной лингвистике основной упор в изучении теории метафоры делается на сферу мышления и сознания. Метафору активно изучают в когнитивном аспекте [1; 2; 3; 4]. Современные когнитивисты рассматривают политическую метафору как ментальную операцию, способ познания и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли, он живет и действует метафорами [5, с. 380].

Важное место в классификации политических метафор занимает семантическая классификация. Основой данной классификации служит то, к какой тематической группе относится слово в неметафорическом понимании (сфера-источник). Классификация же в данном направлении крайне важна в когнитивных исследованиях политической метафоры, «только когнитологи обычно подчеркивают, что метафора – это феномен не языковой, а ментальный, и поэтому сферы-источники метафорической экспансии будут являться не языковыми, а ментальными (понятийными)» [4, с.117].

Согласно данной классификации выделяют антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную метафоры [4, с. 117]. Посредством антропоморфной метафоры трудные для восприятия политические понятия воспринимаются как понятные, хорошо известные реалии, соотносимые с самим человеком. При природоморфных метафорах происходит наложение моделей в представлении человека, связанных с живой и неживой природой, на политическую реальность. Социоморфная метафора позволяет моделировать сферу политики через другие сферы социальной деятельности человека, такие как, например, спорт, театр, война, игра. В артефактной метафоре источником метафорической экспансии служат артефакты, т.е. создаваемые человеком вещи, которые они переносят на политическую сферу.

Эта классификация была использована при анализе трех статей, посвященных выходу Великобритании из Европейского союза в период премьерства Терезы Мэй:

1) статья «Will Theresa May's Departure fix British Politics? Don't bet on it», опубликованная в газете The Washington Post, автором которой является Дэн Балц (Dan Balz) [8];

2) статья Люиса Гудала (Lewis Goodall) «Brexit: Things We Have Learned in an Extraordinary Week», опубликованная в газете Sky News [6];

3) редакционная статья «Brexit Vote: After Marathon Debate, a Severe Blow for Theresa May» в газете The New York Times [7].

Общий анализ всего имеющегося текстового материала трех статей показал следующие результаты, которые представлены в графическом виде (рис. 1).

Рис.1. Количество метафорических высказываний и их процентное соотношение (составлено авторами)

Приведем примеры некоторых метафор, обнаруженных в рассматриваемых статьях.

Артефактные метафоры:

«Given the turmoil in the Conservative Party, a new election could be the vehicle for Labour to return to power for the first time in nearly a decade».

« That thing, for the DUP and ERG MPs became the litmus test of success».

«Bear in mind too the wildcard of European Union citizens, who can (unlike general elections) vote».

« If she does not and she has given us no indication she will, the only card left for her to play is a general election, in the hope of swelling».

Социоморфные метафоры:

«Whatever strength Farage's party shows in the European elections will be the first volley in the battle over the future direction of the Conservative Party at home».

«Oh, nothing much, other than a fractious fight to pick a new Conservative Party leader and prime minister, the Oct. 31 deadline for leaving the E.U. on terms still not known, and potentially a general election at some point that will test the coalitions of the Tories and the Labour Party».

«Members of the Conservative Party must weigh the potential costs to its coalition of picking someone other than Johnson against the costs of putting their futures in the hands of someone so many of them do not fundamentally trust».

«Johnson is also fully capable of making a hash of his leadership bid».

«The interview landed just as May was hosting Trump at an elaborate ceremony and dinner and caused an uproar until the president lavished praise on his host the next day».

Антропоморфные метафоры:

«A new pro-Brexit leader will be confronted by the same divisions that scuttled May's efforts».

«He dances away from every effort by reporters to pin him down».

«Any Remainer ministers who voted against the government's own A50 Brexit motion are guaranteed to have ambitions to run».

«She whipped her MPs accordingly in the subsequent "Brady amendment"».

Природоморфные метафоры:

«There is a trickle of ERG MPs going over to the PM, it may become a stream but it won't ever be a deluge».

«To outsource your decision-making faculties over the most important issue of the day to another party (one which historically has been far outside the mainstream and with few links to the Tories) is odd to say the least».

Большинство метафор, встречающиеся в текстах статей, относится к конвенциональным, только 20% из них являются авторскими.

Аналитическая статья Дэна Балца «Will Theresa May's departure fix British politics? Don't bet on it», опубликованная в газете The Washington Post, характеризуется преимущественно конвенциональными социоморфными метафорами: «be the first volley in the battle», «Oh, nothing much, other than a fractious fight to pick a new Conservative Party leader», «Johnson must run through the hurdles of the leadership contest, and he will have any number of rivals». Также в тексте встречаются артефактные («Given the turmoil in the Conservative Party, a new election could be the vehicle for Labour to return to power for the first time in nearly a decade», «If the Conservatives remain as divided as they are now and if there is a pro-Brexit vehicle for voters to embrace, Labour would be in position to regain power») и антропоморфные метафоры («He dances from every effort by reporters to pin him down», «Johnson must run through the hurdles of the leadership contest, and he will have any number of rivals»).

Выбор в пользу социоморфных, артефактных и антропоморфных метафор политической, экономической и военной направленности можно объяснить политико-экономическим характером большинства публикаций в этой газете.

В редакционной статье «Brexit Vote: After Marathon Debate, a Severe Blow for Theresa May», опубликованной в газете The New York Times, отмечается использование социоморфных метафор, связанных с театром («After two and a half years of negotiation, argument, predictions and posturing, lawmakers at last cast what is likely to be one of the most important votes in their careers, throwing Brexit into limbo with just 73 days until it is scheduled to take

effect»), артефактных метафор экономической направленности («The Confederation of British Industry, representing 190,000 businesses, voiced its support for Prime Minister Theresa May's deal on Tuesday, but said it expected the government to have an alternative solution if the bill failed», «This week, C.B.I. and the consulting firm PwC reported that their quarterly survey of the finance industry showed that the volume of business done in London had shrunk for the first time in five years, as the uncertainty created by Brexit took its toll», «If the bill is not passed, as is widely expected, sterling and U.K. financial assets will probably be unmoved since this is the expectation — the markets have priced it in», «The right path, Mr. Corbyn said, was to reject the bill, delay the Brexit deadline and call parliamentary elections»), а также таких выражений, которые характеризуют сферу экономики («Britain's big vote finally arrived Tuesday, and as expected, Parliament handed Prime Minister Theresa May a crushing defeat, rejecting her deal for exiting the European Union by a vote of 432 to 202», «A marathon debate finishes with appeals from May and Corbyn», «The prime minister, he said, "has run down the clock», «May is able to buy time and indicates that she intends to extend the negotiation period or adopt a softer stance on Brexit, according to Jordan Rochester, a foreign exchange strategist at the Japanese bank Nomura»).

Газета The New York Times так же, как и The Washington Post, является одной из самых влиятельных и издаваемых газет, специализирующихся на публикации политических, экономических, военных новостей, что объясняет использование большого количества политических метафор, связанных с этими сферами.

Статья Левиса Гудала «Brexit: Things we have learned in an extraordinary week» в британской газете Sky News изобилует конвенциональными природоморфными метафорическими выражениями: «This is a peculiar innovation of recent British politics; To outsource your decision-making faculties over the most important issue of the day to another party (one which historically has been far outside the mainstream and with few links to the Tories) is odd to say the least», «There is a trickle of ERG MPs going over to the PM, it may become a stream

but it won't ever be a deluge», «Even by the standards of the maelstrom that is Brexit, this last week has been extraordinary». Использование метафор водной (морской) тематики может объясняться тем, что Великобритания в XIX веке была великой морской державой.

Кроме того, были обнаружены артефактные метафоры, связанные с азартными играми: «Turnout will likely be high on both sides. Bear in mind too the wildcard of European Union citizens, who can (unlike general elections) vote», «If she does not and she has given us no indication she will, the only card left for her to play is a general election, in the hope of swelling Tory ranks in a new parliament».

Представленная диаграмма иллюстрирует результаты, полученные в ходе сравнительного анализа политических метафор в трех газетах (рис. 2).

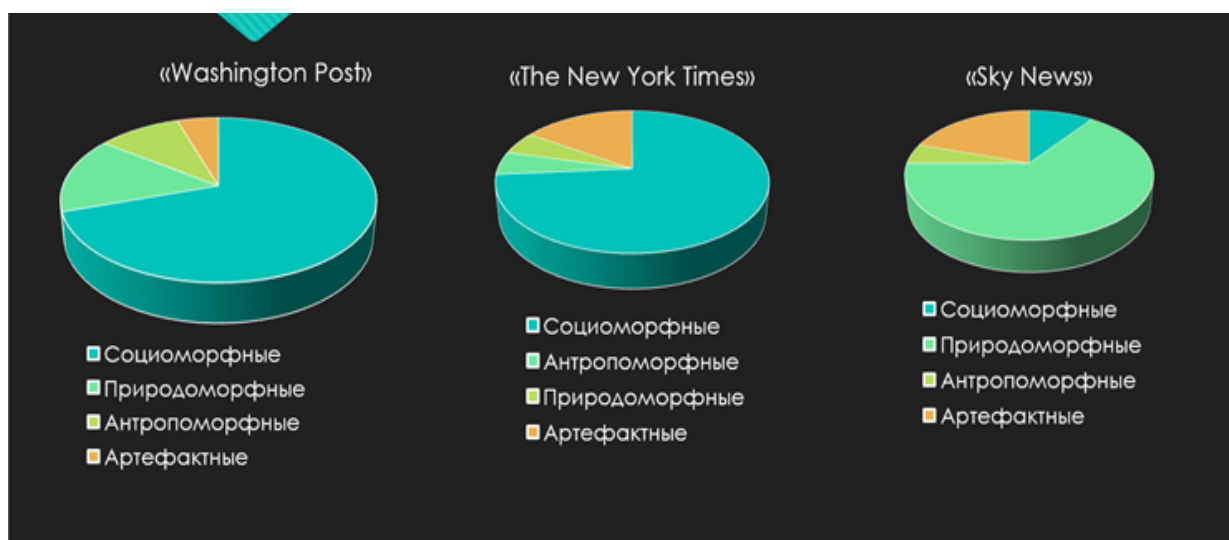

Рис.2. Сравнительный анализ политических метафор в анализируемых статьях (составлено авторами)

Таким образом, все три газеты - The Washington Post, The New York Times, Sky News - в основном специализируются на публикации новостей, посвященных политике и экономике, и используют средства выразительности, среди которых особо выделяются метафорические высказывания. Однако сравнительный анализ метафор выявил особенности, заключающиеся в том, что в сравнении с американской прессой в британской прессе встречаются природоморфные метафорические выражения морской направленности, а

также артефактные метафоры, связанные с азартными играми. Американская пресса характеризуется социоморфными, антропоморфными метафорами из экономической, политической, военной сфер.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
2. Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики / А. Н. Баранов // Известия АН. Серия литературы и языка том 63, №1. М., 2004. С. 33–43.
3. Блэк М. Метафора /М. Блэк // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2008а.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
6. Brexit: Things We Have Learned in an Extraordinary Week // Sky News. – URL: <https://news.sky.com/story/brexit-17-things-we-have-learned-in-an-extraordinary-week-11666902> (дата обращения: 02.10.2022).
7. Brexit Vote: After Marathon Debate, a Severe Blow for Theresa May // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/15/world/europe/brexit-vote.html> (дата обращения: 02.10.2022).
8. Will Theresa May's Departure fix British Politics? Don't bet on it // The Washington Post. – URL: https://www.washingtonpost.com/politics/will-theresa-mays-departure-fix-british-politics-dont-bet-on-it/2019/05/24/ed09eb50-7e4f-11e9-a5b3-34f3edf1351e_story.html (дата обращения: 02.10.2022).
9. Мирзоева Ф.Р. Стиль социализации детей в американской семье среднего класса // Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Московский педагогический государственный университет. Москва, 1999

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Дейлтон Рибейро Бразил,
доктор юридических наук;
e-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br

Родриго Альберто Азеведо Коуто,
Магистрант; прокурор государственного министерства штата Минас-
Жерайс, Бразилия;
e-mail: rodrigocoutompmg@yahoo.com.br

Deilton Ribeiro Brasil
Post Ph.D. (Law),
e-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br

Rodrigo Alberto Azevedo Couto,
Master's Degree Student; Prosecutor of the Public Ministry of the State of
Minas Gerais, Brazil;
e-mail: rodrigocoutompmg@yahoo.com.br

SMART SUSTAINABLE CITIES UNDER ENRIQUE LEFF'S DISRUPTIVE VIEW: ENVIRONMENTAL AND SOCIAL NUANCES

УСТОЙЧИВЫЕ «УМНЫЕ ГОРОДА» ЭНРИКЕ ЛЕФФА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НЮАНСЫ

Аннотация: в этой статье анализируется концепция «умных» устойчивых городов и их соответствие Цели устойчивого развития, установленной на Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. и воплощенной в разработке планов, способных сделать такие города открытыми, безопасными, жизнеспособными и устойчивыми (согласно Цели №11 из Целей устойчивого развития ООН), и все это анализируется с точки зрения экономического измерения. В исследовании рассматривается, являются ли устойчивые города тем же элементом социальной инклюзивности, который руководствуется экологической

рациональностью, или, напротив, они служат исключительно удовлетворению интересов ориентированной на потребителя элиты, углубляя тем самым существующее социальное неравенство. Благодаря библиографическим исследованиям и использованию дедуктивного метода можно сделать вывод, что сама концепция «умных» устойчивых городов начинается с преодоления текущей экономической рациональности и направлена в будущее, ориентированное на устойчивость, становясь гарантом основных прав меньшинств.

Ключевые слова: «умные города», экологическая рациональность, устойчивость, перестройка, социальная интеграция, экономика, Цели устойчивого развития, информационные технологии, социальное неравенство, ООН.

Abstract: this article analyzes the concept of Smart Sustainable Cities and their adequacy to the goal of sustainable development established in the 2030 agenda by the United Nations (UN) and embodied in the development of planning capable of making it inclusive, safe, resilient and sustainable - SDG 11 – cities and human settlements, all this under a disruptive perspective of the constituted economic dimension. The investigation concerning whether sustainable cities are the same element of social inclusion guided by environmental rationality or, on the contrary, they lend themselves solely to meeting the interests of a consumer-centric elite is deepened, thus deepening the existing inequalities. Through bibliographical research and the use of the deductive method, it is possible to conclude that the very concept of Smart Sustainable Cities starts from overcoming the current economic rationality and is directed towards a future guided by sustainability, effectively becoming a guarantor of the fundamental rights of minorities.

Keywords: smart cities, environmental rationality, sustainability, deconstruction, social inclusion, economy, sustainable development goals, information technologies, social inequality, UN.

1. Introduction

This work aims to develop a study about Smart Sustainable Cities, their benefits and risks, all under the disruptive view of the need to evolve from the current economic rationality towards environmental rationality towards sustainability. The theme addressed also allows for immersion in the discussion about the imperative to overcome hyperconsumerism, thus allowing for an equal distribution of consumer goods and consequent social inclusion.

Aiming at the Sustainable Development Goals established by the United Nations (UN) in 2015, when formatting the 2030 Agenda, especially in the number 11, through which the objective was to «make cities and human settlements inclusive, safe, resilient and sustainable», an attempt was made to bring the correlation between the use of Information and Communication Technologies - ICTs - to large urban centers of human coexistence and social inclusion and overcoming the environmental problems arising from such agglomerations, all in search for a sustainable future.

The choice of the theme is justified by its topicality and theoretical and practical relevance, since, since the convulsions of the modern world experienced in the 1960s and the sounding of the ecological alarm, the explosion of the population bomb boosted the effervescence of discussions about the need of the conformation of spaces for human coexistence that, towards sustainability, would combine values such as technological evolution, cultural issues and the solution of socio-environmental problems.

Thus, this article, initially and aiming to demonstrate that the discussion concerning Smart Sustainable Cities fits perfectly into the thinking developed by the United Nations when defining the 2030 Agenda, proceeds to the correlation between the disorderly growth of large centers, the expansion of socio-environmental problems and possible solutions to be made possible with the use of Information and Communication Technologies in these territorial spaces.

Then, it seeks to demonstrate that the path to sustainability necessarily involves the deconstruction of existing economic rationality and the overcoming of

human behavior guided by consumption-centrism. These obstacles are obstacles to effectively intelligent, inclusive and sustainable living spaces.

The present study aims to answer whether sustainable smart cities are even a factor of social inclusion rooted in environmental rationality or, in the opposite sense, only serve the interests of a consumer-centric elite, thus deepening the already existing understanding of inequalities.

In order to respond to the proposed problem theme, this research will use the deductive method, through essentially bibliographic research technique. Starting from a macro analytical design to a more specific approach to the global aspects of Smart Sustainable Cities, through its conceptualization and, subsequently, evolving to the specificity of a look that lends to the condition of understanding what is necessary to achieve its total efficiency and effectiveness.

As for the methodology proceedings, it has been chosen exploratory research, based on national and foreign bibliographic review techniques, through the consultation of scientific articles, books, and authors who directly and indirectly debate the issues addressed in this study. Therefore, it has been brought a review of the existing literature on the subject, seeking the state of the art of the subject and the respective proposal presented, plus a cross-referencing of information obtained from the analysis of legislation and empirical research carried out by international and national bodies. I used both bibliographic and documentary research as research techniques.

2. Smart Sustainable Cities and the 2030 Agenda

Even before interfering in the analysis of the concept of Smart Cities or Smart Sustainable Cities (SSC) – a term to which preference will be given here [10] –, it is necessary to carry out an analysis of the correlation between such an idea and the SDGs [13], Sustainable Development Goals established in 2015 by the United Nations UN in the 2030 agenda - global action plan aimed at the prosperity of the planet through the strengthening of freedom, peace and prosperity, all with a view

to eradicating poverty and guaranteeing of a prosperous life for all, aiming to «direct the world towards a sustainable and resilient path» [17].

Thus, in SDG 11, among those seventeen goals conceived, the need to «make cities and human settlements inclusive, safe, resilient and sustainable» is reflected. It so happens that, with the progressive urbanization of the world population, the insurmountable challenge of combining human development with social inclusion, of issues related to the environmental theme, and, also, especially in order to guarantee such interaction, employment in such centers arises of digital and technological communications.

The Sectorial Panorama of the Internet, dealing with the theme “Smart Cities: Information and communication technologies and the development of more sustainable and resilient cities,” it brings a perceptive approach to connecting SDG 11 and smart cities:

«In this context, ICTs gain prominence for achieving the SDGs, either directly or indirectly – that is, they can be explicitly present in goals and/or indicators, as well as in defined strategies to achieve specific objectives. This is the case, for example, of smart cities, which, despite not being explicitly mentioned as a goal or indicator, are present in strategies designed to achieve Goal 11, which concerns cities and sustainable communities» [14].

Cleide Calgaro and Ricardo Hermany, also assertively, present the aforementioned correlation between Smart Cities and the Sustainable Development Goals established by the United Nations (UN):

«Smart cities are linked to a concept of sustainability, which is fundamental to solving existing socio-environmental problems. With the creation of 17 sustainable development goals by the UN, in 2015, when 193 countries signed the document "2030 Agenda for sustainable development", it is clear that the concern is to seek sustainable and resilient cities, as well as minimize, perhaps eradicate, the social problems existing in global societies. Based on this, smart cities could be an alternative for achieving the goals established by the Agenda» [4, p. 486].

In a scenario, therefore, in which the expansion of cities is an inexorable fact - the United Nations (UN) points out that, in 2014, «54% of the world population lived in urban areas, with growth projection for 66% in 2050. In 2030, 41 megalopolises with more than 10 million inhabitants are estimated» [18] -, the use of Information and Communication Technologies (ICTs) emerges – not without risks, and this aspect will be dealt with later on – with the potential of a path to follow, aiming to find viable solutions for such urban centers, with coexistence harmonious between economic development, sustainability and social inclusion.

The expansion of socio-environmental problems is undeniably a reflection of the disorderly growth and lack of global planning that occurs in urban agglomeration centers; therefore, addressing the mobility of the population mass, improving the quality of life of the inhabitants of such centers is essential. Of issues affecting the population's safety, health and coexistence in general and, notably, of the environmental consequences caused by the agglomeration of people in the aforementioned territorial limits.

Therefore, the use of Information and Communication Technologies is essential, enabling the monitoring and management of public spaces, always with the participation and effective inclusion of recipients of the respective public policies in the decisions that affect them and, in short, are intended to improve your quality of life.

Despite the undeniable advances in the institutionalization and implementation of public policies for urban infrastructure in Brazil and in the rest of the world in general, this scenario was not constituted in a way to avoid the disastrous consequences of disordered growth, capable of leading to serious problems of an environmental nature and, also incisively, to widen the already gigantic distance between the social classes that inhabit these territorial units.

This is how urban growth, if not organized, planned and aware of the problems it can generate, will certainly constitute an element of denial of fundamental rights and the cause of a significant part of the obstacles faced on the path to sustainability. In this sense:

«The acceleration of population growth raises two conflicting issues (BIFULCO et al., 2016). On the one hand, there is a need for overexploitation of resources, increased pollution and an insufficient number of available services. On the other hand, there is a need to implement sustainability precepts to overcome these critical situations. In this sense, although urban growth can be pointed out as one of the origin factors of environmental problems, it can also be pointed out that cities, due to their population diversity, can become centers of creativity and innovation that, in turn, present the ability to develop mitigation or adaptation strategies to the scenario described» [9, p. 71].

Conforming such a scenario, the Smart Sustainable Cities present themselves as an alternative way capable of, if not definitively solving, at least minimizing the problems related to urban growth. As long as social inclusion, sustainability, quality of life and respect for the fundamental rights of the inhabitants of human settlements are a constant target.

It then proceeds to the approach about its specific origin and conceptualization:

«The origin of the concept of Smart Cities can be traced back to at least the Smart Growth Movement of the late 1990s. Gabrys find the roots of the concept earlier, namely from what they call the “cybernetically planned cities” of the 1960s, in proposals for networked or computable cities in urban development plans from the 1980s onwards. There are essentially two approaches to crafting a definition of Smart Sustainable (...)Cities. The first is based on an inductive (bottom-up) approach, by which the definition is developed by looking at and synthesizing how others have defined the concept in theory and/or in practice. Depending on how congruent the identified definitions are, this process may result in one definition or a typology of definitions. The second way is based on a deductive (top-down) approach whereby the process of developing a definition starts out with a hypothesis or a normative statement about what Smart Sustainable Cities should be, on the basis of which a definition is then elaborated. In practice these “ideal types” of approaches

are typically combined, either consciously or unconsciously, but with one of them being the dominant approach» [10, p. 336].

In the same pattern:

«Smart cities are those capable of innovatively connecting physical and ICT infrastructure efficiently and effectively, converging organizational, normative, social and technological aspects in order to improve the population's sustainability and quality of life conditions» [19, p. 313].

Furthermore, to characterize the Smart Sustainable Cities as a promising way of equalizing the problems concerning urban agglomerations:

«One of these urban plans is Smart Cities, which are projects in which a given urban space is the stage for experiences of intensive use of communication and information technologies that are sensitive to the context of urban management and social action. The use of technology to improve urban infrastructure and make urban centers more efficient and better to live in is how the concept of this plan is defined. The Smart Cities solution is promising in this context because, alongside the challenges mentioned, there is also an unprecedented advance in Information Technology and its use in everyday activities. The collision between the growth of cities and the massive flow of data about them and their citizens will transform the urban environment into a civic laboratory, which adapts technology into innovative ways to meet local needs (TOWNSEND, A. et al. 2010). This new concept can wholly and positively change the relationship between the community and urban services» [8, p. 2].

However, it is necessary to pay attention to the fact that the concept of Smart Sustainable Cities reaches a much more significant scope than the mere use of technology in human coexistence centers. With unique assertiveness, Calegari addresses the theme:

«The idea of the smart city is, yes, based on the use of modern technologies, but the smart city is also something else. A city is considered smart, above all, when it manages its economic and environmental resources, housing and transport policies, relationships between people and management methods innovatively and

more efficiently. Smart cities represent not only a model of technological efficiency but also of full social inclusion and sustainable development» [3].

In any case, even considering the risks inherent in the implementation and development of such a concept, it is inevitable that the benefits derived from it supersede in a very significant way the potential difficulties. Even if they exist, they do not present themselves as insurmountable. Moreover, they represent a horizon where urban agglomerations are perceived as territorial spaces where economic and technological development can coexist harmoniously with sustainability and social inclusion.

In this sense, it is possible to extract from the Sectorial Panorama from the Internet the reference to some of the main advantages of the effective implementation of the referred idealization:

«For Maria Alexandra Cunha, from the São Paulo School of Business Administration, Fundação Getúlio Vargas (FGV-EAESP), "the use of technology in cities can contribute to universal housing, universalization and improvement of basic services, transport services, the maintenance and enhancement of cultural and natural heritage. It can reduce the negative environmental impact that cities cause, establish public and safe urban spaces, expand participation and inclusion, reduce inequalities and even increase the resilience of cities when disasters or major events occur» [14].

Moreover, likewise, it is possible to see the respective goals achieved. Therefore, according to the Internet Sectorial Panorama:

«Decision-making to face local challenges must consider the data generated by the city's various applications and sensors, which enable faster and more assertive actions» [14].

Even with this diversity of concepts, researchers have identified essential points, namely:

«(i) use of ICT in the city; (ii) presence of physical and network infrastructure; (iii) better provision of services to the population; (iv) combination, integration and

interconnection of systems and infrastructures, to enable social, cultural, economic and environmental development; and (v) a vision of a better future» [14].

Having demonstrated, therefore, the correlation between the concept of Smart Sustainable Cities and the Sustainable Development Goals established by the United Nations (UN), it is time to speak, then, of the incompatibility between consumption-centrism and sustainability. Everything to demonstrate that, if this is not considered a priority to the detriment of the former, the use of technology will be in vain. The desired social inclusion in the great centers of human agglomeration will become unattainable.

3. Sustainability, consumption-centrism and social inclusion

According to what has already been seen here, the theme of Smart Sustainable Cities is directly related to two aspects of the mandatory approach for the desired social inclusion and sustainability: consumption-centrism and the deconstruction of economic rationality. The first is henceforth scrutinized, not without neglecting the treatment given to the environmental and ecological discipline, here and elsewhere.

From the apolitical perspective that permeates this work, we seek to demonstrate that the preservation of nature is not on a collision course with modern States' economic and industrial framework. As well as with the use of Information and Communication Technologies, especially with the urban concentration, which proves the possibility of a harmonious coexistence between such concepts, ideas, and ideals.

Based on the assumption that the depletion of natural resources would ultimately imply the extinction of the human species itself, and in such a scenario, there is no longer any sense in talking about the developmental aspects of its economic activity. It is necessary to understand that unbridled consumerism finds no place in an agglomerated human environment imagined as inclusive, sustainable and resilient.

The characterization of mindless consumption as a priority element of the human, with a preponderance of having over being, is seen as a visceral enemy of

the path of sustainability and social inclusion, constituting an insurmountable obstacle even to the implementation of spaces of inclusive coexistence based on respect for nature and respective protection.

It is essential, then, to understand the scope of «consumption-centrism», an expression that points to the displacement of the center of human activity towards the acquisition of the superfluous, neglecting the care with what should be the north of a course concerned even with its subsistence. With precision, Cleide Calgaro and Agostinho Oli Koppe Pereira unveil this state of affairs, describing its characterization and origin:

«Hyperconsumption is characterized by unruly consumption where the subject consumes inordinately products and services that he does not need. Consumption-centrism occurs when this subject ends up being trained in a hyper-consumerist society that has the consumption of the unnecessary as one of its objectives. Advertising comes to influence the consumer in this unruly consumption, training him to a working life focused on consumption» [6, p. 395].

The characterization of a consumption-centered society corresponds to the superposition of capitalist logic over ecological and environmental issues. Therefore, assuming nature as an inexhaustible consumable good and available for shared use by all. Such a myopic view of the issue – and enshrined in several constitutional texts, including the Brazilian one – even puts at risk the conception of the ideal of urban centers that are both technological and sustainable. It represents a departure from the desirable biocentric turn advocated by Wolkmer when commenting on the advances achieved for the New Latin American Constitutionalism:

«Possibly, the first moment and of significant impact for the "new" Latin American constitutionalism comes to be represented by the Constitution of Ecuador of 2008, for its bold "biocentric turn," admitting natural rights and rights to the development of "good living." The innovation of these rights does not prevent the recognition of general advances and the enrichment of collective rights as "rights of communities, peoples and nationalities," highlighting the expansion of their

subjects, among indigenous nationalities, Afro-Ecuadorians, communal and peoples coastal» [7, p. 82].

Nevertheless, that is not all! The correlation between environmental and social problems is also evident, revealed in the interference of human action in environmental issues and its necessary reflections on the living conditions of populations, especially those concentrated in urban areas. Percussively dealing with the theme, point out Calcaro, Hermany and Macho:

«The environment must have its intrinsic value considered. The preservation of the cycles of nature is vital to avoid the social and environmental problems in the world today... It is a fact that society faces environmental difficulties related to the environment and human interference, including deforestation, pollution, destruction of natural habitats, climate change, and acid rain. On the other hand, there are social problems related to basic sanitation, such as health, education, poverty, social inequality, and rural depopulation. Due to the two aspects presented here, in the present work, we chose to call them socio-environmental problems, which encompass both social and environmental issues» [5, p. 212].

And the aforementioned authors also conclude:

«Thus, environmental problems generate social problems and vice versa, as there is a need for preservation, awareness and respect for society and nature. In this way, the relationship between human beings and the environment result in socio-environmental problems. This association indicates that harmful actions performed by human beings can harm nature. It is essential to realize that the social and environmental impacts originate from the actions of human beings, which will negatively change the environment and society» [5, p. 218].

As demonstrated, it is impossible to dissociate the human interference in environmental issues from its reflections on social aspects faced in large urban centers. The idea that the use of Information and Communication Technologies can, for itself, be sufficient to present territory of inclusive human coexistence and, at the same time, ecologically respectful, constitutes a mere utopia.

Therefore, the conceptual and attitude change must reach much broader contours, under penalty of deeming the desired sustainability objectives to be unfeasible. The vision of such structural modification can be reached in Romeiro's analysis, that by associating technological progress, growth, ecology and consumption:

«Earth's "carrying capacity" cannot be exceeded without major environmental catastrophes. However, as this load capacity is unknown, and it will be challenging to know it precisely, it is necessary to adopt a cautious posture, which implies acting without waiting to be sure. In this sense, it is necessary to create as soon as possible the socio-economic, institutional and cultural conditions that encourage not only rapid technological progress that saves natural resources but also a shift towards consumption patterns that do not imply continuous and unlimited growth in the use of resources natural per capita» [15, p. 7].

Thus, sustainability must be understood as a fundamental right of necessary protection in the constitutional discipline and accessible to all. Only in such a way can economic development, ecological-environmental preservation and social inclusion be combined. Rationally and effectively, thus removing the risk that expanding the inequality gap in the hypothesis of non-inclusive employment of Information and Communication Technologies would harm the latter.

Regarding the urgent need to internalize such ideas, once again, we resort to the lessons brought by Calcaro, Hermany and Macho:

«Sustainability must be understood as a right so that all people can access it. Economic, social and environmental pillars must combine for sustainability to materialize because this tripod encompasses environmental preservation, social justice and economic development. These allow ethics, education, culture, and awareness to be valued, as they represent necessary elements for developing each person's abilities and freedom. With this, it is possible to improve well-being and offer a quality of life to people, indistinctly, regardless of social class» [5, p. 220].

Moreover, also about sustainability, in order to fully understand its meaning:

«Sustainability is both complex and straightforward. Similar to the idea of justice. Most of us intuitively know when something "is not fair." Likewise, most of us are fully aware of unsustainable things, including garbage, fossil fuels, polluting automobiles, and unhealthy food. We can also assume that many people have a clear sense of fairness and sustainability. For example, they feel that a just and sustainable world is very much needed, no matter how far from an ideal it may be. In its most elemental form, sustainability reflects pure necessity. The air we breathe, the water we drink, the soils that provide our food are essential for survival. The basic rule of human existence is to maintain the sustainability of the living conditions on which it depends. For this purpose, the idea of sustainability is simple» [2, p. 25]

Thus, the path to building inclusive, ecologically sustainable and resilient urban human coexistence centers even goes through a conceptual change, with the overcoming of consumption-centered practices and a departure from the conception of the human being as not an integral part of nature – which would only serve humankind –. It is now time to take this step further to demonstrate the possibility of combining unstoppable economic growth and the idea above of sustainability with being constituted in Smart Sustainable Cities, all with the transformation of economic rationality into environmental rationality, advocated by Enrique Leff.

4. Economic deconstruction from the perspective of Enrique Leff

Before thinking about the constitution of inclusive, sustainable, technological and resilient urban human coexistence spaces, it is necessary to understand that the concentration in large cities is a global trend that is difficult to reverse due to the inflexible economic growth.

Unless pursuing utopian solutions, with no or almost no pragmatism, the initial step to guarantee that coexistence in such territorial spaces of human concentration is the internalization of the idea that the inevitable economic development can, without a doubt, occur in harmony with the dictates of sustainability. This first step must represent a minimum degree of environmental aggression and a maximum degree of social inclusion.

When speaking, however, of economic development – and having it as an evolution of something –, it is necessary to overcome certain myths. This attitude makes it possible for them to preserve nature and social inclusion. Therefore, the ideas of unlimited economic growth, as well as the concept that natural goods would be inexhaustible and valuable to a self-declared human being separate and superior to the other components of the natural world, must be abandoned

Since the sounding of the ecological alarm in the 60s, it has been noticed how far removed from reality would be the belief that science and technology, by themselves, would be capable of promoting the compatibility between development and sustainability. Enrique Leff, when dealing with the theme, demonstrates in an overly didactic way the emergence of this first deconstruction:

«The 1960s marked a period of upheaval in the modern world. The demographic bomb exploded, and ecological alarms rang. Meanwhile, the emancipatory and countercultural movements, like trade unions, youth, students and gender, erupted. For the first time since industrial machines and market mechanisms were activated in the nascent Renaissance capitalism, since the West opened history to modernity guided by the ideals of freedom and the enlightenment of reason, one of the ideological pillars of Western civilization was fractured: the principle of progress driven by the power of science and technology, transformed into the most servile and valuable tools of capital accumulation, and the myth of unlimited economic growth» [12, p. 81]

Moreover, to configure the inconsequence of maintaining a state of affairs that would lead to the inevitable extinction of the species itself:

«The environmental crisis has come to question one of the most deeply rooted beliefs in our consciences: not only the supremacy of man over other creatures on the planet and the universe, and the right to dominate and exploit nature for the benefit of "man," but the very meaning of human existence based on economic growth and technological progress: of progress forged in economic rationality, which based on the armor of classical science which established a structure, a model; which was creating the conditions for progress no longer guided by the co-evolution

of cultures with their environment, but by economic development, shaped by a mode of production that carried in its entrails a genetic code that expressed itself in a dictum of growth, growth without limits» [12, p. 82].

In the same sense, Juarez Freitas explains the risk faced by the human species in the face of its own irresponsible, pedantic, denial and lack of empathy attitude.:

«The planet will not go extinct in the next few million years. Humanity is in the greatest danger. The seriousness of environmental issues is, at this stage, free from doubts, in crucial points. Yes, the weight of this or that cause is debatable, but the environmental crisis is undeniable. Denying, at that time, the harmful effects of billions of tons of toxic gases (with the enormous costs associated with pollution and the profusion of premature deaths each year) seems to be an attitude without minimal scientificity. Probably, this is the first time in history, except at the risk of nuclear war, that humanity can make it impossible to stay on Earth, through work and disgrace, on a large scale, due to its devouring, compulsive and unfriendly style. The alert is triggered» [11].

It is thus, therefore, that the idea that the use of technology in urban agglomerations – Smart Cities – is considered to be sufficient to overcome such secular dictates is considered equally inconceivable. In an absolute way, it shows itself capable of promoting the viability of human coexistence sustainably and inclusively.

In the same way that economic degrowth is considered utopian – the alternative being the deconstruction of the logic of the world economy, in the form of a change in the current rationality itself –, so too quixotic will be the solution of the mere use of Information and Communication Technologies to urban clusters. This without paying attention, as a priority, to sustainability and social inclusion issues.

Given the reality of the failure to stop global warming, talking about smart cities could sound even to an inattentive listener, or one who is unfamiliar with the topic, as a mere empty discourse, detached from the reality of much more significant and complex issues. The increase in social inequalities, wide open in a world with a

pandemic context, and the realization of the uncontroversial fact that the globalized economic process is unsustainable, given an economy in perpetual growth, founded on a world of finite resources, are undeniable.

It is in this scenario, then, that the sustainability advocated by Höjes and Wangel and meaning exactly the aggregation between increased awareness and environmental concern, the reality of growing urbanization and the use of technology, gains particular relevance in the formulation of Smart Sustainable Cities:

«Smart Sustainable Cities is an aggregate concept. In this chapter we have shown that each of the constituent concepts – smart, sustainable, and cities – is important in its own right. Cities can be made sustainable without the use of smart (ICT) technology, and smart technologies can be used in cities without contributing to sustainable development. Smart technologies can also be used for sustainable development in venues other than cities. It is only when all three aspects are combined, when smart (ICT) technologies are used to make cities more sustainable, that we can speak of Smart Sustainable Cities (SSC). Indeed, the concept of Smart Sustainable Cities is not relevant for all actors and perspectives. For example, from a sustainability perspective it could be argued that whether or not a city uses ICT is a rather unimportant issue as long as it becomes more sustainable. Therefore, the concept of a sustainable city would be enough. And from an ICT industry perspective it could be argued that industry works with smart solutions, while the sustainability part is not their business, and therefore the concept of the smart city is appropriate and sufficient. Those standpoints are valid, but from a more holistic perspective, the concept of Smart Sustainable Cities is needed, exactly because of the two standpoints above. Connecting the concepts of sustainable cities and smart cities may also raise awareness about the potential of using ICT to promote urban sustainability among planners, IT companies and policy makers. The concept of Smart Sustainable Cities can thus be used as a common framework or joint vision for elaborating new collaborations, business models and ways of carrying out urban development. This in turn highlights the need to avoid getting caught up only in the

technological challenges of developing Smart Sustainable Cities and rather taking a proactive approach to actornetworks, governance, and policy innovations» [10, p. 9].

Let us, however, return to the first of the steps raised here and the main object of this topic, the deconstruction of the economy with the inevitable change from economic rationality to environmental rationality. All of this allows that innovative and unequivocally relevant ideas, such as the one concerning Smart Cities, could not be conceived without considering issues related to sustainability.

To do so, it uses, once again, the lessons brought by Enrique Leff, starting with the consideration of the nonsense of talking about degrowth or paralysis of the world economy:

«The bet for degrowth is not just a critical and reactive morality; a resistance to an oppressive, destructive, unequal and unjust power; a manifestation of alternative beliefs, tastes and lifestyles. Degrowth is not mere degrowth but an awareness of a process that has established itself at the heart of the civilizing process and threatens life on the living planet and the quality of human life. The call to decrease should not be a rhetorical device to open up the criticism of the unsustainability of the current economic model. However, it should be based on solid theoretical arguments and a political strategy. The proposal to stop the growth of the wealthiest countries and continue stimulating the growth of the poorest or least "developed" countries is a false solution. Asia's giants have awakened to modernity, and only China and India are reaching and exceeding US levels of greenhouse gas emissions. Added to them are the combined effects of countries with a lower level of development led by a hegemonic and dominant economic rationality» [12, p. 85].

The solution then pointed out by the Mexican author towards a sustainable future involves economic deconstruction because simply slowing down the economy, if this were to constitute an achievable measure, would generate significant consequences with worldwide reach, implying economic recession with disastrous social and environmental effects:

«Postmodern philosophy ushered in the "un" era opened by the call to deconstruction. The solution to growth is not degrowth, but the deconstruction of the economy and the transition to a new form of rationality that guides the construction of sustainability... The current economy is not deconstructed through an ideological reaction and a revolutionary social movement. It is not enough to moderate the economy by incorporating other social values and imperatives to create a socially and ecologically sustainable economy. Deconstruction implies strategic actions so that we do not remain in mere theoretics, giving “blind blows.” Well, if we are lucky, we hit the container and the candy drops from the sky... but we also run the risk of the container falling on our heads. Therefore, it is necessary to forge another economy, based on the potential of nature and the creativity of cultures; on the principles and values of environmental rationality... The transition to this bio-economy could imply a decrease in the economic growth rate as it is currently measured and, over time, a negative rate, while the indicators of sustainable eco technological and negentropic productivity are built. In this sense, the new economy bases itself on human beings' ecological potential, technological innovation, and cultural creativity. In this way, a post-growth society and an economy in balance with the planet's sustainable conditions could begin to be conceived. However, a new mode of production emerges from environmental rationality and a new way of being in the world: new processes of meaning in nature and new existential meanings in the construction of a sustainable future» [12, p. 88].

Finally, Leff mentions the need to combine the environmental/ecological, social and technological aspects he considers essential to the adaptation of what he calls “bio-economy,” constituting, only then, the necessary conditions for the sustainability of the planet:

«The transition to this bio-economy would mean a decrease in economic growth rate as it is currently measured and, over time, a negative rate while building the indicators of sustainable eco technological and negentropic productivity. In this sense, the new economy establishes itself on the ecological potential, technological innovation and cultural creativity. In this way, a post-growth society and an economy

in balance with the planet's sustainable conditions could begin to take shape. However, a new mode of production emerges from environmental rationality and a new way of being in the world: new processes of meaning in nature and new existential meanings in the construction of a sustainable future» [12, p. 89].

It is easy to see that the economic deconstruction advocated by Enrique Leff is the starting point from which it is possible to conceive the formation of urban centers of human agglomeration that are effectively inclusive and sustainable. Another path that is not the one proceeding along the tracks of socio-environmental rationality is not foreseeable.

As a result of such ideas, a sustainable, socially inclusive future, made a reality through Smart Sustainable Cities, will only be possible if the risk, represented by centuries of a patriarchal and colonialist conception rooted in anthropocentric thinking, capitalist vision, notably consumerist, is surpassed.

5. Overcoming consumption centrism towards a sustainable future and social inclusion

The concept of Smart Sustainable Cities as inclusive, safe, resilient and sustainable spaces for coexistence, as foreseen in the Sustainable Development Goal No. 11, contained in the 2030 Agenda and recommended by the United Nations - UN -, necessarily passes through the eye of Enrique Leff, as well as by overcoming the consumption-centrism identified by Cleide Calgaro and Agostinho Oli Koppe Pereira, both with a detailed description in this work.

Thus, under penalty of incurring in the deepening of social inequality, the use of Information and Communication Technologies must take place in urban spaces of human agglomeration, fully aware of the need to transcend hyper-consumerism, all in order to allow everyone the achievement of a better division of consumer goods. It must also be based on environmental rationality, thus supplanting the prevailing economic ideals.

It is essential, then, when establishing such bases to identify the risks that the use of ICTs, although of undeniable usefulness and praiseworthy purposes, can

cause. Starting from the undeniable observation that socio-environmental problems increase in the same way with the expansion of urban populations, the combination of human development, environment and digital and technological communications must produce a result that also reflects the democratization of the flow of information. In such a way, allowing that decision-making process is not restricted to a privileged group of people.

Suppose there will be an interaction between economic development, environmental issues and social inclusion, all through technological solutions and efficient communication. In that case, it is necessary to ask what type of economy is initially under discussion - that of a consumerist matrix and devoid of sustainability objectives or another, more modern, bias marked by environmental rationality - and to whom this solution will effectively address. All those represented in such a territorial context or only to an elite whose socioeconomic privileges allow it greater reach and usufruct of the benefits produced.

Then comes the concept of Human Smart City, presented by Quinteri, Meyer and Specht, which proclaims that technology should constitute an instrument to overcome the problems generated by urban human concentrations. However, it cannot be conceived as an end in itself; it is even a pity for a significant expansion of certain aspects of such vicissitudes, especially those concerning social exclusion.

«There is an obvious relevance, but still little studied and debated in Brazil, in analyzing the Smart City from a human perspective, since the city is made for people and by people. In the context of the logic of capitalism, the economic dynamics itself means that many projects do not holistically meet the needs, compromising the initial intentions of bringing real quality of life to citizens. In this sense, the concept of Human Smart City, or intelligent and human city, was exposed, presenting the European movement (a continent that is the cradle of the concept, predominant in publications on the subject) and its pilot projects. The definition of Human Smart City, unlike Smart City, is precise: it proposes the use of technology as a means and not an end in solving urban problems. Human Smart City suggests a balance between the intelligence of technological tools, such as sensors and meters,

and simple solutions, co-created from partnerships with civil society, government and the business and academic sectors. In line with the thinking exposed about paradigm shifts, the Intelligent and Human City emphasizes the value of knowledge, collaboration, creativity and innovation – especially in services» [16, p. 52].

Cleide Calgaro and Ricardo Hermany, also addressing the human aspect of the respective conceptualization, conclude that the use of technology and communication is useless if there is digital exclusion:

«As we can see, smart cities bring together information and data technology, which interconnect with governments, so that there are institutional arrangements that allow intergovernmental agreements and seek an administration and management of cities based on public policies that consider the education digital inclusion. In addition, the government must provide public services to the population, thus guaranteeing the fundamental rights that integrate the lives of citizens. As seen, alternatives need to be taken, ranging from digital inclusion, which allows everyone to access the internet, eradicate poverty and social inequalities, to everyone's access to equality and the right to sustainability. Investment in infrastructure and development, reducing social inequalities, using local public policies and sustainability, among other issues, are paths to building actual smart cities» [4, p. 487].

Therefore, it is essential to pay special attention to the risks arising from the implementation of the concept of smart cities. In case there is no strict observance of the human factor, since, as warned earlier by professor Maria Alexandra in the Sectorial Panorama of the Internet, «Technology also carries with it the potential to widen inequalities, increase control over people and reinforce non-legitimate power structures» [14].

In the same direction, but this time with express reference to the interpretation brought by Thomaz Ramalho:

«Digital exclusion and inequalities, reinforced by technological advances, should be attention issues in the design and management of initiatives. Therefore, “intrinsically associated with the theme of the smart city must be the promotion of

digital inclusion. This challenge is particularly complex in cities in developing countries, characterized by urban fragmentation and the concentration of investments in infrastructure in the most privileged urban areas, in a reality of scarce resources and the aforementioned urban shortages and challenges. The promotion of more participatory governance mechanisms, which digital technologies can leverage, may counterbalance this reality» [14].

And, still, Angelidou's warning about the possible negative consequences of implementing the concept of Smart Cities in municipalities:

Digital exclusion (with social and economic inequalities reinforced by technological advances); the gentrification or spatial polarization due to the lack of homogeneous distribution of technologies; proprietary software and its high costs, its lack of integration with other systems, and ownership of collected data; the control and surveillance of citizens, including issues of privacy, transparency and compilation of personal data. To address this last point, for example, managers and citizens must consciously decide on the collection and use of data by sensors and urban applications concerning their property and privacy [1, p. 6].

What is, therefore, undeniable is that the use of Information and Communication Technologies in large urban centers of human coexistence is, indeed, a means for solving socio-environmental problems in such territorial spaces, which cannot be neglected. However, despite the absolute supremacy of the respective benefits, of the risks inherent to the transition, to Smart Cities – and, especially, to Smart Sustainable Cities – of cities as they are mostly today.

6. Final remarks

Thus, the undeniable benefits of thinking about cities that, with the use of Information and Communication Technologies, can effectively prove to be sustainable, safe, resilient and inclusive are understood, but, on the other hand, the risks arising from the implementation are also not forgotten. Such conceptualization in large urban centers of human coexistence without paying attention to the fact that digital exclusion presents itself as an element of expansion of social inequalities.

What seems uncontested is the need to overcome certain anthropocentric, economic and consumerist concepts still rooted in the human being, allowing, through the freedom of such fetters, the effective advance towards a sustainable future and social inclusion.

Thus, discussions about overcoming the challenges concerning the aforementioned configuration - effectively intelligent, sustainable and inclusive cities - should be considered reverberated and expanded, even having repercussions on government public policies that, in a concrete way, reflect the desires for evolution not only technological, but especially social, cultural, political and ecological in such environments.

References

1. Angelidou M. Smart city policies: A spatial approach // *Cities*. – 2014. – V.41. – №1. – P. 3-11.
2. Bosselmann K. O Princípio da Sustentabilidade - Transformando Direito e Governança / K. Bosselmann. - *Revista Dos Tribunais*, 2015. – p. 288.
3. Calegari A. Smart cities e pianificazione urbanistica «intelligente» // *El derecho a la ciudad: el reto de las smart cities*. – Atelier, 2018. – P. 65-76.
4. Calgaro C., Hermany R. A (re)definição do espaço rural no Brasil a partir da sustentabilidade e empoderamento social local: das smart cities às smart rural communities // *Revista Jurídica Luso-Brasileira*. – 2021. – №2. – P. 461-504.
5. Calgaro C., Míguez M.L., Hermany. R. Perspectivas inter e transdisciplinares do direito à sustentabilidade ambiental local no Brasil e Espanha: desafios ao combate à crescente despovoação rural // *Revista Brasileira de Estudos Políticos*. – 2021. – №122. – P. 205-240.
6. Calgaro C., Pereira O.K.A. O constitucionalismo Latino-Americano e o consumocentrismo: as consequências socioambientais na sociedade moderna // *Revista Jurídica Luso-Brasileira*. – 2019. – №6. – P. 391-423.

7. Carlos A. W. Constitucionalismo Latino-Americano - Tendências Contemporâneas / A.W. Carlos, M.M. Petters, J.P. Ernani de Carvalho. – Juruá Editora, 2013. – 218 p.
8. Carvalho H., Aguiar B., Oliveira P. Smart cities no Brasil: realidade ou ainda sonho? // V Seminário Ibero-Americano Arquitetura E Documentação Belo Horizonte. – Brasil, 2017. – P. 1-13.
9. Genari D., Folchini da Costa L., Paese T.S., Macke J. Smart Cities and Sustainable Development: Literature Review and Prospects for Future Research // Revista de Ciências da Administração. – 2018. – №51. – P. 69-85.
10. Höjer M., Wangel J. Smart Sustainable Cities: Definition and Challenges // ICT Innovations for Sustainability. – Springer International Publishing Switzerland, 2015. – P. 333-349.
11. Juarez F. Sustentabilidade: Direito ao Futuro / F. Juarez. – Fórum, 2019. – p. 416.
12. Leff E. De-growing or deconstruction of economy: towards a sustainable world // Revista Polis. – 2008. – V.7. – №21. – P. 81-90.
13. Objetivo 11. Tornar as cidades e os assentamentos humanos inclusivos, seguros, resilientes e sustentáveis [Electronic resource]. – URL: <https://gtagenda2030.org.br/ods/ods11/> (date of access: 22.09.2022).
14. Panorama setorial da Internet. Smart Cities. Ano 9 – Número 2 [Electronic resource]. – URL: https://www.nic.br/media/docs/publicacoes/6/panorama_setorial_ano-ix_n-2_smart-cities.pdf (date of access: 22.09.2022).
15. Peter H.M. Economia do meio ambiente: Teoria e Prática / H.M. Peter. - GEN LTC, 2010. – p. 400.
16. Quinteri H.S., Boletim de inovação esustentabilidade / H.S. Quinteri, Meyer I.V., Specht P.C. – São Paulo, 2018. – p. 57.
17. Transformando Nosso Mundo: A Agenda 2030 para o Desenvolvimento Sustentável [Electronic resource]. – URL: <https://brasil.un.org/sites/default/files/2020-09/agenda2030-pt-br.pdf> (date of access: 22.09.2022).

18. United Nations. Department of Economic and Social Affairs [Electronic resource]. – URL: <https://www.un.org/development/desa/en/news/population/world-urbanization-prospects.html> (date of access: 22.09.2022).

19. Weiss M.C., Bernardes R.C., Consoni F.L. Smart cities as a new practice for urban services and infrastructure management: the experience of Porto Alegre // Brazilian Journal of Urban Management. – 2015. – V.7. – №3. – P. 310-324.

Ястребова Алла Юрьевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: allayastrebova@mail.ru
Анисимов Игорь Олегович,
кандидат юридических наук, заместитель декана,
доцент кафедры международного права,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: i-anisimov@mail.ru

Alla Yu. Yastrebova,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
e-mail: allayastrebova@mail.ru
Igor O. Anisimov,
Ph.D. (Law), Deputy Dean,
Associate Professor, Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
e-mail: i-anisimov@mail.ru

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗАЩИТУ
ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ОТДЕЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ, ОПЫТ РОССИИ И СНГ
IMPLEMENTATION OF THE HUMAN RIGHT TO PROTECTION OF
PERSONAL DATA: PARTICULAR INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS,
THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND THE CIS**

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные аспекты международно-правовой защиты персональных данных и ее особенности на универсальном, региональном и национальном правовом уровнях. Проанализированы термин «персональные данные» и право индивида на защиту персональных данных в

контексте универсальных стандартов прав человека. Отдельно представлены правовые основы защиты персональных данных в рамках Визовой информационной системы государств – членов ЕС. Изучены формы персональных данных и особенности идентификации для передвижения граждан третьих стран в Шенгенском пространстве. Рассмотрены формы правовой защиты персональных данных, закрепленные в российском законодательстве и праве СНГ.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, защита персональных данных, международно-правовая защита права на частную жизнь, нормативные акты ЕС, Визовая информационная система, Шенгенское пространство, право СНГ, законодательство Российской Федерации.

Abstract: the article provides certain aspects of the international legal protection of personal data and its features at the universal, regional and national legal level. The term "personal data" and the right of an individual to the protection of personal data in the context of universal human rights standards are analyzed. Separately, the legal framework for the protection of personal data within the framework of the Visa Information System of the EU Member States is presented. The forms of personal data and identification features for the movement of citizens of third countries in the Schengen area are studied. The forms of legal protection of personal data, enshrined in Russian legislation and CIS law, are considered.

Keywords: law, digital technologies, protection of personal data, international legal protection of the right to privacy, EU regulations, Visa information system, Schengen area, CIS law, legislation of the Russian Federation.

Введение

Международно-правовые аспекты защиты персональных данных человека связаны с двумя направлениями сотрудничества государств: содержание права на частную жизнь и обеспечение безопасного обмена цифровой информацией в рамках глобализации технологий ее передачи и использования. Защита персональных данных должна осуществляться также государственными

органами и юридическими лицами на национальном уровне. Сегодня мы можем говорить о тенденции цифровизации всех основных сфер жизнедеятельности человечества [25, с. 262].

С одной стороны, реализация определенных форм общественных отношений в информационно-технологическом пространстве выступает позитивным фактором. Так, упрощение коммуникации, взаимодействие субъектов правоотношений по предоставлению товаров и услуг стимулируют социальную и экономическую сферы деятельности государств. Одновременно эти процессы обусловили обмен и накопление персональных данных физических лиц. С другой стороны, развитие информационных технологий может опережать установление системы государственного контроля за защитой таких данных [26, с. 41]. Существует широкий перечень угроз, связанных с технической стороной гарантий защиты персональных данных физических лиц: произвольная или организованная утечка данных, нарушение целостности информационных систем, взлом информационных баз, содержащих персональный контент.

Защита персональных данных на универсальном международно-правовом уровне и в рамках Совета Европы

Как известно, право на защиту персональных данных определяется общим правом человека на частную жизнь. Данное право остается не регламентированным в международно-правовых актах универсального уровня. Ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. включает запрет на произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь, посягательства на неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, честь и репутацию индивида; при этом каждый человек имеет право на защиту закона от подобных действий [1]. Персональные данные человека априори входят в понятие «личная и семейная жизнь» как информация о его генетических, культурных и социальных особенностях. В свою очередь, защита сведений о местоположении индивида может косвенно обеспечивать неприкосновенность жилища. Корреспонденция индивида содержит

информацию, которая относится к персональным данным, поэтому ее неприкосновенность связана с их защитой. Стоит также отметить закрепление подобных запретов в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2]. Так же, как и в содержании Всеобщей декларации прав человека 1948 г., право человека на частную жизнь дополнено в ч. 2 правом на защиту закона от таких вмешательств или посягательств. Пакт, как и любой международный договор, имеет целью установить определенные международно-правовые обязательства государств-участников.

Нужно указать, что право индивида на защиту персональных данных в той или иной форме закреплено в ряде универсальных международных договоров, определяющих правовой статус отдельных уязвимых категорий людей. Так, ч. 1 ст. 8 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г., содержит требование о принятии государствами-участниками надлежащих мер для защиты прав и интересов детей-жертв, в частности их частной жизни и личности, с целью избежать нежелательного распространения информации, которая могла бы привести к установлению их личности [3]. Указанные нормы конфиденциальности должны обеспечивать ресоциализацию детей, пострадавших от вовлечения в такую деятельность. Ч. 2 ст. 22 Конвенции о правах инвалидов 2006 г. устанавливает, что «государства-участники охраняют конфиденциальность сведений о личности, состоянии здоровья и реабилитации инвалидов наравне с другими» [4]. Представляется, что в условиях цифровизации социальной сферы только создание и поддержание системы защиты персональных данных может обеспечивать особые права и потребности таких лиц. Они, вне всякого сомнения, относятся к сфере частной жизни и личной безопасности индивидов. С.Ю. Кашкин и А.В. Покровский ставят вопрос о негативном влиянии технологических инноваций на эффективность защиты персональных данных и указывают, что «применение технологий искусственного интеллекта

позволяет открыто вмешиваться в частную жизнь, сводя на нет это недавно завоеванное людьми право» [28, с. 75]. Необходимо поддерживать международно-правовую защиту персональных данных и совершенствовать ее в соответствии с развитием современных достижений цифровизации.

Представляется, что наиболее детально международно-правовые аспекты современного права на защиту персональных данных регламентированы на региональном уровне. Так, учредительные договоры Европейского союза включают право каждого индивида на защиту его персональных данных (ч. 1 ст. 16 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС) в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) [16]. Установление правил, относящихся к защите персональных данных физических лиц и свободе их перемещения, возложено на Европейский парламент, Европейский совет и государства – члены ЕС (ч. 2 ст. 16 ДФЕС). Хартия об основных правах (составная часть Лиссабонского договора о ЕС 2007 г.), помимо прямого закрепления права на защиту персональных данных, содержит требования к государствам-членам о добропорядочных и целевых условиях их обработки при наличии согласия заинтересованного лица или других правомерных оснований, установленных законом (ч. 2 ст. 8) [8]. Здесь же содержится право каждого человека на доступ к собранным в отношении него данным и устранение в них ошибок, причем соблюдение таких правил находится под контролем независимых органов (ч. 3 ст.8).

П.А. Калиниченко и М.В. Некотенева также определяют необходимость защиты персональных данных при осуществлении исследований генома человека и замечают, что с целью обеспечения безопасности геномной информации «ряд актов вторичного права ЕС <...> регулирует отношения, связанные с защитой прав личности при сборе, хранении и обработке персональных данных» [27, с. 75].

Стокгольмская программа «Открытая и безопасная Европа, которая служит своим гражданам и защищает их» от 4 мая 2010 г. указывает в качестве цели ЕС обеспечение «стратегии для защиты данных в рамках Союза и в его

отношениях с другими странами» (п. 2.5) [9]. Европейский союз должен предусмотреть и регламентировать условия, при которых вмешательство публичных властей в осуществление права на персональные данные выступает оправданным, и применять принципы их защиты в частной сфере.

Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 679/2016 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных устанавливает определение персональных данных как любой информации, относящейся к физическому лицу, с помощью которой такое лицо могло бы быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности посредством таких критериев, как имя, идентификационный номер, сведения о местоположении, идентификатор в режиме онлайн или через один или несколько признаков, характерных для физической, психологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности указанного физического лица (ч. 1 ст. 4) [10].

Российские правоведы отмечают, что эффективность защиты персональных данных требует не только гармонизации принципов такой защиты, но «и в определенной степени средств их применения в столь быстро меняющейся и высоко технологической области» и условий трансграничной передачи указанных данных [29, с. 122]. Как известно, в ноябре 2001 г. Российская Федерация присоединилась к Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. Исполнение правовых обязательств по указанному договору и использование международно-правовых стандартов защиты приватности частично нашли свое закрепление в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [18].

Согласно Конвенции персональные данные представляют собой любую информацию об определенном или определяемом физическом лице (п. «а» ст. 2) [11]. В Федеральном законе уточняется, что лицо при этом может быть определенным или определяемым как прямо, так и косвенно (ч. 1 ст. 3) [18].

Данный закон учитывает современные тенденции идентификации физических лиц, определяет понятие биометрических персональных данных как сведений, устанавливающих физиологические и биологические особенности человека, на основании которых выясняется его личность, и основные принципы их обработки оператором (ст. 11). Трансграничная передача персональных данных связывается с участием государств в Конвенции Совета Европы 1981 г. и наличием адекватной системы защиты прав их субъектов (ст. 12). М.Ю. Авдеев указывает, что общей целью Федерального закона № 152-ФЗ является «обеспечение защиты прав и свобод человека при обработке персональной информации о нем, в том числе защиты прав на неприкосновенность частой жизни, личную и семейную тайну» и его действие предполагает «постепенное формирование правовой культуры защиты персональных данных» [23, с. 222–223.].

Республика Молдова также является участником Конвенции Совета Европы 1981 г. При ее ратификации были сделаны оговорки, в соответствии с которыми Конвенция не будет применяться в отношении обработки персональных данных физических лиц, предназначенных исключительно для личных и семейных нужд (с условием, что они не нарушают права субъектов персональных данных⁶), а также в отношении обработки персональных данных, относящихся к информации, являющейся государственной тайной [21].

В то же время было заявлено, что положения Конвенции будут применяться, в том числе, и в отношении персональных данных, которые не подвергаются автоматизированной обработке. В качестве компетентного органа по выполнению положений Конвенции Совета Европы был назначен Национальный центр по защите персональных данных.

В 2011 году был принят Закон Республики Молдова «О защите персональных данных» [22]. Его целью служит «обеспечение защиты

⁶ Под субъектом персональных данных понимается физическое лицо, которое прямо или косвенно определено или определяемо с помощью персональных данных.

основных прав и свобод физического лица при обработке его персональных данных, в особенности права на неприкосновенность интимной, семейной и частной жизни» (ст. 1).

Данным законом регулируются правоотношения, возникающие при обработке персональных данных полностью или частично автоматизированными средствами, а также при обработке средствами, отличными от автоматизированных, персональных данных, составляющих часть системы учета или предназначенных для введения в такую систему. В соответствии со ст. 3 Закона, персональные данные определяются как «любая информация, связанная с идентифицированным или идентифицируемым физическим лицом (субъектом персональных данных)».

Закон Республики Армения «О защите персональных данных» 2015 г.⁷ определяет персональные данные как «любое сведение, относящееся к физическому лицу, которое позволяет или может позволить напрямую или косвенно идентифицировать личность» [20]. Он регулирует порядок и условия государственного контроля над обработкой персональных данных органами государственного управления или местного самоуправления, государственными или общинными учреждениями или организациями, юридическими или физическими лицами. Установленные законом средства обработки и регулирования защиты персональных данных обусловлены имплементацией положений Конвенции Совета Европы и Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза 95-46-ЕС от 24 октября 1995 г. «О защите физических лиц при обработке персональных данных» [24].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в национальном законодательстве государств – участников Конвенции Совета Европы понятие «персональные данные» является фактически идентичным.

7 Республика Армения ратифицировала Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. 9 мая 2012 г.

Персональные данные физических лиц обладают уникальной значимостью, позволяют точно идентифицировать личность человека и должны быть объектом особой защиты. Вышеприведенный Регламент ЕС № 679/2016 устанавливает ряд мер по защите персональных данных. Е.В. Постникова справедливо замечает, что Регламент «создает единое правовое регулирование ЕС в сфере защиты персональных данных, которое должно усилить право на защиту данных и сделать так, чтобы люди доверяли структурам, которым они сообщают свои данные» [30, с. 244]. Данным правовым актом государства – члены ЕС закрепляют перечень основополагающих принципов, необходимых для соблюдения при обработке персональных данных физических лиц, который включает требования:

- законной, беспристрастной и прозрачной обработки данных;
- целевого ограничения, согласно которому обработка данных должна происходить исключительно в установленных целях, о которых индивид был проинформирован;
- минимизации данных, согласно которой к обработке привлекаются только такие данные, которые действительно необходимы для указанных целей;
- точности, означающей, что персональные данные должны быть актуальными и любые неточности подлежат как можно более скорому исправлению;
- ограничения по хранению, что обеспечивает необходимость удаления данных сразу после того, как цели обработки были достигнуты и дальнейшее хранение данных более нецелесообразно;
- конфиденциальности и целостности, согласно которым персональные данные должны обрабатываться безопасным способом, без утечек и иного несанкционированного доступа.

Указанные принципы обеспечиваются положениями Регламента, дающего широкий список прав и обязанностей как субъектам, предоставляющим свои персональные данные организации или иному лицу, уполномоченному

осуществлять их обработку («субъект данных»), так и организациям, определяющим цели и способы обработки («контролеры») [32, с. 96–97].

Е.В. Постникова также указывает, что «одним из инструментов повышения эффективности единого внутреннего рынка выступает защита персональных данных, которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью пространства правосудия и основных прав человека» [30, с. 234].

Регламент ЕС № 679/2016 служит правовой основой для ряда других актов ЕС, например Регламента Европейского парламента и Европейского совета № 1725/2018 от 23 октября 2018 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных институтами, органами, ведомствами и агентствами и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Регламента № 45/2001 и Решения № 1247/2002/ЕС [12]. В содержании Регламента № 1725 приведен более широкий перечень правовых определений. В частности, ст. 3 вводит термины «оперативные персональные данные» (персональные данные, обработанные государственными органами стран – членов ЕС) и «пользователь» (физическое лицо, оперирующее в пределах распределенной сети или оборудования, подконтрольного органам государства – члена ЕС). Ст. 52 Регламента № 1725 учреждает Европейский надзорный орган по защите данных (European Data Protection Supervisor). Раздел 3 гл. 4 Регламента № 1725 предусматривает обязательство органов государств – членов ЕС обеспечивать безопасность своих электронных сетей; защиту информации, переданной, полученной и обработанной с помощью терминального оборудования, относящегося к сайтам и мобильным приложениям; запрет на использование информации о пользователях в маркетинговых целях. Регламент включает нормы, обеспечивающие создание технических условий для поддержания безопасности персональных данных и их обработки.

Правовые основы защиты персональных данных в Визовой информационной системе, установленной правом ЕС

Самостоятельной частью права ЕС в сфере регламентации защиты персональных данных выступает содержание Визового кодекса в редакции

Регламента № 1155/2019 Европейского парламента и Совета ЕС от 20 июня 2019 г. об изменении Регламента ЕС № 810/2009, устанавливающего Кодекс Сообщества о визах [13]. Им регламентировано включение персональных данных граждан третьих стран, въезжающих на территорию государств – членов ЕС, в Визовую информационную систему (VIS/ВИС). Данная база представляет собой систему информационного обмена данными о краткосрочных визах граждан третьих стран для государств, входящих в Шенгенское пространство. ВИС складывается из центральной базы данных, национальных интерфейсов и коммуникационной структуры, соединяющей эти элементы. Благодаря использованию ВИС компетентные органы государств – участников Шенгенских соглашений могут обобщать данные об обработке визовых заявлений, получении или отказе в выдаче виз.

ВИС также предполагает наличие автоматизированной дактилоскопической системы идентификации лиц, где сохраняются отпечатки пальцев заявителей и обеспечивается технически возможность установления их совпадений при повторном обращении. Лица, прибывающие в Шенгенское пространство, идентифицируются пограничными службами государств-членов. ВИС сопряжена с национальными визовыми системами государств-участников.

Назначение и функции ВИС определяются Регламентом Европейского парламента и Совета ЕС № 767/2008 от 9 июля 2008 г. в отношении системы ВИС и обмена между государствами-членами данными в отношении краткосрочных виз (Регламент по ВИС) [14]. Данный правовой акт сейчас уточнен дополнениями и поправками, предусмотренными Регламентом № 2021/1134 от 7 июля 2021 г., где само наименование документа расширено «обменом между государствами-членами данными в отношении краткосрочных виз, долгосрочных виз и видов на жительство» [17]. Правовые основы использования ВИС уполномоченными властями предполагают применение принципа недискриминации заявителей и держателей шенгенской визы для указанных типов пребывания по таким основаниям, как пол, расовое,

этническое или социальное происхождение, генетические особенности, языковая принадлежность, вероисповедание или убеждения, политические взгляды, принадлежность к национальному меньшинству, собственность, место рождения, наличие инвалидности, возраст и сексуальная ориентация. Включение сведений в ВИС осуществляется с учетом уважения человеческого достоинства и основных прав, включая право на частную жизнь и защиту персональных данных (ч. 2 ст. 7 Регламента 2021/1134). Это позволяет говорить об основах организации ВИС с указанием на специальные (отраслевые) принципы международного права прав человека и фундаментальное право человека на защиту частной жизни.

В содержание ВИС поочередно вносятся сведения о подаче визового заявления, его рассмотрении, выдаче визы, остановке в рассмотрении заявления, отказе в выдаче визы, ее аннулировании или продлении. ВИС взаимодействует с другими базами данных, такими как Шенгенская информационная система (SIS), Европейская система информации о поездках и авторизации (ETIAS), Интерполом и Европолом, резервной компьютерной сетью Бюро SIRENE, Европейской дактилоскопической системой (Eurodac).

В качестве биометрических идентификаторов лиц, ходатайствующих о шенгенской визе, Регламентом № 1155/2019 установлены фотография и десять отпечатков пальцев заявителя в цифровой форме (ст. 12). Решением Совета ЕС в 2021 году фотографии для виз должны выполняться при подаче ходатайства; требования дактилоскопии распространены на детей в возрасте с 6 лет; при рассмотрении ходатайств могут проводиться дополнительные проверки биографических данных заявителей. В базы ВИС включается также, помимо информации о краткосрочных визах, сведения о долгосрочных визах и видах на жительство, которые подразумевают свободное передвижение граждан третьих стран в общем пространстве ЕС [15].

Доступ к ВИС обеспечен только для уполномоченного персонала государств-членов, назначенного должным образом для выполнения своих функций; персональные данные заявителей поступают в нее только на

законной основе и собираются законными средствами (ч. 1 ст. 29 Регламента 2021/1134). Каждый заявитель имеет право получить информацию о своих личных сведениях, которые сохранены в ВИС (ч. 1 ст. 38 Регламента). Он также вправе требовать исправления неправильных сведений о себе и удаления незаконно полученных персональных данных (ч. 2 ст. 38). Тем не менее, если ходатайство было принято и решение по предоставлению шенгенской визы отрицательное, информация о заявителе остается в ВИС.

Целями организации ВИС определены:

- 1) облегчение визовых процедур;
- 2) упрощение контроля на внешних границах ЕС и на территории государств-членов;
- 3) обеспечение надлежащей идентификации физических лиц;
- 4) поддержание правил, установленных Шенгенской информационной системой;
- 5) предупреждение угроз для национальной безопасности государств – членов ЕС и преступности (ч. 1 ст. 2 Регламента 2021/1134).

Национальным властям государства, ответственного за выдачу визы, разрешено использование персональных данных заявителя, таких как информация о его статусе, целях въезда, типе въездного документа и т.д., для ведения отчетности и статистики. Каждое государство-член обязано обеспечивать безопасность личных сведений, которые оно получает из базы ВИС, и не допускать индивидуальной идентификации при их использовании (ч. 1 ст. 45а Регламента 2021/1134).

Таким образом, сбор и обработка персональных данных граждан третьих стран в унифицированных информационных базах ЕС сложились как региональный правовой инструмент идентификации и визового контроля таких лиц. ВИС обеспечивает постоянный доступ государств – членов ЕС и стран, входящих в Шенгенское пространство, к детальной персонификации заявителей. Представляется, что она подлежит использованию с учетом обязанностей указанных государств по реальному обеспечению права

человека на частную жизнь и защиту персональных данных и гарантий конфиденциальности личной информации в цифровой среде. В нынешних условиях приостановки действия Соглашения между Российской Федерацией и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза 2006 г., произошедшей по инициативе Европейской комиссии и отдельных государств – членов ЕС, неоправданного усложнения процедур приема и рассмотрения визовых заявлений российских граждан, повышения требований к списку предоставляемых ими документов затруднительно будет представить перспективы международно-правового сотрудничества по защите персональных данных на этом уровне.

Защита персональных данных в праве СНГ и Российской Федерации

Нужно отметить, что в рамках СНГ действует ряд собственных международно-правовых актов в области защиты персональных данных. Так, в 1999 году на Межпарламентской Ассамблее государств – участников СНГ был принят Модельный закон «О персональных данных» (далее – Модельный закон), который стал основой для унификации законодательства государств-участников. Ст. 2 Модельного закона содержит ряд системных определений [5]. Так, под персональными данными понимается «информация (зафиксированная на материальном носителе) о конкретном человеке, которая отождествлена или может быть отождествлена с ним». Модельный закон относит к персональным данным:

- биографические и опознавательные данные;
- личные характеристики;
- сведения о семейном, социальном положении, образовании, профессии, служебном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочие.

Кроме того, в ст. 2 дается определение таким понятиям, как «*сбор персональных данных*», «*передача персональных данных*», а также «*трансграничная передача персональных данных*», под которой понимается передача держателем персональных данных этих данных держателям, которые находятся под юрисдикцией другого государства.

Ст. 3 Модельного закона определяет общие принципы правового регулирования персональных данных. К таким принципам, в частности, относятся следующие:

- персональные данные должны быть получены и обработаны законным образом на основании действующего законодательства;
- персональные данные включаются в базы персональных данных на основании свободного согласия субъекта, выраженного в письменной форме;
- персональные данные должны накапливаться для точно определенных и законных целей, не использоваться в противоречии с этими целями и не быть избыточными по отношению к ним;
- персональные данные, предоставляемые держателем, должны быть точными и в случае необходимости обновляться;
- персональные данные должны храниться не дольше, чем этого требует цель, для которой они накапливаются, и подлежать уничтожению по достижении этой цели или при миновании надобности;
- должны приниматься меры для охраны персональных данных, исключая случайное или несанкционированное разрушение или случайную их утрату, а равно несанкционированный доступ к ним, изменение, блокирование или передачу данных;
- не допускается объединение баз персональных данных, собранных держателями в разных целях, для автоматизированной обработки информации;
- для лиц, занимающих высшие государственные должности, и кандидатов на эти должности национальным законодательством может быть установлен специальный правовой режим для их персональных данных, обеспечивающий открытость только общественно значимых данных.

Ст. 4 устанавливает правовой режим персональных данных, под которым понимается «нормативно установленные правила, определяющие условия доступа, хранения, уточнения, передачи, блокирования, обезличивания и уничтожения персональных данных». Необходимо отметить, что персональные данные, находящиеся в ведении держателя, по умолчанию относятся к конфиденциальной информации, кроме специально предусмотренных случаев.

Особое внимание в анализируемой статье уделено защите персональных данных умершего лица. В частности, устанавливается, что с момента смерти субъекта персональных данных правовой режим персональных данных подлежит замене на режим архивного хранения или иной правовой режим, предусмотренный национальным законодательством. Кроме того, защита персональных данных умершего лица может осуществляться другими лицами, в том числе наследниками, в порядке, предусмотренном национальным законодательством о защите чести, достоинства, деловой репутации, личной и семейной тайн.

Модельный закон определяет порядок трансграничной передачи персональных данных. Ст. 10 предусматривает, что трансграничная передача персональных данных не может запрещаться или ставиться под специальный контроль, за исключением случаев, создающих угрозу национальной безопасности, и при необеспечении адекватного уровня защиты персональных данных. На государстве лежит обязанность по обеспечению законных мер защиты находящихся на его территории или передаваемых через его территорию персональных данных, исключающих их искажение и несанкционированное использование.

Ч 4. ст. 10 устанавливает, что передача персональных данных в страны, не обеспечивающие адекватный уровень защиты этих данных, может иметь место при условии:

- явно выраженного согласия субъекта персональных данных на эту передачу;

- необходимости передачи персональных данных для заключения и (или) исполнения договора между субъектом и держателем персональных данных либо между держателем и третьей стороной в интересах субъекта персональных данных;

- если передача необходима для защиты жизненно важных интересов субъекта персональных данных;

- если персональные данные содержатся в общедоступной базе персональных данных.

Необходимо отметить, что за двадцать с лишим лет с момента принятия Модельного закона в развитии информационно-коммуникационных технологий произошли серьезные изменения.

Исследователи отмечают, что «радикально трансформировались технологии обработки данных, в том числе персональных» [31, с. 45]. В связи с этим настала необходимость пересмотреть законодательство государств – участников СНГ. 29 ноября 2018 г. Межпарламентская Ассамблея СНГ приняла новую редакцию Модельного закона «О персональных данных» [6].

Как отмечается, цель новой редакции – «гармонизация национального законодательства государств – участников СНГ в части оборота и защиты персональных данных предложением общих ориентиров с учетом актуальных тенденций в этой области и новых подходов к определению роли персональных данных в повседневной жизни» [31, с. 46].

В новой редакции Модельного закона скорректировано определение персональных данных. Теперь под ними понимаются информационные данные о личности, то есть информация, которая позволяет прямо или косвенно определить физическое лицо (субъекта персональных данных) или может быть отождествлена с ним

[6]. Кроме того, введены в оборот различные категории персональных данных: *анкетные персональные данные, служебные персональные данные и биометрические персональные данные.*

Определены специальные категории персональных данных, к числу которых относятся:

- персональные данные (в том числе служебные), собираемые в рамках законной деятельности, связанной с защитой государственной тайны, работой правоохранительных органов, органов государственной власти (органов местного самоуправления), охраной здоровья граждан, обеспечением обороны и безопасности государства;
- персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни субъекта персональных данных.

Положения о трансграничной передаче данных были дополнены новацией, согласно которой на оператора персональных данных возложена обязанность убедиться в том, что иностранным государством, куда планируется передача указанных данных, обеспечивается адекватная защита прав субъектов персональных данных.

Еще одним международно-правовым актом в сфере защиты персональных данных в рамках СНГ стало Соглашение о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными (далее – Соглашение 2020 г.) [7]. В нем также дается определение понятия «персональные данные», под которыми понимается любая информация, прямо или косвенно относящаяся к физическому лицу, которое уже идентифицировано либо может быть идентифицировано.

Исходя из специфики сферы действия Соглашения 2020 г., ст. 3. конкретизирует типы персональных данных, которые могут являться предметом запроса об оказании правовой помощи. К ним относится информация по:

- наличию/отсутствию гражданства;

- наличию документов, дающих право на постоянное или временное пребывание (проживание) на территориях государств – участников Соглашения;

- постановке на миграционный учет или регистрации по месту жительства (месту пребывания) граждан государств – участников Соглашения, граждан третьих государств и лиц без гражданства;

- выдаче виз, дающих право на въезд на территории государств – участников Соглашения;

- недвижимому имуществу, зарегистрированному на имя субъекта персональных данных на территориях государств – участников Соглашения;

- обязательствам имущественного характера, имеющимся у субъекта персональных данных на территориях государств – участников Соглашения;

- привлечению субъекта персональных данных к уголовной или административной ответственности на территориях государств – участников Соглашения;

- документам, удостоверяющим личность.

Необходимо отметить, что рассмотренные международно-правовые акты оказывают серьезное влияние на унификацию и совершенствование национального законодательства государств – участников СНГ, в частности России.

Так, с 1 сентября 2022 г. в содержание Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» были внесены существенные изменения [19]. Теперь операторы должны уведомлять Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) о начале или осуществлении любой обработки персональных

данных, за исключением случаев, когда данные обрабатываются в целях защиты безопасности государства и общественного порядка, транспортной безопасности, а также в случае, если оператор обрабатывает данные исключительно без средств автоматизации. Сроки предоставления информации Роскомнадзору были сокращены с 30 календарных до 10 рабочих дней.

В Законе теперь определены обязанности оператора в случае компрометации персональных данных. Так, у оператора есть 24 часа с момента происшествия, чтобы сообщить в Роскомнадзор о следующем:

- инциденте;
- его предполагаемой причине и вреде, причиненном субъектам данных;
- мерах по устранению последствий инцидента;
- представителе компании, который уполномочен взаимодействовать с

Роскомнадзором по вопросам, связанным с происшествием.

Кроме того, оператор обязан в течение 72 часов с момента инцидента провести внутреннее расследование и сообщить в Роскомнадзор о его результатах, а также виновниках (при наличии). Оператору необходимо взаимодействовать с госсистемой обнаружения компьютерных атак (ГосСОПКА), в том числе направлять сообщения об утечке данных. Механизм взаимодействия определит ФСБ.

Скорректирован порядок обработки данных по требованию физлица. У оператора есть 10 рабочих дней с момента получения требования физлица, чтобы прекратить обработку данных о нем или обеспечить прекращение обработки (если ее ведет другое лицо). Срок можно продлить в пределах 5 рабочих дней на основании мотивированного уведомления.

Положения Закона были распространены на иностранные компании и физлиц, которые используют данные российских физлиц. Если компания передала данные иностранной организации для обработки, ответственность перед физлицом несут обе организации.

Также Закон внес изменения в правила трансграничной передачи персо-

нальных данных. Новый порядок будет применяться с 1 марта 2023 г., но операторов, которые уже сейчас передают данные за границу, Закон обязал направить в Роскомнадзор уведомление о трансграничной передаче до этой даты через Портал персональных данных Роскомнадзора или в письменном виде. Такое усиление защиты трансграничной передачи персональных данных связано прежде всего с обеспечением национальной безопасности государства.

Заключение

Понятие персональных данных является очень схожим по своей юридической формулировке как на региональном международно-правовом уровне, так и в законодательстве государств-участников. В самом обобщенном виде они представляют собой любую информацию, прямо или косвенно относящуюся к идентифицируемому физическому лицу.

Систематизация защиты персональных данных становится особой правовой потребностью в связи с тем, что постоянно расширяется сфера использования указанных данных в деятельности государств и юридических лиц. Следовательно, для каждого вновь обозначенного направления развития информационных технологий должны применяться общие стандарты защиты права человека на частную жизнь и право на идентификацию.

Необходимо отметить, что принятие новых международно-правовых актов на уровне СНГ в сфере защиты персональных данных направлено не только на унификацию и гармонизацию государств-участников, но и на совершенствование существующего национального законодательства. Изменения, внесенные в Федеральный закон Российской Федерации № 152-ФЗ «О персональных данных», отражают общую тенденцию ужесточения контроля за любыми операциями, проводимыми операторами с персональными данными субъекта. Особое внимание как на региональном, так и национальном уровнях уделяется контролю за трансграничной передачей персональных данных.

Список источников и литературы

1. Всеобщая декларация прав человека [Текст]: принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Текст]: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.

3. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 г. // СЗ РФ от 17.02.2014. № 7. Ст. 633.

4. Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. // СЗ РФ от 11.02.2013. № 6. Ст. 468.

5. Модельный закон СНГ «О персональных данных» от 16 октября 1999 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901818602> (дата обращения: 18.09.2022).

6. Модельный закон СНГ «О персональных данных» (новая редакция): от 29 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/370.pdf> (дата обращения: 18.09.2022)

7. Соглашение о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными от 18 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://rpra.ru/npa/sng27_18.12.2020 (дата обращения: 18.09.2022).

8. Charter of fundamental rights of European Union (2000/C364/01). [Электронный ресурс]. – URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

9. The Stockholm Programme: An open and secure Europe serving and protecting citizens (2010/C115/01). [Электронный ресурс]. – URL: <https://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:115:0001:0038:EN:PDF> (дата обращения: 18.09.2022).

10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). [Электронный ресурс]. – URL: <https://eurlex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679&qid=1626789259064> (дата обращения: 18.09.2022).

11. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, 28 января 1981 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/ (дата обращения: 18.09.2022).

12. Regulation (EU) 2018/1725 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by the Union institutions, bodies, offices and agencies and on the free movement of such data, and repealing Regulation (EC) No 45/2001 and Decision No 1247/2002/EC (Text with EEA relevance.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1725&from=EN> (дата обращения: 18.09.2022).

13. Regulation (EU) 2019/1155 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 amending Regulation (EC) No 810/2009 establishing a Community Code on Visas (Visa Code). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019R1155&from=EN> [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 18.09.2022).

14. Regulation (EC) No 767/2008 of the European Parliament and of the Council of 9 July 2008 concerning the Visa Information System (VIS) and the exchange of data between Member States on short-stay visas (VIS Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/767/oj> [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 18.09.2022).

15. Position of the Council at first reading with a view to the adoption of a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulations (EC) No 767/2008, (EC) No 810/2009, (EU) 2016/399, (EU) 2017/2226, (EU) 2018/1240, (EU) 2018/1860, (EU) 2018/1861, (EU) 2019/817 and (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council and repealing Council Decisions 2004/512/EC and 2008/633/JHA, for the purpose of reforming the Visa Information System. Adopted by the Council on 27 May 2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5950-2021-REV-1/en/pdf> (дата обращения: 18.09.2022).

16. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community (2007/C306/01). [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT> (дата обращения: 18.09.2022).

17. Regulation (EU) 2021/1134 of the European Parliament and of the Council of 7 July 2021 amending Regulations (EC) No 767/2008, (EC) No 810/2009, (EU) 2016/399, (EU) 2017/2226, (EU) 2018/1240, (EU) 2018/1860, (EU) 2018/1861, (EU) 2019/817 and (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council and repealing Council Decisions 2004/512/EC and 2008/633/JHA, for the purpose of reforming the Visa Information System. Official Journal of European Union. 13 July 2021. L 248/11.

18. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 18.09.2022).

19. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций. Информация об изменениях в законодательстве о персональных данных с 1 сентября 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.09.2022).

20. Закон Республики Армения от 13 июня 2015 года №ЗР-49 «О защите персональных данных».[Электронный ресурс]. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78183 (дата обращения: 18.09.2022).

21. Закон Республики Молдова в сфере информационной безопасности. Часть 2: Персональные данные, личная и семейная тайна. [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.report/zakonodatelstvo-moldovy-infobezopasnost-2/> (дата обращения: 18.09.2022).

22. Закон Республики Молдова «О защите персональных данных» от 8 июля 2011 года №133. [Электронный ресурс]. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=51097 (дата обращения: 18.09.2022).

23. Авдеев М.Ю. Право на неприкосновенность частной жизни: конституционно-правовой аспект // Право и жизнь. — 2012. — № 173. — С. 220-228.

24. Акобян М. Обзор законодательства Республики Армения в сфере информационной безопасности — Часть 1: Общий обзор. [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.report/zakonodatelstvo-armenii-informatsionnaya-bezopasnost/> (дата обращения: дата обращения: 18.09.2022).

25. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. —2020. — № 1. — С. 261-269. DOI 10.24411/2076-1503-2020-10140

26. Котляров М.В. Контролируя неконтролируемое: стратегия Российского государства в Интернете //Вестник Пермского университета. Серия «Политология». — 2017. — № 3. — С. 41-56.

27. Калиниченко П.А., Некотенева М.В. Особенности правового регулирования геномных исследований на международном и европейском уровне // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — №4. — С. 68-78. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.68.4.068-078>

28. Кашкин С.Ю., Покровский А.В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в европейском союзе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — 64-90. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.56.4.064-090> (дата обращения: 18.09.2022).
29. Полякова Т.А., Химченко А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы трансграничной передачи персональных данных // Право: журнал Высшей школы экономики. — 2013. — № 1. — С. 113-122.
30. Постникова Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования защиты персональных данных в рамках внутреннего рынка Европейского союза // Право: журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 1. — С. 234-254.
31. Твердынин М.М., Парфентьев У.У. Анализ законодательства государств-участников СНГ о персональных данных в аспекте их контроля субъектом персональных данных // Диалог: политика, право, экономика. — 2019. - №2 (13). - С. 38-48.
32. Ястребова А.Ю., Анисимов И.О., Акчурин Т.Ф., Горелик И.Б. Право человека на защиту персональных данных: международно-правовые основы, примеры их имплементации в законодательстве государств, особенности регламентации в праве ЕС и национальном праве США Международно-правовой курьер. 2021. № 7. С. 93-106.

Акчурин Тимур Фагмиевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Дипломатической Академии Министерства иностранных дел Российской
Федерации, доцент кафедры публичного права Всероссийской академии
внешней торговли Министерства экономического развития Российской
Федерации,
e-mail: nirychka@mail.ru

Timur F. Akchurin,
Ph.D in Law, Associate Professor of International Law Department at Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Associate
Professor of Public Law Department at the Russian Foreign Trade Academy,
e-mail: nirychka@mail.ru

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ПРАВА EXTRATERRITORIALITY OF THE LAW OF THE UNITED STATES

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы экстерриториальности американского права, законодательные и судебные основания такого действия. Разбираются конкретные случаи применения экстерриториальности американского права американскими федеральными судами. В статье содержится критика американского подхода к экстерриториальности, а также анализируется соответствие экстерриториальности международному праву.

Ключевые слова: экстерриториальность американского права, правовая система США, международное право, национальное (внутригосударственное) право, государственный суверенитет, судебный прецедент, политика.

Abstract: the article considers extraterritorial application of U.S. law, the legislative and judicial grounds for such application. It provides specific examples of extraterritorial application of US law by federal courts. The article criticizes US approach to extraterritorial application of law and reviews its consistency with public international law.

Keywords: extraterritoriality of U.S. law, U.S. Legal system, public international law, national law, state's sovereignty, judicial precedent, politics.

За последние годы в США был принят ряд законов [33; 34; 27] и вынесено несколько судебных решений Верховного суда, которые трактовали внутреннее право США как доминирующее над международным правом.

При рассмотрении вопросов, связанных с приоритетом национального права перед международным, необходимо отметить, что международное право в США существует в виде двух основных форм – источников права: международно-правовых обычаев и международных договоров, так как именно эти источники закреплены как основные источники международно-правовых норм в Конституции США [16].

Что касается международных договоров, то важно подчеркнуть, что нормы международно-правовых договоров, ратифицированных парламентом США, обладают верховенством над нормами права штатов, т.к. относятся к федеральному праву [47]. Кроме того, все нормы международного права должны соответствовать требованиям Конституции США [65], поскольку в ней закреплено, что в иерархии источников права США конституция занимает более высокое место, чем международные договоры. В случаях конкуренции норм национального права США с нормами ратифицированных международных договоров действует принцип *last-in time rule*, что означает, что более поздняя правовая норма имеет большую силу [84]. Верховный суд также закрепил более высокую силу федеральных статутов по отношению к исполнительным соглашениям [76]. В отношении норм несамоисполнимых международных договоров действует следующее правило: только Конгресс США вправе включить нормы этих соглашений в правовую систему США своими актами. В случае спора о верховенстве национального права или международного договора решение вправе вынести только федеральные суды США [1].

Анализируя взаимодействие международно-правовых обычаев с национальной (федеральной) правовой системой, необходимо сказать, что в целом правила и принципы применения международных обычаев совпадают с правилами и принципами применения норм международных договоров. Кроме того, место этих источников в современной правовой системе США незначительно. Применение международного обычного права сейчас в США ограничено. Допускается применение федеральными судами в рамках федерального общего права и только в тех случаях, на которые прямо указывает государство. В целом американское государство проявляет осторожность при включении обычного международного права в свою правовую систему [2].

Однако существует и целый ряд в достаточной степени неоднозначных законодательных и практических действий американского законодателя, которые не вполне соответствуют тем правовым позициям, которые США провозглашают формально.

Достаточно большое количество федеральных законов США обладает экстерриториальным действием, то есть касается отношений за пределами территории страны. В большинстве случаев применение американского права за рубежом или в отношении неграждан США за пределами США прямо прописывается в федеральных законах.

Под терминами «экстерриториальность», «трансграничность» и «экстерриториальная юрисдикция» мы рассматриваем компетенцию государства создавать, применять и обеспечивать соблюдение правил поведения в отношении лиц, имущества или событий за пределами своей территории. Она может осуществляться в виде предписания, вынесения судебного решения или принудительного исполнения [3; 11]. «Порядок, в соответствии с которым законы не распространяются на то или иное пространство или лиц, называется экстерриториальностью. Принцип экстерриториальности означает, что в пределах границ любого государства, в соответствии с нормами международного права, могут находиться участки

территории и лица, на которых не распространяется юрисдикция данного государства» [9]. Следовательно, основной смысл термина «экстерриториальность» состоит в том, что какое-либо государство требует юрисдикции в отношении определенной ситуации, которая территориально связана с другим государством, хотя в этом случае вопросы должны решаться на основе международного права [12].

В первую очередь остановимся на антимонопольном законодательстве США. Так, антимонопольное законодательство своими положениями касается лиц, находящихся на территории иностранных государств, в том числе защищая иностранных потребителей и конкурентов от нарушений со стороны американских коммерческих фирм. Таким образом, иностранные лица, включая «суверенных лиц» (то есть иностранные государства), в связи с нарушением антимонопольных законов вправе обращаться в суды США для защиты от недобросовестной конкуренции со стороны различных компаний США. Одним из таких законов является антимонопольный Закон Шермана (Sherman Antitrust Act (Sherman Act)), в котором четко предусматривается его экстерриториальное действие [37]. Американский законодатель считает, что в случае неблагоприятного воздействия на торговлю Соединенными Штатами и нарушения конкуренции все договоренности между субъектами права, создающие такие условия, подпадают под действие вышеназванного закона.

Кроме того, в 1945 году по делу «Алкоа» [72] был сформулирован принцип «оценки последствий». Этот принцип прежде всего имеет отношение к антимонопольному законодательству. Применение его к иностранцам возможно в случаях, когда они своими действиями стремятся воздействовать или воздействуют на торговую деятельность в США [52]. Более того, американское государство приняло Закон об усилении антимонопольного регулирования в области внешней торговли 1982 года [26], в котором в форме запрета закрепило право федеральных судов рассматривать только те дела, в которых могут быть последствия для всей коммерческой деятельности в США [44; 50]. Несмотря на его применение судами в США, он вызывает серьезные

возражения со стороны иностранных государств из-за возможного покушения судами США на их суверенитет. Администрация США против этого выдвигает один аргумент: если иностранные компании желают работать на американском рынке, то они должны подчиняться законам, которые одинаковы для всех участников этого рынка. Постепенно этот принцип был распространен на уголовные дела, касающиеся поставок или оборота наркотиков [79].

В 1993 году Верховный суд США [52] сформулировал следующую норму: если существуют противоречия между правом США и правом конкретного иностранного государства, то тогда такое трансграничное применение антимонопольного законодательства может быть оспорено, в остальных случаях ограничений для применения американского права не существует. Т.е. если неамериканские компании желают работать на выгодном американском рынке, то они должны подчиняться американским нормам права, действующим в отношении всех участников этого рынка.

В Соединенных Штатах вообще распространен взгляд на свое государство как на главного сторонника и защитника конкуренции в глобальной экономике. Любой договор или сговор (где бы они ни имели место), оказывающий неблагоприятное воздействие на торговлю США и конкуренцию, находится в пределах действия Закона Шермана, с точки зрения американского законодателя. Если американская фирма вступает за рубежом в договор с иностранным предприятием по контролю за уровнем цен (price-fixing), производству или сбыту товаров и это существенно затрагивает торговлю США, налицо нарушение антимонопольного закона. В качестве примера можно привести так называемые калийные дела, в которых участвовали несколько крупных производителей калия, в том числе российский «Уралкалий» и «Сильвинит», подозреваемые в сговоре с целью ограничения поставок для того, чтобы повысить цены за пределами США, что предположительно могло иметь негативные последствия в США.

Или предположим, что некая фирма из США заключает договор с каким-либо зарубежным партнером (предприятием), в котором содержатся условия, оговаривающие контроль за уровнем цен, производством товаров или их сбытом, что может оказать существенное влияние на торговлю в США, такая договоренность подпадает под Закон Шермана и является подсудной американским судам [60]. Ярким примером подобного случая служит дело, рассмотренное Верховным судом США в 1986 году в отношении японской корпорации и американской корпорации, контролируемой японцами. Суд рассматривал данное дело на основании того, что, по мнению заявителей, договоренность между субъектами сделки касалась вытеснения с американского рынка японскими фирмами американского производителя и создание искусственно завышенных цен на американские товары подобного типа (телевизоры) в Японии.

Такое же трансграничное действие имеют патентные законы США, направленные на защиту патентных прав, зарегистрированных в США. При этом патентное право США, согласно американскому праву, обладает большей силой, чем иное иностранное патентное право. Цель патентного законодательства США – предотвращение неразрешенного копирования в США и за рубежом объектов, запатентованных в Америке. То есть патент, выданный в США, защищается, с точки зрения американского законодателя, по всему миру и в соответствии с американскими законами. Впрочем, речь в данном случае не идет о прямой защите. По-прежнему, чтобы получить защиту в какой-либо стране, изобретение именно там должно быть запатентовано. В этой связи будет интересен судебный спор между немецкой и японской корпорациями в США [59]. Американский суд подтвердил юрисдикцию в отношении иностранного ответчика, однако посчитал, что японские корпорации, производящие и продающие свою продукцию в США, не нарушают патентные законы.

Также стоит упомянуть Закон Лэнхэма «О защите товарных знаков» 1946 года [30], в котором предусмотрена экстерриториальная

(трансграничная) защита зарегистрированных в США товарных знаков и который дополнен федеральными законами «О подделках товарных знаков» 1984 года [39], «О защите прав потребителей от покупки и регистрации доменного имени, могущего служить торговой маркой, с целью последующей его перепродажи» [20]. Вышеназванные законы закрепляют федеральные нормы права, в которых предполагается, что они могут применяться ко всем подобным правоотношениям за рубежом. Принцип экстерриториальности данных законов подтверждается в многочисленных прецедентных решениях американских судов [70; 82]. В деле *Steele v. Bulova Watch Co., Inc.* Верховный суд США ответил положительно на вопрос, обладает ли окружной суд Соединенных Штатов юрисдикцией для присуждения судебной защиты американской корпорации в случае нарушения прав на товарный знак и недобросовестной конкуренции, совершенных в другой стране гражданином и резидентом Соединенных Штатов. Условия экстерриториальности этих законов были закреплены в решениях федеральных судов [70; 82], в которых закрепляется также, что мошеннические операции с ценными бумагами или другими товарами, публикация ложных сведений или сделки с использованием конфиденциальной информации оказывают существенное влияние на торговлю в США, поэтому влекут юридическую ответственность в США.

Экстерриториальное действие также имеет «антидискриминационное законодательство» США. В этом случае стоит упомянуть следующие законы: Закон о запрете дискриминации по возрасту в трудовых отношениях 1967 года [17], Закон об инвалидах 1990 года [19], Закон о гражданских правах 1964 года с дополнениями 1991 года [21] и др. По Закону 1967 года защите подлежат все наемные служащие, работающие за границей на американских работодателей (*US employees working abroad for US employers*), если это не нарушает законов страны пребывания. Подобные нормы закрепляются также в Законе об американцах-инвалидах 1990 года. Кроме этого, в них присутствует требование от работодателей учитывать потребности и нужды инвалидов. На

всех вышеназванных субъектов также распространяется принятый Конгрессом в 1964 году Закон о гражданских правах (дополнение к Закону о гражданских правах 1964 года).

Американским законодательством предусмотрена возможность того, что в федеральных судах США могут приниматься иски иностранных граждан и в отношении иностранных граждан. Этот вопрос касается очень серьезной проблемы: распространяется ли действие законодательства США на другие страны и каковы трансграничные последствия судебного разбирательства дела в США. В американской доктрине выделяется 3 вида подобной трансграничной юрисдикции.

К первому виду относится экстерриториальная законодательная юрисдикция (*extraterritorial legislative jurisdiction*). Именно она позволяет США принимать правовые нормы в отношении некоторых деяний за пределами страны. К основаниям данной юрисдикции федеральный Апелляционный суд США в решении 1967 года [66] относит следующие: гражданство, защита, универсальность и пассивная правосубъектность.

Принцип гражданства (*nationality principle*) основывается на федеральном американском законодательстве, которое позволяет применять к своим гражданам нормы внутригосударственного права, независимо от того, где они находятся. Этот принцип был поддержан еще в 1927 году Верховным судом США [48]. Также стоит упомянуть такую норму, которая закрепляет обязанность всех американских граждан платить подоходный налог в США независимо от места их проживания. Таким же экстерриториальным действием обладает Закон о коррупции за рубежом [25] с дополнениями Федерального закона «О борьбе с международным взяточничеством и добросовестной конкуренции» 1998 года [29], принятый США в соответствии с конвенцией ОЭСР «О борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при совершении международных коммерческих сделок» [13]. В дополнение к вышеперечисленным законам был принят Закон Сарбейнза-Оксли 2002 г. [35] для усиления роли Федерального закона «Об обращении ценных бумаг» [36].

По этому закону к субъектам правонарушений относятся любые корпорации, граждане и должностные лица (как американские, так и иностранные), которых могут привлечь к суду в США за предоставление материальных и нематериальных благ, если целью этого является получение конкретной выгоды, например за дачу взяток должностным лицам иностранных государств для получения или продления контрактов. Иностранная компания может быть привлечена к ответственности в случаях, если она осуществляет свою деятельность в США, ее акции имеют котировки на какой-либо американской бирже, она представляет интересы какой-либо американской компании. Расследованиями по данным правонарушениям занимаются специально уполномоченные государственные органы, такие как Министерство юстиции США, Комиссия США по ценным бумагам и биржам, Федеральное бюро расследований. Так, в период с 2010 по 2021 г. только одна Комиссия по ценным бумагам в рамках своих полномочий привлекла к ответственности 145 иностранных компаний, среди которых Amec Foster Wheeler Ltd.; Deutsche Bank AG; Asante Berko; J&F Investimentos, S.A.; Cardinal Health; Telefônica Brasil S.A. и др. [86].

Необходимо вспомнить и о Патриотическом акте [41], который был принят в 2001 году (частично действовал до марта 2020 года) и исходил из экстерриториального принципа действия в ряде аспектов регулирования, в частности вопросы, связанные с правами человека и тюрьмами для террористов на территории разных стран.

Стоит упомянуть принятый в 2010 году «Акт о налогообложении иностранных счетов» [24], распространяющий свое действие на все банки в мире, в которых имеют вклады американские граждане и резиденты. После принятия данного документа все банки обязаны отчитываться перед Службой внутренних доходов США (Internal Revenue Service) о движении своих долларовых запасов и об американских гражданах и резидентах, которые имеют в них свои долларовые счета. С помощью данного документа американские власти отслеживают попытки уклонения от уплаты налогов всех

своих налогоплательщиков. В случае неисполнения данного акта банки могли получить санкции в виде 30% штрафов на движение средств с их корсчетов в банках США и даже закрытия таких счетов.

В том же году был принят Акт Додда-Франка [23], целями которого определены реформирование Уолл-стрит для снижения рисков американской финансовой системы, а также усиление защиты прав потребителей финансовых услуг, более четкое регулирование и контролирование финансовых институтов США. Данный закон также распространяется на лиц, которые вовлечены в отношения с контрагентами американской национальности или иным контрагентом, подпадающим под критерии, определяемые Актом Додда-Франка.

Еще одним законом, который определяет полномочия американских судов рассматривать дела в отношении «лиц, которые подлежат юрисдикции США», является Федеральный закон «О торговле с враждебными государствами» [40]. Этот закон устанавливает ответственность любых юридических лиц, которые принадлежат американским гражданам или контролируются ими или лицами, которые находятся в США. Место учреждения или место деятельности такой организации значения не имеет. В соответствии с нормами этого закона американское государство имеет право запретить любую торговую или иную деятельность американских фирм с иностранными государствами и действия, которые могли бы помочь потенциальному врагу. На конец 2018 года фактически осталось две страны, с которых не сняты ограничения этого закона, – Куба и КНДР.

Принцип защиты (protective principle) основывается на праве государства на самозащиту в случае угрозы национальной безопасности, т.е. в этих случаях государство может применить свое законодательство и в отношении деяний, которые совершены за границей (фальшивомонетничество, шпионаж, подготовка террористических актов, контрабанда наркотиков и др.) [42]. Одним из важнейших судебных прецедентов, который обосновывает данный принцип, служит решение 1999

года Апелляционного суда США по 1 федеральному апелляционному округу [75] в отношении задержанного в 150 милях от Пуэрто-Рико венесуэльского судна с грузом запрещенных к обороту в США наркотиков. В 2002 году подобное дело было рассмотрено и 5 федеральным апелляционным окружным судом [78].

Принцип универсальной юрисдикции (*universal jurisdiction*) распространяется на преступления, предусмотренные различными международными конвенциями, такими как геноцид, военные преступления, пиратство, нападение на гражданские воздушные суда и их захват, работорговля и др., так как они направлены против всего человечества. В силу этого, считают американские правоприменители [42], любое государство вправе применить к лицам, совершившим данные преступления, свое законодательство. Данная юрисдикция распространяется как на уголовные, так и гражданско-правовые нарушения, в которых предусматриваются возмещение вреда или реституция в рамках Alien Tort Claims Act (АТСА) [18]. Ярким примером действия данного принципа служит решение американских судов о выдаче гражданина Д. Демьянюка как нацистского преступника Израилю [49].

Принцип пассивной правосубъектности (*passive personality principle*) основывается на гражданстве потерпевшего от преступления. Суть данного принципа заключается в том, что американское государство вправе применять свое законодательство против любых лиц, если правонарушение совершено против американских граждан в любой точке земного шара [42]. В США этот принцип был зафиксирован во Всеобщем законе о безопасности дипломатов и борьбе с терроризмом [31]. Для применения данного закона требуется обязательное заключение генерального атторнея США, который должен подтвердить, что в совершенном преступлении есть явные признаки направленности против правительства или гражданского населения США в целом. Однако в случае применения Закона о борьбе с захватом заложников [28], принятого на основе Международной конвенции против захвата

заложников [14], согласия генерального атторнея не требуется. Если захвачен в качестве заложника американский гражданин, то США вправе в соответствии с законом привлекать такое лицо к ответственности в США, что было подтверждено решениями апелляционных судов США в 1984 и 1998 году [74; 77].

В Рестейтменте права международных отношений американскими учеными был сформулирован принцип «общей разумности» (*overall reasonableness*) [42] для более действенной защиты интересов США. По мнению членов Американского правового института, критериями разумности предлагалось считать следующие:

- наличие связи между фигурантами преступления или потерпевшими от него, с одной стороны, и данным государством – с другой;
- наличие связи деяний с территорией данного государства (т.е. возникновение существенных, непосредственных и прогнозируемых последствий) преступления на территории страны;
- относительная значимость регулирования для регулирующего государства и других заинтересованных государств, а также степень общей приемлемости регулятивных норм и вероятность того, что они будут противоречить нормам других стран;
- обоснованные ожидания.

Однако данный принцип на практике федеральными судами почти не используется.

Стоит упомянуть, что в конституционном праве США есть определенные ограничения в отношении трансграничного действия американского права, обусловленные нормами надлежащей правовой процедуры [16] и связанные с трансграничной законодательной юрисдикцией американских штатов в отношении других американских штатов [85].

В США допускается возможность применения принципа законодательной юрисдикции с согласия иностранного государства, например, в случаях с определением правового статуса американских военных

баз, т.к. между США и страной, где находится военная база, заключается договор, на основе которого военнослужащих США в основном привлекают к ответственности за правонарушения в соответствии с нормами Единообразного кодекса военной юстиции США [43]. В некоторых случаях военнослужащие, совершившие преступления на территории иностранного государства, могут быть, по решению армейского командования, переданы властям государства, на территории которого было совершено правонарушение [69].

Вторым видом экстерриториальной юрисдикции является экстерриториальная судебная юрисдикция (*extraterritorial adjudicative jurisdiction*). Она относится к полномочиям государства выносить решения по конкурирующим претензиям и позволяет США рассматривать споры с участием иностранных лиц.

Судебная трансграничная юрисдикция (*extraterritorial judicial jurisdiction*) тесно связана с законодательной юрисдикцией и заключается в праве США привлекать нарушителя американского законодательства к ответственности в американском суде и добиваться исполнения вынесенных в отношении него судебных решений. Порядок действия судебной трансграничной юрисдикции аналогичен правилам в отношении юрисдикции между штатами внутри США. Например, в отношении обвиняемого или ответчика, который находится или проживает не на территории штата, где он совершил правонарушение, действует критерий «минимально необходимых связей» (*minimum contacts test*) совершившего его со штатом, где его привлекают к ответственности [63]. Так, в 1987 году Верховный суд [45; 46] постановил, что при привлечении к ответственности ответчика суду необходимо учитывать следующие факторы: интересы штата, где был подан иск против ответчика, при разбирательстве данного дела; интересы истца при получении правовой защиты; реальный объем бремени ответчика, которое он несет, возражая против иска, которое возбуждено против него в штате;

необходимость эффективного разрешения спора с учетом реализации важных направлений социальной политики.

Федеральные суды вынесли ряд решений по подобным делам, в частности они обозначили ряд важнейших условий, при которых будет действовать данная юрисдикция: у продавца должна быть цель направить товар именно в Соединенные Штаты [54], распространять на территории США рекламу своего товара [53, 83], иметь у местных торговых фирм лицензии на продажу данного товара [58] и т.д.

Важно понимать, что в этом случае американский суд не обязан рассматривать спор с участием иностранной стороны, а всего лишь имеет право на это. Американский суд, ссылаясь на принцип *forum non conveniens* (неудобное место рассмотрения спора), вправе отказать в приеме иска [51]. Принцип *forum non conveniens* был применен, в частности, в деле о крупной аварии на заводе химического концерна «Юнион карбайд» в индийском городе Бхопал [71].

Также необходимо упомянуть, что все дела для иностранных ответчиков должны проходить в рамках особого процессуального режима, в соответствии с обоснованностью и «общей разумностью» (*overall reasonableness*) [63]. В решении Верховного суда США 1987 года были четко сформулированы вопросы, на которые должен ответить суд в случае рассмотрения дела в американском суде. К таким вопросам были отнесены следующие пять моментов: а) каков реальный объем ответственности у ответчика в суде; б) каковы интересы штата в судебном процессе; в) каковы интересы истца в случае рассмотрения дела в суде; г) соответствует ли юрисдикция эффективному рассмотрению спора; д) отвечает ли юрисдикция интересам межгосударственной политики [45; 46]. Интересно, что по данному делу Верховный суд выразил мнение о том, что необходимо проявлять «большую осторожность и сдержанность» при принятии решений о распространении юрисдикции США на международное правовое поле.

Однако данное высказывание никак в целом не влияет на общую политику США в отношении экстерриториальности своего права.

Стоит вспомнить одобрение Верховным судом США 28 апреля 2016 года поправок к Федеральным правилам производства по уголовным делам [38], в частности в правила 4, 41 и 45, которые предоставляют возможность принятия судами решений о санкционировании доступа к компьютерам, находящимся за пределами США. Подобное изменение противоречит IV поправке к Конституции США, в соответствии с которой право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться, а также ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением, при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту [4].

Третьим видом юрисдикции, которая позволяет США применять свое законодательство на территории иных стран является специальная юрисдикция, или правоприменительная юрисдикция (*jurisdiction to enforce*).

Необходимо отметить, что правоприменительные акты могут быть как судебного, так и административного характера.

В случаях административного характера достаточно судебного приказа или надлежащего уведомления лица о том, что ему предъявлен иск. Такие меры, например, возможны по отношению к иностранцам, которые получают доход из источников, находящихся на территории США [42]. Однако привлекаемое к ответственности лицо имеет право выдвинуть аргументы в свою защиту перед вступлением решения в законную силу. Санкция по такому делу должна быть соразмерна правонарушению.

Наиболее распространенной формой экстерриториальности американского права является судебная юрисдикция американского государства по отношению к иностранцам, которых по американскому

законодательству могут привлечь к судебной уголовной ответственности в американских судах.

Согласно Рестейтменту права международных отношений США сотрудники правоохранительных органов могут осуществлять свои полномочия только с согласия самого государства, где совершаются эти действия [42]. Это полностью соответствует основополагающим принципам международного права, так как нарушение данного принципа влечет за собой нарушение суверенитета государства. Однако в судебной и административной практике американской власти реализуется совершенно другая тенденция.

Так, в США действует «правило дел Кера и Фрисби» [56], в соответствии с которым процедура, в результате которой обвиняемый оказался на скамье подсудимых (например, был похищен из другого государства), для суда не имеет значения и никоим образом не препятствует проведению судебного разбирательства в американском суде. В последующем это было подтверждено иными решениями американских судов. В частности, большой международный резонанс вызвало дело в отношении мексиканского гражданина, который был похищен сотрудниками американского ведомства по борьбе с наркотиками и вывезен в США [73]. В США он был обвинен в пытках и убийстве американского сотрудника ведомства по борьбе с наркотиками. Мексиканское правительство выступило с протестом против данного незаконного действия, на что Верховный суд довольно цинично ответил, что в договоре между США и Мексикой об экстрадиции преступников 1978 года нет прямого запрета на похищение людей, поэтому действует «правило Кера и Фрисби». Также он заявил, что для суда не имеет значения, каким образом обвиняемый был доставлен в суд. Однако важно отметить, что три судьи Верховного суда резко осудили такое решение и проголосовали против него, так как, по их мнению, суд проигнорировал принципы международного обычного права. Комментируя данное решение Верховного суда США, международное сообщество единодушно его осудило.

На практике трансграничное применение норм американского права вызывает возражения и недовольство со стороны других государств, поскольку это приводит к нарушению суверенитета государства, гражданин которого привлекается к ответственности. Верховный суд даже в 1987 году вынес решение [68], в котором призвал американские суды принимать по таким делам решения, опираясь на нормы международной вежливости.

Важно отметить, что в различных странах принимают нормативно-правовые акты в противовес американским экстерриториальным законам. Так, в Королевстве Великобритании парламент внес дополнение в Закон о торговых интересах 1980 г. [32] в виде норм о защите британских фирм от экстерриториальных претензий США. В 1996 году в ЕС было принято постановление о защите стран Союза от воздействия экстерриториальных санкций [15]. Оно содержит нормы, защищающие европейские компании. Так, там содержится норма, что судебные решения по поводу американских санкций признаются действительными только тогда, когда суд проходит на территории ЕС. Кроме того, пострадавшие от санкций европейцы (как компании, так и физические лица) могут запросить у Еврокомиссии защиту или даже возмещение ущерба в случае, если США их оштрафуют [3]. В дальнейшем данный документ получил свое продолжение и был дополнен в 2018 году, защищая от воздействия американских санкций европейских предпринимателей, которые имели законный бизнес в Иране. Также необходимо сказать, что с февраля 2021 года ведутся консультации для дополнения вышеназванного постановления в целях защиты европейских компаний от возможных экстерриториальных санкций третьих государств. ЕС в данном случае пытается проводить политику, соответствующую политике его предшественника – ЕЭС. Он в 1982 году принимал Меморандум [89] с обоснованной критикой внесения поправок в Правила экспортного контроля США, принятого Министерством торговли США для того, чтобы помешать строительству советского экспортного транссибирского магистрального газопровода Уренгой–Помары–Ужгород, который должен был доставлять в

Европу голубое топливо. Поправки в Правила требовали от европейцев получения разрешения на поставки в Советский Союз любых товаров, технологий или программ американского происхождения, если они касались разведки, передачи или переработки нефти и газа. В Меморандуме были проанализированы действия США в отношении ЕЭС, которые были обоснованно определены как нарушение международного права и внутригосударственного права США, с указанием на прецеденты, которые самими США признавались неправомерными. Кроме того, ЕЭС указал на то, что его цели в данном случае преобладают над целями внешней политики США, территория ЕЭС не является территорией США, поэтому Правила торговли США никак не распространяются на Европу. Кроме того, межгосударственные связи между ЕЭС и СССР являются более важными для ЕЭС в данном случае, и от этих санкционных мер могут пострадать законные ожидания резидентов ЕЭС.

Также можно привести примеры с введением США экстерриториальных санкционных законов в отношении ряда государств, в частности России. В соответствии с такими законами, как закон США от 2 августа 2017 года «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA) [22], к России предлагается применять следующие меры: после консультаций госсекретаря с министром финансов американская исполнительная власть вправе ввести санкции против неамериканских лиц, которые после даты вступления в силу CAATSA участвовали в «значительных» сделках с любыми из тридцати девяти российских компаний и государственных органов, осуществляющих деятельность в сфере обороны и разведки [22]. И это лишь один из нормативных актов США, которые устанавливают различные санкции в отношении России, КНДР и Ирана. Помимо этого, эти законы определяют ответственность и возможность привлечения к ответственности иных иностранных физических и юридических лиц, которые нарушат санкционные законы США. Среди санкций в отношении таких лиц предусмотрены ограничение или прекращение коммерческой деятельности, лишение

собственности и др. «В экономической сфере у властей США широкий инструментарий – от штрафов и блокировки денежных средств на счетах до ареста активов, не говоря об арестах людей» [7].

Ряд юристов-практиков в США считает, что современная практика американских федеральных судов ведет к снижению количества дел, которые имеют экстерриториальный характер. Так, Оуэн Пэлл полагает, что мы наблюдаем движение в обратную сторону – сужение компетенции американских судов по рассматриваемым спорам, имеющим экстерриториальный характер [8]. Однако как законодательная практика американского конгресса, так и правоприменительная практика показывают обратное, о чем было сказано выше. Отдельные случаи отказа Верховного суда от применения экстерриториальности американского права не говорят о тенденциях к отмене данного правового института в США [61; 57]. Ярким примером служит дело 2016 года – *United States v. Erdal Akova* [81], в котором американский судья очень четко сформулировал позицию американского правосудия по вопросам экстерриториальности, что Конгресс США обладает исключительными полномочиями применять федеральные законы за пределами территории США. «Конгресс не должен явно предусматривать экстерриториальное применение уголовного закона, если характер преступления таков, что он может быть логически выведен из самой природы преступления» [80].

Также очень интересен опыт Американского института права [87] и Международного института по вопросам несостоятельности по принятию Принципов, применимых к сношениям между судами по трансграничным судебным делам [88], принятым в 2001 году. Документ содержит практические рекомендации и правила по применению права в трансграничных судебных делах, в частности, там прописано следующее: «До вступления в сношения с другим судом суд должен убедиться, что такие сношения соответствуют всем применимым процессуальным нормам своей страны. Когда суд намерен применять настоящие Принципы (полностью или частично, с изменениями

или без них), применяемые Принципы, по возможности, следует официально адаптировать до их применения. Желательно согласование Принципов между судами, при этом должностные лица обоих судов могут вступать в сношения в отношении их применения и реализации» [88]. Кроме того, судам предоставляется право на координацию и унификацию судебного производства в соответствии с законодательством стран-участников. Всего данный документ содержит 17 принципов, которые позволяют государствам, принявшим их и согласившимся с ними, достаточно доброжелательно, мирно и законно рассматривать дела с разными юрисдикциями. Проблема состоит только в том, что этот документ имеет рекомендательный характер и действует как добровольный инструмент при рассмотрении подобных дел.

Подводя итог, стоит остановиться на некоторых важных моментах. Политика США по экстерриториальности их внутреннего права, метко названная С.В.Гландиным «правовым империализмом», не вызывает одобрения абсолютного большинства стран в мире, так как такая практика нарушает суверенитет государств, т.е. влечет за собой нарушение основополагающих принципов международного права и ставит политику государства в зависимость от интересов США. А со стороны государств, обладающих большей независимостью от США, такая политика вызывает определенное правовое противодействие.

Причины политики экстерриториальности американского права основываются на определенных политико-философских взглядах, которые культивируются в США с момента зарождения государственности. К ним можно отнести идеи мессианства для мировой цивилизации, а также то, что США считают себя главным сторонником и защитником прав человека в мире, свободы и демократии, а также конкуренции в глобальной экономике.

Однако анализ источников права, регулирующих экстерриториальность американского права, говорит об ином: в США *de jure* провозглашают одно, а *de facto*, на практике, мы видим другое. Наглядным примером этого служит провозглашение дуалистического подхода к праву, однако американская

законодательная и судебная практика содержит монистический подход с доминантой своего внутреннего права. Фактически происходит жесткое навязывание собственных правил поведения суверенным государствам. «Американское понимание экстерриториальности является в значительной степени опасным явлением, корреспондирующим нарушению суверенитета других государств (что противоречит Уставу ООН), а также нарушению прав и интересов, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, иных международных документах, лиц, не находящихся в какой-либо правовой связи с США (граждан других государств), что в значительной мере диссонирует с целями права как таковыми» [4]. Экстерриториальность американского права – практически вмешательство во внутренние суверенные дела других государств.

В сфере экономического права проходит красной нитью поддержка собственного бизнеса и торговли в ущерб интересам остальных участников. Фактически американское государство оказывает помощь своим корпорациям в укреплении их позиций на мировых рынках. Причем можно отметить, что экстерриториальность американских законов – эффективное оружие не только в торговых войнах против геополитических конкурентов, но и против западноевропейских партнеров, что дает большое конкурентное преимущество американским компаниям [7]. Власти США включают в санкции своего экстерриториального права различные правовые средства – от штрафов и блокировки денежных средств на счетах до ареста активов, не говоря об арестах людей.

Вопрос о том, насколько внутренние правовые нормы США, устанавливающие экстерриториальность американского права, соответствуют действующему международному праву, в свете сказанного выше становится риторическим [5; 6; 3; 10] и в большей степени находится в сфере политических, а не правовых отношений.

Список источников и литературы

1. Акчурин Т.Ф. «Международные договоры в правовой системе США» / «Евразийский юридический журнал», № 2(105) 2017, стр. 210-220;
2. Акчурин Т.Ф. «Нормы международного обычного права в правовой системе США» / Международный правовой курьер, № 3-4, 2020, стр. 63-72;
3. Гландин С.В. Экстерриториальность американских санкций в действии //Международное правосудие. №2. 2018. С. 105-122;
4. Клишас А.А. США: К вопросу о пределах экстерриториальности действия права / <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/86194/>
5. Лавров С.В. Обращение к читателям журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. 2012. №8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720>;
6. Малеев Ю.Н., Рачков И.В., Ярышев С.Н. Санкции в международном праве: точка не поставлена // Московский журнал международного права. 2016. №2. С. 81–95, 81–82;
7. Манский Сергей «Американцы не церемонятся со своими зарубежными конкурентами» // Российская газета от 11.03.2019
8. «О границах экстерриториальности в американском праве» - 16.04.2014. РАПСИ - http://rapsinews.ru/international_publication/20140416/271153652.html
9. Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и государства. М., 2010. С. 296-297
10. Политика санкций: цели, стратегия, инструменты. Издание 2-2, переработанное и дополненное. / (сост. И.Н.Тимофеев, В.А.Морозов, Ю.С.Тимофеева); РСМД. – М.: НП РСМД, 2020
11. Kamminga M.T. Extraterritoriality. Gross violations – Comity – Jurisdiction of states, extra-territorial // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford, 2012;

12. Emmenegger S. Extraterritorial Economic Sanctions and Their Foundation in International Law // *Arizona Journal of International & Comparative Law*. Vol.33. 2016. No.3. P.631–659, 636
13. OECD Convention on combating bribery of foreign public officials in international business transactions - <https://www.oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm> (дата обращения 4.02.2022)
14. International Convention Against the Taking of Hostages (1979) https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XVIII-5&chapter=18&clang=_en (дата обращения 4.02.2022)
15. European Union’s blocking statute // COUNCIL REGULATION (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom (OJ L 309, 29.11.1996, p.1) - <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:01996R2271-20140220> (дата обращения 4.02.2022)
16. Конституция США.
17. Age Discrimination in Employment Act of 1967 (ADEA) (Pub. L. 90 - 202, 29 U.S.C. § 621 - 29 U.S.C. § 634)
18. Alien Tort Statute (codified in 1948 as 28 U.S.C. § 1350; ATS)
19. Americans with Disabilities Act of 1990 (ADA) (Pub. L. 101 - 336, 104 Stat. 327; 42 U.S.C. § 12101 et seq.)
20. Anticybersquatting Consumer Protection Act of 1999 (ACPA) (15 U.S.C. § 1125(d), § 1114(2)(D))
21. Civil Rights Act of 1964 (Pub. L. 88 - 352, 78 Stat. 241)
22. Countering America’s Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA, H.R. 3364, Pub.L. 115-44)
23. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act (Pub.L. 111–203; 124 Stat. 1376–2223); 12 U.S.C.: Banks and Banking; 15 U.S.C.: Commerce and Trade)

24. Foreign Account Tax Compliance Act (FATCA) (Pub.L. 111-147; 24 Stat. 71, 97-117; 26 U.S.C. §§ 1471–1474, § 6038D)
25. Foreign Corrupt Practices Act of 1977 (FCPA) (15 U.S.C. § 78dd-1, et seq.)
26. Foreign Trade Antitrust Improvements Act (FTAIA) (15 U.S.C. § 6a (2014); Pub. L. No. 97-290, 96 Stat. 1233 (1982))
27. Global Magnitsky Human Rights Accountability Act; S.284 - 114th Congress (2015-2016)
28. Hostage Taking Act of 1984 (Pub. L. 114 - 38; 18 U.S.C. §1203)
29. International Anti-Bribery and Fair Competition Act of 1998 (Pub. L. 105 - 366, 112 Stat. 3302 (1998))
30. Lanham (Trademark) Act of 1946 (Pub. L. 79 - 489, 60 Stat. 427; 15 U.S.C. § 1051 et seq.; 15 U.S.C. ch. 22)
31. Omnibus Diplomatic Security and Antiterrorism Act of 1986 (Pub. L. 99 - 399; 22 U.S.C. §4852).
32. Protection of Trading Interests Act - The Public General Acts 1980 (London) , H. M. Stationery office, part I, chap. 11
33. Rodchenkov Anti-Doping Act of 2019 (H.R.835; Pub.L. No: 116-206 (12/04/2020) - <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/835/text>
34. Russia and Moldova Jackson-Vanik Repeal and Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 ; H.R.6156 - 112th Congress (2011-2012);.
35. Sarbanes - Oxley Act of 2002 (Pub. L. 107 - 204, 116 Stat. 745 (2002))
36. Securities Exchange Act of 1934 (also called the Exchange Act, '34 Act, or 1934 Act) (Pub.L. 73–291, 48 Stat. 881, enacted June 6, 1934, codified at 15 U.S.C. § 78a et seq.)
37. Sherman Antitrust Act of 1890 (26 Stat. 209, 15 U.S.C. §§ 1–7)

38. The Federal Rules of Criminal Procedure - <https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp>
39. Trademark Counterfeiting Act of 1984 (Pub. L. 98-473, Tit. II, § 1502(a), 98 Stat. 2178)
40. Trading with the enemy Act of 1917 (TWEA) (40 Stat. 411, 12 U.S.C. §§ 95a - 95b and 50 U.S.C. App. §§ 1 - 44).
41. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act (USA PATRIOT) Act of 2001 (Pub.L. 107–56, § 1(a), 115 Stat. 272, 272).
42. Restatement (Third) of Foreign Relations Law of the US (1987)
43. Uniform Code of Military Justice (UCMJ, 64 Stat. 109, 10 U.S.C. §§ 801–946).
44. «In» Porters, S.A. v. Hanes Printables, Inc. 663 F.Supp. 494, 502 (M.D. N.C. 1987)
45. Asahi Metal Industry Co. v. Superior Court, 480 U.S. 102 (1987),
46. Asahi Metal Industry Co. v. Superior Court, 480 U.S. 102, 107 S. Ct. 1026, 94 L. Ed. 2d 92 (1987)
47. Asakura v. City of Seattle, 265 U.S. 332 (1924)
48. Cook v. Tait, 267 U.S. 47 (1927)
49. Demjanjuk v. Petrovsky, 776 F.2d 571 (6th Cir. 1985)
50. Eurim-Pharm GmbH v. Pfizer, Inc., 593 F. Supp. 1102. (S.D.N.Y. 1984).
51. Gulf Oil Corp. v. Gilbert, 330 U.S. 501 (1947)
52. Hartford Fire Insurance Co. v. California, 509 U.S. 764 (1993).
53. Heins v. Wilhelm LOH Wetzlar Optical MACH. GMBH, 522 N.E.2d 989 (Mass. App. Ct. 1988)
54. In Re Perrier Bottled Water Litigation, 754 F. Supp. 264 (D. Conn. 1990)
55. In the Matter of Demjanjuk, 612 F. Supp. 534, 556 (N.D. Ohio 1985),

56. Ker v. Illinois, 119 U.S. 436 (1886); Frisbie v. Collins, 342 U.S. 519 (1952)
57. Kiobel v. Royal Dutch Petroleum Co., 133 S. Ct. 1659 (2013)
58. Lister v. Marangoni Meccanica SpA, 728 F. Supp. 1524 (D. Utah 1990)
59. Loral Fairchild Corp. v. Victor Co. of Japan, Ltd., 803 F. Supp., 626 (E.D.N.Y. 1992)
60. Matsushita Electric Industrial Co., Ltd. v. Zenith Radio Corp., 475 U.S. 574 (1986)
61. Morrison v. National Australia Bank Ltd., 130 S. Ct. 2869 (2010);
62. Omni Capital v. Rudolf Wolff & Co., 484 U.S. 97 (1987)
63. Omni Capital v. Rudolf Wolff & Co., 484 U.S. 97 (1987)
64. *Phillips Petroleum Co. v. Shuns.* 472 U.S. 797 (1985)
65. Reid v. Covert, 354 U.S. 1 (1957)
66. Rivard v. United States, 375 F. 2d 882. 885 (5th Cir. 1967)
67. Societe Nationale Industrielle Aerospatiale v. United States District Court, 482 US 522, 546, 107 SCt 2542, 2557 (1987)
68. Societe Nationale Industrielle Aerospatiale v. United States District Court, 482 US 522, 546, 107 SCt 2542, 2557 (1987)
69. Solorio v. United States. 483 U.S. 435 (1987).
70. Steele v. Bulova Watch Co., Inc., 344 U.S. 280 (1952);
71. Union Carbide Corp. Gas Plant Disaster, 809 F.2d 195 (2d Cir.1987).
72. United States v. Aluminum Co. of America (Alcoa), 148 F.2d 416, 444 (2d Cir. 1945).
73. United States v. Alvarez-Machain, 504 U.S. 655 (1992)
74. United States v. Benitez, 741 F.2d 1312, 1316 (11th Cir. 1984);
75. United States v. Cardales, 168 F.3d 548, 553 (1st Cir. 1999)
76. United States v. Guy W. Capps., Inc., 348 U.S. 296 (1955)

77. United States v. Rezaq, 134 F.3d 1121 (D.C.C., 1998)
78. United States v. Suerte, 291 F.3d 366,. 369-72 (5th Cir. 2002);
79. United States v. Wright-Baker, 784 F.2d 161, 167 (3d Cir. 1986).
80. US Court of Appeals. United States v. MacAllister, 160 F.3d 1304, 1307-08 (11th Cir. 1998)
81. US District Court, N.D. Georgia, Atlanta Division. United States v. Erdal Akova. Criminal Action No.: 1:12-cr-0220-ELR-JKL-2. Final Report & Recommendation. 28 October 2016
82. Vanity Fair Mills, Inc. v. T. Eaton Co., 234 F. 2d 633 (2d Cir. 1956)
83. Weight v. Kawasaki Motors Corp., U.S.A., 604 F. Supp. 968 (E.D.Va. 1985);
84. Whitney v. Robertson, 124 U.S. 190 (1888)
85. *Home Insurance Co. v. Dick*. 281 U.S. 397 (1930);
86. The U.S. Securities and Exchange Commission - <http://www.sec.gov/spotlight/fcpa/fcpa-cases.shtml>. (дата обращения 4.02.2022)
87. The American Law Institute - <https://www.ali.org/>(дата обращения 4.02.2022)
88. International Insolvency Institute – www.iiiglobal.org(дата обращения 4.02.2022)
89. Comments of the European Community on the Amendments of 22 June 1982 to the US Export Administration Regulations, 12 August 1982. EC Information Service. URL: http://aei.pitt.edu/1768/1/US_dispute_comments_1982.pdf (дата обращения 4.02.2022)

Капустина Дарья Андреевна,
ведущий специалист Управления информационного и
документационного обеспечения Администрации Президента Российской
Федерации,
e-mail: daria_kapustina@bk.ru

Daria A. Kapustina,
Leading specialist, Presidential Document Processing Directorate,
e-mail: daria_kapustina@bk.ru

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СПОРА О
СУВЕРЕНИТЕТЕ НАД ФОЛКЛЕНДСКИМИ (МАЛЬВИНСКИМИ)
ОСТРОВАМИ**

**INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF THE DISPUT ON
SOVEREIGNTY OVER THE FALKLAND (MALVINSKY) ISLANDS**

Аннотация: данная статья посвящена исследованию продолжающегося почти двести лет спора о государственной принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов. В ней представлены такие понятия, как «суверенитет», «спор о суверенитете», «территориальный спор», а также дана характеристика существующему конфликту. Изучены вопрос рассмотрения проблемы Фолклендских (Мальвинских) островов в рамках Организации Объединенных Наций, позиции Аргентины и Великобритании. Проведен сравнительный анализ доводов спорящих сторон, выделены их слабые и сильные стороны.

Ключевые слова: Фолклендские острова, Фолкленды, Фолклендский вопрос, Мальвинские острова, Мальвины, Мальвинский вопрос, суверенитет, спор о суверенитете, территориальный спор, государственная принадлежность, Комитет по деколонизации ООН, освобождение от колониальной зависимости, колонии.

Abstract: this article explores the nearly two-hundred-year-long dispute over the Falkland Islands (Malvinas). It introduces the concepts of "sovereignty", "sovereignty dispute", "territorial dispute" and describes the existing conflict. The author examines the way the United Nations deal with the Falkland Islands (Malvinas) issue, as well as Argentina's and the United Kingdom's positions on the matter. A comparative analysis is made of the disputing parties' arguments, with their strong and weak points highlighted.

Keywords: Falkland Islands, Falklands, Falklands Issue, Malvinas Islands, Malvinas, Malvinas Issue, sovereignty, sovereignty dispute, territorial dispute, nationality, United Nations Special Committee on Decolonization, colonies.

Введение

В современной системе международных отношений существует большое число неразрешенных проблем, среди которых особое место отведено спорам о государственной принадлежности территорий. Одним из таких является продолжающийся на протяжении нескольких столетий конфликт между Аргентиной и Великобританией за Фолклендские (Мальвинские) острова – архипелаг, расположенный в южной части Атлантического океана. Находясь рядом с Аргентиной и в тысячах километрах от Великобритании, с 1843 года он имел статус колонии Соединенного Королевства [36], с 1981 года – зависимой территории, а в 2002 году был переименован в заморские территории [35]. С 14 декабря 1946 г. острова включены в перечень самоуправляющихся территорий ООН [2].

Согласно сложившейся практике данный конфликт принято рассматривать как спор о суверенитете. В 1933 году в ходе VII Панамериканской конференции в Монтевидео была подписана Конвенция о правах и обязанностях государств, содержащая признаки правосубъектности государств [18]. В соответствии с документом к таким свойствам относят «наличие определенной территории, проживающее на этой территории более

или менее постоянное население, наличие эффективно действующего правительства, подтверждение суверенитета другими государствами» и другие [29].

Термин «суверенитет» широко обсуждаем в научных кругах. При этом, как считает М. Ремизов, «сам же он не является понятием, созданным для анализа политического процесса и решения возникающих в ходе этого анализа проблем. Он сам является философской проблемой» [30]. Тем не менее наиболее общим определением считается «право государства осуществлять законодательную, административную власть без вмешательства со стороны других государств, а также самостоятельно проводить свою внешнюю политику» [24]. Также важно здесь отметить Жан-Жака Руссо и его теорию народного суверенитета, согласно которой последний – один из принципов конституционного строя всех существующих на сегодняшний день демократических государств. «Он означает верховенство и независимость народа в выборе основных ценностей, целей и задач своего развития, способов и средств их достижения; а также единство народа в выражении властной воли» [27].

Понятие «спор о суверенитете» в международном праве отсутствует, но его можно трактовать как спор о правовом статусе определенных территорий. В свою очередь, правовой статус территории «является основополагающей правовой характеристикой, которая позволяет определить ее принадлежность согласно международно-правовой классификации», как то: государственная территория, международная территория, территория со смешанным режимом [21].

Важно подчеркнуть, что, в соответствии с закрепленным в «Словаре международного права» определением, «международный спор между двумя или несколькими государствами по поводу юридической принадлежности определенной территории» квалифицируется как территориальный спор [32]. Одновременно международное право гласит, что спор является таковым при обязательном наличии сторон (субъектов) спора, совпадающего объекта спора

(территория) и признанного всеми сторонами предмета спора, то есть права государства на территорию [28].

В контексте рассматриваемого конфликта понятия «спор о суверенитете» и «территориальный спор» можно назвать тождественными, так как они представляют собой четко обозначенные разногласия сторон по поводу объекта, территории, предмета спора, распространения своего суверенитета на конкретную территорию.

Таким образом, проблему статуса Фолклендских (Мальвинских) островов можно охарактеризовать как существующий в настоящее время территориальный спор о государственной принадлежности архипелага между Аргентиной и Великобританией.

Историко-правовой анализ спора о статусе Фолклендских (Мальвинских) островов

Многие современные исследования отмечают, что вопрос о статусе земель тянется с 1831 по 1833 г., однако при более детальном изучении конфликта можно констатировать, что корень проблемы лежит в далеком колониальном прошлом региона. Для выделения общего и различий рассмотрим подходы сторон конфликта в историческом разрезе.

Так, по мнению Аргентины, история открытия Мальвинских (Фолклендских) островов, предположительно, берет свое начало 1502 году, когда эти земли были обнаружены португальскими мореплавателями и внесены в регистр Америго Веспуччи. Согласно одним британским источникам право первооткрывателя соотносят с именем английского капитана Джона Дэвиса, совершившего свое путешествие в 1592 году, а по другим – с Ричардом Хокинсом, обнаружившим острова в 1594 году. В то же время существуют данные об открытии островов голландским мореплавателем Себальдом де Вертом в 1600 году. Британские архивные данные также утверждают, что первая зарегистрированная высадка на острова была произведена в 1690 году капитаном Джоном Стронгом, который и назвал

новые земли Фолклендскими островами в честь Энтони Кэри, 5-го виконта Фолклендского полка, который финансировал экспедицию и позже стал первым лордом Адмиралтейства [40].

Аргентинские источники также содержат сведения о том, что начиная с 1522 года данные территории были обозначены на многочисленных испанских картах, и отмечают, что острова были открыты Эстебаном Гомесом в ходе экспедиции Магеллана в 1520 году. Как и британцы, аргентинцы подтверждают данные об обнаружении островов голландским мореплавателем Себальдом де Вертом в 1600 году, однако опровергают данные об открытии земель Дэвисом в 1592 году и Хокинсом в 1594 году, приводя в качестве аргумента отсутствие каких-либо соответствующих отметок в британских картографических источниках того периода [40].

Стороны едины в том, что, когда прибыли первые европейцы, острова были полностью необитаемы. Аргентина и Великобритания также согласны в том, что в феврале 1764 г. Луи Антуан де Бугенвиль основал французское поселение Порт-Луи и прозвал острова Isles Malouines (в честь своего родного города Сан-Мало), от которого и происходит современное испанское название – Мальвинские острова [25]. Однако в 1766 году на втором острове – Гран-Мальвина – британцы основали свое поселение под названием Порт-Эгмонт. Сегодня они заверяют, что якобы никогда не знали о том, что французы первыми создали свое поселение на другой части архипелага [22].

Тем не менее важным историческим документом являются Тордесильясский договор от 07 июня 1494 г., по которому все земли, которые «Кастилия открыла или откроет западнее меридиана, проходящего в 100 лигах левее островов Зелёного Мыса, должны принадлежать ей, а новые земли, которые будут открыты в районах восточнее этой линии – Португалии» [15], а также Утрехтский мирный договор 1713 г. [16], который установил границы Испанской империи в Северной и Южной Америке. В то же время положения Утрехта лишь обещали восстановить территории

в Новом Свете, которые удерживались до войны за испанское наследство в регионе [31].

Так, Испания, обнаружив Порт-Луи, выдвинула протест Франции в отношении принадлежности островов, ссылаясь на упомянутые документы. В это время отношения между странами находились на высоком уровне, ввиду чего последняя не намеревалась участвовать в споре за территории и в 1766 году приняла решение оставить их, запросив лишь финансовую компенсацию в размере суммы, потраченной на возведение города. Испания выполнила обязательства, назначила губернатора, подконтрольного Рио-де-ла-Плата, а также, присвоив себе право первого оккупанта, унаследованного от Франции, и переименовав в 1767 году Порт-Луи в Порт-Соледад, начала непрерывное управление островами [22].

1770 год положил начало следующему этапу спора о принадлежности островов, когда Испания, считавшая себя полноправной владелицей земель, обнаружила на них британское поселение и, основываясь на действующем соглашении с Великобританией, запрещающем создавать колонии в этой части света, уничтожила город, приказала британцам покинуть земли. Это практически привело к войне между величайшими морскими державами того времени, но благодаря вмешательству Франции стороны пришли к перемирию в 1771 году и смогли избежать войны [22].

В то же время, согласно декларации от 22 января 1771 г. [25], принятой британским правительством, испанское руководство, чтобы не порочить честь Соединенного Королевства, разрешило британцам вернуться в Порт-Эгмонт и отдало приказ о его восстановлении, но подчеркнуло, что данный акт не изменит и не будет ставить под сомнение суверенитет Испании над островами. Таким образом, британцам было разрешено оставаться на землях, однако их принадлежность оставалась за испанской стороной [22]. Британская же позиция интерпретирует это соглашение иначе.

Покидая в 1774 году острова по экономическим причинам, а также ввиду начавшейся войны за независимость в США, Великобритания

проигнорировала достигнутые договоренности и оставила после себя флаг и табличку от 1765 года, которой закрепляла за собой принадлежность поселения, а также заявляла, что суверенитет британской короны распространяется на оба острова [43]. Отмечается, что в 1777 году британская табличка была снята и отправлена в Буэнос-Айрес.

В 1790 году Великобритания и Испания подписали ряд соглашений и деклараций о мире и торговом сотрудничестве, среди которых отдельное место занимает Конвенция Святого Лаврентия (Нутка). По ней обе стороны обязались не захватывать новые земли и определили, что принадлежность имеющихся подконтрольных территорий остается такой, какой она являлась на момент подписания документов. Проблема заключалась в том, что каждая из сторон спора была уверена в принадлежности спорного архипелага именно ей и что подписанием данного соглашения они лишь подтвердили это.

Спустя несколько лет, в 1811 году, с вторжением Наполеона в Европу и с началом борьбы за независимость в странах Латинской Америки, Испания отозвала все свои вооруженные силы, включая губернатора Мальвин, для направления на войну с революционными движениями на континенте. При этом табличка, подтверждающая суверенитет Испании, была оставлена на островах: «Этот остров с его портами, зданиями, хозяйственными постройками и тем, что они содержат, принадлежат суверенитету его Величества Д. Фернандо VII, Короля Испании. Соледад, 07 февраля 1811 г.» [49].

В 1816 году освобождение от колониальной зависимости Испании получили Соединенные провинции Южной Америки (Соединенные провинции Рио-де-ла-Плата), преемником которых считается современная Республика Аргентина [26]. С этого момента начинается историческая часть ее позиции в отношении спора.

6 ноября 1820 г. в Порте-Соледад в рамках официальной церемонии был поднят флаг Соединенных провинций Южной Америки. На мероприятии присутствовали представители различных национальностей, в том числе и

британский исследователь Дж. Веддл [49]. Новое независимое правительство заявило о своих правах на Мальвинские острова, а также обратилось к судам, незаконно занимающихся выловом рыбы и китобойным промыслом в прилегающих к ним водах, с требованием прекратить деятельность. Эта декларация была одобрена представителем британской дипмиссии в Буэнос-Айресе, а мероприятие получило освещение в иностранных, включая британские, средствах массовой информации, в частности в The Times 3 августа 1820 года.

В 1825 году, после официального заявления о принадлежности Мальвинских островов Соединенным провинциям Рио-де-ла-Плата, Соединенное Королевство признало независимость нового государства и заключило с ним соглашение о торговле, не затрагивая при этом вопрос суверенитета над архипелагом [49].

Тем не менее земли оставались пустыми до 1823 года, когда Луи Верне, купец из Гамбурга, обратился к правительству Буэнос-Айреса с планом создания поселения на островах для вылова рыбы, китобойного промысла и разведения крупного рогатого скота, на что и получил грант. Экспедиция 1824 г. потерпела крах, и лишь к 1829 году Луи Верне смог основать поселение на Восточном Фолкленде, получив от правительства в Буэнос-Айресе освобождение от налогов с условием того, что в течение трех лет на островах будет создана колония [44].

Здесь важно отметить, что, зная о противоречивых британских претензиях на земли, Л. Верне также просил разрешения на отъезд на острова и в представительстве Соединенного Королевства в стране, выражая в том числе пожелание получить защиту со стороны британского правительства в случае их возвращения на территории. Несмотря на это, 10 июня 1829 г. правительство в Буэнос-Айресе назначило Л. Верне губернатором, а также военным командующим островами [44].

Когда об этом стало известно в столице, Вубин Пэриш, временный поверенный в делах Великобритании, выступил с официальной нотой

протеста, гласившей, что «Республика Аргентина, издавая подобный указ, (имеет) берет на себя власть, несовместимую с суверенным правом ее Королевского Величества над Фолклендскими островами», ссылаясь при этом на честь открытия островов британскими мореплавателями и возобновление владения ими в 1771 году [44].

Необходимо подчеркнуть, что Великобритания, оставляя острова в 1774 году, продолжила осуществлять свое присутствие в прилегающих к ним морских пространствах, пользуясь поддержкой Новой Англии. Она вела китобойный промысел, импортируя тонны жира, костей и других субпродуктов морских львов, тюленей и китов, представлявших особую ценность в период промышленной революции XVIII-XIX веков [39].

В 1831 году Л. Верне, наделенный властью и возмущенный незаконной деятельностью, задержал три американских корабля. Со своей стороны США не признавали его в качестве легитимного губернатора островов и рассматривали данные действия как акт пиратства. В ответ они направили военный корабль «Лексингтон» для уничтожения аргентинского поселения и изгнания всех жителей [38]. Их поддержала Великобритания, которая заявляла, что Аргентина не имеет законных оснований для оккупации островов, так как ранее установленная табличка содержала информацию об их принадлежности британской короне. Таким образом, после разгрома архипелаг вновь остался без управляющей администрации и практически без населения.

Год спустя Аргентина направила свой корабль для попытки установления суверенитета над островами, но к ним прибыли вооруженные силы Великобритании, которые отдали приказ снять флаг Аргентины и водрузить флаг Соединенного Королевства, угрожая при этом столкновением с большим количеством вооруженных сил. Аргентинский представитель не имел в распоряжении ни людей, ни вооружений и был вынужден вернуться в Буэнос-Айрес [38].

С этого момента начинается период оккупации островов британской стороной, которая продолжается и до настоящего времени. В январе 1834 г. главой Порта-Луи был назначен британский военно-морской командующий, и до января 1842 г. острова оставались под руководством британского адмиралтейства до назначения в 1841 г. колониальным офисом, расположенным в Лондоне, лейтенанта-губернатора. В 1843 году, согласно акту парламента, острова были переданы в ведение гражданской администрации, получили статус колонии британской короны под управлением губернатора, законодательного и исполнительного советов [36].

В 1849 году Аргентина и Великобритания подписали Арана-Южный договор – конвенцию об урегулировании существующих разногласий и восстановлении дружбы [48]. Вопрос принадлежности островов там не затрагивался.

Аргентина многократно заявляла о своих претензиях на острова и в 1982 году военным путем пыталась вернуть суверенитет над ними, однако понесла потери и вынуждена была капитулировать. Акт капитуляции также не содержал положений о статусе архипелага [41]. При этом, согласно информации из рассекреченных документов военного столкновения, следует, что британская сторона в целом была готова вести переговоры относительно принадлежности островов. Ссылаясь на непримиримую позицию правящей аргентинской хунты и главы страны в то время Леопольдо Галтьери, архивные данные подтверждают, что начать переговоры так и не удалось [23].

Рассмотрение спора о статусе Фолклендских (Мальвинских) островов в рамках ООН

Вопрос о государственной принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов на регулярной основе поднимается в рамках Организации Объединенных Наций, и в течение 77 лет ее существования обсуждение данной проблемы прошло несколько этапов.

Истоками изучения спора в рамках Организации можно считать 1945–1959 годы. В ходе встречи по разработке Устава ООН в Сан-Франциско в мае 1945 г. аргентинская сторона сформулировала оговорку в отношении Фолклендских (Мальвинских) островов, и на первой Генеральной Ассамблее в 1946 году состоялся первый обмен мнениями по этому вопросу между правительствами двух стран в рамках Организации. Тогда в основе британской позиции лежало решение включить острова в число самоуправляющихся территорий, по которым она будет передавать информацию в соответствии со ст. 73 (п.5) Устава. Такое решение нашло отражение в итоговом документе A/200 и резолюции 66 (I), принятой ГА ООН 14 декабря 1946 года [2]. Аргентинская же делегация ограничилась непризнанием суверенитета другой стороны над спорным архипелагом.

В главе XI Устава Организации Объединенных Наций не уточняется, какова должна быть конечная цель процесса управления над землями. В этой связи следует отметить, что указанная глава, содержащая только 2 статьи (73 и 74), представляет собой декларацию, касающуюся самоуправляющихся территорий, но не устанавливает конкретных обязательств управляющих держав в отношении этих территорий, за исключением обязательства информировать Генерального секретаря в рамках ст.73 (п.5).

Это противоречит обязательному характеру более детальной Международной системы опеки, закрепленной в главах XII и XIII Устава. Она в целом представляет собой непосредственные обязательства ООН, а не некой группы управляющих держав, «чтобы способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу населения территорий под опекой, его прогрессу в области образования и его прогрессивному развитию в направлении к самоуправлению или независимости...» [1]. Этот пробел в Уставе постепенно устранялся Генассамблеей, которая формулировала руководящие принципы процесса деколонизации и устанавливала ряд обязательств и шагов, необходимых для искоренения колониализма. Это

также оказало влияние и на рассмотрение Фолклендского (Мальвинского) вопроса.

Импульсом к развитию процесса деколонизации стало принятие 14 декабря 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (резолюция № 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи), известной также как Декларация о деколонизации, п.6 которой гласит: «Генеральная Ассамблея торжественно провозглашает необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму во всех его формах и проявлениях и с в этой целью заявляет, что всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН» [3]. Можно считать, что именно это ознаменовало второй этап рассмотрения вопроса государственной принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов в Организации Объединенных Наций и заложило основу для дальнейшей деятельности ООН по этой проблеме.

В 1961 году во исполнение резолюции № 1654 был создан Специальный комитет по деколонизации [4]. Именно в рамках его работы в период с 1960 по 1964 г. доводы Аргентины получили широкую поддержку и было определено, что имеют место обычные колониальные ситуации, когда над коренным населением установлено господство другой державы, и особые колониальные случаи, когда такое население отсутствует, а между субъектами спора встает вопрос установления юридической принадлежности территории.

Данное уточнение – о правах коренных народов – можно найти и в резолюции № 1514, которая, «... признавая, что народы в своих собственных интересах могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами..., исходя из убеждения, что все народы имеют неотъемлемое право на полную свободу, осуществление своего суверенитета и целостность национальной территории...», гласит: «...все народы имеют право на самоопределение и в силу этого права они свободно устанавливают свой

политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие» [3].

Таким образом, 16 декабря 1965 г. Генеральной Ассамблеей была принята резолюция № 2065, которая подтвердила существование спора между Аргентиной и Великобританией о суверенитете над Фолклендскими (Мальвинскими) островами и признала тем самым сложившуюся ситуацию одной из форм колониализма, призвав страны «...незамедлительно приступить к переговорам для поисков мирного решения проблемы в соответствии с положениями и целями Устава ООН, с учетом резолюции № 1514, а также интересов населения островов» [5].

В ней были четко определены параметры рассмотрения вопроса о Фолклендских (Мальвинских) островах в рамках ООН, в том числе:

1. Спор о Мальвинских островах представляет собой особый колониальный случай, к которому применяется резолюция № 1514.
2. Признается существование спора о суверенитете между Аргентиной и Великобританией.
3. Решение спора должно осуществляться мирными средствами.
4. Положение о допустимости использования в данном споре права народов на самоопределение отсутствует.
5. ГА ООН призывает стороны начать переговорный процесс для изыскания мирного урегулирования данной проблемы.

Эта резолюция положила начало новому витку взаимодействия между Аргентиной и Великобританией, который, к сожалению, не привел к окончательному урегулированию спора. Так, за этим последовали новые резолюции ГА ООН: две – до конфликта 1982 г. (3160 от 1973 г. [6] и 31/49 от 1976 г. [7]), а также шесть – после конфликта (37/9 от 1982 г. [8], 38/12 от 1983 г. [9], 39/6 от 1984 г. [10], 40/21 от 1985 г. [11], 41/40 от 1986 г. [12], 42/19 от 1987 г. [13] и 43/25 от 1988 г. [14]). Несмотря на требование ООН, Великобритания продолжала настаивать на том, что принцип права народов на самоопределение должен положить конец Фолклендскому (Мальвинскому)

вопросу. Генеральная Ассамблея, в свою очередь, ни разу не поддержала эту позицию и в 1985 году подавляющим большинством голосов решительно отвергла поправки, предлагаемые британской стороной для конкретизации данного принципа.

Как уже отмечалось, последней резолюцией Генеральной Ассамблеи по вопросу о Фолклендских (Мальвинских) островах была резолюция № 43/25 1988 года. Начиная с этого времени, основное внимание уделялось работе Специального комитета по деколонизации, который из года в год продолжал принимать конкретные резолюции и проводить ежегодные обсуждения по этому вопросу.

С 1993 года сменявшие друг друга министры иностранных дел Аргентины освещали официальную позицию страны. В обсуждении также принимали участие многие государства, тогда как Великобритания в этих дискуссиях не участвовала, поскольку решила официально не сотрудничать с Комитетом. Она заняла весьма критическую позицию в отношении его работы, так как его высказывания были аналогичны Генеральной Ассамблеи и призывали правительства Аргентины и Соединенного Королевства возобновить переговоры с тем, чтобы найти мирное и окончательное разрешение спора.

С 1983 года по настоящее время Специальный комитет принял 36 резолюций по вопросу о Фолклендских (Мальвинских) островах, которые последовательно игнорировались Соединенным Королевством. С 1993 года эти резолюции принимались консенсусом.

Небольшое количество стран, среди которых находятся государства, имеющие под своей ответственностью колониальные территории, считают, что Комитет потерял силу и что в свете отсутствия прогресса в процессе деколонизации виделось бы необходимым принять решение о прекращении его полномочий. Тем не менее большинство членов Организации Объединенных Наций, в том числе Аргентина, все еще полагают, что его работа сохраняет актуальность, поскольку мандат, установленный

резолюцией № 1654, не был выполнен и по-прежнему остается 17 территорий, на которые распространяется Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, процесс деколонизации которых не завершен. Международный уголовный суд ООН также подчеркивает, что, несмотря на прошедшее время, резолюции данного органа не потеряли своей силы.

В 2022 году исполняется 62 года с момента принятия резолюции № 1514, и ООН со своей стороны подчеркивает приверженность процессу деколонизации Фолклендских (Мальвинских) островов, призывая стороны сесть за стол переговоров и урегулировать данный спор мирными средствами с учетом 10 ее резолюций, а также 36 – Специального комитета по деколонизации [42].

Позиции сторон в отношении спора о статусе Фолклендских (Мальвинских) островов

Актуальную позицию Аргентины можно обозначить следующим образом. В первую очередь сторона отмечает географический фактор, а именно расположение Фолклендских (Мальвинских) островов в границах территориального шельфа страны. С конца 1990-х гг. аргентинские ученые занимались подготовкой исследования для направления доводов за его расширение в соответствующую Комиссию ООН [45]. Так, результаты работы были переданы в 2009 году, а в 2016 году свет увидело решение, согласно которому за Аргентиной признавалось право расширения границ ее континентального шельфа до 350 морских миль.

Однако принимаемые данной Комиссией решения носят рекомендательный характер, а территории, имеющие неопределенный суверенитет, ею не рассматриваются. Так, по делу Аргентины отмечено, что Фолклендские (Мальвинские) острова являются предметом территориального спора Аргентины и Великобритании и данный орган не вправе определять их суверенный статус и рассматривать острова и прилегающие к ним территориальные воды в контексте обращения аргентинской стороны [17].

Несмотря на это, данное заключение рассматривается Аргентиной как успешный результат работы в контексте восстановления своего суверенитета над островами.

Буэнос-Айрес привержен позиции, что Испания является первооткрывателем островов и, подчеркивая свой статус государства-преемника, приписывает себе право претендовать на них, основываясь на принципе *uti possedetis juris*. В этом контексте она активно использует положения Тордесильясского мирного договора 1494 г. и Утрехтского мирного договора 1713 г. между Великобританией и Испанией, а также право наследования островов Испанией от Франции.

Дополнительно подчеркивается, что подписанием Конвенции 1790 г. с Испанией Соединенное Королевство признало суверенитет испанской короны над островами, а в 1825 году – независимость нового государства от колониального господства: обязалось уважать его территориальную целостность, а следовательно, и его верховенство над Мальвинскими островами как правопреемника.

Это подтверждается заявлением палаты общин 1983 г. [37], которое отмечает, что, приняв Конвенцию о заливе Нутка в 1790 г., Великобритания отказалась от права создания на побережье Южной Америки и прилегающих островах поселений. В нем также содержались сведения о том, что королевский военно-морской флот относился к деятельности испанцев на островах с равнодушием [37]. Аналогичные тезисы, раскрывающие суть Конвенции 1790 г., присущи и Меморандуму от 29 февраля 1928 года. В нем приводится текст ст. 6 и констатируется, что «Великобритании было запрещено оккупировать какую-либо часть Фолклендских островов» [20]. Меморандум также гласит, что Договор 1790 г. был аннулирован, когда Испания в 1795 году объявила войну Великобритании, однако вновь обрел силу после подписания 18 августа 1814 г. в Мадриде сторонами Договора о дружбе и союзе (первая дополнительная статья Договора) [20].

В своих доводах аргентинская сторона также использует документы от 7 декабря 1910 г. департамента истории МИД Великобритании, которые содержат аналогичный вывод: «В силу ст.6 Договора 1790 г., очевидно, что Великобритании было запрещено оккупировать какую-либо часть Фолклендских (Мальвинских) островов» [25].

Претензии Аргентины основываются также на осуществляемом над островами управлении аргентинским губернатором Л. Верне. Однако необходимо сказать, что он вел двойную игру, поддерживая отношения как с Буэнос-Айресом, так и с временным поверенным в делах Соединенного Королевства в стране, нацеленные лишь на извлечение личной финансовой выгоды [34]. Получив назначение в 1829 году и попытавшись воспользоваться своими полномочиями, он был быстро свергнут войсками Соединенных Штатов. В своем докладе он писал, что «учреждение поселения было его личной инициативой. Со стороны аргентинского правительства он не получал ни заработной платы, ни средств на содержание и поддержание поселения на островах». Несмотря на это, формальный факт его назначения губернатором островов является неоспоримым [44].

В 2013 году на островах был проведен референдум, по результатам которого 99,8% населения выступили за сохранение британского подданства [47]. Власти Аргентины отказываются применять к данному спору право народов на самоопределение, так как аргентинское население и местное аргентинское правительство было изгнано с островов с применением силы, а в течение последующих лет там была установлена колониальная администрация, а также размещены британские подданные. По сути, граждане представляют собой временное население, которое оккупирует данную территорию и не может прибегать к использованию права народов на самоопределение.

Несмотря на неразрешенность спора о юридической принадлежности островов, действующая Конституция Республики Аргентины подтверждает: «...свой законный и неотъемлемый суверенитет над Мальвинскими

островами..., а также над их внутренними и прилегающими к ним морскими пространствами, которые она считает частью своей национальной территории...» [19].

Текущая позиция Великобритании о притязаниях на суверенитет над Фолклендскими (Мальвинскими) островами базируется на последовательности следующих событий: самое раннее и, вероятно, первое открытие островов Джоном Дэвисом в 1592 году и Джоном Хокинсом в 1594 году; первая известная высадка на острова капитана Джона Стронга в 1690 году; создание в 1766 году поселения по меньшей мере из 400 человек в Порт-Эгмонте, который в 1774 году был оставлен по принуждению испанской стороны, но на котором была размещена табличка, заявляющая о претензиях на эти территории; исход испанского населения с Восточного Фолкленда в 1811 году; британские протесты против назначения Буэнос-Айресом Л.Верне губернатором островов; британцы подчеркивают испанскую реституцию Порт-Эгмонта и утверждают, что оставление британцами островов в 1774 году не означало отказ от них; возврат британской стороной Порт-Эгмонта в 1832 году и занятие Порта-Луи в 1833 году; продолжающееся, эффективное и мирное владение островами с 1833 года.

Британская аргументация активно отстаивает права жителей островов, заявляя, что они не являются вновь прибывшими переселенцами на эти территории. Отмечается, что подавляющее большинство жителей родились там, а их семьи поселились на этих землях в XIX в. и насчитывают четыре, пять или даже шесть поколений. Опираясь на результаты проведенного референдума, правительство Великобритании выступает за то, что, независимо от того, какое количество человек проживает на островах, будь то две тысячи или двадцать, все они одинаково имеют право на защиту со стороны международного права, а их право на свободное выражение желаний должно уважаться. В этой связи руководство страны широко декларирует, что статус этих островов якобы окончательно определен.

Заключение

Рассмотрев существующие подходы сторон, а также роль Организации Объединенных Наций в урегулировании сложившегося многовекового конфликта можно сделать следующие выводы.

Фолклендские (Мальвинские) острова на протяжении всего периода с момента открытия представляли большую геополитическую и геоэкономическую ценность. Их побережья были богаты морскими животными, жир которых пользовался повышенным спросом в период промышленной революции XVIII-XIX веков. Также во времена отсутствия Панамского канала пересечение Магелланова пролива или пролива Бигля было единственным способом перехода из Атлантики в Тихий океан. Так, вопрос государственной принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов всегда имел серьезное значение [38].

Позиция Аргентины представляется весомой в контексте аргумента о географической принадлежности островов, особенно с учетом решения Комиссии ООН, подготовившей заключение о возможности расширения континентального шельфа страны до 350 морских миль.

Неоспоримым является и довод страны о ее правах на Фолклендские (Мальвинские) острова как правопреемницы Испании после обретения независимости в 1816 году. Рассмотренные документы от 1494 г., 1713 г., 1790 г. подчеркивают юридическую принадлежность архипелага испанской короне, суверенные права над которым она получила от Франции. Оставление островов в 1811 году нельзя квалифицировать как отказ от притязаний на них Испанией. Даже если и предположить такой подход, то направление в 1820 году независимыми Соединенными провинциями Рио-де-ла-Плата своих кораблей к Фолклендским (Мальвинским) островам для установления своего суверенитета можно соотнести с обретением ими права на земли по принципу *terra nullius*. В отношении занятия островов британской стороной Аргентина широко декларирует тезис об их незаконной оккупации и необходимости восстановления суверенитета над ними.

В этом контексте хотелось бы подчеркнуть, что в 1833 году современное международное право отсутствовало, а применение вооруженной силы было допустимым методом проведения внешней политики государств. МП позволяло захватывать неоккупированные земли, в том числе и не только тогда, когда коренное население отсутствовало, но и когда вторая сторона конфликта объективно была слабее. Таким образом, можно уверенно говорить о том, что одна из наиболее могущественных заморских держав того времени в полной мере использовала свои «права».

Сегодня позиция Великобритании вызывает ряд вопросов, так как с учетом изложенных фактов становится очевидным, что более полувека она не проявляла заинтересованности в установлении своего суверенитета над Фолклендскими (Мальвинскими) островами. При этом, королевство, не выражая притязаний на земли в период с 1774 по 1833 г., все же продолжало вести китобойный промысел в прилегающих к ним морских пространствах, обеспечивая себя ценным сырьем в период промышленной революции.

Их доводы о восстановлении в 1833 году господства над оставленными в 1774 году островами представляются незначительными, так как существовавшая договоренность о восстановлении разгромленного Порт-Эгмонта была нацелена на сохранение чести Короля Георга III с условием того, что британцы покинут острова без дальнейших притязаний на суверенитет [22].

Тем не менее иной тезис Соединенного Королевства – об управлении островами с 1833 г. и по настоящее время – довольно серьезен, так как согласуется со свойствами государственного суверенитета, такими как наличие определенной территории, проживающее на этой территории более или менее постоянное население, присутствие эффективно действующего правительства и ряд других.

В то же время мнение Великобритании о проведенном в 2013 году референдуме усиливает признанная концепция «народного суверенитета», согласно которой «народ выступает единственным и законным правомерным

носителем верховной власти или как источник государственного суверенитета» [33].

Организация Объединенных Наций со своей стороны признает наличие существующего спора о суверенитете между Республикой Аргентиной и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и на протяжении почти 77 лет с момента своего существования призывает стороны к разрешению проблемы путем проведения переговоров.

На сегодняшний день сложно говорить о возможном урегулировании конфликта между сторонами мирными средствами. Британское правительство на протяжении более 180 лет осуществляет контроль над архипелагом, осознает их стратегически выгодное положение с позиции размещения там своих военно-морских баз, а также с точки зрения проведения геологоразведочных мероприятий как на островах, так и в прилегающих к ним морских пространствах. Правительство, не выражая готовности к возобновлению переговоров с Аргентиной по статусу островов, решительно поддерживает право народов на самоопределение, а именно желание жителей и дальше оставаться под британским подданством. Со своей стороны Аргентина продолжает неизменно заявлять о необходимости восстановления своего суверенитета над Фолклендскими (Мальвинскими) островами, обращаясь к ООН и другим международным организациям с тем, чтобы призвать Соединенное Королевство сесть за стол переговоров.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций. – Текст : электронный // ООН : [сайт]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи 66 (I) от 14 декабря 1946 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/035/23/PDF/NR003523.pdf?OpenElement>.
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи 1514 от 14 декабря 1960 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/5614231.22882843.html>.
4. Резолюция № 1654 о ходе реализации Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. – Текст : электронный // ООН : [сайт]. – URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/1512998.04449081.html>.
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи 2065 от 16 декабря 1965 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/220/78/IMG/NR022078.pdf?OpenElement>.
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи 3160 от 14 декабря 1973 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/285/34/IMG/NR028534.pdf?OpenElement>.
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи 31/49 от 01 декабря 1976 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/306/50/IMG/NR030650.pdf?OpenElement>.
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи 37/9 от 04 ноября 1982 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/429/95/IMG/NR042995.pdf?OpenElement>.
9. Резолюция Генеральной Ассамблеи 38/12 от 16 ноября 1983 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/448/84/IMG/NR044884.pdf?OpenElement>.
10. Резолюция Генеральной Ассамблеи 39/6 от 01 ноября 1984 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/464/83/IMG/NR046483.pdf?OpenElement>.

11. Резолюция Генеральной Ассамблеи 40/21 от 27 ноября 1985 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: Резолюция Генеральной Ассамблеи 39/6 от 01 ноября 1984 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/464/83/IMG/NR046483.pdf?OpenElement>.
12. Резолюция Генеральной Ассамблеи 41/40 от 25 ноября 1986 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/499/76/IMG/NR049976.pdf?OpenElement>.
13. Резолюция Генеральной Ассамблеи 42/19 от 17 ноября 1987 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/517/09/IMG/NR051709.pdf?OpenElement>.
14. Резолюция Генеральной Ассамблеи 43/25 от 15 ноября 1988 г. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/534/66/>.
15. Тордессильясский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира 7 июня 1494 г. — Текст : электронный // Vostlit.info : [сайт]. — URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XV/1480-1500/Ferdi_Isabel/dogovor_tordesiljas_07_06_1494.htm.
16. The Peace of Utrecht. — Текст : электронный // Britannika : [сайт]. — URL: <https://www.britannica.com/topic/treaties-of-Utrecht>.
17. Правила процедуры Комиссии по границам континентального шельфа. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/309/25/PDF/N0830925.pdf?OpenElement>.
18. Convention on Rights and Duties of States adopted by the seventh International Conference of American States, signed in Montevideo, December 26th, 1933. — Текст : электронный // UN : [сайт]. — URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf>.
19. Конституция Аргентины. — Текст : электронный // World Constitutions : [сайт]. — URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=358>.

20. Memorandum Respecting the Falkland Islands and Dependencies, Confidential (13336), by Field, John.W., February 29, 1928 (FO 37/12735).
21. Бабурин С. Я. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 43.
22. Дипломатический кризис из-за Фолклендских островов. — Текст : электронный // WikiPress : [сайт]. — URL: https://ruwiki.press/es/Crisis_de_las_islas_Malvinas_de_1770.
23. «Железная леди» едва не уступила. — Текст : электронный // Газета.ру : [сайт]. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2012/12/28_a_4909477.shtml.
24. Лукичев, Д. А. Международная правосубъектность государства: вопросы теории и практики / Д. А. Лукичев. — Текст : электронный // Cyberleninka : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-pravosubektnost-gosudarstva-voprosy-teorii-i-praktiki/viewer>.
25. Марсело, Г. К. Мальвинские / Фолклендские острова между историей и правом / Г. К. Марсело. — Текст : электронный // ЛитРес : [сайт]. — URL: <https://bit.ly/3MHL8m4>.
26. Международно-правовые аспекты спора между Великобританией и Аргентиной о Фолклендских (Мальвинских) островах. — Текст : электронный // Мудрый юрист : [сайт]. — URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/70453-mezhdunarodno-pravovye-aspekty-spora-mezhdu-velikobritaniej-argentinoj>.
27. Народный суверенитет. — Текст : электронный // Конституционное право : [сайт]. — URL: <https://isfic.info/unkur/roskon53.htm>.
28. Орлов, А. С. Понятие международного территориального спора / А. С. Орлов. — Текст : электронный // Cyberleninka : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mezhdunarodnogo-territorialnogo-spora/viewer>.
29. Проблема распространения суверенитета на спорные территории. — Текст : электронный // Studfiles.net : [сайт]. — URL: https://studbooks.net/957359/pravo/problema_rasprost.
30. Ремизов М. Спор о суверенитете. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5995-spor-o-suverenitete.html.

31. Спор о суверенитете Фолклендских островов. — Текст : электронный // Hmong.press : [сайт]. — URL: https://www.hmong.press/wiki/Falkland_Islands_sovereignty_dispute.
32. Территориальный спор. — Текст : электронный // Словарь международного права : [сайт]. — URL: <https://determiner.ru/termin/spor-territorialnyi.html>.
33. Черняк, Л. Ю. К вопросу о носителе государственного суверенитета / Л. Ю. Черняк. — Текст : электронный // Cyberleninka : [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nositele-gosudarstvennogo-suvereniteta/viewer>.
34. British Foreign Service Papers (1832-33) p.374-380 у Н.А.Сmith Great Britain and the Law of Nations. London, 1935.
35. British Overseas Territories Act 2002. — Текст : электронный // Legislation.gov.uk : [сайт]. — URL: [https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/8/notes/division/2#:~:text=Under%20the%20British%20Nationality%20Act,naturalisation%20there\)%20or%20by%20descent](https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/8/notes/division/2#:~:text=Under%20the%20British%20Nationality%20Act,naturalisation%20there)%20or%20by%20descent).
36. Charles, Cawley Colonies in Conflict: The History of the British Overseas Territories / Cawley Charles. — Cambridge Scholars Publishing, 2015. — с. — Текст : электронный. — URL : <https://bit.ly/3PDT21O>.
37. Notes on the issue of Falkland Islands sovereignty for House of Commons, Committee on Foreign Affairs, Great Britain Parliament, House of Commons, Foreign Affairs Committee, sessions 1982–1983, Falkland Islands, Minutes of Evidence, 17/1/83, London, HMSO, 1983, pp. 127–137.
38. El caso Malvinas y la Corte Internacional de Justicia. — Текст : электронный // LA Referencia : [сайт]. — URL: <http://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/9908/ri18-EI+Caso+Malvinas+y+la+Corte+Internacional+de+Justicia.pdf;jsessionid=4FC8AB35C5EF429C81D27040B3D01B22?sequence=1>.
39. Falklands Wars: Timeline History of the Falkland Islands. — Текст : электронный // Falklandstimeline : [сайт]. — URL: <https://falklandstimeline.wordpress.com/1775-1815-whalers-sealers/>.

40. Guillermo, Arnaud Las islas Malvinas: descubrimiento, primeros mapas, ocupacion. Siglo XVI / Arnaud Guillermo. — Текст : электронный // Centronaval : [сайт]. — URL: <https://www.centronaval.org.ar/boletin/BCN841/841-ARNAUD.pdf>.

41. La caída de Puerto Argentino: la discusión entre Galtieri y Menéndez por el fin de la guerra y los términos de la rendición. — Текст : электронный // Infobae : [сайт]. — URL: <https://www.infobae.com/sociedad/2020/06/14/la-caida-de-puerto-argentino-la-discusion-entre-galtieri-y-menendez-por-el-fin-de-la-guerra-y-los-terminos-de-la-rendicion/>.

42. La Cuestión de las Islas Malvinas en las Naciones Unidas. — Текст : электронный // Nodal : [сайт]. — URL: <https://www.nodal.am/2020/04/la-cuestion-de-las-islas-malvinas-en-las-naciones-unidas-por-mateo-estreme/>.

43. La Marina Real inglesa reivindicó la ocupación británica de las islas Malvinas desde 1765. — Текст : электронный // Infobae : [сайт]. — URL: <https://www.infobae.com/politica/2022/01/29/la-marina-real-inglesa-reivindico-la-ocupacion-britanica-de-las-islas-malvinas-desde-1765/>.

44. Luis Vernet. — Текст : электронный // Wikipedia : [сайт]. — URL: https://wiki5.ru/wiki/Luis_Vernet/

45. Outer Limit of the Continental Shelf. Argentina submission. — Текст : электронный // ООН : [сайт]. — URL: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/arg25_09/arg2009e_summary_eng.pdf.

46. Pignatelli, A. Luis Vernet y la historia de la reafirmación de nuestros derechos en Malvinas / A. Pignatelli. — Текст : электронный // Infobae : [сайт]. — URL: <https://www.infobae.com/opinion/2018/06/10/luis-vernet-y-la-historia-de-la-reafirmacion-de-nuestros-derechos-en-malvinas/>.

47. The Falkland Islands Referendum . — Текст : электронный // GOV.UK : [сайт]. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-falkland-islands-referendum>.

48. The situation after Britain's ousting of Argentina in 1833. — Текст : электронный // Malvinas-Falklands : [сайт]. — URL: http://www.malvinas-falklands.net/avada_portfolio/chapter-v/.

49. Toma de posesión formal argentina de las Islas Malvinas. — Текст : электронный // Malvinasislasargentinas : [сайт]. — URL: <http://malvinasislasargentinas.blogspot.com/2014/11/6-de-noviembre-toma-de-posesion-de-las.html>.

Нечаева Юлия Сергеевна,
аспирант, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: nechyulia@mail.ru

Yulia S. Nechaeva,
PhD student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: nechyulia@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ
ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
CURRENT PROBLEMS OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION
OF INTELLECTUAL PROPERTY**

Аннотация: в статье проанализированы актуальные проблемы реализации и защиты прав интеллектуальной собственности на международном уровне. Автором поставлены вопросы и высказаны предложения о перспективах разрешения патентных споров между представителями Российской Федерации и «недружественных» государств, преобразовании института принудительного лицензирования в связи с изменениями позиции на международно-правовом поле, альтернативных возможностях урегулирования споров государств – членов ВТО, правовых последствиях легализации параллельного импорта в России.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, международное публичное право, параллельный импорт, принудительное лицензирование, судебные решения.

Annotation: the article is about the current problems of implementation and protection of intellectual property rights at the international level. The author posed questions and made suggestions about the prospects for resolving patent disputes between representatives of the Russian Federation and "unfriendly states"; on the transformation of the institution of compulsory licensing in connection with changes in the position in the international legal field; on alternative dispute resolution

options for WTO member states; on the legal consequences of the legalization of parallel imports in Russia.

Keywords: intellectual property law, public international law, parallel imports, compulsory licensing, court decisions.

Введение

Сфера правового регулирования в рассматриваемой системе общественных отношений расширяется значительными темпами.

В настоящее время принято относить сферу интеллектуальной собственности к области частноправовых отношений, однако В.С. Савина отмечает: «В настоящее время не только в России, но и во всем мире имеется тенденция к усилению публичного начала в праве интеллектуальной собственности. Показателем ее является, в частности, увеличение числа ограничений и исключений в сфере авторского права, причем не только на национальном, но и на международном уровне» [12, с. 9].

Соглашаясь с такой точкой зрения, можно утверждать, что механизм охраны и защиты должен носить единообразный процессуальный порядок, признанный во всем мире, поскольку право интеллектуальной собственности – это сложный объект правового регулирования, имеющий интернациональный характер распространения.

Признавая, что творчество личности является главным двигателем развития человечества, международное сообщество только начинает формировать сеть международных учреждений, обеспечивающих охрану и защиту права на такое творчество. В настоящее время национальное законодательство разных стран в рассматриваемой сфере может значительно отличаться по способам охраны и защиты интеллектуальных прав. Международному сообществу необходимо стремиться к созданию условий для справедливой и равной защиты прав правообладателей независимо от принадлежности к конкретному государству. Автор полагает, что необходимые условия для обеспечения охраны интеллектуальных прав могут

быть созданы в процессе участия страны в международной универсальной системе охраны и защиты таких прав.

В настоящее время видится недостаток существующей системы регулирования прав интеллектуальной собственности, связанный с отсутствием эффективного механизма контроля за исполнением решений международных организаций, неучастием отдельных государств в международных договорах. Регулирование интеллектуальной собственности должно быть освобождено от международно-политических отношений.

Наблюдается смена понимания роли международного права в российской правовой системе. Государство стремится к реформированию исполнения норм международно-правовых договоров, участником которых оно являлось многие годы, и созданию новой системы регулирования интеллектуальной собственности в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Рассмотрение патентных споров

Следует обратить внимание на проблему рассмотрения будущих патентных споров. Если будет производиться регистрация патентов в рамках ЕАЭС отдельно от других международных организаций, таких как Всемирная организация интеллектуальной собственности, без согласования существующих реестров патентов, то неизбежна проблема двойного патентования и использования одних и тех же объектов интеллектуальной собственности на территориях разных государств без ведома патентообладателей.

Это повлечет увеличение количества судебных разбирательств, поэтому необходимо прояснить, какие судебные инстанции будут рассматривать потенциальные споры между патентообладателями из недружественных государств и стран ЕАЭС в случае нарушения интеллектуальных прав, каков будет порядок рассмотрения таких споров, будет ли Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) участвовать в них и, главное, каков будет порядок исполнения решений судебных инстанций.

В случае вынесения соответствующих решений национальными судами есть вероятность их неисполнения на территории государства, чей представитель является проигравшей стороной по относимым делам. В связи с этим необходимо разработать механизм принудительного исполнения судебных решений по относимым спорным правоотношениям посредством взыскания денежных средств в пользу победившей стороны с депозитных счетов суда.

Таким механизмом мог бы послужить Международный суд по интеллектуальным правам, который бы являлся высшей судебной инстанцией в рассматриваемой области. В рамках суда могли бы производиться судебные разбирательства и контроль дальнейшего исполнения вынесенных решений. Такой суд должен функционировать вне политической обстановки в международном сообществе и осуществлять свою деятельность беспристрастно, основываясь исключительно на правовых принципах.

Проблема принудительного лицензирования

Дополнительно следует обозначить возникшую проблему применения принудительного лицензирования на территории Российской Федерации.

В российском законодательстве [4, с. 8] порядок принудительного лицензирования основан на принципах, изложенных в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – Соглашение ТРИПС) [13, с. 9], принятом в рамках Всемирной торговой организации (далее – ВТО). Такое лицензирование применяется в случае, если патентообладатель, зарегистрировавший свой патент, не принимает никаких мер по его реализации и разработке, при этом ограничивая других лиц в регистрации патента на тот же объект. В таких случаях судебный орган, руководствуясь положениями Гражданского кодекса Российской Федерации [4, с. 8], принимает решение о передаче патента другому заинтересованному лицу.

В связи с этим возникают философско-правовой и практический вопросы.

Философско-правовой вопрос заключается в том, что применение такого порядка накладывает ограничения на патентообладателя в отношении своего исключительного права на объект интеллектуальной собственности, поэтому следует осмыслить, рационально ли его применение в целом и превалируют ли интересы широкого круга лиц либо государства над интересами патентообладателя.

Практический вопрос состоит в том, как этот механизм может трансформироваться в связи с выходом России из ВТО. Будет ли государство руководствоваться принципами Соглашения ТРИПС, начнет ли разрабатывать новый механизм принудительного лицензирования, основанный на нормах национального законодательства, или в принципе откажется от применения этого порядка?

Концепция принудительного лицензирования должна быть усовершенствована как механизм государственного регулирования права интеллектуальной собственности, обеспечивающий защиту прав не только правообладателя, но и самого государства, если речь идет о его стратегических интересах.

Рассмотрение споров в ВТО

Продолжая изучение процессов в ВТО, стоит обратить внимание на то, что Орган по урегулированию споров, входящий в состав организации, перестал принимать к рассмотрению апелляционные жалобы сторон торговых споров, в связи с чем сама процедура рассмотрения таких споров в рамках ВТО теряет смысл. Решения третейских групп, рассматривающих споры в первой инстанции, теряют юридическую силу, и государства не получают защиту интересов, гарантированную данной организацией, поскольку данные решения невозможно обжаловать.

Как было отмечено ранее, эту проблему можно было бы решить с помощью учреждения независимого Международного суда по интеллектуальным правам, поскольку на сегодняшний день у государств не

имеется альтернативных методов судебного урегулирования торговых споров в связи с отсутствием соответствующих правовых институтов.

Параллельный импорт

Дополнительно стоит рассмотреть появление в России параллельного импорта, который подразумевает ввоз на территорию государства товаров, имеющих товарный знак, без разрешения правообладателя.

В 2022 году Правительство Российской Федерации легализовало такой ввоз товаров на территорию России [11, с. 9], который ранее был запрещен Гражданским кодексом [4, с. 8].

Подобное действие влечет за собой проблемы защиты интеллектуальных прав правообладателей на межгосударственном уровне. Возникает вопрос о том, каким образом эти права будут защищены впоследствии, какие меры ответственности будет применять международное сообщество.

Следует обратить внимание на то, что правовое регулирование параллельного импорта, как и сам его процесс, носит временный характер, связанный с экстраординарными событиями в международных торговых отношениях. Нормативные правовые акты по данному вопросу должны носить ограничительно-временной характер с последующим продлением в случае необходимости.

Заключение

Можно констатировать, что единого подхода к защите прав интеллектуальной собственности в настоящий момент на международном уровне не имеется, этот вопрос нуждается в научном и практическом осмыслении и разработке единых норм и правил защиты. Регулирование данной сферы только на национальном уровне представляется уже недостаточным в условиях цифровизации правовой и общественной деятельности.

Савина В.С. придерживается концепции унификации права в сфере интеллектуальной собственности и разработки новых международно-

правовых норм в связи с расширением спектра распространения результатов интеллектуальной деятельности [12, с. 9].

Российская дипломатическая политика должна внести свой вклад в идею создания международных организаций, гарантирующих защиту прав и интересов физических, юридических лиц и самого государства с помощью Международного суда по интеллектуальным правам.

В настоящее время существуют значительные различия между юрисдикциями государств, которые влияют на интерпретацию результатов судебных разбирательств и затрудняют прямое сравнение судебных решений разных юрисдикций и их исполнение.

Судебные инстанции должны быть сформированы в глобальном мировом масштабе на основе применения национального опыта всех государств. На основе такого опыта необходимо выработать единое понимание методов, средств и способов защиты интеллектуальных прав.

Поражение в правах на регистрацию объектов интеллектуальной собственности, которое действует на международном пространстве для российских граждан, должно быть предметом судебного рассмотрения в новых международных судебных инстанциях.

В настоящий момент, когда зарождаются новые правовые понятия «недружественное государство», отказ в рассмотрении исковых требований по признаку недружественного гражданства, параллельный импорт, приостановление судебной защиты прав и законных интересов субъектов интеллектуальной собственности на международном уровне в ЕСПЧ, неопределенность в пределах судебного рассмотрения споров в национальном праве, введение конституционной возможности частичного неисполнения и полного отказа от исполнения решений международных органов и судебных инстанций, научной общественности необходимо предоставить обществу теоретические обоснования нового правопонимания и правопорядка.

Список источников и литературы

1. Близнец И.А., Леонтьев К.Б. Эволюция понимания интеллектуальной собственности / URL: http://www.copyright.ru/ru/library_old/inside/58/?doc_id=396 (дата обращения: 20.06.2022);
2. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности (ООН, ВОИС, 26.06.2000) [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022);
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022);
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022);
5. Договор о законах по товарным знакам и Инструкция к Договору о законах по товарным знакам (Женева, 27.10.1994) URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/tlt/> (дата обращения: 20.06.2022);
6. Договор ВОИС по авторскому праву (Женева, 20.12.1996) URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wct/> (дата обращения: 20.06.2022);
7. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (Стокгольм, 14.07.1967) (ред. от 02.10.1979) [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022);
8. Конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022);
9. Леанович Е.Б. Задачи и результаты унификации права интеллектуальной собственности в современном мире URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/17556/1/leanovich_BMW_2008.pdf (дата обращения: 20.06.2022);

10. Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (Мадрид, 14.04.1891) (ред. от 28.09.1979), Протокол и Инструкция [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022);

11. Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022);

12. Савина С.В. Эволюция концепции права интеллектуальной собственности: дис. канд. юр. наук: 12.00.03: защищена 2019 / Савина Виктория Сергеевна. - 2019. - 384 с. URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Savina/dissertaciya_savinoj_v_s.pdf (дата обращения: 20.06.2022);

13. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15.04.1994) (с изм. и доп.) URL: <http://base.garant.ru/4059989/> (дата обращения: 20.06.2022);

14. Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Агуреев Станислав Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры международных
отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: stas.agureev@mail.ru

Шангараев Руслан Насимович,
кандидат экономических наук, доцент
кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: shang143@mail.ru

Stanislav A. Agureev,
PhD (History), Associate Professor of the Department of International
Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: stas.agureev@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Ph.D. (Economy), Associate Professor of the
Department of Public Administration
in Foreign Policy Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation,
e-mail: shang143@mail.ru

РОССИЯ И ЭФИОПИЯ: К 125-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ДВУМЯ СТРАНАМИ RUSSIA AND ETHIOPIA: ON THE 125TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE TWO COUNTRIES

Аннотация: Эфиопия стала одной из первых африканских стран, с которой Российская империя установила дипломатические отношения. Это событие, во многом предопределившее дальнейшее укрепление российского влияния на континенте, произошло в 1898 году, когда представители

российского посольства прибыли в эту африканскую страну с официальным визитом. В этом году исполняется 125 лет с момента установления дипломатических отношений между двумя странами. За исторический период сотрудничества российско-эфиопские отношения переживали периоды спадов и подъемов, однако их основой являлись взаимная заинтересованность и стремление к сотрудничеству. Об этом также следует вспомнить в контексте недавнего визита в Эфиопию министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова.

Ключевые слова: Россия, Эфиопия, дипломатические отношения, история установления российско-эфиопских отношений, визит министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Эфиопию.

Abstract: Ethiopia became one of the first African countries with which the Russian Empire established diplomatic relations. This event, which largely predetermined the further strengthening of Russian influence on the continent, occurred in 1898, when representatives of the Russian embassy arrived in this African country on an official visit. This year marks 125 years since the establishment of diplomatic relations between the two countries. During the historical period of cooperation, Russian-Ethiopian relations have experienced periods of ups and downs, but their basis was mutual interest and desire for cooperation. This should also be recalled in the context of the recent visit to Ethiopia of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov.

Keywords: Russia, Ethiopia, diplomatic relations, history of the establishment of Russian-Ethiopian relations, visit of Russian Foreign Minister Sergey Lavrov to Ethiopia.

Эфиопия традиционно считается одной из наиболее дружественных стран по отношению к России на Африканском континенте. Подобное положение дел во многом объясняется историческими корнями двустороннего сотрудничества, богатым опытом в развитии отношений между двумя странами, а также тем обстоятельством, что Россия (впоследствии СССР)

объективно стремилась к установлению равноправного диалога, в исторической ретроспективе сыграв большую роль в сохранении независимости Эфиопии как в период первой (1895–1896 гг.) и второй (1935–1936 гг.) итало-эфиопских войн, так и в последующие исторические периоды. Эфиопский народ традиционно видел в нашей стране не просто равноправного партнера, но нередко и союзника, политика которого в Африке диктовалась антиколониальными мотивами, что выгодно отличало Россию от европейских колониальных империй.

Следует отметить, что возникновение интереса в России к Эфиопии относится еще к эпохе Средневековья, когда русские монахи совершавшие паломничество в Иерусалим встречались там с эфиопскими христианами и впоследствии оставили целый ряд рассказов об этих встречах. Долгое время в основе стремления к установлению дипломатических и культурных связей между двумя странами находились религиозные вопросы, т.к. еще со времен знаменитого Никейского собора 325 г. Эфиопия приняла христианство. Однако в период Средневековья единого государства не существовало, а велась борьба отдельных христианских и мусульманских княжеств за гегемонию. Одним из эпизодов этой борьбы стало нашествие мусульман в XVII в., что, конечно, препятствовало каким-либо планам по развитию торговых и политических связей [4; 5].

Поэтому предпосылки установления российско-эфиопских отношений возникли много позже, лишь к концу XIX в., когда состоялся целый ряд научно-исследовательских экспедиций, проходивших в основном под эгидой Императорского Русского географического общества [3]. В немалой степени их проведению и проявлению интереса со стороны представителей российской общественности и политических кругов способствовали политические события той эпохи. В 1869 году, после открытия Суэцкого канала, путь из Европы в Азию – из Средиземного моря в Красное и далее в Индийский океан – стал основной торговой и геополитически важной артерией, связавшей мир в единое целое.

Эфиопия, оставшаяся одной из немногих стран Африки, сумевших сохранить независимость в период возвышения императора Менелика II идеально подходила на роль государства, на территории которого могли быть созданы российские угольные станции, необходимые для движения торговых судов по Красному морю. В интересах Российской империи было и сохранение Эфиопии в качестве независимого государства ввиду возможного ослабления политического влияния Англии и Италии в регионе, тогда как Франция после заключения франко-русского союза, напротив, рассматривалась в качестве союзника. Заметную роль в формировании интереса российских деловых кругов к Эфиопии сыграла миссия русского казака Н. Ашинова, имевшая своей целью создание казачьего форпоста на Красном море и окончившаяся неудачей [7]. Однако из-за противодействия со стороны Франции, опасавшейся за сохранение своих колониальных владений в регионе, миссия была свернута и не получила продолжения. Следует отметить, что этот неудавшийся проект являлся частной инициативой российских купцов.

Подготовительный этап для последующего установления российско-эфиопских отношений начался с научно-исследовательских экспедиций В.Ф. Машкова, а затем Н.С. Леонтьева. Именно последняя экспедиция, организованная в 1894 году в очень сложных для эфиопской монархии условиях, когда итальянское правительство Ф. Криспи фактически готовило экспансию в отношении эфиопских земель, была воспринята императором Менеликом II как дружественный жест со стороны Российской империи, а потому имела ряд политически важных последствий.

Ее результатом стала организация эфиопской стороной посольства в Россию в 1895 году, что послужило важнейшим шагом к последующей отправке в 1898 году российской делегации в страну во главе с П.М. Власовым для установления дипломатических отношений между двумя странами. В 1902 году в Аддис-Абебе было учреждено постоянное дипломатическое представительство Российской империи, во главе которого был поставлен

министр-резидент К.Н. Лишин [10]. Во многом установление российско-эфиопских отношений стало результатом непростой политической ситуации в этой африканской стране, а также оказанной российским правительством помощи в поставке вооружений, заинтересованности эфиопского правительства в получении политической поддержки со стороны России в период антиколониальной борьбы с Италией [5; 8; 10]. Неслучайно отставной офицер российской армии Н.С. Леонтьев в период итало-эфиопской войны 1895–1896 гг. выполнял роль советника при армии Менелика II, а впоследствии удостоился высокого княжеского титула в Эфиопской империи.

Развитию дружественных связей Эфиопии с Россией способствовала и деятельность Российского общества Красного Креста, оказавшего помощь тысячам подданных эфиопского императора Менелика II в период итальянского вторжения. Популярность русских врачей среди местного населения оказалась столь велика, что в Аддис-Абебе был учрежден постоянный русский госпиталь [2, с. 57–65]. После отражения агрессии в отношении Эфиопии со стороны Италии в 1896 году эта африканская страна стала восприниматься российской общественностью как своего рода союзник России в Африке [1].

Результатом работы российской дипломатии в Аддис-Абебе стало и возникновение небольшой русской общины, которая по-прежнему сохранилась в Эфиопии. К настоящему моменту ее численность не превышает 300 человек, по оценкам российского посольства в стране [9].

Впоследствии накопленный в развитии российско-эфиопских дипломатических отношений потенциал получил развитие в период советско-эфиопских отношений. Данный этап характеризовался периодом спадов и подъемов, от фактического прекращения отношений после Революции 1917 г. в России до возобновления политических контактов в 1930–1940 гг., когда и СССР, и Эфиопия боролись против фашизма и нацизма. Особенно важную роль в создании положительного образа СССР в Эфиопии сыграла поддержка советской дипломатии в осуждении итальянской агрессии против этой

африканской страны в 1935–1936 гг. в Лиге Наций. В последующие годы развитие двусторонних отношений получило импульс в виде торгового и культурного сотрудничества. Фактическое возобновление отношений между странами произошло в 1943 году. На протяжении всего периода 1940–1950 гг. активно поставлялись советское оборудование и сельскохозяйственная техника.

Вместе с тем следует отметить, что этот период дипломатических отношений не был лишен и ряда противоречий, в частности политика Эфиопии в 1940–1950 гг. в большей степени ориентировалась на США и Великобританию, а не СССР, а в стране до 1974 года у власти находился монархический режим императора Хайле Селассие. Положение изменилось с приходом к власти в результате государственного переворота Менгисту Хайле Мариама, поставившего своей целью построение социализма с опорой на советскую помощь. Этот период стал временем самого интенсивного развития советско-эфиопских отношений, фактически произошла переориентация внешней политики СССР с режима С. Баре в Сомали на социалистическую Эфиопию. В это время объем технической помощи со стороны СССР многократно возрос, сотни эфиопских студентов обучались в СССР. Однако в 1991 году, после распада СССР, экономические связи между двумя странами заметно ослабли. Лишь с конца 1990-х – начала 2000-х гг. интенсивность российско-эфиопских отношений вновь возросла, что диктовалось как взаимной экономической заинтересованностью двух стран, так и возрастанием роли Российской Федерации и ее авторитета на международной арене.

На современном этапе российско-эфиопские отношения развиваются достаточно интенсивно. В стране работает целый ряд российских компаний – РЖД, УАЗ, «Росатом», «Интер-РАО Экспорт» и др. В 2012 году странами было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве, активно развиваются двусторонние проекты по развитию мирного атома. Большой потенциал имеет и работа в области добычи ценных металлов, поставок

оборудования в страну. К 2018 году увеличился внешнеторговый оборот России и Эфиопии и превысил 89 млн долларов [9]. Велик интерес эфиопской стороны к российской культуре и образованию.

Развитию дипломатических и культурных связей между двумя странами способствует и то обстоятельство, что сегодня Эфиопия является одним из несомненных экономических лидеров Африки – растет производство, увеличиваются сельскохозяйственные показатели, внедряются новые технологии. Эфиопия – член большинства международных организаций на Африканском континенте, она играет заметную роль в Африканском союзе, роль которого в последние годы также заметно возросла.

Заинтересованность Эфиопии в России как в самом надежном экономическом и политическом партнере имеет большое значение для развития двусторонних отношений. В общественно-политической среде данной африканской страны существует положительный образ России (и СССР) как государства, традиционно приверженного антиколониализму и уважению прав человека, в котором никогда не существовало проблем расовой сегрегации. Российская сторона на протяжении всей истории развития двусторонних отношений выступала за сохранение независимости Эфиопии, развитие ее культурного и экономического потенциала. Эта традиционная для российской дипломатии линия на сохранение суверенитета Эфиопии проводится и сегодня в условиях острого внутреннего конфликта в Тиграе. Не менее сложной является и внешняя политика Эфиопии. Существуют противоречия с Египтом и Суданом по вопросу строительства плотины «Возрождение», что вызывает опасения соседей страны в том, что реализация проекта может привести к нехватке пресной воды в других странах [6]. В этом смысле при желании эфиопской стороны Российская Федерация могла бы выступить посредником в разрешении данного спора.

Также следует отметить, что позиции обеих стран по вопросам международного сотрудничества часто совпадают по целому ряду вопросов – от необходимости развития равного партнерства и соблюдения прав человека

до идей многополярности современного мироустройства [11; 12; 13; 14; 15]. Об этом свидетельствует и частота деловых визитов представителей обоих государств. Так, в 2013 году состоялся визит в Россию премьер-министра Эфиопии Хайлемариам Десаленя, а в 2014 году в Эфиопию с ответным визитом приехал министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров. Целый ряд встреч состоялся в 2016 году, в том числе встреча министров иностранных дел двух государств в Москве в апреле 2016 г. История дипломатических визитов продолжилась в 2018 году визитом министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Эфиопию, где прошли его встречи с министром иностранных дел страны Хайлемариамом Десаленем и президентом Эфиопии Мулату Тешоме [9].

В 2019 году также состоялись встречи министров иностранных дел России и Эфиопии, а также участие эфиопской стороны в саммите «Россия–Африка», в ходе которого прошли переговоры премьер-министра Эфиопии Ахмеда Абия с президентом Российской Федерации В.В. Путиным [9]. В результате проведенных встреч, перечень которых является неполным, были подписаны десятки важных соглашений, которые на ближайшие десятилетия будут определять характер развития партнерских отношений между двумя странами.

Особую роль в развитии двусторонних отношений сыграло и недавнее турне министра иностранных дел России С.В. Лаврова по странам Африки, в рамках которого состоялся визит в Эфиопию. В ходе визита российский министр провел встречи с президентом Эфиопии Сехле-Ворк Зевде и главой МИД Эфиопии Демеке Меконненом. Обсуждались вопросы технического сотрудничества между двумя странами, добычи полезных ископаемых, развития сельского хозяйства. Визит российского министра иностранных дел С.В. Лаврова прошел в дружественной обстановке. Эфиопия, как и большинство африканских стран, не поддержала введение антироссийских санкций.

Следует отметить, что потенциал развития российско-эфиопских отношений очень велик. Приоритетными направлениями сотрудничества являются военная сфера, поставки российского оборудования и медикаментов в страну, проекты по развитию мирного атома, добывающей промышленности и рынка цветных металлов, область культурного сотрудничества. Год от года растет интерес эфиопской стороны к России как надежному партнеру, в том числе в вопросах безопасности и борьбы с терроризмом. Это позволяет надеяться на укрепление сотрудничества между двумя странами, история которого имеет богатые традиции и положительный опыт общения народов с момента установления дипломатических отношений России и Эфиопии 125 лет назад.

Список литературы

1. *Агуреев С.А.* Восприятие Эфиопии в российском общественном сознании на рубеже XIX-XX вв. // Российская история. М., 2009. № 2. С. 36-42.
2. *Агуреев С.А.* Деятельность Российского Общества Красного Креста в Эфиопии 1896-1897 гг. и российская общественность. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М., 2008. № 6. С. 57-65.
3. *Агуреев С.А.* История географического изучения Эфиопии членами Императорского Русского Географического Общества в конце XIX-начале XX в. (научно-методическое издание). – М., «У Никитских ворот». 2010. 112 с.
4. *Агуреев С.А.* К истории установления русско-эфиопских общественных связей культурных контактов с конца XVII по конец XIX вв.//Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 2(64). –С.232-251.
5. *Агуреев С.А.* Эфиопия в отражении российского общественного мнения в конце XIX- начале XX вв. Монография – М., РУДН, 2011. 265. с.

6. *Борисова Е.А.* Плотина «Возрождение» в Эфиопии: геополитический контекст и международное право. <https://cyberleninka.ru/article/n/plotina-vozhzhdenie-v-efiopii-geopoliticheskiy-kontekst-i-mezhdunarodnoe-pravo> (дата обращения: 12.02.2021)
7. *Григорьева С.В.* Русские частные и государственные инициативы в отношении Эфиопии в 80-90 гг. XIX в. // Диссертация на соискание кандидата исторических наук. Н. Новгород, 1997.
8. *Морозов Е.В.* Внешняя политика Эфиопии и российско-эфиопские отношения в конце XIX-начале XX вв. – СПб., СПбГУ, 2007.
9. Посольство Российской Федерации в Федеративной Демократической республике Эфиопии <https://ethiopia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations-russia-ethiopia/> (дата обращения: 19.08.2022).
10. *Хренков А.В.* Сто лет дипломатических отношений // Азия и Африка сегодня, 1998, № 4, -С. 52-59.
11. Троянский М.Г., Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н. Африка: региональные проблемы безопасности. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. М. 2022. 266 стр.
12. Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н. Особенности развития африканского вектора турецкой внешней политики на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 10 (79). С. 2808-2815.
13. Сидорова Г.М. Традиционные институты Эфиопии в современном обществе // Международная жизнь. 2020. № 3. С. 124-127.
14. Сидорова Г.М., Корендясов Е.Н. Франция - Африка: в поисках новых подходов // Африка в современных международных отношениях. Вишневский М.Л., Греш С., Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н., Шубин В.Г. Москва, 2011. С. 128-141.
15. Sidorova G., Lyubenova E. Contemporary wars in Africa or 21st century competition for power // Journal of Asian and African Studies. 2020.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Антропова Светлана Юрьевна,
заместитель заведующего кафедрой романо-германских языков,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской
Федерации,
e-mail: antropova.mid.da@yandex.ru

Иванова Наталия Владимировна,
старший преподаватель кафедры романо-германских языков,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской
Федерации,
e-mail: n-ivanova@mail.ru

Svetlana Y. Antropova,
Deputy Head of the Department of Romano-Germanic Languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
e-mail: antropova.mid.da@yandex.ru

Natalia V. Ivanova,
Senior Lecturer, Department of Romano-Germanic Languages, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
e-mail: n-ivanova@mail.ru

«ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ГАМБИТ» ЕВРОПЫ

EUROPE'S «ENERGY GAMBIT»

Аннотация: июньское решение стран Европейского союза о вводе частичного эмбарго на импорт российской нефти и последовавшее затем соглашение о добровольном снижении потребления газа сразу же поставили вопрос о том, как эти жесткие санкционные меры скажутся на политической обстановке и экономиках России и Европы.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, Англия, Франция, Германия, кризис, нефть, газ, электроэнергия, засуха, СВО на Украине.

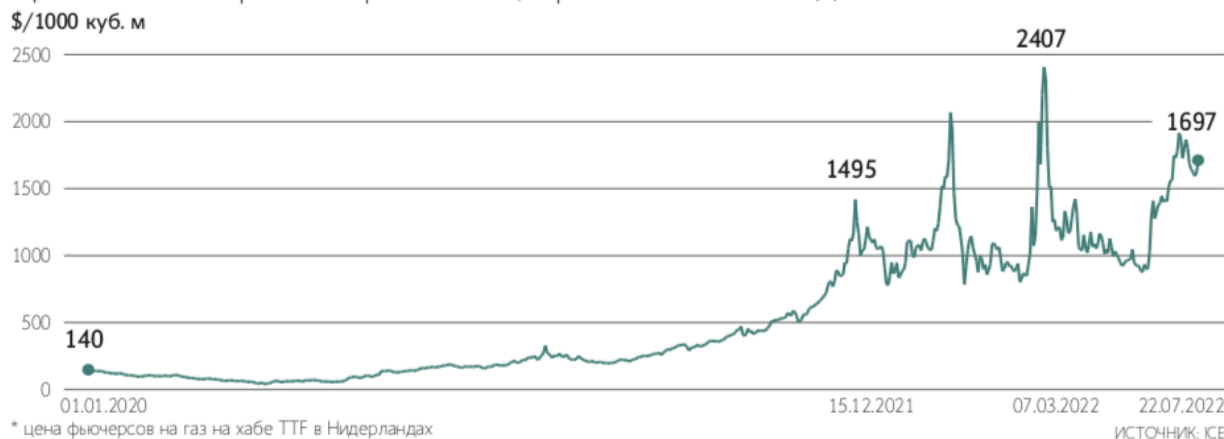
Abstract: the June decision of the European Union countries to impose a partial embargo on Russian oil imports and the subsequent agreement to voluntarily reduce gas consumption immediately raised the question of how these tough

sanctions will affect the political environment and the economies of Russia and Europe.

Keywords: Russia, European Union, England, France Germany, crisis, oil, gas, electricity, drought, special military operation in Ukraine.

Цены на газ начали расти через несколько месяцев после начала специальной военной операции (СВО) на Украине. В 2021 году из-за продолжительной безветренной погоды ветроэлектростанции встали, а пустые подземные газовые хранилища в Европе усугубляли ситуацию. В итоге к осени 2021 г. стоимость газа начала бить рекорд за рекордом, достигнув в ЕС в декабре \$2 200 за 1 000 куб. м, что на тот момент стало максимальным значением за всю историю наблюдений (дороже газ в Европе торговался только в марте 2022 г.). Из-за дорогого газа целый ряд компаний вынужден был сократить производство, например крупнейший потребитель газа в Литве – производитель азотных удобрений Achema. Как сообщает интернет-издание Baltic News Network, с тех пор у него работает только половина производственных мощностей. Ряд компаний обанкротился. По данным Reuters, с прошлого лета разорились почти три десятка британских поставщиков электроэнергии. Отсутствие нормативного надзора привело к тому, что они соревновались в снижении цен. При этом, как считает Bloomberg, не учитывали цикличность цен на сырье и не готовились к его подорожанию. Одна из самых известных жертв – стартап Bulb, основанный в 2015 году в Лондоне и занимавший, по подсчетам The Guardian, 6% энергетического рынка страны [1].

Цена газа в Европе выросла в 2,2 раза с начала года

Источник: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/24/932800-evropa-energeticheskomu-golodu>

Цены на электроэнергию в Европе также продолжают расти. Если в апреле 2022 г. в Германии средняя оптовая стоимость электроэнергии составляла 166 евро за 1 МВт-ч, то в мае она увеличилась до 178, а в июне – до 218 евро за 1 МВт-ч, согласно данным Statista. Средняя цена на электроэнергию по итогам первой половины 2022 года достигла в Германии 185 евро за 1 МВт-ч, более чем втрое превзойдя средний уровень аналогичного периода 2021 года (55 евро за МВт-ч).

Несмотря на рост цен в других странах Европы (в том числе в Италии, где средняя стоимость электроэнергии достигла в июне 272 евро за 1 МВт-ч), с учетом весьма разношерстной структуры генерации пример Германии является наиболее показательным. По оценкам исследовательского центра Ember, в июне 32% выработки в Германии приходилось на угольные станции, 15% – на газовые, 2% – на мазутные и дизельные, остальная доля была распределена между ветрогенераторами (13%), солнечными панелями (21%), биоэнергетическими установками (8%), а также атомными (АЭС) и гидроэлектростанциями (5% и 4% соответственно).

Стоимость угля в последние месяцы достигла в Европе беспрецедентных значений: фьючерс на энергетический уголь, торгуемый на лондонской бирже ICE с привязкой к хабу в Роттердаме, этим летом не

опускался ниже 250 долл. за 1 т, притом что на пике пандемии он балансировал вокруг отметки в 50 долл. за 1 т, а в постковидном 2021 году лишь ненамного превышал уровень в 100 долл. за 1 т. Рост цен во многом отражает риски временного дефицита угля, с которыми сопряжено эмбарго на поставки российских производителей. По данным Центра по международной торговле ЮНКТАД/ВТО, на долю России в 2021 году пришлось 70% «внешнего» импорта энергетического угля в ЕС (57 млн из 82 млн т). Остальные 30% (25 млн т) почти полностью заняли поставки из Колумбии (13%), США (10%), ЮАР (3%) и Австралии (2%), то есть стран, импорт из которых сопряжен с более высокими логистическими издержками, нежели из России.

Удорожание угля осложнит проблему дефицита газа, которую в прошлом году частично смогла решить загрузка угольных электростанций. Выработка из газа в Германии по итогам 2021 года снизилась на 6% (до 89 ТВт-ч), тогда как из угля выросла на 21% (до 163 ТВт-ч). В целом в ЕС объем генерации на газовых электростанциях снизился на 2% (до 548 ТВт-ч), в то время как на угольных вырос на 19% (до 439 ТВт-ч). Помимо взлета сырьевых цен, на использовании угля в электроэнергетике может негативно сказаться и удорожание квот на выбросы CO₂, закупать которые вынуждены операторы европейских угольных электростанций.

Напряженности в международную повестку добавляет и продолжающийся беспрецедентный рост цен на газ, который еще прошлой зимой был одной из главных составляющих европейского энергетического кризиса. Если в первой половине 2021 года средняя цена газа на ключевом в Европе хабе TTF составляла 275 долл. за 1 тыс. куб. м, то по итогам первого полугодия 2022 года она достигла 1150 долл., а в июле – и вовсе 1 840 долл. за 1 тыс. куб.

На фоне сокращения экспорта из РФ в Европе сохраняются экстремально высокие спотовые цены на газ. По данным биржи ICE, на хабе TTF в Нидерландах 16 августа сентябрьский фьючерс преодолевал планку в \$2 500 за 1 000 куб. м. При этом цены в Европе продолжают оставаться выше,

чем в Азии. По данным индекса JKM Platts и расчетам «Ведомостей», на 15 августа «европейская премия» составляла около \$700 за 1 000 куб. м, в среднем в июле–августе она держалась на уровне \$500. Спотовые цены на газ в Европе, согласно консервативным оценкам «Газпрома», зимой 2022–2023 гг. могут превысить \$4 000 за 1 000 куб. м. Об этом компания сообщила 16 августа. «Газпром» также раскрыл операционные данные, в соответствии с которыми экспорт монополии в страны дальнего зарубежья с 1 января по 15 августа 2022 г. составил 78,5 млрд куб. м – на 36,2% (или 44,6 млрд куб. м) меньше, чем за тот же период 2021 г.

Согласно данным Gas Infrastructure Europe (GIE) на 14 августа (последние актуальные данные), хранилища были заполнены почти на 75%, в них находилось около 80,6 млрд куб. м. По требованиям Еврокомиссии (ЕК) к 1 ноября 2022 г. хранилища в ЕС должны быть заполнены не менее чем на 80%. Таким образом, странам ЕС необходимо запасти еще примерно 6,5 млрд куб. м газа. По данным GIE, нетто-закачка 14 августа составляла около 400 млн куб. м в сутки – лишь немногим ниже, чем в конце мая. Если такие темпы сохранятся вплоть до 1 ноября, то возможно ЕС не сможет выполнить поставленную задачу.

Шестой пакет санкций ЕС, принятый в июне в связи со специальной военной операцией на Украине, предусматривает частичный отказ от российских энергоносителей в виде запрета на их импорт в течение 6 месяцев, а нефтепродуктов – 8 месяцев. В результате, по прогнозам, к концу текущего года общий объем импорта российской нефти в страны Евросоюза может сократиться на 90%. Временное исключение предусмотрено лишь для тех членов ЕС, которые находятся в особой зависимости от поставок из России, включая Венгрию и Словакию (по трубопроводу), Болгарию и Хорватию (по морю).

В целом же цель радикального изменения энергетической политики Евросоюза представляется ясной, но весьма непрагматичной. По мнению Запада, Россия является сырьевой страной, ее бюджет формируется за счет

доходов от экспорта энергоносителей, а основная его часть (70% по газу, 60% по нефти и нефтепродуктам) приходится на страны ЕС. Западные партнеры в теории предполагали лишить российское руководство финансовых ресурсов для полноценного функционирования российской экономики и спровоцировать экономический кризис в стране, таким образом повлиять на позицию Кремля по продолжению вооруженного противостояния с Украиной. Однако в такой политической обстановке, когда существуют принципиальные политические разногласия в ЕС, сама Европа может оказаться заложником системного кризиса, в том числе из-за нехватки голубого топлива, необходимого для дальнейшего развития экономики в условиях рекордной жары и надвигающегося продовольственного дефицита.

В этой ситуации выглядит комичным, что страны Евросоюза на фоне сокращения в последнее время поставок природного газа из России и вероятности их полного прекращения в зимние месяцы начинают применять энергосберегающие меры в целях обеспечения безопасности энергоснабжения.

По данным Федеральной таможенной службы России, общая доля стран ЕС в экспорте российской нефти в физическом выражении составила 47%, на них пришлось 108,1 млн тонн, а в стоимостном эквиваленте — \$50,9 млрд. Эта доля 10 лет назад была гораздо выше – 67%. Наибольшие объемы трубопроводных поставок российского газа в страны ЕС пришлось на Германию (48,2 млрд кубометров), Данию (18,4), Францию (11,5), Польшу (10,6), Австрию (7,8) и Нидерланды (6,7). Закупался и сжиженный природный газ из России. Здесь по объему его импорта лидировали Франция (10,4 млн кубометров), Испания (6), Бельгия (4,5), Нидерланды (3,9) и Португалия (1,5) [2].

Германия, обладающая крупнейшей экономикой в Европе и составляющая костяк Евросоюза, как и многие другие европейские государства, является страной, зависящей от России в области энергоресурсов, прежде всего природного газа. До спецоперации России на Украине Берлин

обеспечивал за счет России около половины своих потребностей в природном газе, а в последнее время пытается снизить эту зависимость от российского голубого топлива, чтобы обеспечить безопасность энергоснабжения. Глава Shell Бен ван Берден 15 июля предупредил, что властям государств ЕС, возможно, придется вводить нормирование потребления газа уже этой зимой. По данным германского сетевого регулятора, на 17 июля хранилища страны заполнены на 65%.

Стоит отметить, что 16 июня 2022 «Газпром» снизил уровень поставок по трубопроводу «Северный поток» до 40% от номинальной мощности (67 млн кубометров в сутки), сославшись на проблемы с ремонтом и доставкой газовых турбин «Портовой». На тот момент одна турбина не могла быть вывезена из Монреаля, где происходит их ремонт, поскольку власти Канады ввели санкции против «Газпрома» и запретили возврат оборудования в РФ.

После переговоров с германскими властями Канада все же согласилась выпустить турбину «Газпрома» из страны и выдать до 31 декабря 2024 года лицензию для ремонта, обслуживания и транспортировки еще пяти турбин «Газпрома». «Северный поток» с 11 по 21 июля полностью остановлен на плановый ремонт. При этом «Газпром» не стал увеличивать прокачку через Украину на сопоставимую величину. В итоге ситуация с дефицитом газа на европейском рынке усугубилась, а Германия, крупнейший покупатель российского газа, вынуждена была летом поднимать газ из хранилищ.

На данный момент неясно, насколько увеличится прокачка по «Северному потоку» после получения отремонтированной турбины. В «Газпроме» пояснили, что ждут от Siemens документального подтверждения возможности возврата в Россию отремонтированных турбин для «Северного потока», а также дальнейшего выполнения обязательств по их ремонту и обслуживанию. В компании отметили, что рассчитывают «на безусловное выполнение группой компаний Siemens своих обязательств в рамках сервисного обслуживания газотурбинных двигателей, от которых зависит

надежная работа газопровода "Северный поток" и обеспечение природным газом европейских потребителей».

«Газпром» заявил, что возврат газотурбинного двигателя на отправную станцию «Северного потока» невозможен из-за действий Siemens в условиях действующих антироссийских санкций. Ранее «Газпром» отмечал, что маршрут транспортировки из Канады газотурбинного двигателя для «Северного потока» был изменен и этот актив оказался под риском новых санкций. Это произошло из-за того, что из Канады двигатель повезли не напрямую в Россию, а в Германию (что не согласовывал «Газпром»), и теперь, чтобы принять отремонтированный двигатель, компании нужно получить гарантии неприменения санкций не только от Канады, но и от ЕС и Великобритании [3].

В свою очередь, Европа продолжает закачку газа в подземные хранилища. Данные о состоянии ПХГ, нормативы запасов в которых теперь регулируются законом, сейчас являются одним из важнейших экономических и политических индикаторов для Европы, отражая способность руководства ЕС обеспечивать энергетическую безопасность. Данные ассоциации Gas Infrastructure Europe свидетельствуют, что на данный момент резервы составляют 64,72%. Прирост за последние отчетные сутки (18 июля) составил 0,3 процентных пункта. А на главном газовом рынке Европы – в Германии – снова отбор превысил закачку. При этом большую часть расхода газа обеспечивают хранилища энергетического концерна Uniper, который с 11 июля стабильно тратит газ из ПХГ. На сегодня запасы Uniper Energy Storage сократились до 55% от объема хранилищ. С этого года ЕС ввел жесткое регулирование использования подземных хранилищ. К началу сезона отбора в 2022 году запасы должны быть не менее 80% от мощности ПХГ, в последующие – 90% [4].

Поскольку возможности хранения природного газа в Германии соответствуют 25% от общего потребления, то заполнение газохранилищ на

полную мощность внесет серьезный вклад в случае возможных перебоев, а также позволит выиграть время на поиск новых источников.

Из-за снижения прокачки по «Северному потоку» Uniper был вынужден закупать углеводороды у альтернативных поставщиков по ценам, значительно превышающим установленные в контракте с «Газпромом». В результате в начале июля немецкий энергоконцерн был вынужден обратиться за помощью к правительству ФРГ, запросив, по данным Bloomberg, 9 млрд евро. Однако 21 июля, после десятидневного перерыва, российский энергетический гигант «Газпром» возобновил поставки природного газа по «Северному потоку – 1». Однако объемы прокачки российского газа по трубопроводу составляют всего 30–40% от его максимальной мощности. Этого вполне достаточно, чтобы удовлетворить текущий спрос, но не хватит, чтобы страны Евросоюза могли сделать запасы на предстоящую зиму [5].

И даже срочный запуск газопровода «Северный поток – 2» не сможет принести на рынок Европы новые большие объемы газа, так как половина мощностей магистрали уже переориентирована на российский рынок на фоне проволочек регуляторов ФРГ [6].

Стоит отметить, что Берлин уже неоднократно заявлял, что в перспективе не исключает полной остановки поставок российского газа, поскольку не верит, что причины снижения прокачки по «Северному потоку» являются исключительно техническими [7].

Уже 22 июля канцлер Германии Олаф Шольц официально подтвердил, что немецкое правительство купит 30% акций Uniper для спасения компании в условиях финансового кризиса на фоне сокращения поставок газа из России. Чтобы спасти испытывающие трудности коммунальные предприятия, бундестаг одобрил специальные поправки в закон об энергетической безопасности.

Uniper – один из самых громких примеров кризиса в европейской промышленности в целом и немецкой в частности, но отнюдь не единственная компания, которая потребовала от государства поддержки. В июне власти

предоставили кредит на сумму около 10 млрд евро Securing Energy for Europe после того, как взяли ее под долгосрочное внешнее управление. Раньше компания называлась Gazprom Germania – это бывшая «дочка» «Газпрома», занимающаяся поставками газа.

В заключение можно констатировать, что Европа в попытке надавить на Россию и ввести ее в состояние кризиса сама оказалась в ловушке своих собственных непродуманных действий и принятых под давлением США решений, поэтому в целях экономии природного газа европейские страны были вынуждены сделать важные приготовления по использованию большего количества возобновляемых источников для производства электроэнергии, а также приняты идеи по возврату к эксплуатации угольных электростанций и экономии энергии в не используемых на регулярной основе зонах. Согласно подготовленному Евросоюзом плану энергосбережения на случай чрезвычайных ситуаций с природным газом, ожидается, что страны ЕС сократят потребление природного газа на 15% до конца марта 2023 года, что, по их расчетам, подразумевает экономию 45 млрд кубометров природного газа в год. Данное количество во многих европейских странах превышает объем годового потребления природного газа, тогда как в других государствах, таких как Нидерланды, соответствует объему годового потребления голубого топлива. Как и многие другие страны, Германия также объявила, что для экономии энергии общественные здания будут отапливаться не более чем до 19 градусов, а подсветка общественных зданий и памятников, а также рекламных щитов будет отключена. Также ведется подготовка к полной загрузке газохранилищ перед зимой для обеспечения безопасности газоснабжения.

Стоит понимать, что если энергосбережение в Европе приведет к снижению энергопотребления, то это будет иметь серьезные негативные последствия для производства, что может вызвать экономический спад.

Ситуацию усугубляет то, что Европа переживает самую сильную за последние десятилетия засуху. Она повышает риск нового экономического

кризиса на фоне высоких цен на энергоносители и продовольственного кризиса, вызванных необдуманными санкциями против РФ.

Европейский мониторинг засухи в ЕС подсчитал, что 45% территории ЕС значительно пострадало от нее. Больше всего ситуация вызывает беспокойство в Средиземноморье, где около 50% населения живет в условиях постоянного дефицита воды зимой и летом. Поступают сообщения, что атомные электростанции закрыты во Франции, основные водные пути заблокированы в Германии и Центральной Европе, важные сельскохозяйственные реки пересыхают в Италии. Засуха официально объявлена в Англии, поскольку в Великобритании наблюдается самое засушливое лето за 50 лет [8]. Энергетический кризис в Европе может ухудшиться из-за обмеления рек и засухи.

В свою очередь, во Франции признали поражение от санкций против России, от которых больше пострадала сама Европа. Страны Евросоюза столкнулись с сильнейшим энергетическим кризисом. Страны Европы, США и Япония ввели санкции против РФ после начала спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины. Однако они ударили больше по самому Западу, спровоцировав энергетический кризис и рост инфляции [9]. Экономический образ Германии из-за энергетического голода разрушается, что ставит под угрозу лидерство страны в Европе.

Несмотря на то что главным объектом санкционного давления на Россию являются поставки российских энергоносителей, страны Евросоюза уже рассматривают варианты обхода эмбарго на поставки российской нефти. Чиновники Евросоюза отчаянно ищут альтернативных поставщиков газа и нефти, таких как Азербайджан, но в ближайшее время у них нет никаких шансов заменить тот гигантский объем поставок, которые контролирует Россия.

Как следствие, европейская электроэнергетика будет сильно зависеть от возобновляемых источников (ВИЭ), для которых характерна высокая сезонность. Неслучайно Еврокомиссия, пусть и с некоторыми оговорками,

включила в 2022 году АЭС в состав зеленой таксономии, ранжирующей отрасли энергетики с точки зрения их вклада в устойчивое развитие [10; 11]. Кризис подстегнет в Европе новый сегмент атомной энергетики – так называемые малые модульные реакторы, использование которых, благодаря сборке под ключ на заводе-изготовителе, сопряжено со сравнительно низкими затратами на инфраструктуру [12; 13].

Наряду с ростом интереса к использованию систем хранения энергии, обеспечивающих подачу электричества в часы простоя ветровых и солнечных генераторов, «ренессанс атома» может стать одним из главных последствий нынешнего кризиса, вызванного дефицитом газа, удорожанием угля и недостаточной способностью возобновляемых источников энергии обеспечить энергобезопасность.

Список источников и литературы:

1. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/07/24/932800-evropa-energeticheskomu-golodu>
2. <https://kazvedomosti.kz/article/severnyj-potok-2-druzhba-i-ktk-pochemu-ekonomiki-rossii-i-kazahstana-nahodyatsya-v-limbe/>
3. <https://www.interfax.ru/business/855147>
4. Германия снова тратит запасы газа из хранилищ // <https://www.interfax.ru/business/853015>
5. <https://www.interfax.ru/business/853771>
6. <https://www.interfax.ru/world/852990>
7. <https://www.kommersant.ru/doc/5468944>
8. Засуха в Европе ударила по всем отраслям промышленности // <https://www.pravda.ru/economics/1735154-zasuha/>
<https://www.pravda.ru/economics/1735154-zasuha/>
9. Во Франции признали, что Запад не смог поставить РФ на колени // <https://ura.news/news/1052575290>

10. Дурдыева А.А. Проблемы дипломатии в процессе евразийской интеграции // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3 (36). С. 37-42.
11. Серегина А.А., Рябиченко М.В. Проблемы развития моногородов в сфере обеспечения всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех (цель № 7 целей устойчивого развития): лучшие практики России и Швеции // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 4. С. 123-136.
12. Карпович О.Г., Рябинина О.К. Деятельность международных акторов гражданского общества в сфере климатической политики // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 6-10.
13. Карпович О.Г., Троянский М.Г., Рябинина О.К. Климатическая политика Европейского Союза: время ответственных решений // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2022. № 1 (31). С. 34-50.
14. Сидорова Н.П. Такая родная чужая Украина // Дипломатическая служба. 2010. № 3. С. 48-55.
15. Геополитика. Бажанов Е.П., Бойко Ю.П., Быстрова А.С., Закаурцева Т.А., Сидорова Н.П., Уксусников П.Б. Москва, 2015. Том Книга 1 Тенденция глобального развития в XXI веке

Трибуна молодых ученых

Исхаков Аскар Салаватович,
магистрант, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
e-mail: isx.ask@gmail.com

Askar S. Iskhakov,
Master's Degree Student,
National Research University Higher School of Economics,
e-mail: isx.ask@gmail.com

О РЕСУРСАХ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ ABOUT "SOFT POWER" RESOURCES IN FOREIGN POLICY OF TURKEY

Аннотация: в данной статье предпринята попытка исследовать феномен «мягкой силы» и ее ресурсы, с помощью которых современная Турция реализует свои внешнеполитические задачи и амбиции. Эти ресурсы представляют собой систему, действуют для усиления ее влияния во многих регионах и странах, распространяясь на многие сферы социальной жизни, и направлены на широкое двустороннее сотрудничество, а также являются важным фактором формирования имиджа Турции и способов продвижения ее интересов за рубежом. Особенности турецкой «мягкой силы» заметны на фоне российской «мягкой силы», в особенности в постсоветских странах.

Ключевые слова: Турция, «мягкая сила», ресурсы, внешняя политика.

Abstract: this article attempts to explore the phenomenon of "soft power" and its resources, with the help of which modern Turkey realizes its foreign policy tasks and ambitions. These resources are a system and act to strengthen its influence in many regions and countries, extending to many areas of social life and are aimed at broad bilateral cooperation, and are also an important factor in shaping Turkey's image and methods of promoting its interests abroad. Features of Turkish "soft

power" are noticeable under exercising Russian "soft power", especially in the post-Soviet countries.

Key words: Turkey, "soft power", resources, foreign policy.

Введение

В современных международных отношениях, как следует из многочисленных публикаций, важное значение отводится механизмам распространения влияния. Отмечается, что ключевым и наиболее востребованным инструментом для достижения данной задачи является «мягкая сила», которая оказывает значительное воздействие на поведение как отдельных граждан, так и на действия организаций и правительств. «Мягкая сила» основывается на способности вырабатывать их предпочтения, особенно на политическом и экономическом уровнях. Среди политических элит распространено понимание, что быть лидером в международных отношениях означает не только иметь возможность применить принуждение, но и разнообразные способы привлечения кого-либо на свою сторону. Современные реалии международной жизни продемонстрировали, несмотря на спорадические военные конфликты в тех или иных частях планеты, высокую эффективность «мягкой силы» в повседневной политике большинства стран. В чем же преимущество этой политики?

Политологи, как правило, считают, что ресурсы «мягкой силы» — это наличие у государства тех или иных возможностей, резервов и опций по привлечению или добровольному склонению к своей политике другого государства. Наличие таких ресурсов, как идеология, культурное наследие, религиозные центры, развитая наука, образование, экономическое благосостояние, привлекательные политические ценности и даже модель государственного устройства, является предпосылками успеха [5]. Безусловно, спектр ресурсов «мягкой силы» не ограничивается данным набором. Есть и скрытые от исследователей процессы, которые пока не

поддаются какому-либо измерению по ряду причин, в том числе из-за отсутствия у политологов достоверных данных.

Очевидно, что наличие тех или иных ресурсов вовсе не означает, что государство может успешно их реализовывать, чтобы добиться целей «мягкой силы». Здесь, как верно отмечается, необходимо полагаться не на статистические показатели, сравнение количества ресурсов, а на социологические опросы и рейтинги, которые достаточно точно определяют привлекательность как ресурсов, так и политики того или иного государства [8]. Но и эти данные также требуют учета того, кто и как их готовил.

Тот или иной потенциал «мягкой силы» не может быть априори отнесен к определенной «силе». Несмотря на то, что, к примеру, Дж. Най, основоположник этой теории, относил экономические меры воздействия к «жесткой силе», многие современные исследователи причисляют экономику к «мягкой силе» в большей степени. Привлекательная модель экономического развития, долгосрочные инвестиции и пр. представляют собой, как пишет М.М. Лебедева, «мягкую силу», а не «жесткую» [6]. Как показывает мировой опыт, инвестиции, являясь частью экономической сферы, неразрывно связаны с «мягкой силой», а экономическая привлекательность — важнейшее условие не только самого существования «мягкой силы», но и ее эффективного применения.

В число стран, где с недавних пор широко используется эта политика, входит Турецкая Республика. Здесь за последние десятилетия качественно улучшились социальные показатели, высокими темпами растет численность населения, имеется относительно устойчивая, стабильная, гибкая экономика, которая обеспечивает ее руководству возможности для реализации своих внешнеполитических целей и задач, в том числе имеющих характер «мягкой силы».

Инвестиции как ресурс «мягкой силы»

Турция особенно активно и широко применяла и применяет экономические инструменты, в том числе инвестиции, для формирования

своего имиджа во многих странах. Так, в Грузии турецкое инвестирование осуществляется по разным направлениям. Например, в Аджарии, пограничном и стратегически важном регионе, где проживает, по данным переписи, проведенной 5–19 ноября 2014 г. в Грузии (за исключением оккупированных территорий), почти 40% мусульманского населения [8], Турцией обеспечивается инвестирование в туристической отрасли. Батумский международный аэропорт, единственный в этом регионе, построен крупнейшим турецким оператором аэропортов — TAV Airports Holding [2]. Теперь Турция использует этот аэропорт и для своих внутренних перелетов. Турецкий капитал широко инвестируется в такие объекты Грузии, как нефтеперерабатывающие заводы, порт, гостиницы, рестораны и др. Турецкие предприниматели, нанимая турецких же рабочих, развивают сферу услуг, туристический бизнес, при этом серьезно конкурируя с грузинскими предпринимателями [1]. Турция, важный экономический партнер Грузии, активно стремится к сотрудничеству с ее ведомствами, институтами и организациями, но при этом преследует свои цели, оказывая отчасти влияние на власти, общество и жителей этой страны.

Религия как ресурс «мягкой силы»

Религия является еще одним важным ресурсом турецкой «мягкой силы». Турция поддерживает религиозные организации и фонды в разных странах, которые решают всевозможные проблемы людей, помогают малоимущим, ведут большую социальную работу в целом. В результате подобных действий президент Турции Р.Т. Эрдоган приобрел большую популярность среди мусульман всего мира. В 2019 и 2021 г. он возглавил рейтинг «500 самых влиятельных мусульман мира», который составляется Королевским центром исламских стратегических исследований в Аммане совместно с Центром мусульманско-христианского взаимопонимания принца Аль-Валида бин Талала на базе Школы дипломатической службы Джорджтаунского университета в Вашингтоне [10]. Суть данного направления турецкой «мягкой силы» Р.Т. Эрдоган выразил при обращении к участникам молодежного

форума Организации исламского сотрудничества в 2021 году: «Пришло время, когда мусульмане должны взять на себя обязательства по обеспечению как собственного покоя, так и мира и безопасности всего человечества. Мусульманам пора выступить против несправедливости, свидетелями которой они являются». Такие рассуждения вызывают одобрение Турции не только в мусульманских странах, но и там, где имеются значительные мусульманские диаспоры, особенно в Европе. Турция стала поддерживать свой имидж защитницы мусульман во всем мире.

Идеология как ресурс «мягкой силы»

Идеология также является сильнейшим ресурсным рычагом Турции. Турецкая модель общества считается эффективным синтезом исламских ценностей, демократических реформ и процветающей рыночной экономики. При этом здесь создан такой политический режим, на который хотят равняться многие мусульманские страны.

Важный аспект ее идеологии – доктрина тюркского единства (тюркизма), которая распространяется в тюркоязычных странах Центральной Азии. Такие турецкие фонды, как Türkiye Diyanet Vakfi, Nurcular, стали каналами пропаганды тюркизма. Они ежегодно направляют сотни желающих из этих стран на религиозное обучение в Турции, а после их возвращения на родину оказывают им разностороннюю помощь.

Культура как ресурс «мягкой силы»

Культура и образование — весьма значимые турецкие ресурсы. Под культурным ресурсом понимается непосредственно турецкая культура, история и язык, под образовательным же ресурсом — распространение знаний в таких областях, как религия, идеология, история, культура и т.д.

Под эгидой Турции создано множество организаций, которые осуществляют культурно-просветительские проекты. В частности, международная организация тюркской культуры Türksoy («Тюркский совет»), штаб-квартира которой находится в Анкаре, развивает разнообразное сотрудничество между всеми тюркскими народами, в том числе с целью

сохранения общих материальных и культурных памятников. К примеру, в 2018 году в Боснии турками было реставрировано медресе имени Ибрагима Паши [3], которое входит в культурное наследие периода Османской империи на Балканах.

Большая образовательная работа ведется Турцией в Центральной Азии. Здесь первоочередное внимание уделено строительству турецких школ, университетов, ремонту и строительству библиотек, программам стипендий для обучения молодежи в Турции и повышения квалификации служащих [4].

Турция активно распространяет продукты своей массовой культуры, в особенности турецкое кино. Турецкие телесериалы появились с 2000-х годов в странах СНГ, особую популярность они приобрели и в России. Большинство сериалов отражает турецкую культуру, они являются наиболее известными культурными товарами для экспорта. Турецкие телесериалы, например всемирно популярные «Великолепный век» или «Запретная любовь», бьют рекорды по количеству просмотров в странах СНГ, Ближнего Востока, Северной Африки, Латинской Америки. Турция занимает второе место по экспорту сериалов в мире, уступая только США. Так, в 2019 году Турция заработала на экспорте своих сериалов более 350 млн долл. [7]. Телевизионная индустрия играет значительную роль в повышении популярности Турции в Азии, Европе, Латинской Америке и Северной Африке.

Констатируя очевидную связь между турецкими сериалами и растущим турецким влиянием за рубежом, турецкий социолог Нилюфер Нарли отметила, что Турция увеличивает свою «мягкую силу» именно благодаря множеству жанров, от исторических фильмов до мелодрам, что всегда привлекает огромную аудиторию и вызывает интерес к истории, языку, обществу Турции [11]. Другими словами, образ жизни турецкого общества также стал каналом «мягкой силы».

Официальным проводником турецкой культуры на международном уровне является Институт имени Юнуса Эмре, созданный турецким правительством в 2007 году и названный в честь известного поэта XIV века.

Этот институт занимается популяризацией турецкого языка и культуры во всем мире. На данный момент функционируют свыше 130 филиалов в разных странах, включая Россию, где находятся два таких центра (в Москве и Казани). А. Гюль (президент Турции в 2007–2014 гг.) на открытии центра в Лондоне в 2011 году назвал «культурный капитал» залогом существования великих держав [9], что показывает, на какую роль претендует современная Турция, используя при этом в значительной степени «мягкую силу».

Таким образом, вышеперечисленные основные ресурсы турецкой «мягкой силы» являются главными источниками продвижения турецких интересов на международном уровне и наиболее эффективными средствами воздействия на общественное мнение народов этих стран, а значит, и на политику их правительств.

Список литературы

1. Аджария. Турецкая оккупация, которую никто не заметил. Часть 1. // Военное обозрение. 2019. 20 января. [Электронный ресурс] URL: <https://topwar.ru/152757-adzharija-tureckaja-okkupacija-kotoruju-nikto-ne-zametil-chast-1.html> (дата обращения: 03.08.2022)
2. Аэропорты в Турции / Travel.ru [Электронный ресурс] URL: <https://guide.travel.ru/turkey/transport/avia/airports/#:~:text=В%20Турции%20такого%20аэропорта%20не,аэропорт%20Батуми%20для%20внутренних%20авиаперелетов.> (дата обращения: 03.08.2022).
3. Исхаков А.С. «Мягкая сила» Турции на пространстве СНГ на примере деятельности ТІКА // Политика, экономика и инновации. 2020. № 4 (33). С. 4–5.
4. Исхаков А.С., Умярова Д.Р. Турецкая политика «мягкой силы» НКО в Боснии и Герцеговине // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 6. С. 4.
5. Ковба Д.М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 136–137.

6. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО. 2017. № 3 (54). С. 213–220.
7. Турция зарабатывает на сериалах \$350 миллионов в год // Daily Sabah [Электронный ресурс] URL: dailysabah.com/russian/business/2019/03/05/турция-зарабатывает-на-сериалах-350-миллионов-в-год (дата обращения: 03.08.2022)
8. 2014 General population census [Электронный ресурс] URL: <http://census.ge/en/results/census> (дата обращения: 03.08.2022).
9. Каа А., Течмен А. The role of common cultural heritage in external promotion of modern Turkey: Yunus Emre Cultural Centres. İstanbul, 2011.
10. The Muslim 500 [Электронный ресурс] URL: <https://themuslim500.com/> (дата обращения: 03.08.2022).
11. Series boost Turkish ‘soft power’ in region // Daily News [Электронный ресурс] URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/series-boost-turkish-soft-power-in-region-8919> (дата обращения: 03.08.2022)
12. Soft Power 30 [Электронный ресурс] URL: <https://softpower30.com> (дата обращения: 10.08.2022).

Балычевский Дмитрий Николаевич,
выпускник кафедры
международного права,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: d-balichevskiy1996@mail.ru

Dmytrii N. Balychevskii,
Graduate,
Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
e-mail: d-balichevskiy1996@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ДВОЙСТВЕННОСТИ МНОГОСТОРОННЕГО
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ВОЗДУШНЫХ ПЕРЕВОЗОК**

**ON THE DUAL NATURE OF MULTILATERAL LEGAL
REGULATION OF INTERNATIONAL CARRIAGE BY AIR**

Аннотация: настоящая статья посвящена становлению, развитию, а также проблемам системы международно-правового регулирования воздушных перевозок. Отдельное внимание уделяется вопросу наличия и взаимодействия двух многосторонних международных договоров в сфере унификации частного международного воздушного права с единым предметом регулирования – Варшавской конвенции 1929 г. и Монреальской конвенции 1999 г. По результатам исследования предложены конкретные решения по устранению сложившихся проблем.

Ключевые слова: международные воздушные перевозки, унификация частного воздушного права, ответственность авиаперевозчика, ИКАО, Варшавская система, Монреальская конвенция.

Abstract: this article is devoted to the formation, development and problems of the existing system of multilateral legal regulation of international carriage by air. Particular attention is given to the problem of existence and interaction of two multilateral international treaties in the field of unification of international private air law with a single subject: the Warsaw Convention of 1929 and the Montreal

Convention of 1999. Based on the results of the study, specific solutions are proposed to address the existing problems.

Keywords: international carriage by air, unification of private air law, air carrier liability, ICAO, Warsaw system, Montreal convention.

Международные воздушные перевозки представляют собой сложное, многоаспектное правовое явление и одну из важнейших сфер общественных отношений, что обусловило создание соответствующей правовой базы на международном уровне. Почти столетняя история развития отрасли гражданской авиации указала на необходимость консолидации усилий государств в урегулировании сферы международных воздушных перевозок на многостороннем уровне.

Первые попытки унификации международного частного воздушного права предпринимались ещё после Первой мировой войны во Франции. В 1925 году в Париже прошла 1-я международная конференция по частному воздушному праву. На ней французским правительством был предложен предварительный проект международного договора по частному воздушному праву, который не смог найти одобрение участников конференции ввиду наличия ряда спорных положений. В 1929 году на 2-й международной конференции по воздушному праву в Варшаве, после исправления предыдущих ошибок, под эгидой Международного технического комитета экспертов по воздушному праву (Comité International Technique d'Experts Juridiques Aériens, CITEJA), созданной французским правительством, была принята конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Варшавская конвенция 1929 г.) [1].

Варшавская конвенция стала первой всеобъемлющей правовой основой, регулирующей гражданскую авиацию на международном уровне, сыграв существенную роль в развитии отрасли и установив основные начала, большинство из которых действует до сих пор и составляет основу современного частного воздушного права. Варшавская конвенция обеспечила

баланс интересов лиц, пользующихся воздушным транспортом, с одной стороны, и авиакомпаний – с другой. Следует не забывать, что отрасль гражданской авиации только начинала развиваться и принятие международной конвенции по воздушным перевозкам стало прогрессивным шагом.

Достоинством Варшавской конвенции можно считать то, что она впервые закрепила характеристики международных воздушных перевозок, установила формализм, характерный для договора международной воздушной перевозки, унифицировала на международном уровне правила ответственности перевозчика за причинение вреда пассажирам, багажу и грузам при выполнении международных воздушных перевозок. Наличие многостороннего международного договора по международному частному воздушному праву позволило обеспечить единообразие практики привлечения авиаперевозчиков к ответственности. Отдельный блок норм был посвящен процессуальным аспектам разрешения споров из договора международной воздушной перевозки.

Недостатком Варшавской конвенции, безусловно, являются низкие лимиты ответственности авиаперевозчика за причинение вреда жизни и здоровью пассажиров – всего 125 000 франков Пуанкаре (~ \$10 000). Даже с учётом последующего повышения лимитов в 2 раза до 250 000 франков Пуанкаре (~ \$20 000) размер компенсации оставался крайне низким. Конечно, во время ее создания данные суммы являлись внушительными, но в данный момент представляются неадекватными. Другой недостаток Варшавской конвенции заключается в том, что ответственность наступает при наличии вины, следовательно, перевозчик освобождается от ответственности, если докажет, что им и его служащими были приняты все необходимые меры, чтобы избежать вреда. Ещё одна недоработка Варшавской конвенции состоит в наличии обширного перечня оснований для освобождения перевозчика от ответственности.

По мнению зарубежных авторов, Варшавская конвенция 1929 г. явилась компромиссной, но в то же время незавершенной, поскольку установленные в ней унифицированные нормы сами по себе были недостаточными и предполагали существенное место для внутреннего законодательства [2, р. 39]. Складывалась ситуация, когда национальное законодательство государств – участников Варшавской конвенции предоставляло пассажирам и грузовладельцам лучшие условия по сравнению с конвенциональным режимом. Незавершенность и несовершенство Конвенции заложили основу для её последующей систематической модификации и дополнения уже под эгидой Международной организации гражданской авиации (ИКАО, от англ. ICAO — International Civil Aviation Organization) [3].

Введение изменений в Варшавскую конвенцию было направлено на усиление ответственности авиаперевозчика. Среди основных документов, изменявших Варшавскую конвенцию, можно выделить следующие: Гаагский протокол 1955 г., который увеличил порог ответственности авиаперевозчика и расширил понятие вины перевозчика [4]; Гвадалахарская конвенция 1961 г., распространившая действие Варшавской конвенции на фактического перевозчика, предоставив ему право ссылаться на положения Конвенции при привлечении его к ответственности [5]; Монреальские дополнительные протоколы 1975 г., значительно увеличившие предел ответственности перевозчика в разных редакциях Конвенции и реформировавшие правила Варшавской конвенции о грузоперевозках [6].

Были и другие документы, которые не вступили в силу, поскольку не набрали необходимого количества ратификаций. Одним из наиболее прогрессивных явился Гватемальский протокол 1971 г. [7]. Хотя данный документ так и остался частью истории, тем не менее он заслуживает внимания для понимания логики дальнейшей унификации международного частного воздушного права. В первую очередь Гватемальский протокол существенно увеличил потолок компенсации до 1 500 000 млн франков (120 000 долларов) и ввел абсолютную ответственность за смерть и телесные

повреждения пассажира. Это означает, что перевозчик несет ответственность только лишь на основании того, что вред был причинен на борту воздушного судна или во время посадки и высадки.

В связи с наличием множества документов Варшавскую конвенцию 1929 г. и все связанные с ней протоколы в доктрине именуют Варшавской системой [8, с. 16]. Основной проблемой Варшавской системы стала альтернатива для государств в вопросе присоединения к Варшавской конвенции в редакции того или иного протокола. Такая альтернатива на самом деле представляла и представляет собой серьезный правовой пробел. Результатом многочисленных изменений, поправок и протоколов стала путаница в вопросе о том, какая редакция Конвенции применима.

Государства, подписавшие первоначальную Конвенцию 1929 года, не обязательно являлись её участниками в редакции, измененной протоколами. Декларируя необходимость улучшения правового положения пассажиров, государства затягивали ратификацию протоколов, тем самым замедляя прогрессивную унификацию норм частного воздушного права. Такое поведение в итоге приводило к тому, что некоторые протоколы так и не вступили в силу, а некоторые вступили в силу через 20 лет.

В результате слишком сложная система, а также обозначенные проблемы привели в конце прошлого столетия к кризису в отрасли и осознанию необходимости значительных перемен. Итогом данного кризиса стало принятие в 1999 году под эгидой ИКАО Монреальской конвенции с одноименным названием [9]. Достижению консенсуса по новой Конвенции предшествовал долгий и нелегкий путь переговоров. Это было вызвано существенным различием социально-экономического развития государств и, соответственно, различием в развитости воздушного гражданского флота.

Монреальская конвенция 1999 г. стала новой важнейшей вехой в развитии международных воздушных перевозок. Она явилась результатом компромисса и синтеза между старым и новым. Конвенция консолидировала нормативную базу Варшавского режима в едином документе, и в то же время

она внедрила долгожданные изменения, которые ожидалось на протяжении долгого времени. Тем не менее большинство прогрессивных положений Конвенции нельзя назвать новеллами на момент ее принятия. Часть из них уже предлагались в рамках Гватемальского протокола 1971 г. и Монреальского дополнительного протокола № 3, которые не вступили в силу.

Характеризуя нововведения, можно утверждать, что Монреальской конвенцией были введены правила, отвечающие современным требованиям: высокие лимиты компенсаций; неограниченная ответственность за телесный вред или смерть пассажира, а в пределах лимитов компенсации ответственность стала объективной; объективная ответственность также предусмотрена за несохранность багажа и груза; дополнительная юрисдикция для пострадавших пассажиров; утвержден институт обязательного страхования ответственности перевозчика; внедрен механизм систематического пересмотра размеров компенсаций.

Следует заметить, что ратификация государствами Монреальской конвенции не требует денонсации Варшавской конвенции, она также останется для них в силе. В ст. 55 Монреальской конвенции указано, что она имеет преимущественную силу перед Варшавской конвенцией, но не отменяет её. Монреальская конвенция применяется только между ее государствами-участниками. Варшавская конвенция и дополняющие протоколы продолжают применяться к перевозкам, осуществляемым между ее государствами-участниками либо между государствами – участниками и Варшавской, и Монреальской конвенций и государствами, не ратифицировавшими Монреальскую конвенцию, но являющимися участниками Варшавской конвенции.

Такой механизм, с одной стороны, позволяет избежать правовой неопределенности, поскольку в любом случае один из режимов будет применяться. Но, с другой стороны, вновь образовалась проблема отсутствия единого режима международных воздушных перевозок. Представляется, что такой двойной режим задумывался как переходный, пока все государства мира

не ратифицируют Монреальскую конвенцию, тем не менее он применяется уже 20 лет. Данное обстоятельство приводит к тому, что на современном этапе развития отрасли международных воздушных перевозок сложились два различных конвенционных режима – Варшавский и Монреальский. Целью принятия Монреальской конвенции было упразднение сложной и архаичной Варшавской системы. Однако в связи с различным уровнем развития отрасли пассажирских перевозок в разных странах и ведением некоторых из них протекционистской политики в отношении национальных авиакомпаний Варшавский режим продолжает действовать.

На данную проблематику обращали внимание в доктрине в течение последнего десятилетия. Т.С. Козлова в своем диссертационном исследовании указывает на тот факт, что действие двух конвенций с единым предметом регулирования и разными правовыми режимами создает предпосылки для правовых конфликтов между государствами – участниками данных многосторонних договоров [10, с. 71]. Н.Н. Остроумов считает, что Варшавская конвенция 1929 г. теряет свой смысл по мере ратификации государствами Монреальской конвенции 1999 г. [11, с. 15]. Другие ученые полагают: «Несмотря на особую значимость Варшавской конвенции в прошлом, на современном этапе данный международный договор изжил себя и вопрос о прекращении его действия должны решать государства, как публично правовые субъекты» [12, с. 188].

Мы солидарны с мнением ученых и полагаем, что такая двойственность регулирования приводит к дисбалансу и дискриминации прав пассажиров и грузоотправителей на международных рейсах авиакомпаний из разных государств. Российская Федерация является участницей обеих конвенций. Варшавскую конвенцию ратифицировал еще СССР в 1934 году, а Гаагский протокол – в 1957 году. В силу того, что Россия — правопреемница СССР, данные договоры остаются для нее в силе [13]. После принятия Монреальской конвенции прошло 18 лет, прежде чем РФ в 2017 году присоединилась к новой конвенции [14]. В отечественной доктрине неоднократно высказывались

предложения о необходимости скорейшей ратификации данного международного договора. Так, Н.А. Духно и другие ученые еще в монографии 2013 года указали на тот факт, что в России уже давно сложились политические, экономические и правовые условия для присоединения к Монреальской конвенции [15, с. 5].

В связи с названными обстоятельствами в России применяются обе конвенции в зависимости от того, в каком государстве находится пункт назначения международной воздушной перевозки. Значительная часть международных полетов российских авиакомпаний приходится в государства бывшего СССР. Однако не все эти государства ратифицировали Монреальскую конвенцию. По состоянию на июль 2022 года новую конвенцию не ратифицировали Республика Узбекистан, Республика Кыргызстан, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Беларусь, Республика Молдова [16]. Не ратифицировали Монреальскую конвенцию также некоторые страны Африки, Латинской Америки, Азии и Ближнего Востока, а всего в ней пока не участвуют более 50 государств. Полеты отечественных авиакомпаний в данные страны и наоборот попадают под действие Варшавской конвенции, за исключением случаев, если рейс осуществлялся из России туда–обратно с посадкой в одной из этих стран. В данном случае применима Монреальская конвенция.

С целью решения выявленных проблем считаем необходимым окончательно прекратить действие Варшавской конвенции и всех дополнительных протоколов, связанных с ней. Предлагаем созвать конференцию по международному воздушному праву под эгидой ИКАО для решения данного вопроса. В качестве возможного решения можно предложить принятие дополнительного протокола №1 к Монреальской конвенции, вносящего дополнения в ст. 55 Конвенции, следующего содержания: «Варшавская конвенция 1929 года, все принятые к ней и вступившие в силу дополнительные протоколы, а также Гвадалахарская конвенция 1961 года

прекращают свое действие в течение двух лет с момента вступления в силу дополнительного протокола №1 к Монреальской конвенции».

По нашему мнению, двухлетний срок является достаточным для ратификации оставшимися государствами Монреальской конвенции, а дальнейшее промедление упразднения Варшавской системы недопустимо, поскольку высока вероятность повторения ошибок прошлого – действие Варшавской конвенции в разных редакциях. Более того, разрешая вопрос о правовых последствиях предложенных изменений, можно уверенно утверждать, что де-факто перевозчикам из стран, не участвующих в Монреальской конвенции, могут не выдать разрешения на международные полеты в государства, ратифицировавшие Конвенцию. Это достигается за счет нормы ст. 50 Монреальской конвенции о страховании, позволяющей государствам требовать обязательного страхования иностранным перевозчиком своей гражданской ответственности по стандартам Монреальской конвенции. Поэтому мы считаем, что отрасль гражданской авиации не будет испытывать трудностей в связи с упразднением Варшавской системы.

Список источников и литературы

1. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Принята в г. Варшаве 12.10.1929 г.) [Текст] Ратифицирована СССР 7 декабря 1934 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
2. Samira Benboubker. Risque, sécurité et responsabilité du transporteur aérien à l'égard de son passage. – Paris: Université Paris, 2014. – 565 p.
3. Конвенция о международной гражданской авиации (Принята в г. Чикаго 07.12.1944 года) [Электронный ресурс]: (в ред. от 26.10.1990). – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»

4. Протокол о поправках к Варшавской конвенции 1929 года об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок (Принят в г. Гаага 28 сентября 1955) Ратифицирован СССР в 1957 г. [Электронный ресурс]. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
5. Конвенция, дополнительная к Варшавской конвенции, для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, осуществляемых лицами, не являющимися перевозчиками по договору (Принята в г. Гвадалахара 18 сентября 1961 года) [Электронный ресурс]: Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
6. Монреальские протоколы об изменении Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанной в Варшаве 12 октября 1929 года и изменённой протоколом, совершённым в Гааге 28 сентября 1955 года от 25.09.1975 г. [Электронный ресурс]: Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
7. ICAO Doc. 8932 Гватемальский протокол о внесении поправок в Конвенцию об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, подписанный в Варшаве 12 октября 1929 г., с поправками, внесёнными Гаагским протоколом 1955 г. от 08.03.1971 г. (Документ не вступил в силу) [Электронный ресурс]. – URL: <https://store.icao.int/> (Дата обращения: 08.07.2022)
8. Остроумов Н.Н. Правовой режим международных воздушных перевозок [Текст]: Монография / Н.Н. Остроумов. – М.: Статут, 2015. – 396 с.
9. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Принята в г. Монреаль 28 мая 1999 г.) [Электронный ресурс]: Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
10. Козлова Т.С. Правовое регулирование ответственности за причинение вреда жизни и здоровью пассажиров при международной воздушной перевозке: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – М., 2011. – 182 с.

11. Остроумов Н.Н. Проблемы унификации и совершенствования правового режима международных воздушных перевозок [Текст]: автореф. ... диссертации доктора юридических наук: 12.00.03. – М., 2013. – 57 с.
12. Международное воздушное право: учебник для вузов / А. И. Травников [и др.]; под редакцией А. И. Травникова, А. Х. Абашидзе. — Москва: Юрайт, 2022. — 444 с.
13. Письмо МИД РФ от 13.01.1992 N 11/Угп «Об осуществлении прав и выполнении обязательств, вытекающих из международных договоров, заключённых СССР» [Электронный ресурс]: Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»
14. Федеральный закон от 03.04.2017 N 52-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. - N 37. - 12.09.2017. - ст.5495
15. Духно, Н. А. Проблемы совершенствования правового регулирования международных воздушных перевозок [Текст] монография / Н. А. Духно, В. М. Корякин, М. Ю. Филиппова. — М.: Юридический институт МИИТа, 2013. — 70 с.
16. Member states of the Convention for the unification of certain rules for international carriage by air done at Montreal on 28 may 1999 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.icao.int/secretariat/legal/list%20of%20parties/mtl99_en.pdf (Дата обращения: 08.07.2022 г.)

Верещагин Викентий Викторович,
магистрант,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: vvickenty@gmail.com

Vickenty V. Vereshchagin,
Master's Degree Student
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: vvickenty@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A GLOBAL GOVERNANCE FACTOR

Аннотация: в статье рассматривается определение понятия искусственного интеллекта, прослеживается семантическая эволюция от сугубо технического термина до широкого концепта, вбирающего в себя междисциплинарность и социально-этическую компоненту. Описаны основные тенденции развития технологий машинного интеллекта в глобальном контексте, включая глокализацию сферы ИИ. В статье автор делает попытку условной сегментации глобального пространства на основе факторов силы, характеризующих степень освоения технологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, глобальное управление, глокализация, ОЭСР, GPAI, риски внедрения ИИ.

Abstract: the article addresses the definition of the artificial intelligence driven by the semantic evolution from an exclusively technical scope to a wider cross-functional socio-ethical concept. The text highlights key trends in AI development such as glocalization. As a result, the authors attempted to segment the global environment based upon the power markers which provide for an estimate of the AI technology mastery.

Key words: artificial intelligence, global governance, glocalization, OECD, GPAI, deployed AI risks.

Введение

Тема искусственного интеллекта в целом и его политической инструментализации в частности набирает популярность. Об этом свидетельствует рост количества монографий зарубежных авторов в период с 2019 до 2021 г., а также материалов конференций, отчетов международных организаций, тематических статей. На современном этапе развития технологии происходит выравнивание аппаратной и программной составляющих и переход ИИ в новое качество, на новый этап развития. Согласно итоговому докладу Национальной комиссии по безопасности в области искусственного интеллекта США (NSCAI) от марта 2021 года [1], мир вступил в эпоху внедренного ИИ (deployed AI), которую ознаменовала глобальная цифровая трансформация, обеспечившая алгоритмы машинного интеллекта критической массой данных для их качественного «обучения» и «полевого» применения.

Высокий уровень развития технологий, их активное применение в программных решениях ведущих IT-компаний, успешная апробация самообучающихся алгоритмов, создание бесшовной инфраструктуры от сбора и обработки данных до аппаратного обеспечения функционирования систем ИИ – индикаторы нового этапа развития отрасли машинного интеллекта.

Актуальность

За период эволюции в 60 лет технологии искусственного интеллекта переживали время активного государственного финансирования в 1956–1976 гг., несколько этапов технической «заморозки», когда развитие вынужденно останавливалось в связи с очевидными техническими барьерами (1974–1980 гг., 1987–1993 гг.), этап патентного бума, когда количество заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности в области ИИ возросло более чем в 15 раз (1993–2017 гг.).

Эпоха сетевых взаимодействий способствовала развитию многомерной, мультимодальной коммуникации. Усложнение информационного поля было вызвано не только объемом всех данных, но и их разнородностью и

междисциплинарностью. Проблема управления, организации и мониторинга непрерывно расширяющегося и усложняющегося информационного пространства стала очевидной, и в 2022 году технологии ИИ являются уникальным решением для управления сложными информационными пространствами. Становление концепции управления через данные (в развитие предыдущего этапа – управление данными) тому подтверждение. Лавинообразный рост объёма генерируемых информационных потоков вызван как ускорением общемировых процессов, связанных с повесткой глобализации, так и непрерывной эволюцией технологий в области накопления, обработки и хранения данных.

Рассматривая возможности искусственного интеллекта через призму глобального управления, среди прочего можно выделить реализацию механизмов манипуляции сознанием пользователя. В цифровой среде образ пользователя формируется из предоставляемых им данных. Рост уровня «цифровизации» сфер жизнедеятельности индивида вкупе с применением технологий машинного интеллекта для анализа действий и передаваемых данных позволяет наиболее детально «прорисовывать» такой цифровой образ.

Одной из самых противоречивых и вместе с тем стремительно развивающихся областей приложения технологий ИИ становится ВПК. Согласно письму Группы экспертов по Ливии на имя Председателя Совета Безопасности ООН от 08.03.2021 года [3] применение турецкого дрона STM Каргу-2 на территории Ливии в разгар гражданской войны в марте 2020 года стало первым задокументированным случаем использования автономного летального оружия в военной операции, когда решение о нанесении удара было принято без участия человека.

Машинное обучение революционно трансформирует все отрасли промышленности – от традиционных металлургии, машиностроения, сельского хозяйства и медицины до биотехнологий, робототехники и электроники. Повышение производительности, качества продукции, использование в недоступных человеку областях, расширение возможностей

человека за счет синергетического применения (гибридный интеллект) становятся фактором конкурентоспособности стран на мировой арене и определяют степень вовлеченности в глобальные процессы.

Попытки определения

Сложность в определении понятия «искусственный интеллект» заключается в исключительной подвижности границ семантического поля термина. Если в начале своего развития ИИ представляется как сугубо технический термин, реализуемый в рамках домена информационно-коммуникационных технологий, то с течением времени становится ясно, что область «гравитации» ядра этого термина значительно шире. Понятие ИИ эволюционирует вместе с развитием самих технологий и расширением сфер применения. Приведем несколько определений термина.

Согласно международному словарю по искусственному интеллекту У. Райнера [4], ИИ есть область, занятая разработкой технических средств, позволяющих вычислительным машинам выполнять работу по принципам, схожим с принципами работы разумного организма, то есть человека. Цели при этом варьируются от «слабых» до «сильных», которые предусматривают развитие полностью сознательной, разумной сущности на основе вычислительной машины.

В итоговом докладе Национальной комиссии по безопасности в области искусственного интеллекта США [1] (NSCAI) от марта 2021 года дается определение, в котором ИИ — это не отдельный элемент аппаратного или программного обеспечения, а скорее сплав технологий, зависящих от взаимосвязанных элементов, которые можно определить как технологический стек (stack – пакет связанных технологий). ИИ нуждается в таланте, данных, аппаратном обеспечении, алгоритмах, применении и интеграции.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года Российской Федерации дается следующее определение. ИИ есть «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без

заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [5]. Здесь также учитывается комплексный характер технологий и предъявляется требование к качеству результата выполнения поставленных задач.

Анализ множества определений позволяет выделить две существенные для концепции ИИ особенности. Первая особенность состоит в том, что искусственный интеллект есть комплекс технологических решений, который требует построения разноуровневой экосистемы (локальной, региональной, глобальной), в которой он сможет быть реализован. Такая экосистема включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, технологии сбора, хранения, обработки данных.

Вторая особенность заключается в том, что концепция определяет требуемое качество продукта, граничные значения относительно того, что считать реализованной системой ИИ. При этом под системой понимается интегрированная совокупность аппаратных, программных, инфраструктурных компонентов, обеспечивающая полный цикл имплементации решения с применением ИИ. Результат, получаемый пользователем таких систем, должен быть на уровне результатов, получаемых при использовании человеческого интеллекта, или выше.

Международное сотрудничество в сфере ИИ

Одним из важнейших факторов, обеспечивающих качественное развитие технологий ИИ, становится возможность практиковать междисциплинарный, инклюзивный подход. Синергетическое взаимодействие больших данных многократно повышает эффективность и обеспечивает конкурентоспособность продукта. Совместные международные исследования позволяют задействовать культурный компонент в разработке продукта, тем самым расширяя «кругозор» технических решений ИИ. Культурно обусловленные данные и их использование в алгоритмах

позволяют разрабатывать нюансированные модели, учитывающие более глубокую структуру свойств объектов.

Учитывая техническую сложность решений в области машинного интеллекта, а также многократное повышение конкурентоспособности продукта при задействовании институтов междисциплинарных международных исследований, очевидна нарастающая необходимость формирования механизмов взаимодействия в этой области как на региональном, так и на глобальном уровнях. При этом необходимой отправной точкой такого взаимодействия становятся национальные стратегии развития ИИ, которые делают акцент на сильных и слабых сторонах участников и дают возможность гармонизировать национальное развитие с развитием глобальным.

Международное сотрудничество обеспечивает значительное конкурентное преимущество в развитии технологий машинного интеллекта. Синергия усилий в области накопления и обработки междисциплинарных многомерных массивов данных, создание единого пространства имплементации решений, взаимодействие институтов разработки – факторы, повышающие эффективность и «интеллект» создаваемых систем, сокращающие цикл «создание – тестирование – внедрение» продукта.

В качестве одного из примеров международного взаимодействия можно привести Организацию экономического сотрудничества и развития. В рамках её работы в мае 2019 года были выработаны основные принципы и рекомендации в области ИИ [6].

В июне 2020 года было учреждено Глобальное партнерство по искусственному интеллекту (GPAI – Global Partnership on Artificial Intelligence) [7]. Миссия данной инициативы заключается в сокращении разрыва между теоретическими разработками и рабочим применением ИИ, обеспечении механизма междисциплинарных исследований в области ИИ на международном уровне и создании глобального центра развития искусственного интеллекта. Партнерство делает акцент на поиске синергии и

эмерджентности за счет обеспечения максимально возможной инклюзивности рабочих групп. GPAI обозначило основные задачи на первый период работы: ИИ и вызовы пандемии COVID-19, управление данными, будущее рабочих мест, инновация и коммерциализация. На 2022 год к инициативе присоединились 25 стран и объединений, среди них Великобритания, Европейский союз, Израиль, Индия, Испания, Италия, Канада, США, Франция, Япония. Секретариат партнерства функционирует на базе Организации экономического сотрудничества и развития.

Сформированное Глобальное партнерство, а также инициатива ОЭСР представляются скорее политическими объединениями последователей либеральной парадигмы, претендующих на глобальное управление сферой ИИ в «демократической» части земного шара, в противопоставление авторитарной модели Китая и России. Наличие подобных глобальных партнерств призвано продемонстрировать единство принципов, целей и повестки политического Запада, а также вытекающее из этого единство технологических возможностей.

При этом принципы, обозначенные в рамках ОЭСР и базовыми документами Глобального партнерства, не противоречат повестке цифрового развития РФ [5], изложенной в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Постулаты политического Запада в сфере сотрудничества по вопросам ИИ становятся основой и присутствуют также в российских национальных проектах по созданию внутренней и региональной инфраструктуры развития машинного интеллекта. Вместе с этим реальное научно-техническое и прикладное сотрудничество в этой области с западным миром сегодня значительно затруднено общим геополитическим контекстом и открытым противостоянием моделей развития.

Факторы лидерства

На современном этапе развития ИИ можно выделить ряд факторов, которые представляют собой маркеры силы в борьбе за лидерство в этой области [8].

Ресурсная компонента традиционно играет важнейшую роль в конкурентоспособности стран, но если раньше в центре внимания находились углеводороды, то сейчас фокус смещается в сторону вычислительных мощностей и массивов данных. Ряд экспертов считает [9], что максимум к 2030 году китайский авторитаризм одержит убедительную победу над американской демократией за счет абсолютного доминирования в объеме собираемых данных. Уже сейчас у Китая собрано в четыре раза больше данных, чем у США. И этот разрыв растет [10].

Возможности конкуренции также определяются степенью разработанности технологического стека, уровень развития которого должен обеспечивать эффективную реализацию алгоритмов глубокого обучения. «На самом деле в ИИ существует лишь одна фундаментальная инновация — глубокое обучение. И всё, что делается сейчас в области ИИ — лишь подстройка глубокого обучения под нужды конкретных прикладных областей» [11]. Очевидно, что современный технологический стек будет неполным без систем сбора и трансформации сырых данных. Для глубокого обучения нужно как можно больше данных. И тот, кто обладает большими данными, скорее всего, уже выиграл соревнование.

Возможности проведения исследований в сфере создания мультимодальных систем также являются определителем силы в области искусственного интеллекта. Взаимодействие кроссфункциональных данных — один из ключевых бустеров систем глубокого обучения. Именно разнородность подаваемых в алгоритмы информационных потоков обеспечивает возможность не только физической мультимодальности (то есть объединение и взаимодействие нескольких способов мировосприятия в одной системе — изображения, тексты, аудиоинформация), но и мультимодальности конструируемого «сознания» машинного интеллекта, создание многомерной картины мира. Дальнейшее развитие в этом направлении теоретически может выявить и реализовать в машинном интеллекте измерения восприятия окружающей реальности, недоступные человеку [12].

Цитата одного из признанных экспертов в области развития ИИ Кай-Фу Ли обобщает суть преимуществ стран-лидеров, определяя их потенциал к глобальному управлению: «...бóльшая часть денег, полученных от ИИ, будет поступать в США и Китай. ИИ — это отрасль, в которой сила порождает силу: чем больше данных у вас есть, тем лучше ваш продукт; чем лучше ваш продукт, тем больше данных вы можете собрать; чем больше данных вы сможете собрать, тем больше талантов вы сможете привлечь; чем больше талантов вы сможете привлечь, тем лучше ваш продукт» [13]. Таким образом, данный механизм представляет собой «логический круг» наращивания силы в сфере ИИ, и ключевые акторы приводят его в движение для защиты и укрепления своих позиций, становясь при этом безусловными и недостижимыми лидерами.

Глокализация экосистем

Сужение глобализационной повестки оказало влияние на все сферы геополитического взаимодействия в рамках международного пространства, не стала исключением и область высоких технологий.

Итоги эпохи безудержной глобализации демонстрируют ощутимый дисбаланс развития ИИ в пользу определенных акторов, не только национальных государств, но и ТНК западного мира, владеющих ключевыми технологиями и интеллектуальными ресурсами. Остальной мир занимает подчиненное положение и исполняет обеспечительные функции для выстраивающихся механизмов лидеров. Среди таких функций можно выделить поставку «цифровых» талантов, «сырых» данных, предоставление экспериментальных площадок в масштабах целых стран. В качестве примера последнего можно привести Африканский континент, который преобразуется в одну из передовых территорий тестового внедрения новых технологий. Создание представительств ведущих ТНК Google, Microsoft, Meta (*Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена*) с возможностью реализации технических решений на местах [14], эксперименты с криптовалютой, ее введение в качестве альтернативной

валюты в ряде стран Африки свидетельствуют об активной апробации инновационных решений на континенте [15]. Таким образом, опытное внедрение ИИ в систему локальных или региональных институтов управления с последующей интеграцией в систему глобального управления африканских стран позволяет осуществить «обкатку» системы в реальных условиях.

Осознание растущего технологического дисбаланса, а также факт выстраивания конкурентного преимущества ряда стран за счет долгосрочной безопасности других заставили многие страны избрать более активный, осознанный путь в работе с технологией искусственного интеллекта, таким образом обозначив стратегический курс развития в этой области в сторону национализации, а следовательно, примата национальных, государственных интересов, а не единого глобализирующегося информационного пространства, управляемого странами Запада. Принимая во внимание, с одной стороны, потребность в реализации международного сотрудничества для повышения качества продукта ИИ, а с другой – национальную автономию подобных систем как стратегический фактор национальной безопасности, можно говорить о необходимости укрепления региональных экосистем с последующей их интеграцией в глобальные процессы (технологическая глокализация).

Повестка глокализации актуальна как для лидеров индустрии, так и для догоняющих. С одной стороны располагаются страны-реципиенты, оказавшиеся в технологической зависимости и предоставляющие ресурс развития, с другой стороны выступают страны-провайдеры, которые пострадали от открытости технологий и, как следствие, их беспрепятственного распространения по всему миру.

Формирование устойчивой автономной национальной экосистемы развития и внедрение машинного интеллекта становятся обязательным элементом для дальнейшего выстраивания международного взаимодействия. Главная причина заключается в необходимости обеспечения национальной безопасности за счет обособления национальных систем от систем

традиционных стран-провайдеров (или ТНК), с одной стороны, и стран-реципиентов – с другой. В то время как первые заинтересованы в защите наработанного интеллектуального потенциала и опыта внедрения, вторые акцентируют политику протекционизма относительно всей цепочки создания продукта в сфере ИИ – от микроэлектроники до систем управления данными и самих массивов данных.

Расстановка сил

В наступившую эпоху освоения лидирует тот, кто обеспечивает качественный ресурс для наработки «интеллекта» машинных алгоритмов. Дело не только в количестве поставляемых данных, но и в качестве. Системы сбора, управления и хранения данных должны обеспечивать структурирование, актуализацию и реактуализацию массивов в режиме «реального времени» с пользователем, а также гарантировать сохранность и безопасность данных. В современном мире ценность и стоимость этого ресурса повышается экспоненциально, так как с каждым днем, по мере углубления цифровизации жизни, связь с безопасностью на всех уровнях (национальная и индивидуальная) становится все более ощутимой.

Полноценный переход к эпохе управления через данные может быть совершен лишь при условии наличия двух других компонентов – аппаратной инфраструктуры, а именно вычислительных мощностей, способных «переварить» объем поставляемых данных, объединенных в единую национальную (или любого другого уровня) цифровую экосистему, а также цифрового «таланта», который может оптимизировать, актуализировать математические модели, непрерывно осуществлять адаптацию национальных технологий с учетом глобального развития ИИ, политических и экономических сдвигов.

Глобальное пространство предлагается условно разделить на четыре группы стран, исходя из того состояния, в котором они вступают в эпоху реализации технологий машинного интеллекта. Группа 1 – страны, набравшие максимальное количество баллов в реализации всех трех составляющих ИИ и

возглавляющие мировую трансформацию в этой сфере. В эту группу входят два актора – США и КНР. Такая конфигурация в группе лидеров уже сейчас характеризует технологическую биполярность. А если принимать утверждение, что лидер в ИИ сегодня – это лидер планетарного масштаба завтра, то можно говорить и о мировой биполярности в будущем мироустройстве.

Группа 2 – страны, следующие политической повестке США и укрепляющие позиции ИИ США в противостоянии с Китаем. Данная группа включает страны ЕС. Преимущества группы заключаются в том, что она имеет сильную математическую школу, развитые экосистему и алгоритмы машинного интеллекта, успешно привлекает таланты и собирает данные на региональном информационном поле. Очевидная слабость состоит в том, что критические проблемы с архитектурой региональной безопасности, а именно абсолютная зависимость от США, препятствуют ее становлению в качестве самостоятельного участника конкуренции на поле ИИ. Невозможность обеспечивать безопасность собственными силами и подчиненное положение не позволяют гарантировать безопасность данных и инфраструктурных объектов экосистемы ИИ. Второй недостаток – отсутствие глобального охвата, распространение программных продуктов (а следовательно, использование алгоритмов ИИ) ограничено европейским континентом, этим же обуславливается и недостаток многомерных данных для совершенствования решений на основе ИИ.

В группу 3 попадают страны, осознавшие важность технологий и претендующие на отстаивание места в архитектуре глобального управления будущего. Основные представители этой группы – страны объединения БРИКС (за исключением Китая, входящего в первую группу), которые претендуют на роль цивилизационных центров, каждый в своем регионе. Такой формат глобального объединения региональных объединений (когда каждый из центров БРИКС признан в своем регионе и представляет некий гравитационный центр) позволит сформировать соответствующую

глобальную структуру ИИ, которая потенциально сможет конкурировать со странами первой группы.

При этом обязательным условием является синергетическое, глубокое объединение на региональном уровне и взаимодействие на глобальном уровне, которое могло бы стать основой для формирования ключевого ресурса для «обучения» машинных алгоритмов – массивов данных, – в количестве и качестве сравнимых с данными, генерируемыми осью США – ЕС.

К недостаткам третьей группы можно отнести слаборазвитую инфраструктуру внедрения, нехватка больших данных, в том числе низкая интенсивность накопления, отсутствие глобального охвата в области майнинга данных. Как следствие, имеются накопленная историческая зависимость от акторов первой и второй групп и необходимость разрушения сформировавшихся информационных цепочек и связей для выстраивания собственных моделей, основанных на национальных технологиях.

К основным преимуществам относятся стадия активного экономического роста (так называемые развивающиеся страны), наличие колоссального ресурсного потенциала, человеческий ресурс (что не всегда соответствует фактору «цифровой талант»). Для отдельных стран в качестве преимуществ можно выделить сильную физико-математическую школу (в РФ) и значительный пул разработчиков «цифрового таланта» (в Индии).

В четвертую группу входят страны – экспериментальные площадки. Если группа 1, включающая в себя множество второй группы, и группа 3 являются самостоятельными акторами в этой сфере или претендуют на такое акторство, в том числе за счет активных действий в направлении развития ИИ, то участники группы 4 пассивны в сфере ИИ и выступают как ценный ресурс для остальных групп для проведения тестирования и испытания новых алгоритмов и систем до их имплементации в сущностях и контекстах стран-разработчиков.

Таким образом, с переходом в эпоху массового внедрения ИИ система глобального управления в этой области сформирована на архитектурных

решениях **IT-гигантов** из США и Китая. Страны, желающие заявить свою позицию в сфере машинного интеллекта и избежать абсолютного подчинения лидерам в будущем, вынуждены разрывать выстроенные в период открытой глобализации цифровые пространства и в авральном режиме восполнять техническую отсталость в этой области.

Жизнеспособность таких акторов будет определяться тем, смогут ли они сформулировать и реализовать свой путь развития в этой области, так как следование за лидером оправдано лишь при восполнении упущенного, но для самостоятельного акторства этого недостаточно. Свой путь предполагает выявление особенного продукта, решения, направления, реализация которого качественно выделит страну на глобальном фоне. Это может быть отдельная отрасль ИИ (например, ВПК, космонавтика, сельское хозяйство) или технологические ниши – машинное зрение, лингвистические системы, технологии «сильного» искусственного интеллекта, на заре которого стоят страны первой группы. В любом случае важно смотреть вперед, а иногда и за горизонт, формируемый лидерами, чтобы попытаться определить и реализовать свое место в архитектуре глобального управления будущего.

Заключение

Практический потенциал и роль искусственного интеллекта в реализации повестки управления в глобальных масштабах впечатляют уже сегодня. В XXI веке развитие технологий способствует трансформации концепции глобального управления – от идеи взаимовыгодного взаимодействия государств, основанного на согласованных нормах, принципах и концепциях, источниках международного права, выработанных с участием и согласием большинства в рамках глобального координатора (ООН) к принципам глобального управления человечеством на всех уровнях на основе собираемых и обрабатываемых данных из единого центра. При этом одной из важнейших характеристик новой системы является отсутствие прозрачности. В этом случае ключевая роль в глобальном управлении в новом его понимании отводится провайдерам инфраструктуры,

разработчикам и архитекторам цифровых решений, внедряемых в масштабах всего мира.

Учитывая ускоряющуюся цифровизацию, в основе которой находятся продукты IT-гигантов, отрыв лидеров может стать недостижимым, а переход пользователей из одной цифровой экосистемы в другую может спровоцировать серьезные негативные последствия как на уровне отдельных малых групп и индивидов, так и целых отраслей промышленности.

В связи с этим трансформация глобальной цифровой архитектуры разворачивается стремительно, ее проведение связано с силовым сломом установившихся связей, их переустройством с учетом национальной компоненты, что, в свою очередь, приводит к значительным потерям и неопределенностям в сформированных системах экономического взаимодействия и фрустрации пользователей. Несмотря на очевидные трудности, такая трансформация рассматривается как оздоравливающая и обусловлена одним из основных геополитических трендов последних лет – сужением повестки глобализации.

Мы наблюдаем возврат в лоно национальных государств для принятия необходимых решений и реализации инструментария для того, чтобы потом вернуться на арену глобализации обновленными и подготовленными, с арсеналом механизмов, позволяющих контролировать внедрение технологий, которое протекает уже не ультимативно, но инклюзивно, с учетом национальной специфики участников геополитических процессов.

Список использованных источников и литературы:

1. National Security Commission on Artificial Intelligence, The. Final Report. // reports.nscai.gov : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://reports.nscai.gov/final-report/ai-in-context>.

2. Бостром, Ник. Искусственный интеллект. Этапы, угрозы, стратегии. // Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. стр. 404. Текст: непосредственный. ISBN: 978-5-00057-810-0.

3. Final report of the Panel of Experts on Libya Established Pursuant to

Security Council Resolution 1973 (2011). // undocs.org : [Сайт]. [В Интернете]
[Цитировано: 27 04 2022 г.]
<https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=S%2F2021%2F229>.

4. Raynor, W. J. Jr. International Dictionary of Artificial Intelligence. // Chicago, London, New Delhi : The Glenlake Publishing Company, Ltd., 1999. стр. 13. ISBN: 0-8144-0444-8.

5. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : [Утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»]. // digital.ac.gov.ru : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.]
<https://digital.ac.gov.ru/upload/iblock/2f0/Нацстратегия%20ИИ.pdf>.

6. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). OECD AI Principles Overview. // OECD.AI Policy Observatory : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://oecd.ai/en/ai-principles>.

7. Global Partnership on Artificial Intelligence, The. About GPAI. // GPAI : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://gpai.ai/about>.

8. Шумский, С. А. Искусственный интеллект: вызовы и угрозы России / С.А. Шумский. // РСМД : [Сайт]. [В Интернете] 18 12 2018 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyy-intellekt-vyzovy-i-ugrozy-rossii/>.

9. Linn, Thomas C. Race To Develop Artificial Intelligence Is One Between Chinese Authoritarianism And U.S. Democracy. // The San Francisco Chronicle. 28 08 2018 г.

10. U.S.-China Economic and Security Review Commission. China's Advanced Weapons Systems. // uscc.gov : [Сайт]. [В Интернете] 10 05 2018 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.]
https://www.uscc.gov/sites/default/files/China%27s%20Advanced%20Weapons_PR.pdf.

11. Lee, Kai-Fu. Ai Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. // Boston, New York : Houghton Mifflin Harcourt, 2018. стр. 286. ISBN: 9-

7813-2854-586-2.

12. Goh, Gabriel. Multimodal Neurons in Artificial Neural Networks. // OpenAI : [Сайт]. [В Интернете] 04 03 2021 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://openai.com/blog/multimodal-neurons/#biasandovergeneralization>.

13. Lee, Kai-Fu. The Real Threat of Artificial Intelligence. // The New York Times. 24 06 2017 г.

14. Gyamfi Asiedu, Kwasi. Google Is Throwing Its Weight Behind Artificial Intelligence For Africa. // Quartz Media : [Сайт]. [В Интернете] 15 06 2018 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://qz.com/africa/1305211/google-is-making-a-big-bet-on-artificial-intelligence-in-africa-with-its-first-research-center/>.

15. Central African Republic Adopts Bitcoin As An Official Currency. Reuters: [Сайт]. [В Интернете] 28 04 2022 г. [Цитировано: 28 04 2022 г.] <https://www.reuters.com/world/africa/central-african-republic-adopts-bitcoin-an-official-currency-2022-04-27/>.

16. Федоров, М., Цветков, Ю. Искусственный интеллект как инструмент борьбы за сознание людей / М. Федоров. // РСМД : [Сайт]. [В Интернете] 21 05 2021 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrument-borby-za-soznanie-lyudey/>.

17. Сильный искусственный интеллект. На подступах к сверхразуму / Александр Ведяхин [и др.]. Москва : Интеллектуальная Литература, 2021. стр. 232. Текст: непосредственный. ISBN 978-5-90739-418-6.

18. Брокман, Джон. Что мы думаем о машинах, которые думают. Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. 1-е изд. // Москва : Альпина нон-фикшн, 2020. стр. 548. Текст: непосредственный. ISBN: 978-5-91671-775-4.

19. Рассел, Стюарт. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект. // 1-е изд. Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. стр. 438. Текст: непосредственный. ISBN: 978-5-00139-288-0.

20. Форд, Мартин. Архитекторы интеллекта: вся правда об

искусственном интеллекте от его создателей. // 1-е изд. Москва : Питер, 2020. стр. 417. Текст: непосредственный. ISBN: 978-5-00139-370-2.

21. Lee, Kai-Fu. From Discovery to Implementation. // World Intellectual Property Organization : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.] https://www.wipo.int/tech_trends/en/artificial_intelligence/ask_the_experts/tech_trends_ai_lee.html.

22. Artificial Intelligence (AI) Coined at Dartmouth. // Trustees of Dartmouth College : [Сайт]. [В Интернете] 2022 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://250.dartmouth.edu/highlights/artificial-intelligence-ai-coined-dartmouth>.

23. Galindo, L., K. Perset and F. Sheeka. An Overview Of National AI Strategies And Policies. Going Digital Toolkit Note, No. 14. // OECD : [Сайт]. [В Интернете] 2021 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] https://goingdigital.oecd.org/data/notes/No14_ToolkitNote_AIstrategies.pdf.

24. Harper, Jon. Federal AI Spending to Top \$6 Billion. // National Defense Industrial Association: [Сайт]. [В Интернете] 2022 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] [https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2021/2/10/federal-ai-spending-to-top-\\$6-billion](https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2021/2/10/federal-ai-spending-to-top-$6-billion).

25. None too clever? Military applications of artificial intelligence. // Drone Wars UK : [Сайт]. [В Интернете] 12 2021 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://dronewars.net/wp-content/uploads/2021/12/None-too-clever-FutureWars-1.pdf>.

26. United Nations. Final report of the Panel of Experts on Libya Established Pursuant to Security Council Resolution 1973 (2011). // undocs.org : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=S%2F2021%2F229>.

27. United States DoD. Summary of the 2018 Department of Defense Artificial Intelligence Strategy. // U.S. Department of Defense : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://media.defense.gov/2019/Feb/12/2002088963/-1/-1/1/SUMMARY-OF-DOD-AI-STRATEGY.PDF>.

28. White House, The. National Security Strategy of the United States of America. // trumpwhitehouse.archives.gov. [В Интернете] 12 2017 г. [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

29. Office of Science and Technology Policy. Summary Of The 2018 White House Summit on Artificial Intelligence for American Industry. // trumpwhitehouse.archives.gov : [Сайт]. [В Интернете] [Цитировано: 27 04 2022 г.] <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/05/Summary-Report-of-White-House-AI-Summit.pdf>.

Слюняева Дарья Евгеньевна,
студент, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: sljunjaevad@gmail.com

Коршунова Екатерина Андреевна,
студент, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
e-mail: ek2001krh@mail.ru

Daria E. Sliuniaeva,
Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: sljunjaevad@gmail.com

Ekaterina A. Korshunova,
Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the
Russian Federation,
e-mail: ek2001krh@mail.ru

Научные руководители:

Сидорова Лидия Николаевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и
политической философии Дипломатической академии Министерства
и иностранных дел Российской Федерации

Советова Елена Александровна,
преподаватель норвежского языка кафедры
романо-германских языков Дипломатической академии Министерства
и иностранных дел Российской Федерации

Scientific advisers:

Lidia N. Sidorova,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of
Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Elena A. Sovetova,
Norwegian language teacher of the Romano-Germanic Languages
Department of of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of
the Russian Federation

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ СЕГОДНЯ:

КРИЗИС ИЛИ АДАПТАЦИЯ К СОВРЕМЕННЫМ РЕАЛИЯМ?

SOCIAL DEMOCRACY TODAY:

CRISIS OR ADAPTATION TO MODERN REALITY?

Аннотация: ввиду кризисных явлений, приписываемых социал-демократической идеологии начиная с конца XX века, ставится вопрос о том, каким образом ее можно «реабилитировать». В статье на примере Норвегии рассматриваются меры по актуализации социал-демократической повестки, предложенные в рамках программы правительства на 2021–2025 гг.

Ключевые слова: Норвегия, выборы, социал-демократия, кризис.

Abstract: given the crisis features that have been attributed to the modern social democracy since the end of 20th century, the question if the ideology can be “saved” is becoming urgent nowadays. The article scrutinizes specific measures aimed at updating the social democratic agenda that were suggested at the new governmental platform adopted in Norway for 2021–2025.

Keywords: Norway, election, social democracy, crisis.

Кризисные социал-демократии в современном мире

Если XX век в литературе принято считать «золотым веком» социал-демократии [7], когда эта идеология представляла собой компромисс между либерализмом и коммунизмом, мягкую альтернативу ортодоксальному марксизму, который в СССР вылился в тоталитаризм, то сегодня многие политологи заявляют о кризисе социально-демократических партий в западных странах, начавшемся в 80-90-х гг. прошлого века, и появлении так называемой новой социал-демократии. Она активно ищет пути адаптации к изменившимся реалиям общественной жизни, зачастую пренебрегая своей идеологией ради успеха у электората.

В частности, этой проблеме посвящены работы научного сотрудника ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН Н.В. Работяжева [10], ведущего научного сотрудника Центра партийно-политических исследований Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН Б.П. Гуселетова [4]. В 2005 году Институт Европы РАН выпустил сборник материалов конференции «Европейские левые на рубеже тысячелетий», где такие исследователи, как

В.Я. Швейцер, А.В. Бузлагин, Б.С. Орлов, П.М. Кудюкин, Т.Т. Тимофеев, рассуждают о кризисе, в котором сегодня оказалась левая идея и пытаются сделать прогнозы относительно ее дальнейшей судьбы [5].

Причины кризиса кроются в крахе «левого проекта», проявившегося прежде всего в распаде СССР, сокращении рабочего класса (электоральная база социал-демократов) по мере перехода к постиндустриальному обществу и, как следствие, ослаблении профсоюзов. К тому же экономика, построенная на идеях Д.М. Кейнса, уже не соответствовала новым реалиям, поскольку высокие социальные расходы параллельно с высокими налогами лишь замедляли развитие системы из-за возникшего дефицита и возрастания иждивенческих настроений. К причинам кризиса социал-демократов можно добавить усиление процесса глобализации, в результате которого растет международная конкуренция. В такой ситуации национальные бизнесы приносят в государство все меньше капитала, так как из-за тяжелого бремени налогов они становятся менее конкурентоспособными.

С распадом СССР мир перешел в состояние однополярности, в результате чего влияние индивидуалистских идей США стало еще больше распространяться и в конечном итоге привело к фрагментации и индивидуализации общества. Это значительно повлияло на идеологию социал-демократов, которые уже не ставят во главу угла идею компромисса рынка и социализма, а, скорее, склоняются к капитализму. Становится понятно, что они не намерены больше строить социализм.

Социал-демократия в Норвегии: есть ли кризис?

Наибольшей приверженностью социал-демократическим идеалам славится североевропейский регион – государство всеобщего благосостояния, регулирование рынка, социально-экономическое партнерство граждан и капитала, стабильные демократические институты – все это является визитной карточкой скандинавских стран. Норвегию до 1969 года можно справедливо называть страной «одной партии», так как поддержка Норвежской рабочей партии на выборах составляла больше 45% (см. график ниже) [3], что

позволяло ей практически в одиночку формировать правительство и принимать решения в парламенте. График также показывает, что на протяжении длительного временного промежутка (60 лет) партия имела стабильно высокие результаты на выборах, получая около трети или даже больше голосов избирателей. В сентябре 2021 г., после восьми лет правления правой коалиции, НРП вновь одержала победу, получив 26,3% голосов.

Таблица 1. Уровень поддержки населением Норвежской рабочей партии 1961–2021 гг. График составлен по данным сайта Poll of polls // Pollofpolls.no. Available at: <http://www.pollofpolls.no/?cmd=Stortinget> (Accessed: 09.02.2022).

Практически сразу после победы по инициативе новоизбранного премьер-министра Йонаса Гара Стёре в отеле Hurdalsjøen начались переговоры с Партией центра и Социалистической левой партией о формировании так называемого правительства мечты – правительства большинства, состоящего из левых партий. Однако по итогу Социалистическая левая партия уже 29 сентября вышла из переговоров из-за разногласий по поводу налогов, политики в области добычи нефти и охраны природы. 13 октября Партия центра и Рабочая партия выпустили совместный документ Hurdalsplattformen, который является своего рода программой для работы нового коалиционного правительства на 2021–2025 гг. [11]. Документ охватывает 17 наиболее значимых для Норвегии сфер общественной жизни. В связи с этим интересно исследовать современное видение социал-демократами внутренней и внешней политики, их программу действий в

рамках управления страной на предмет того, каким образом политики ищут и в чем находят выход из кризиса, в котором, как считается, социал-демократия сегодня находится.

Структура правительственной программы Й.Г. Стёре

Правительственная программа 2021 г. выглядит более подробной по сравнению со своими предшественницами. Как уже упоминалось, документ охватывает 17 сфер, каждая из которых имеет еще несколько разделов. Большая часть программы посвящена внутренней политике, описан буквально каждый ее аспект. Оборона и внешняя политика прописаны в самом конце.

Если провести контент-анализ правительственной программы Й.Г. Стёре, то можно заметить, что понятия, связанные с ключевыми идеологическими установками социал-демократов, упоминаются довольно часто. Так, слово «справедливость» встречается 62 раза, «доверие» – 27, «благополучие» – 26, «волонтерство» – 25, «равноправие» – 17 и «занятость» – 10. То есть на первый взгляд кажется, что норвежские социал-демократы остаются достаточно привержены своим идеям.

Анализ внутриполитического аспекта программы правительства Й.Г. Стёре

Существует мнение о том, что одним из проявлений кризиса социал-демократии является основательный «сдвиг» этой идеологии вправо [6], так что сегодняшние социал-демократы мало чем отличаются от либералов. В случае Норвегии «буржуазная» партия «Хёйре» не так давно находилась у власти целых два парламентских периода (2013–2017 гг., 2017–2021 гг.), то есть исторические реалии приблизительно те же, с которыми имеет дело сегодняшнее правительство Й.Г. Стёре. В связи с этим представляется важным сравнить некоторые аспекты внутриполитических программ, представленных правыми и левыми. Рассмотрим несколько направлений: налоговая политика, использование углеводородов, климат, политика в отношении рабочих и миграционная политика. В первую очередь стоит отметить, что эти аспекты расположены в иной последовательности в правительственной программе

«Хёйре». Первыми по приоритетности указаны политика в отношении рабочих, миграционная политика, затем экономика и налоги, климат, использование углеводородов. У Рабочей партии на первом месте стоит справедливое распределение налогов, затем углеводороды, климат, политика в отношении рабочих и миграционная политика.

Что касается налогов, то обе программы заявляют об их снижении. Тем не менее заметна значительная разница в этом отношении. Если «Хёйре» просто говорит о снижении уровня налогов, то Рабочая партия обращает внимание прежде всего на справедливое распределение налогового бремени и указывает конкретные цифры. Например, подоходный налог будет составлять 22% на протяжении всего периода работы настоящего стортинга. Те, кто зарабатывает меньше 750 000 норвежских крон, будут платить меньше налогов, а для остальных налоги увеличат.

В области климата и добычи углеводородов в этих двух документах утверждается, что нефть играет важную роль в экономике Норвегии. При этом обе программы также возлагают большие надежды на возобновляемые источники энергии. Однако документ Рабочей партии больше концентрируется на использовании возобновляемой энергии, предлагая конкретные меры в области ее использования (например, создание специальной комиссии, которая будет выявлять энергетические потребности, или обновление существующих ГЭС) и ставя целью достижение нулевого уровня выбросов к 2050 году.

Рабочая политика как Рабочей партии, так и «Хёйре» фокусируется на взаимодействии работодателей, рабочих и государства, а также на предоставлении молодежи работы так скоро, насколько это возможно. Тем не менее наблюдаются существенные различия в подходах двух партий к организации рабочей жизни в стране. «Хёйре» особенно подчеркивает важность поддержки предпринимателей и их роли в национальной экономике, а Рабочая партия делает упор на деятельность профсоюзов и, что довольно ново, гендерное равенство на рабочих местах. Кроме того, одним из

приоритетом левых является выравнивание доходов, в связи с чем планируется создать специальную комиссию по регулированию доходов.

Сравнивая миграционную политику, стоит отметить, что Рабочая партия акцентирует внимание на ее справедливости. Предположительно, под справедливостью здесь понимается то, что Норвегия не собирается в одиночку справляться с потоком мигрантов. В документе говорится о важности международного сотрудничества в помощи странам, где идут войны. Норвегия повысит уровень поддержки уязвимых государств и будет помогать другим странам, принимающим беженцев. При этом также утверждается, что правительство будет проводить политику так, чтобы рабочие мигранты не спровоцировали социальную нестабильность и не составляли угрозу для условий труда самих норвежцев. Программа «Хёйре», наоборот, с одной стороны, кажется более приветливой для мигрантов, так как там говорится о том, что мигранты способствовали экономическому росту Норвегии и могут помочь справиться с нехваткой рабочей силы. При этом, с другой стороны, говорится о важности легального пребывания мигрантов в стране. В этой связи речь шла о заключении «договоров по возврату» с несколькими странами, предполагающими исключить мигрантов, незаконно пребывающих в Норвегии.

Анализ внешнеполитического аспекта программы правительства Й.Г. Стёре

Интересно также понять, каким образом сегодня актуализируются старые идеи Интернационала, появившиеся еще во второй половине XIX века. Во внешней политике социал-демократия сталкивается с такими вызовами, как глобализация, вопросы разоружения и снижения международной напряженности, решение проблемы «Север–Юг», необходимость поиска мировой солидарности «новых трудящихся».

Как уже было сказано ранее, к признакам кризиса социал-демократии относят неспособность этой идеологии работать в условиях глобализации. С момента заключения Вашингтонского консенсуса, который ознаменовал

победу капитализма, задачей социал-демократии в мире стало не распространение на весь мир социалистических идей и не построение социализма в мире, а ограничение негативных последствий власти глобального рынка. В Парижской декларации Социнтерна 1999 г. отмечается: «задача социал-демократов заключается в том, чтобы придать глобализации социальное измерение <...> и поставить ее на службу человечеству» [2].

Эта политика прослеживается в программе левого коалиционного правительства 2009–2013 гг., возглавляемого Й. Столтенбергом [13]. В главе, посвященной торговле, можно найти положения о стремлении Норвегии к обеспечению справедливости международной торговой политики, установлению такого ее режима, который бы принимал во внимание проблемы экологии, продовольственной безопасности и развития бедных стран, ни в коем случае не предъявлял бы к ним требования либерализации, обеспечивал бы трудовые и социальные права. Такой режим Норвегия стремилась отстаивать в рамках ВТО.

Новая программа политики в области международной торговли, предложенной левым правительством Й. Стёре в 2021 году, от этих принципов не отказывается, однако кроме ВТО упоминаются еще некоторые институты, которые Норвегия стремится использовать для обеспечения справедливого режима торговли. Например, говорится о необходимости заключения конвенции об экономической прозрачности, предлагается создать международные механизмы для эффективного и справедливого управления кризисами государственных долгов.

Таким образом, можно сказать, что курс сегодняшних левых в отношении глобализации не меняется. Это по-прежнему попытка связать свободный рынок рамками, механизмами и институтами, которые бы «умерили его аппетиты».

Что касается другого аспекта глобализации, а именно регионализации, то здесь в случае Норвегии актуально рассматривать два направления:

европейское в форме сотрудничества с ЕС и северное в форме укрепления связей со странами Северной Европы.

В прошлом позиция НРП по вопросу о присоединении к ЕС оказалась фатальной для рейтингов норвежских социал-демократов. Изначально заняв «пробуржуазную» позицию (тех же взглядов придерживались правые «Хёйре» и Партия прогресса), она выступала за вступление Норвегии в ЕЭС/ЕС на обоих референдумах 1972 и 1994 г. Объяснялось это необходимостью обеспечить единство евросоциалистов для строительства демократического социализма во всей Европе. Однако, как отмечает К.В. Воронов, именно позитивное отношение к вопросу евроинтеграции, а также солидаризация с правыми партиями стали причиной партийного кризиса в 1972 году [1]. Это также привело к потере НРП существенной части электората (46,5% голосов избирателей на выборах в 1969 году против 35,3% на выборах в 1973 году – см. график выше). Ввиду этого интересно проследить, насколько сегодня социал-демократы могут представить отличную от консерваторов позицию по вопросу сотрудничества с ЕС.

Анализ программы нового правительства позволяет говорить об относительном евроскептицизме ее авторов в сравнении с позицией, которая была выражена в программном документе правительства Эрны Сульберг, находившегося у власти в 2017–2021 гг. Так, в предыдущей программе все внимание было уделено исключительно сотрудничеству Норвегии с ЕС, присутствовала идея более активного включения государства в европейскую политику посредством активизации потенциала соглашения о Европейской экономической зоне. В частности, в рамках соглашения предполагалось не только экономическое сотрудничество, но и выработка совместных решений по вопросам климата, миграции и правосудия в Европе. Кроме того, объявлялось о заинтересованности Норвегии в участии в европейской системе безопасности.

В программе 2021 г. важность сотрудничества в Европе не ставится под сомнение, однако фокус здесь несколько иной. ЕС больше не единственный

европейский актор, сотрудничество с которым рассматривается в главе, посвященной Европе. Наравне с ним как важные торговые и политические партнеры выступают страны Северной Европы. С ними анонсируется наращивание сотрудничества в области обороны и безопасности, экономики и инфраструктуры. К ЕС и ЕЭЗ новое правительство относится несколько осторожно. Предлагается подвести итог 10-летнему функционированию соглашения, а также проанализировать результаты финансирования, которое выделяется участниками соглашения на нужды экономического и социального развития.

Таким образом, можно заключить, что идея солидарности мирового сообщества сегодня перенесена с европейского региона на североевропейский, именно с ним ищут большего сотрудничества.

В области обороны и разоружения также наблюдается преемственность с находившемся ранее, в 2005–2009 гг. и 2009–2013 гг., у власти правительством Й. Столтенберга. Там делалась ставка на продолжение деятельности Норвегии в рамках НАТО, а также на сокращение ядерного и обычного вооружения в мире. Так, поддерживается разработка Конвенции о торговле оружием и международного запрета на применение кассетных бомб.

В программе правительства Й.Г. Стёре предлагается продолжать осуществлять контроль за оборотом оружия, а также следить за соблюдением запрета на бомбовые кассеты и наземные мины. Помимо этого, в документе отмечается необходимость усилить роль Норвегии в ядерном разоружении совместно с членами НАТО и государствами, не являющимися членами альянса. То есть несмотря на обвинения в служении американскому империализму посредством членства в НАТО, социал-демократы стараются придать участию в альянсе мирный импульс, связанный с идеей разоружения.

Рассуждая о кризисе европейской социал-демократии, Н.В. Работяжев отмечает, что не последнюю роль в сложившейся ситуации сыграл сдвиг ценностей, к которому не была готова идеология, зародившаяся в конце XIX века: «У части молодого поколения приобрела популярность

постматериалистическая ценностная ориентация, не вписывавшаяся в традиционные «коллективистские» и «материалистические» установки левого движения» [10]. При этом нужно сказать, что эти интересы не остались без представительства: партии «новых левых» первыми начали поднимать вопросы экологической тематики, а также гендерного равенства. В Норвегии такой партией является Социал-демократическая левая партия, которая, несмотря на третий по числу голосов результат, в правящую коалицию не вошла.

Тем не менее к популярной повестке вынуждена адаптироваться и НРП. Как отмечает Н.В. Работяжев, именно потенциал социалистической левой партии, пользующейся все большей поддержкой, заставляет НРП держаться «левее» [9]. Даже не будучи настроенными радикально в отношении прекращения добычи природных ресурсов, экологической проблематике, а также вопросам защиты прав меньшинств они отводят важное место. В частности, эти идеи доминируют во внешнеполитической части программы. Об этом говорит само название данного раздела документа «Внешняя политика – более надежный, более справедливый и более зеленый мир». В качестве отдельных подглав выделили направления «Международная работа по вопросам климата», а также «Демократия, права и равенства». Изменение климата рассматривают как одну из главных угроз миру и справедливости, считают его возможным катализатором будущих мировых конфликтов, а потому государство намерено делать ставку на возобновляемую энергию, зеленые технологии, правовое регулирование управления природными ресурсами. Анонсируют, в частности, работу над новым международным соглашением по типу Парижского.

Что касается «Демократии, прав и равноправия», нового раздела во внешнеполитической программе, то здесь у правительства пессимистический взгляд на ситуацию с демократией и правовым государством в мире. Этим они, к слову, мало отличаются от правящей ранее правой коалиции. В упадке демократии видят существенный вызов, однако в то же время такую

постановку проблемы можно рассматривать как определение задачи, которую можно решить, опираясь на социал-демократические принципы. Если в начале XX века «старые» социал-демократы призывали к объединению пролетариата всех стран, то «новые» почему-то ищут солидарности среди людей искусства. Так, говорится, что правительство будет «способствовать сотрудничеству между норвежскими художниками и художниками в странах, где права человека и свобода выражения мнений находятся под давлением». Однако по-прежнему утверждаются ценность профсоюзов и важность защиты прав работников. Кроме того, помимо общих фраз о необходимости обеспечивать соблюдение прав человека, особенно важным считается защищать права женщин и сексуальных меньшинств.

Относительно политики в области содействия развитию, традиционного для социал-демократов направления внешней политики, произрастающего еще из антиколониальных идей и стремления включить страны третьего мира в систему международных отношений на справедливых началах и решить проблему «Север–Юг», можно сказать, что она по-прежнему предполагает оказание помощи мировому сообществу в решении таких проблем, как климатические изменения, недостаток продовольствия, неравенство и бедность, ущемление прав женщин, распространение инфекционных заболеваний. Здесь актуализация старых социал-демократических идей проявляется в отражении их в новых институтах. Так, в программе 2021 г. эта политика теперь должна осуществляться в рамках таких институтов, как Парижское соглашение, Цели устойчивого развития ООН, права человека.

Таким образом, рассмотрев результаты выборов 2021 г. в Норвегии, а также правительственную программу, выдвинутую левой коалицией, возглавляемой НРП, можно заключить, что современная социал-демократия действительно переживает перемены даже в такой верной данной идеологии стране, как Норвегия. Однако говорить о кризисе, а тем более окончательном поражении левой идеи в этой стране неактуально. В программе правительства в качестве основополагающих фигурируют ценности и идеи, присущие

социал-демократии с самого ее зарождения: всеобщее равенство и справедливость, вклад в человеческий потенциал, солидарность и доверие, чувство общности, демократические принципы управления, сильное государство. Все они детерминируют план действий правительства как во внешней, так и во внутренней политике. Актуализируются эти ценности посредством их связи с экологической проблематикой, вопросом гендерного равенства, поиском солидарности среди нового среднего класса, необходимостью справедливого перераспределения доходов как внутри страны, так и в мире с помощью выстраивания надежных институтов и правовых режимов.

Список литературы и источников

1. Воронов К.В. Евроинтеграция Норвегии: особый курс малой страны – М: Прогресс-Традиция, 2008. – С.107
2. Вызовы глобализации // XXI Конгресс Социалистического Интернационала. Париж, 8-10 ноября 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://sdinform.org/upload/books/Programm/Parigskaja%20Deklaracija%20Socinterna%201999.pdf> (дата обращения: 8.02.2022)
3. График составлен по данным сайта. Poll of polls// Pollofpolls.no. Available at: <http://www.pollofpolls.no/?cmd=Stortinget> (Accessed: 09.02.2022)
4. Гуселетов Б. Европейская социал-демократия: есть ли шанс на возрождение? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2019, №6
5. Европейские левые на рубеже тысячелетий: [сборник] / Рос. акад. наук, Ин-т Европы, Науч. Совет «Парт.-полит. системы XXI в.»; [отв. ред. В. Я. Швейцер]. - Москва : ОГНИ ТД, 2005 (М. : ОГНИ ТД). - 366 с.
6. Константинов И.В. Левый поворот в мире и западная социал-демократия // Актуальная социал-демократия в XXI веке. — М. : Ключ-С, 2009. — С. 9

7. Орлов А.А. Европейская социал-демократия: трудный путь к возрождению / А.А. Орлов // Ежегодник ИМИ - 2012 / Под ред. А.А. Орлова. - М.: МГИМО-Университет, 2012. - С. 12

8. Работяжев Н.В. «Новая» и «старая» социал-демократия в Западной Европе // Политическая наука - №4 – 2013. – С. 107

9. Работяжев Н.В. Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // Политика. 2012. № 3 С.155

10. Работяжев Н.В. «Новая» и «старая» социал-демократия в Западной Европе [Текст] // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 106 – 133

11. Hurdalsplattformen // Regjeringen.no. Available at: <https://www.regjeringen.no/no/dokumenter/hurdalsplattformen/id2877252/> (Accessed: 30.11.2021)

12. Plattform for regjeringssamarbeidet mellom Arbeiderpartiet, Sosialistisk Venstreparti og Senterpartiet 2005-09// Regjeringen.no. Available at: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/smk/vedlegg/2005/regjeringsplattform_soriamoria.pdf (Accessed: 09.02.2022)

13. Politisk plattform for flertallsregjeringen // Regjeringen.no. Available at: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/smk/vedlegg/2009/ny_politisk_plattform_2009-2013.pdf (Accessed: 09.02.2022)

14. Wahl A. The Crisis of Social Democracy: From Norway to Europe // The Bullet. Available at: <https://socialistproject.ca/2018/02/crisis-social-democracy/> (Accessed: 09.02.2022)

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в

алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуночные подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуночные подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «**Ctrl**» + «**Shift**» + «**space**»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «**Ctrl**» + «**Alt**» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2022. № 3 (21)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный руководитель выпуска Журнала: О.Г. Карпович (д.п.н., д.ю.н.)

Научный редактор выпуска Журнала: Сидорова Л.Н. (к.п.н.).

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Шангараев Р.Н. (к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Сидорова Л.Н. (к.п.н.),
Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина
А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.), А.С. Исхаков.

Технический редактор выпуска Журнала: А.С. Исхаков

Верстка: Р.Н. Шангараев

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано 29.09.2022.